

RUSSIAN
STUDIES
HU
2020

EDITED BY GYULA SZVÁK

RUSSIANSTUDIESHU

Főszerkesztő / Главный редактор / Editor-in-chief: Szvák Gyula

Szerkesztő / Редактор / Editor: Mezei Bálint

Tagok / Члены редакции / Members: Vladimir Boldin, Gyóni Gábor, György László

Kiadó / Издатель / Publisher
Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért

Felelős kiadó / Ответственный издатель / Published by
Az Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért elnöke
1088 Budapest, Múzeum krt. 6–8.

Kapcsolat / Контакты / Contact
centre@russianstudies.hu
Website: <https://www.russianstudies.hu>

ISSN 2677-1640 RussianStudiesHu (print)
ISSN 2677-0660 <https://www.russianstudies.hu> (online)

© Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért, 2021
All rights reserved

SZERKESZTŐBIZOTTSÁG

Venyiamin Alekszejev akadémikus (Jekatyerinburg) • Jevgenyij Anyiszimov
professzor (Szentpétervár) • Chester S. L. Dunning professor emeritus (College Station,
Texas A & M University) • Font Márta professzor (Pécs) • Wendy Z. Goldman "Paul Mellon"
Professzor (Pittsburgh) • Andrej Golovnyov OTA levelező tag (Szentpétervár)
Claudio S. Ingerflom professzor (Buenos Aires) • Andrej Jurganov professzor (Moszkva)
Krausz Tamás professor emeritus, elnök (Budapest) • Andrej Medusevskij professzor (Moszkva)
Peter Pastor professor emeritus (New Jersey) • Maureen Perrie professor emeritus (Birmingham)
Dmitrij Regyin professzor (Jekatyerinburg) • Lorina Repina OTA levelező tag (Moszkva)
Sashalmi Endre professzor (Pécs) • Ludwig Steindorff professzor (Kiel)
Szilárd Léna professor emeritus (Sassari) • Szvák Gyula professor emeritus (Budapest)
Igor Tyumencev professzor (Volgográd)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Академик РАН Вениамин Васильевич Алексеев (Екатеринбург) • Профессор Евгений
Викторович Анисимов (Санкт-Петербург) • Заслуженный профессор Венди З. Голдман
(Питтсбург) • Член-корреспондент РАН Андрей Владимирович Головнёв (Санкт-Петербург)
Профессор-эмерит Честер С. Л. Даннинг (Колледж-Стейшен, Техасский университет А&М)
Профессор Клаудио С. Ингерфлом (Буэнос Айрес) • Председатель редколлегии, профессор-
эмерит Тамаш Краус (Будапешт) • Профессор Андрей Николаевич Медушевский (Москва)
Профессор-эмерит Петер Пастор (Нью-Джерси) • Профессор-эмерит Морин Перри (Бирмингем)
Профессор Дмитрий Алексеевич Редин (Екатеринбург) • Член-корреспондент РАН Лорина
Петровна Репина (Москва) • Профессор-эмерит Дюла Свак (Будапешт) • Профессор-эмерит
Лена Силард (Сассари) • Профессор Игорь Олегович Тюменцев (Волгоград) • Профессор Марта
Фонт (Печ) • Профессор Эндре Шашалми (Печ) • Профессор Людвиг Штайндорфф (Кил)
Профессор Андрей Львович Юрганов (Москва)

EDITORIAL BOARD

Member of RAS Veniamin Alekseev (Yekaterinburg) • Professor Evgenii Anisimov
(Saint Petersburg) • Professor Emeritus Chester S. L. Dunning (College Station, Texas A & M
University) • Professor Márta Font (Pécs) • Paul Mellon Distinguished Professor Wendy Z.
Goldman (Pittsburgh) • Corresponding Member of RAS Andrei Golovnev (Saint Petersburg)
Professor Claudio S. Ingerflom (Buenos Aires) • Head of the editorial board,
Professor Emeritus Tamás Krausz (Budapest) • Professor Andrei Medushevsky (Moscow)
Professor Emeritus Peter Pastor (New Jersey) • Professor Emeritus Maureen Perrie
(Birmingham) • Professor Dmitrii Redin (Yekaterinburg) • Corresponding Member of RAS
Lorina Repina (Moscow) • Professor Endre Sashalmi (Pécs) • Professor Ludwig Steindorff
(Kiel) • Professor Emeritus Léna Szilárd (Sassari) • Professor Emeritus Gyula Szvák (Budapest)
Professor Igor Tyumentsev (Volgograd) • Professor Andrei Yurganov (Moscow)

TARTALOM / СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

- 11 Tamás Krausz**
Lenin on Global History and
the Global Historiography on Lenin
- 29 Gyula Szvák**
„Az orosz történetet az oroszoknak kell írniuk,
miért avatkoznak ebbe bele a magyarok?”
(Mikrohistoriográfiai etűd)
“Russian History should be written by Russians.
Why do Hungarians intervene in this matter?”
(Etude in micro-historiography)
- 59 Ferenc Havas**
Сталин-«ученый». Дискуссия о марризме
Stalin, the Scientist. The Debate on Marrison
- 85 Igor O. Tyumentsev, Alexander L. Kleitman**
Венгры в ГУЛАГе
(по воспоминаниям инженера-конструктора И. А. Маханова)
Hungarians in the Gulag
(on the Memoirs of the Design-Engineer I. A. Makhanov)
- 101 Tibor Frank**
Слепой свидетель
Американский посол Джозеф Э. Дэвис в Москве,
1936–1938
The Blind Eyewitness.
U.S. Ambassador Joseph Edward Davies in Moscow, 1936–1938
- 133 Róbert Hermann**
Целую руки вашему величеству.
Об одном несостоявшемся жесте
‘I Beg Leave to Kiss your Majesty’s Hand!’
About a Gesture Which Never Happened

- 151** **Charles J. Halperin**
An Agnostic Approach to Ivan the Terrible
- 175** **Viktor Szabó**
A Volgográdi Állami Egyetem Történeti, Regionális Tudományi
és Nemzetközi Kapcsolati Értesítőjének elmúlt évtizede (2010–2019)
a számok tükrében
Quantitative Analyses of the Last Decade of Vestnik VolsU Series 4.
History, Regional Studies and International Relations (2010–2019)
- 197** **András Bencze**
Quaestio Rossica – Egy fiatalokú folyóirat felnőtté válásának folyamata
Quaestio Rossica – Process of a Juvenile Journal of Becoming an Adult
- 211** **Léna Igari**
Уральский исторический вестник
Ural Historical Journal
- 227** **Katalin Schrek**
Egy év a szláv történeti tanulmányok jegyében – a Canadian–American
Slavic Studies 2019-es évfolyamának bemutatása
A Year in the Slavic Historical Studies – Introduction of the Volumes
of Canadian–American Slavic Studies in 2019
- 243** **Ekaterina Protassova, Maria Yelenevskaya, Johanna Virkkula**
Old and New Homes of the Russian Language in Europe

LECTORI SALUTEM!

A *RussianStudiesHu* évi egy számmal megjelenő, az év folyamán állandóan bővülő peer reviewed történeti ruszisztikai tudományos online folyóirat, amelynek anyagai a tárgyévét követően évkönyvformában, nyomtatott verzióban is megjelennek. Ennek második számát tartja most kezében az Olvasó.

Publikációkat magyar, orosz vagy angol nyelven fogadunk, feltétel az adott nyelven való első megjelenés. Minden szerzőt szívesen látunk, aki a keleti sláv, az oroszországi és a szovjet történelem bármely problémájának (beleértve a magyar és kelet-európai vonatkozásokat) történettudományos vagy más rokondisziplína általi feldolgozását adja, és elfogadja a publikálási szabályainkat. „Vendég-rovatunk” teret biztosít a tág értelemben vett „Russian Studies” képviselői számára is.

A *RussianStudiesHu* nem részesít előnyben semmilyen történetírói „műfajt”, módszert vagy irányzatot – függetlenül attól, hogy alapítóinak tudományos érdeklődése saját munkásságukban leginkább a historiográfiára összpontosul.

A *RussianStudiesHu*-nak webfelületet és szakmai bázist biztosító www.russianstudies.hu oldalt Gyóni Gábor, Krausz Tamás, Mezei Bálint és Szvák Gyula alapították 2019-ben. Mindannyian a Ruszisztikai Tanulmányok Centrum, az oroszágismeret „budapesti iskolájának” munkatársai.

A 30 éve megálmodott, majd 1990-ben létrehozott Magyar Ruszisztikai Intézet, az 1995-ben alapított ELTE Ruszisztikai Központ (későbbi nevén Történeti Ruszisztikai Tanszék) szellemi örökösének és jogutódjának, az ELTE Kelet-, Közép-Európa Története és Történeti Ruszisztikai Tanszékének tagjai.

Ám mindez nem csak róluk vagy éppen nekik szól. A www.russianstudies.hu szerkesztői szívesen látnak minden kollégát az oldalon – nem kizárólag olvasói minőségben, de társalkotóként is azzal, hogy publikálási felületet biztosítanak a történeti ruszisztika művelői számára. A folyóirat már születése pillanatában túlnőtt megálmodói legmerészebb elképzelésein, munkájához a nemzetközi történeti ruszisztika kiemelkedő képviselői csatlakoztak, s ezzel kilépett nem csupán egy konkrét műhely, de a hazai ruszisztika keretei közül is, és az egyetemes tudomány szolgálatába állt.

A www.russianstudies.hu ruszisztikai műhelyoldal és a *RussianStudiesHu* online periodika üdvözlí Olvasóit!

Szvák Gyula – főszerkesztő

LECTORI SALUTEM!

Онлайн-издание *RussianStudiesHu* – это рецензируемая (peer reviewed) научная онлайн-периодика по исторической русистике с постоянно расширяющимся содержанием, материалы которой печатаются каждый год в формате ежегодника. Его второй номер держит сейчас в руках уважаемый Читатель.

Публикации принимаются на венгерском, русском и английском языках. К публикации в журнале принимаются научные статьи, содержащие новые, ранее не публиковавшиеся результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала.

Мы приглашаем к участию всех исследователей, работающих над любыми вопросами восточнославянской, русской и советской истории (включая венгерские и восточноевропейские аспекты) в научно-методологических рамках исторической науки или её вспомогательных дисциплин и принимающих наши правила публикации. В нашем «Гостевом разделе» мы представляем место и представителям «Russian Studies» в широком понимании этого термина.

Издание *RussianStudiesHu* не отдаёт предпочтение ни одному из исторических «жанров», методов или направлений, несмотря на то, что научные интересы его основателей сосредоточены прежде всего на историографии.

Интернет-ресурс russianstudies.hu, обеспечивающий web-площадку и профессиональную базу для *RussianStudiesHu*, был создан в 2019 г. Габором Дьёни, Тамашом Краусом, Балинтом Мезеи и Дюлой Сваком. Они основатели Центра руссиеведения, который является правопреемником Венгерского института русистики (создан в 1990 г.).

Russianstudies.hu приветствует всех коллег на своей странице не только в качестве читателей но и создателей, ведь наш интернет-ресурс предоставляет возможность для научных публикаций представителям исторической русистики. Журнал уже в момент своего рождения перерос все самые смелые замыслы своих создателей, к его деятельности присоединились выдающиеся представители международной исторической русистики, таким образом, он вышел за рамки не только конкретного научного центра, но и отечественной русистики в целом, и стал на службу мировой науке.

Russianstudies.hu интернет-ресурс исторической русистики и онлайн-периодика *RussianStudiesHu* приветствует своих читателей!

Дюла Свак – Главный редактор

LECTORI SALUTEM!

The publication *RussianStudiesHu* is an online peer reviewed academic periodical on Russistics in a single volume per year which is constantly complemented with new publications in the course of the same year. Furthermore, in the subsequent year, the papers already accepted will also be published in print form as the yearbook of the periodical. This present volume is the second such print edition.

General Guidelines Papers are accepted in Hungarian, Russian and English. The site *RussianStudiesHu* does not accept previously published material in the same language. *RussianStudiesHu* welcomes all colleagues interested in any part of the Eastern Slavic, Russian and Soviet history (including their Hungarian and Eastern European aspects), who submit a scientific paper that observes the publication rules. Our 'guest special' provides space for representatives of Russian Studies in the widest possible meaning of the term.

Thus *RussianStudiesHu* seeks to provide a publication platform for authors from different research fields (history, liberal arts, social sciences, etc.) *RussianStudiesHu* does not prefer any 'genre', method or trend in history writing, however, historiography stands at the centre of its founders' scientific interest, research and publications.

Russianstudies.hu as an entity that maintains its website edition, print edition, and also provides disciplinary focus to the publications, was created in 2019 by Gábor Gyóni, Tamás Krausz, Bálint Mezei, and Gyula Szvák, staff members of the Russian Studies Centre, 'the school of all Russian-related knowledge' in Budapest nested under the Department of Eastern and Central European History and Historical Russistics at the Faculty of Humanities of Eötvös Loránd University (ELTE).

Russian Studies Centre is the intellectual and legal heir of the Hungarian Institute for Russian Studies (dreamt up 30 years ago and founded in 1990) and the ELTE Centre for Russian Studies (founded in 1995 and later known as the Department of Historical Russistics).

However, this site is not only 'for' or 'about' staff members. The page russianstudies.hu is designed to serve all colleagues interested in historical Russistics, not only as readers but also as co-creators, by providing online space and opportunities for publishing.

The creators of russianstudies.hu, a new research website and online periodical *RussianStudiesHu* are delighted to welcome its readers!

TANULMÁNYOK / СТАТЬИ / ESSAYS

TAMÁS KRAUSZ

LENIN ON GLOBAL HISTORY AND THE GLOBAL HISTORIOGRAPHY ON LENIN¹

Lenin's place in the development of the global Marxist history of ideas is frequently misconstrued today, attributing a self-serving, power-grabbing, voluntarist and opportunistic tendency to Lenin's intellectual development and his new findings and innovative analysis of capitalism. Lenin's true legacy must be reclaimed on monopoly capitalism and imperialism, and this paper aims to place them in not only Lenin's real contemporary political and intellectual context, but also traces how his concepts have fared since his passing, up to the early 21st century. The supposed contradiction and dichotomy of a utopian democratic tendency and rigid determinism in Lenin are here altogether removed, and the coherence, realism and historical rootedness of Lenin's thought reclaimed.

On the 100th anniversary of the Great Russian Revolution it is worth remembering Lenin's analysis of global and local history not only because he shaped global history, but because he provided an analytical framework. Lenin's analysis is an important component of the history of the revolution and its intellectual preconditions. Recalling some key elements of this conceptualization of history is worthy of note since they are still relevant today in a broader sense. This study aims at presenting the relationship between Russian and global history in Lenin's analysis and also revealing the elements of his theory that have become a *constitutive* part of historical thinking.

Keywords: Vladimir Ilyich Ulyanov, imperialism, world-systems approach (world-systems theory), historical views of Lenin, Lenin and the Russian development

Tamás Krausz – D.Sc. in History, Professor Emeritus, Russian Studies Centre, Department of Eastern and Central European History and Historical Russistics, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University (Hungary, Budapest, 1088 Múzeum krt. 6–8.).

E-mail: centre@russianstudies.hu

1 Keynote lecture at the Fifth European Congress on World and Global History (European Congress European Network in Universal and Global History) (ENIUGH), 31 August 2017, Corvinus University, Budapest.

I. TODAY'S INTELLECTUAL CLIMATE AND HISTORIOGRAPHY: LENIN'S PERSPECTIVES

Today's intellectual climate in Eastern Europe is unfavorable for balanced analysis. For instance, mainstream liberal historiography denies or simply ignores the existence of Marxist or critical historiography even in the past, for example in Hungary, which had a strong Marxist school well known also in the West at that time.² Considering that, what is one to say about the ethno-nationalist historiography which has become dominant almost everywhere in the region? Also in Hungary, many historians are busy legitimizing the authoritarian neo-Horthyst *régime* that has been built up in recent years. Still, we shall remember that Marxist-oriented historiography, as Georges Duby underlined at the beginning of the 1980s, was a source of inspiration in France even for non-Marxist historians and thinkers, from Marc Bloch to Lucien Febvre, and so on.³

Also we remember that in the 1960s the new current in the historiography of global history, world-systems theory listed Lenin as one of its early intellectual sources, its “ancestor”, even though later many of them seemed to have forgotten this inspiration. Today, a historical presentism mixes Lenin's Marxist-based, historically relevant analysis with the legitimacy-providing ideology of state socialism, and in many cases, even Stalinism—and this is often done by scholars who never studied deeply Lenin's historical views. This brutal re-politicization of historiography, which from the 1980s and 1990s, has weighed heavily on history as “the politics of memory”, has swept away anything that is Soviet, including first and foremost, Lenin. Recently even Immanuel Wallerstein painted quite a one-sided, “national” picture of Lenin on the occasion of the publication of his book in Moscow.⁴

2 KRAUSZ TAMÁS, “A magyar történetírás és a marxizmus – Megjegyzések a „kelet-európaiság” problémájához [Hungarian Historiography and Marxism: Comments on the Problem of “East Europeanness”], *Eszmélet*, no. 94. (Summer 2012) Melléklet [Supplement]. See online: http://www.eszmelet.hu/wp-content/uploads/2018/08/EPA01739_eszmelet_2012_94_nyar_182-244.pdf (Accessed June 25, 2019)

3 GEORGE DUBY, GUI LARDREAU, *Párbeszéd a történelemről* (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993), 108–110. [Original edition: *Dialogue about History* (Paris: Dialogues, 1980)]

4 Wallerstein referred to Lenin as a Russian “national hero”. See online: <http://left.by/archives/939> (Accessed June 15, 2019)

And still: nobody can deny that Lenin greatly influenced historical thinking and in a narrower sense, historiography in large parts of the world in the 20th century.⁵ Lenin was not a professional historian and some of his statements have been disproved by scientists. Nonetheless, his views, theoretical and methodological convictions have influenced history and have been integrated into historical analyses. But we can rightly underline that Lenin's historical writings, notes and comments had the overt political intention to clarify the historical conditions of the practical roads to the revolution and to show the possibility of a historical change and development, which goes beyond the "capital-system" (István Mészáros).⁶ In line with this intellectual project, Lenin goes back to Marx both in methodology and theory, whom he regarded as his "master teacher".⁷ This means Lenin went beyond the normative and value system, and also the terminology of the capitalist society, and thus, he tried to adapt Marx's scholarship to the conditions of the early 20th century.

Lenin's scholarly analysis set off first and foremost with the theory of social formations in order to understand and interpret global history. On this basis he "re-created" this theory, explicitly concentrating on the history of Russian capitalism and the relationship between Russian capitalism and global historical development.⁸ However, in spite of the

5 В. А. Быстрянский, *Ленин – историк. Историзм в ленинизме* (Ленинград: Гос. изд-во, 1925) Lenin as a historian was first interpreted in Soviet Russia in 1925, by party historian Vadim Bystransky. Even though the study complied with the general spirit of those times in the celebration of Lenin. The 35-page-long pamphlet underlines the global spread of the revolutionary movements and the universal historical aspects of the successful revolutions in Lenin's work, namely the perspective and method that he "inherited" from Marx and Engels.

6 How much Lenin needed historical analysis as one condition of the determination of the "right political strategy" is best shown by his comment: *On the caricature of Marxism*, Vol. 30, 52. Starting from the specificities of the universal historical development, he argues precisely that the "pure" socialist revolution is impossible. (See the foreword to the volume XIII.)

7 В.Т. Логинов, *Владимир Ленин. Выбор пути: Биография* (Москва: Республика, 2005), 100., (between the lines) 103.

8 See: Б.А. Чагин (под ред.), *Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века* (Ленинград: Наука, 1978), 393–95. In his work published in Russian (vol. 25, 44.) Lenin already observed that the abstention from theory expresses an overall restraint in bourgeois sociology and historical science; they are afraid of the consequences of the laws of historical development in science, which could and would lead to the radical critique of bourgeois social development and the elaboration of a (more) human alternative. See also: Е.Г. Плимак, *Политика переходной эпохи. Опыт Ленина* (Москва: Весь Мир, 2004).

rich heritage of critical historiography on this subject⁹, the Lenin-literature seems to have fallen “victim” to the Eastern European regime changes even in the West. The liberal and conservative historiographies have one thing in common, namely, the way they approach Lenin’s thinking about historical development: both decompose, disconnect and “deconstruct” Lenin’s “legacy”, and both neglect—while some historians directly falsify—the original historical and intellectual context of Lenin’s objectives, analyses and intellectual heritage. Approached in this way Lenin’s views and analyses of history lose their original significance and are presented as a mere rationalization of his direct political goals and interests of power.¹⁰ The falsification of the actual context pushes Lenin into the narratives of “violence” and “thirst for power” as an “omnipotent leader of the world proletariat.” It has become general historical practice to interpret Lenin and his views in terms of very simple antitheses: even so-called “benchmark” works such as recent studies for instance Christopher Read lock Lenin into the double intellectual prison of ultra-democratic, utopian illusions and being an authoritarian-dogmatic Marxist.¹¹ This is a triumph of ideology against history—wiping out a specific “narrative” from contemporary historical discourses.

II. INSPIRATIONS AND CONCEPTS: RUSSIAN CAPITALISM AS A PART OF GLOBAL CAPITALISM

In the 1890s Lenin’s break with Narodism and Liberalism was a break with the old science, with positivism, politically conformist empiricism and nationalism. Lenin in his “*Friends of the People*” published in 1894 emphasized in opposition to positivist sociology¹² that the mere “collection

9 We must stress here that there has been a rich intellectual accumulation in this field: from Perry Anderson to the Hungarian Marxist historical school, from Braudel to Hobsbawm, from Marc Bloch to André Gunder Frank, from Arrighi to Wallerstein.

10 See the overview in my book: TAMÁS KRAUSZ, *Reconstructing Lenin: An Intellectual Biography* (New York: Monthly Review Press, 2015), 9–20.; for a critique of the post-1989 literature see also: LARS T. LIH, *Lenin Rediscovered: What Is To Be Done? In Context*. (Chicago: Haymarket Books, 2008) and Логинов, *Владимир Ленин. Выбор пути: Биография*.

11 See the review of PAUL LE BLANC, *Lenin and his Biographers*. See online: <https://isreview.org/issue/86/lenin-and-his-biographers> (Accessed June 19, 2019)

12 “It is obvious that Marx’s basic idea that the development of the social-economic formations is a process of natural history cuts at the very root of this childish morality which lays claim to the title of sociology.” V.I. LENIN, *Collected Works* (later see as: LCW) Vol. 1 (Moscow: Progress Publishers, 1964–1970), 136–141.

of material” and the mere “description of phenomena” belong to the worst legacies of an outdated approach to science (even whilst Vladimir Ilyich Ulyanov himself was a meticulous researcher and seasoned analyst of sources).

The great Hungarian poet, Endre Ady wrote in 1909 about the intellectual climate at the time: “Everything Whole is now broken, every fire flickers in fragments,” and how to restore this “whole” to the thinking about local and global “histories”? That was the question for Lenin.

The question closest to the heart of the new conception of science—in Lenin’s interpretation—was how the commodity system of the social economy develops, how it then develops into the capitalist machinery, and how Russian agriculture becomes subordinated to the capitalist local and global market system. Ulyanov outlined the basic concepts of the Marxian theory of social formations, modes of production, relations of production and property, etc., emphasizing the economic basis of social structure.¹³

Lenin regarded the social and economic differentiation of the peasantry, as directly associated with the spread of rural wage labor, as the greatest economic and social problem, from both a theoretical and specialized scientific perspective. It is in the course of his studies on the causes of peasant sub-differentiation that he arrives at his considerations with regard to the market and the question of the market economy: “The fundamental cause of the struggle of economic interests arising among the peasantry is the existence of a system under which the market is the regulator of social production.”¹⁴ He combined the problem of peasant differentiation and the formation of the market (economy) in his second important work: *On the So-Called Market Question*, published in 1893.¹⁵

13 “The analysis of material social relations (i.e., of those that take shape without passing through man’s consciousness: when exchanging products men enter into production relations without even realizing that there is a social relation of production here)—the analysis of material social relations at once made it possible to observe recurrence and regularity and to generalize the systems of the various countries in the single fundamental concept: *social formation*.” *Ibid.*, 140.

14 *Ibid.*, 73.

15 Before writing this study, he presented it at a self-training debate (related to G. B. Krasin’s lecture on *The Market Question*). Lenin expressed his views as a follow up to Krasin’s lecture. Lenin wrote the study in the autumn of 1893, and it was first published in 1937. Н.Г. Голиков (ред.), *Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника*. Т. II. (Москва: Политиздат, 1970), 80–1.; *LCW*, Vol. 1, 75–128.

The first main sources of inspiration for Lenin apart from Marx and Engels, i.e., Plehanov and Kautsky, were also integrated in the development of his historical and political thought. Since his university years when he read Marx's *Capital*, Lenin's concept of history and his historical views had focused on three interrelated fundamental historical questions, which are difficult to separate. According to Radek as a witness, Marx's *Capital* "opened up a new world" for Lenin but "he had not yet found there answers to the specific Russian questions"¹⁶ to intellectually "solve" the problem of Russian capitalism and "the specificities of Russian historical development" as compared to Western development.¹⁷

This collision of modern and archaic features was reflected even in the famous discussion on the Asiatic mode of production in 1902¹⁸ of the first party program written by Plekhanov. Lenin had held its author responsible for the same striking Plekhanovian contradiction: "Plekhanov only spoke about capitalism in general terms", and left the question of a "specifically Russian form of capitalism" in the dark.¹⁹ As discussed earlier, these early methodological-theoretical differences between Lenin and Plekhanov were reflected in their assessment of the question of the *Asiatic mode of production*. Plekhanov did not relinquish his earlier position, which focused on the struggle of "Asianness" and "Europeanness" in Russian history, even fitting February and October 1917 into this scheme, an interpretation that finds followers even today. Unlike Lenin or later Trotsky, Plekhanov did not base his approach on a peculiar combination or accumulation of the two trends of historical development. In fact, the idea that the February Revolution fitted into the political "Europeanization" of Russia, whilst October reinstated the "Eastern," "Asiatic," or "peculiarly Russian," has once again become fashionable since the collapse of the Soviet Union.²⁰

16 Логинов, Владимир Ленин. *Выбор пути*, 103.

17 The debate continues to the present. See: KRAUSZ TAMÁS, *Az orosz történelmi fejlődés ideológiáiról* [On the Ideologies of the Russian Historical Development]. See online: <http://www.c3.hu/scripta/scripta0/replika/1920/12krau.htm> (Accessed June 19, 2019)

18 See Plekhanov's philosophical-historical fundamentals on Russia, in which he describes the characteristics of the swing between *Western and Asian development*, in his famous *Introduction* in Г.В. ПЛЕХАНОВ, *Сочинения в 24-х томах*. Т. XX. (Москва: Гос. изд-во, 1925), 11–22.

19 See on this the investigations of one of the outstanding figures of the first generation of Soviet party historians in the 1920s, in А.С. БУБНОВ, «Развития роли Ленина в истории русского марксизма» в *Основные вопросы истории РКП: Сборник статей*, А.С. БУБНОВ (Москва–Ленинград: Гос. изд-во, 1925) 113–133.

20 See: KRAUSZ TAMÁS, *Pártviták és történettudomány. Viták „az orosz történelmi fejlődés sajátosságairól”, különös tekintettel az 1920-as évekre* [Party Debates and History as

Pavel Milyukov—the leading Russian liberal historian (belonging to the school of Klyuchevsky) at the end of 1870s—regarded first and foremost the British development to be a role of model for Russia. This concept entailed the possibility of a so-called catching-up development. Mikhail Pokrovsky, the leading Bolshevik historian²¹ conceived of the development of Russian and Western capitalism as identical since he located the “birth” of the capitalist system with the commercial capital of the 16th century, and put the emphasis on global development instead of Russian specificity. This was the concept of the “agamogenesis of capitalism” in Russia, which is clearly reminiscent of similar debates today on the birth of global capitalism as inspired by Pomerantz. Lenin did not mix up the modern forms of capital with its antediluvian forms. In his approach the capitalist system is a market-based social system in which the capital relation, value-added production, the maximization of profit and the accumulation of capital are the dominant and complex social organisms, all on the basis of private ownership of capital and the capitalist state.²²

It was clear to Lenin that the history of “modern society” should be interpreted as that of a global “world system” and the concrete framework of the capitalist mode of production. In his famous book, *The Development of Capitalism in Russia*, published in 1902, which is to be read as a truly historical analysis, he approached the specificities of Russian capitalism²³

Science. Debates about the Specific Features of Russian Development Particularly Regarding the 1920s] (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991), 76–77.

The comparative analysis of the Lenin and Plekhanov’s conceptual approach to revolution was completed by Tyutyukin [Тютюкин] in the Soviet period, taking Lenin’s perspective on the unfolding events of course, but framed generally in objective analysis, in С.В. Тютюкин, *Первая российская революция и Г. В. Плеханов. Из истории идейной борьбы в рабочем движении России в 1905–1907 гг.* (Москва: Наука, 1981).

21 Pavel Milyukov (1859–1943) and the Bolshevik Pokrovsky (both were the disciples of Klyuchevsky at the University of Moscow, and later became famous historians) became the leading historians of liberals and of Bolsheviks.

22 Плимак, *Политика переходной эпохи*, 69–70. In relation to this subject he was studying Engels’ “The Origin of the Family, Private Property and the State” at the same time, the spring of 1974. See: Голиков (ред.), *Биографическая хроника*. Т. I., 87. He accounted of this system, which he already interpreted as a world system at a young age, in a great variety of historical forms.

23 We speak of well-known Russian characteristics: a politically insignificant bourgeoisie, also economically at the mercy of the state bureaucratic autocracy, state-sponsored industrialization based on foreign capital, the dominance of the large estates and landed aristocracy, the role of the obshchina and the absence of peasant land and capital property in general, etc.

from the perspective of the “suction effect”²⁴ of modern Western societies as a relatively new historical phenomenon.²⁵ Bolshevik historians (Pokrovsky, Olminsky)—opposed to Lenin—interpreted economic development exclusively on the basis of the Western European scheme.²⁶

Meanwhile Lenin could not have known a number of rather important works by Marx, such as the *Grundrisse*, which was discovered by David Ryazanov—the director of the Marx-Engels Institute in Moscow working on the first edition of the collected works of Marx and Engels—only in 1923. The famous *Introduction* was found by Kautsky.²⁷ Thus, it is a different question, to what extent he could—or he was able—to grasp the Marxian *oeuvre* in the strict academic sense of the word.

But for Lenin it was clear that without a creative adaptation of Marx’s theory we have no means left to explain the globality of world history. Thus, long before the revolution he was engaged with the question of how the “modern center” of capitalism integrates and conquers other, “non-modern” parts of the world through this “suction effect”. His solution lacked a lot of historical material we know now today after more than a century of scholarly discovery and development, but the important thing is that he posed the right question.

24 Since Lenin this suction effect has been a subject of several analyses but its most extensive and clear elaboration was manifest in the world-system theory, first and foremost, in the work of Immanuel Wallerstein.

25 LCW, Vol. 1, 12–3. Ulyanov “complemented” his investigations in economic history with approaches in general theory and political economy to place the nature and system of relation in peasant farming within the context of the flourishing system of capital as a whole, to capture the essence of capitalism conceptually.

26 Current mainstream literature in (economic) history reaches a conclusion not far removed from that of Lenin’s, with regard to the basic structure of Russian capitalism, but does take a class-conscious view of armed revolutionary uprising, speaks not of “the conflict between the seat of power and society,” but views it in terms of “the opposition between power and the extremist leftist social movements.” See A.H. Сахаров, «Введение. Россия в начале XX века: народ, власть, общество» [Introduction. Russia at the Beginning of the 20th Century: People, Power, Society] в *Россия в начале XX века, ред. А.Н. Яковлев* (Москва: Новый Хронограф, 2002), 52–53.

The viewpoint of economic history is also shifting, as reflected in the final balance drawn under the pre-First World War decade of economic development drawn by Yu. A. Petrov [Ю.А. Петров] in the quoted book: “At the beginning of the twentieth century Russia remained a country with a backward economy by the standards of the developed nations, but entered the sphere of healthy economic growth within the framework of the market model.” See: Ю.А. ПЕТРОВ, «Российская экономика в начале XX в.» в *Россия в начале XX века*, 219.

27 See: MARCELLO MUSTO, *Dissemination and Reception of the Grundrisse in the World. A Contribution to the History of Marxism*. Manuscript, available online: <https://www.marcellomusto.org/dissemination-and-reception-of-the-grundrisse-in-the-world-introduction/317> (Accessed June 30, 2019)

The image of Russia, which is located between East and West, has appeared in various interpretations by famous Russian historians (Klyuchevsky, Kovalevsky, etc.). In the case of Lenin this also meant a place “in between” the “developed” Western core countries—with modern terminology—and the Eastern colonies (China, India) and Turkey. Comparing its development with core countries Lenin elaborated two—coherent—theoretical inventions, which were developed in the course of this debate²⁸ on the Russian development: (1) the problem of uneven development. (2) the hierarchical stratification of the capitalist world system, colonialism and its consequences, and the historical problem of the global accumulation of capital.²⁹ These inventions can be regarded as very important insights into global history of key relevance today.

The insight that in the contemporary world of Lenin nearly all important contradictions of global development accumulated and concentrated in “one place,” namely Russia, is inseparable from Lenin’s historical analysis³⁰: for him, Russian history is global history. Even though Lenin overemphasized the development of capitalism in Russian agriculture, he did not subscribe to the misleading perspective of a significant group of Soviet historians in the 1920s, and then again in 1970s and 1980s, who “repeated” Pokrovsky’s arguments about the specific features of Russian development. Other Soviet historians also referred to Lenin but they more convincingly stressed Russia’s different economic development from the core countries, and they discussed the survival of feudal characteristics and the concept of various intersecting social formations in Lenin’s theory.³¹ In other words: under capitalism as a global system the particular and the general forms of development are interconnected and they are determined by each other.³² Lenin’s “neo-Marxism” thus in the longer run generated a radical shift in

28 See: KRAUSZ, *Pártviták és történettudomány*, esp. 60–62.

29 Lenin proved already in his *The Development of Capitalism in Russia* that the Russian village community, the obshchina belongs to the historical past in spite of the fact that two decades earlier Marx had written a letter to Vera Zasulich, in which he argued that the obshchina had certain opportunities and a role in the future development of Russia.

30 Many historians emphasize this, from Christopher Hill to Hobsbawm and Plimak [Плимак].

31 On the history of these debates see: KRAUSZ, *Pártviták és történettudomány* and Плимак, *Политика переходной эпохи*, 28–29.

32 “The development of capitalism certainly needs an extensive home market; but the ruin of the peasantry undermines this market, threatens to close it altogether and makes the organization of the capitalist order impossible. True, it is said that, by transforming the natural economy of our direct producers into a commodity economy, capitalism is creating a market for itself; but is it conceivable that the miserable remnants of the natural economy of indigent peasants can form the basis for the development in our country of the mighty capitalist production that we see in the West?” In *LCW*, Vol. 1, 79.

how the development of Russia would and could be conceptualized as an integral part of world capitalism or “world history”.

For Lenin the notions of “maturity” and “backwardness” became problematic only later, in his theory of imperialism. It was only after the experience of the World War I that he would revise his ideas and speak about modern capitalism as imperialism, the theory of which he summed up in five well-known theses.

The methodological shortcomings of Lenin’s theoretical opponents at the time were rooted in their efforts to understand Russian development within the conceptual straitjacket of the structural forms of the Western model. Another problem is that the schematic “Westernizer’s” concept of history has been unable to grasp the specificities of economic, labour and social history in Russian development and the great diversity of political, social, and class conflicts.³³ To the present day Westernizers interpreted and interpret economic development exclusively on the basis of the Western European scheme.³⁴ For instance, Yu. Petrov in his much quoted study published in 2002 claims: “At the beginning of the twentieth century Russia remained a country with a backward economy by the standards of the developed nations, but entered the sphere of healthy economic growth within the framework of the market model.”³⁵

III. IMPERIALISM AS LOCAL AND GLOBAL HISTORY

In Lenin’s interpretation—quoting Arrighi—the “semi-peripheral integration” of Russia into the world market entailed an economic subordination to the Western great powers. Related developments can be explained through the

33 The “over-determination” of the social-political-economic contradictions within the Russian empire has a great literature in the contemporary and old Marxist historiography, from Perry Anderson to Emil Niederhauser, and we should also add the philosophers, who “specialized” in this topic: Lukács, Gramsci, Althusser, etc. On the history of these historiographical debates see: KRAUSZ, *Pártviták és történettudomány* and ПЛИМАК, *Политика переходной эпохи*.

34 See: А.Н. Сахаров, «Введение. Россия в начале XX века: народ, власть, общество» в *Россия в начале XX века*, 52–53. See also: Ю.А. ПЕТРОВ, «Российская экономика в начале XX в.», в *Россия в начале XX века*, 219.

35 “Россия в начале XX в., по меркам развитых стран, оставалась страной с отсталой экономикой, но она вышла на траекторию здорового экономического роста в рамках рыночной модели.”, Петров, «Российская экономика в начале XX в.», в *Россия в начале XX века*, 219.

contemporary system of the international division of labor. In light of the experience of the Great War Lenin recognized that the role of the state had fundamentally increased in comparison with earlier development, indicating the beginning of a new era. As generally acknowledged, apart from Hobson, Hilferding had the biggest influence on Lenin's theory of imperialism, but it would be a mistake to overestimate their role. Lenin had already demonstrated—alongside Trotsky or Maslov—that the Tsar as the first, top capitalist entrepreneur, could participate—even in a subordinated position—in the struggle for the economic and geographical “division and re-distribution of the world”. Russia—as Lenin himself interpreted it—was a relatively independent region, which had its own “modern center” and periphery. Lenin described the formation of this periphery as the “internal colonization” pursued by tsarism.³⁶

In spite of its medieval-style imperial structure, Russia was a sub-imperial factor of the international economic and political struggles.³⁷ The concept of sub-imperialism in itself was very important from the perspective of later analyses of the global economy and culture from an Eastern European perspective. It appears in the analysis of imperialism, and it continues to be very important in the debates of postcolonial critical literature, mainly in connection with Eastern European history.

In his work entitled *Once More on the Theory of Realization*, in 1899 Lenin captured the issue at stake as a matter of realization, conceiving of the problem of the market as a question of the *world economy*, the *world system*: “Do not stop—he claimed—at the traditional separation of the home and foreign markets when analyzing the question of capitalism. This distinction, groundless from a strictly theoretical point of view, is of particularly little use for such countries as Russia.”³⁸

36 On this KRAUSZ, *Reconstructing Lenin*.

37 See: GÖNCÖL GYÖRGY, “Rosa Luxemburg helye a marxizmus fejlődéstörténetében” [Rosa Luxemburg's Place in the History of the Evolution of Marxism], “Utószó” [Afterword] in ROSA LUXEMBURG, *A tőkefelhalmozás* [The Accumulation of Capital] (Budapest: Kossuth Kiadó, 1979), 510–11.

38 GÖNCÖL, “Rosa Luxemburg helye a marxizmus fejlődéstörténetében”, “Utószó”, *Ibid.*; and *LCW*, Vol. 4, 91. Göncöl gave an accurate account of the development of Lenin's views in other terms as well, when he pointed out that in Lenin's earlier quoted text on the “market question” he shared Adam Smith's thesis on the causal and linear connection between labor distribution and the market and explains capital's tendency for growth basically with technological advance alone, while in his later study (“Once More on the Theory of Realization”) he writes about the “horizontal” and “vertical” tendencies involved in the spread of capitalism, as well as its universal and local bearings “in the creation of colonies, drawing wild tribes into the whirlpool of world capitalism.” *Ibid.*, 77–78.

Lenin did come back to this question much later, underlining (in his book on imperialism) that imperialism itself was a new epoch of modern global history that incorporated the accumulation processes of previous historical epochs. He annotated and commented on Rosa Luxemburg's *The Accumulation of Capital* at extraordinary length in the year of its publication (it came out in January 1913), while living in Pornin.³⁹ Luxemburg's accumulation theory posed the problem of the realization of surplus value in the new stage of the development of capitalism in an original way. Yet Lenin shifted the emphasis to the question of recapitalization of the realized surplus value, which would become the fundamental problem of the "period of imperialism" because this question was deeply intertwined with "the central issue of international exploitation in the world system of imperialism."⁴⁰ Here Lenin and Luxemburg are in agreement in that the industrialization of the "backward countries and regions" itself subjugates, "colonizes" these territories through the "mediation" of loans.⁴¹ Lenin's main issue with Luxemburg's theory of capital accumulation was that in his opinion, as is widely known, there was no need for non-capitalist "sectors" and regions necessarily to be there for capital accumulation or realization of value to be possible.

Finally, Lenin came to correlate the factors of the world market—today it would be called globalization—and the demise of the Russian and Indian traditional forms of village community, making a reference, by way of example, to the cheap grain from the Northern American prairies and the Argentinean Pampas that flooded the market. The Indian and Russian peasant had proved powerless in the face of such competition, with the result

39 В.В. АДОРАТСКИЙ, Г.В. СОРИН (ред.), Ленинский сборник [Lenin miscellany] Т. XXII. (Москва: Партийное издательство, 1933), 343–390., translated for the *Lenin Internet Archive* (2010) by Steve Palmer. See online: <http://www.marxists.org/archive/lenin/works/1913/apr/rl-acc-capital-notes.htm> (Accessed June 30, 2019) His chief issue with Luxemburg's theory of capital accumulation was that in his opinion, as widely known, there is no need necessarily for non-capitalist "sectors" and regions for there to be capital accumulation or realization of value.

40 GÖNCÖL, "Rosa Luxemburg helye a marxizmus fejlődéstörténetében", 513.

41 The speed of falling in debt "in the case of backward regions surpasses the tempo of growth as a mathematical rule." See: GÖNCÖL, "Rosa Luxemburg helye a marxizmus fejlődéstörténetében", *Ibid.*; and more current literature in Hungarian, BERNEK ÁGNES, FARKAS PÉTER (eds.), *Globalizáció, tökékoncentráció, térszerkezet* [Globalization, capital concentration and structured space], (Budapest: MTA Világgazdasági Kutatóintézet, 2006); FARKAS PÉTER, *A globalizáció és fenyegetései. A világgazdaság és a gazdaságelméletek zavarai* [Globalization and its dangers. Disturbances in global economy and economic theory], (Budapest: Aula Kiadó, 2002).

of “industrial-scale grain production” forcing patriarchal agriculture out of further vast tracts of land.⁴² One basic conclusion that could be drawn from Lenin’s analysis was that overcoming the remains of patriarchal conditions of slavery itself manifests the expansion of capitalism. At the same time, while history forecloses any return to any traditional form of society, the more obstinate remnants of the forms that have become obsolete will often fuse with the modern system, as would be demonstrated later on by a vast number of eminent historians. The most modern capitalism entails the “colonial” and slave relations (not only in the peripheries), which penetrate several areas of both production and service.⁴³ These “pre-capitalist forms” were overlapping in the capitalist shell but the capitalist production and property relations as the “moment of overriding importance” (Lukács) determined the relations between the alternative “sectors” of social life as a whole.

Lenin in his book on imperialism⁴⁴ demonstrated how in the process of generating extra-profit the hierarchized world system is reproduced, in close connection with „uneven and combined development”. Its internal mechanisms like the internationalization of global economic relations, financial control, labor migration etc. became new forms of exploitation. The relevance of this perspective will be demonstrated, I am sure, as we will

42 *LCW*, Vol. 3, 329.

43 For contemporary debates or the concept and theory of capitalism see: JÜRGEN KOCKA, “A kapitalizmus fogalmának újrafelfedezése” [Rediscovering the Concept of Capitalism], *Eszmélet*, no. 113 (Spring 2017): 37–46. See online: https://epa.oszk.hu/01700/01739/00098/pdf/EPA01739_eszmelet_113_037-046.pdf (Accessed June 11, 2019); MARCEL VAN DER LINDEN, “Miért él tovább a kapitalizmus fogalma?” [Why Does the Concept of Capitalism Live On?], *Eszmélet*, no. 113 (Spring 2017): 47–59. See online: https://epa.oszk.hu/01700/01739/00098/pdf/EPA01739_eszmelet_113_047-059.pdf (Accessed June 11, 2019); SZIGETI PÉTER, “Kapitalizmusfogalmak és a tőkés termelési mód elmélete” [Notions of Capitalism. Theory of Capitalistic Mode of Production], *Eszmélet*, no. 115 (Autumn 2017), Melléklet [Supplement]. See online: http://www.eszmelet.hu/wp-content/uploads/2018/08/EPA01739_eszmelet_115_melleklet.pdf (Accessed June 11, 2019).

44 In the literature of history a fact that is often not properly considered is that in writing his pamphlet on imperialism Lenin brought an incredible force of scientific studies, statistical work to it. Only his notes and research “cards filled two whole volumes, which came to fill 400 and 500 pages respectively in print.” See: Ленинский сборник Т. [Vol.] XXII. (1933), and Т. [Vol.] XXVII. (1934), 489. With the name index in volume in print alone coming to 470 items, whose majority comprises economists, historians, philosophers, sociologists, statisticians and of course, politicians. From Carnegie to Sombart, R. Hoeniger to E. Théry and J. Lesclure to the Japanese Hishida, or J. Patouillet to Riesser the works of these annotated authors and the related data or commentary lines these sheets. See: *LCW*, Vol. 39.

discuss the past and present of labor relation in quite a number of panels here at the conference.

Finance capital, Lenin argued “becomes very strong, [and] so does the state.” In his introduction to Bukharin’s analysis of imperialism in December 1915 Lenin remarked that the chain of mutual dependence and global inequalities is generated by a fundamental global hierarchy.⁴⁵

At a later stage, it must be noted, Lenin and Rosa Luxemburg were perhaps the first amongst Marxists and non-Marxists to outline in a clear theoretical form that in the age of traditional, so to say “free” enterprisecapitalism the colonies had been drawn into commodity exchange but not into capitalist production. This changed in the age of imperialism. Imperialism is, among other things, the export of capital. Capitalist production was transplanted to the colonies at an ever-increasing rate. This colonial capitalist production extricated itself from dependence on European finance capital. These insights also are important today. From the military standpoint, as well as from the standpoint of expansion, the separation of the colonies is practicable, as a general rule, only “beyond capital”; under capitalism it is practicable only by way of exception or at the cost of a series of revolts and revolutions both in the colonies and the metropolitan countries.⁴⁶

These investigations led Lenin to a discovery the significance of which simply cannot be overestimated. He summed up this discovery in the thesis of Russia as “the weak link in the chain of imperialism” and the “strong chain”, i.e., the West as a stronghold of capitalism (Gramsci).⁴⁷ This idea inferred the recognition that the chance for an anti-capitalist revolution to happen was present above all in the semi-periphery, and the imperialist butchery of World War I generated the historical chance for revolution—became an inevitable historical chance for mankind in order to get rid of this world order. Russia would only start the revolution that would take a social formation worldwide... This “story” is well known to all of us.

45 “Preface to N. Bukharin’s Pamphlet *Imperialism and the World Economy*”, *LCW*, Vol. 22, 240. See online: <https://www.marxists.org/archive/bukharin/works/1917/imperial/intro.htm> (Accessed June 28, 2019)

46 *LCW*, Vol. 22, 337–38.

47 For a historical background to this see: KRAUSZ TAMÁS, *A Szovjetunió története* [The History of the Soviet Union], (Budapest: Kossuth Kiadó, 2008), I. fejezet: A „gyenge láncszem” – a cári önkényuralom bukása [Chapter 1. The Weak Link. The Fall of Tsarist Autocracy].

IV. EURO-CENTRISM AND CATCHING UP

In Hungary, the sinologist and philosopher Ferenc Tőkei, and Georg Lukács⁴⁸ were continuing the theoretical and methodological traditions outlined so far in the 1960s. Tőkei rediscovered many writings and analyses of Marx and Lenin on Asia. Lukács in his *Ontology* describes Tőkei's reconstruction of the Marxian concept of the "Asiatic mode of production" as an important contribution to the Marxist theory of history.

So Lenin's thinking had the potential to generate a more differentiated anti-colonialist way of thinking, since it questions the whole logic of the Eurocentric approach to old and modern global history.

In 1920, Lenin declared in his famous anti-colonialist document:

"With the aid of the proletariat of the advanced countries, the backward countries can pass over to the Soviet system and, through definite stages of development, to communism, without going through the capitalist stage. ... [We] ... should and will support bourgeois liberation movements in the colonies only when they are genuinely revolutionary, and when their exponents do not hinder our work of educating and organizing the peasantry and the broad mass of the exploited in a revolutionary spirit."⁴⁹

In addition, very interesting in his remark on Russia before the revolution when he argued this way:

„But what of Russia? Its peculiarity lies precisely in the fact that the difference between “*our*” “colonies” and “*our*” oppressed nations is not clear, not concrete and not vitally felt! ... The sheer absurdity of trying to discover some serious difference between oppressed

48 Lukács described the work of Ferenc Tőkei in the following terms: “Only one work has appeared recently on the Asiatic mode of production, which the Stalinist period wanted to eliminated from Marxism, to be replaced by a vacuous, artificial, so-called, ‘Asiatic feudalism’, unfortunately only in Hungarian, an excellent Marxist monograph by the sinologist Ferenc Tőkei, *Az ázsiai termelési mód kérdéséhez* [On the Issue of the Asiatic Mode of Production], (Budapest: Kossuth Kiadó, 1965).” It should be noted that Tőkei's work appeared in a number of languages in later years.

49 See online: <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1920/jul/x03.htm> [On national and colonial question by Lenin], (Accessed June 28, 2019).

nations and colonies in the case of Russia should be especially clear to a Russian socialist who wants not simply to *repeat*, but to *think*.”⁵⁰

The neoconservative currents of the 1980s have “swept out” of Eastern Europe all “great theories” including first and foremost the theory of social formations alongside the old state-legitimizing ideologies. Systemic changes in Eastern Europe and in the Soviet Union, have restored the old “order”. Marxism was delegitimized exactly at the time when the question of property and property relations became a fundamental historical issue in Eastern European everyday life in the course of privatization and the transfer of property as the concrete realization of the “primitive accumulation of capital.” The mainstream liberal and nationalist historiographies of the changes of regimes in Eastern Europe produced whole ideologies in order to prove that the new political system would follow a project of “catching-up style development” and the realization of bourgeois democracy, and the region would soon catch up with Western Europe. Jürgen Habermas was just one of those who got lost “between three pine trees” as a Russian proverb says. At the time the typical narrative explained the events of ’89 as a “rectifying revolution”—this is Habermas’s term—which carries the people back from an illusion to the world of the western type of democracy, as if our societies had been at the gates of a new stage of development in order to catch up with the West.⁵¹

Yet the anti-capitalist traditions of thinking on global history from Eastern Europe described in this presentation enabled a group of historians even in a small country like Hungary, and some of their colleagues in other Eastern European countries to predict already in the early 1990s that the *restorative changes of regimes* of 1989–91 would not lead to the celebrated catching-up style development.⁵² In a large part of the Eastern European region, including Poland and Hungary, “catching-up” and the whole project

50 LCW, Vol. 23. 55–56.

51 See also: JÜRGEN HABERMAS, “What Does Socialism Mean Today? The Rectifying Revolution and the Need for New Thinking on the Left”, *New Left Review*, 1/183 (September–October 1990).

52 Already at the beginning of the 1990s we can document a left-wing critique of “catching-up style development” and the theories, which explained the “backwardness” of Eastern Europe through the idea of socialism. See: SUSAN ZIMMERMANN, “Delinking and Catching up in East and West”, *Links*, no. 3, 1994.; and NIEDERHAUSER EMIL, “Előhang 1989 Kelet-Európájához” [Foreword to the Eastern Europe of 1989], *Eszmélet*, no. 5 (Spring 1990): 24–42. See online: http://www.eszmelet.hu/niederhauser_emil-elohang-1989-kelet-europajahoz/ (Accessed June 28, 2019).

of western bourgeois democracy was doomed to failure from the very beginning. We argued early in the 1990s that the new, oligarchic capitalism can only function through the help of an authoritarian regime in line with the Eastern European-Russian traditions in national cloth—even under Western European and later on European Union patronage.⁵³

In the Russia of 1917, and again in 1991, the social and economic preconditions for a bourgeois democratic transformation had been similarly lacking, and no such regime would be established in the quarter of a century that has passed since 1991. It was evident for us even in 1989 that it is impossible to build a bourgeois democracy since a democratic bourgeoisie cannot be built from above, by the state. After 1989 we have seen “transitology”, so-called modernization theory, the various concepts of totalitarianism⁵⁴, and more recently the increasing prevalence of a lukewarm resistance to large-scale critical social theory of global capitalism, or to just any theory, as the characteristic modes of thinking about Eastern Europe in global history. All of these modes of knowledge production simply implicate several old and new characteristics of subordination and oppression of Eastern Europe and in Eastern Europe. By contrast, if they just incorporated critically and constructively extant Eastern European traditions of thinking on global history, historians would not and could not be surprised at the formation of authoritarian regimes within the region. The intellectual “return” of these present day Eastern European regimes themselves to a historical thinking that directly builds on the nationalist and racist theories of history of the interwar era is not accidental either.

53 See also: KRAUSZ TAMÁS, *Megélt rendszerváltás* [The Change of Regimes as I experienced It], (Budapest: Cégér Könyvkiadó, 1994)

54 On the „Promotion” of Totalitarianism in the Anglo-Saxon Sovietology see: SHEILA FITZPATRICK, “Revisionism in Soviet History”, *History and Theory* 46, 4 (2007): 77–91. DOI: 10.1111/j.1468-2303.2007.00429.x; VIOLA LYNNE, “The Cold War in American Soviet Historiography and the End of the Soviet Union”, *The Russian Review* 61, 1 (2002): 25–34. DOI: 10.1111/1467-9434.00203 For a critical discussion of totalitarianism see also: SHEILA FITZPATRICK, MICHAEL GEYER (eds.), *Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared* (New York: Cambridge University Press, 2009). See also: KRAUSZ TAMÁS, “A GULAG aktualitása” [The Actuality of the Gulag], in *GULAG. A szovjet táborrendszer története* [Gulag - History of the Soviet Network of Forced-Labour Camps], eds. KRAUSZ TAMÁS, BARTHA ESZTER (Budapest: Pannonica Kiadó, 2001), 13–26.; BARTHA ESZTER, “A sztálinizmus a régi és új historiográfiában: A jelenség meghatározásának elméleti és módszertani problémái” [Stalinism in the Old and New Historiography: The Theoretical and Methodological Problems of Defining the Phenomenon], in *A sztálinizmus hétköznapijai. Tanulmányok és dokumentumok a sztálinizmus történetéből* [The Everyday Life of Stalinism. Essays and Documents from the History of Stalinism], ed. KRAUSZ TAMÁS (Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 2003), 15–39.

By contrast, at the beginning of the 20th century, critical historiography could not imagine “catching-up” on a capitalist basis. Lenin repeatedly underlined the plundering and parasitic character of modern capitalist accumulation. “The epoch of imperialism”, he wrote, “is an epoch in which the world is divided among the great privileged nations which oppress all the others”; and it went without saying for a Marxist theoretician such as Lenin that the local ruling classes and privileged groups of the peripheries were also interested in the maintenance of this world order. None of these great problems of capitalism in its semi-peripheral regions has been solved during the past 100 years, all the great economic and social changes which have characterized this past century notwithstanding. I think a historian who deals with global history cannot avoid these questions. Historical research that is reluctant to recognize this fact, lacks moral credibility, which is or should be an essential part of an academia that serves the public.

SZVÁK GYULA

**„AZ OROSZ TÖRTÉNETET AZ OROSZOKNAK KELL ÍRNIUK,
MIÉRT AVATKOZNAK EBBE BELE A MAGYAROK?”**

(Mikrohistoriográfiai etűd)*

**“RUSSIAN HISTORY SHOULD BE WRITTEN BY RUSSIANS.
WHY DO HUNGARIANS INTERVENE IN THIS MATTER?”**

(Etude in micro-historiography)

The present article analyzes documents to introduce the antecedents and the story of a scandalous, failed PhD defense which took place in Russia in 1992, in the midst of the neoliberal economic shock therapy. Apparently, this case was an attempt to prevent the future academic career of a young Hungarian historian, who would have deserved a better fate, but, in fact, this case study in micro-historiography reveals the state of Russian historiography after *glasnost*. It describes how the imperial conception of history, which has remained persistent even after the change of regimes, breeds xenophobia, and how the “nationalist” perspective is elevated to the level of chauvinism. Even though this is a Russian story, the lessons should be observed by all national historiographies. The author of the attacked dissertation was in the wrong place at the wrong time. Russia was in ruins but at the Historical Faculty of Petrograd University a strong “hardcore” was formed, which became triumphant under the leadership of the dean. This group refused to reconcile with the collapse of the Soviet Union and the loss of national greatness and pride, which occurred thanks to their own political leaders and the West. In the Russia of 1992, the time was not ripe for a change of paradigm in historiography and the new conception of history. Furthermore, the author shows that at this particular historical moment the change of perspective at the Historical Faculty of Petrograd University – ironically – was even less likely than back in 1984, in the Soviet era, when he had defended his PhD. Even though 1992 marked a post-*glasnost* year, the aforementioned case shows that freedom of speech and academic freedom could only trigger xenophobia as a novel contribution to the imperial conception of history.

Keywords: Sándor Szili, micro-historiography, imperial conception of history, xenophobia, Russia in 1992, Historical Faculty of the Petrograd University, R. G. Skrynnikov, I. Ya. Froyanov

Gyula Szvák – D.Sc. in History, Professor Emeritus, Russian Studies Centre, Department of Eastern and Central European History and Historical Russistics, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University (Hungary, Budapest, 1088 Múzeum krt. 6–8.).

E-mail: centre@russianstudies.hu

* Ez a cikk nem jöhetett volna létre, ha Szili Sándor nem őrizte meg elővédése dokumentumait, s nem bocsátja azokat rendelkezésemre.

I. CONCERTO (1992)

Első tétel: Mosso

1984-ben védtem meg kandidátusi disszertációm a leningrádi, Zsdanovról elnevezett egyetemen, IV. Iván szovjet historiográfiájáról.¹ Csak nyolc esztendő telt el utána, de Magyarországon megdőlt a pártállami rendszer, az első szabad választásokat követő második évbe fordultunk. A szabadság nagy eufóriáját hamar felváltotta a nekikeseredettség:

„[M]egrendültek a hagyományos szocialista nagyüzemi szféra létalapjainak végső pillérei is, januárban öncsődot jelentett az ózdi acélmű, s később a diósgyőri sem kerülhette el a sorsát. Még ugyanebben a hónapban állapodott meg a kormány az érintettekkel a hazai bányák többségének bezárási rendjéről is... Egész ágazatok épültek le egyetlen év alatt, aminek hulláma a foglalkoztatottak negyedét közvetlenül is érintette. Nem csoda, ha év végére a munkájukat elvesztettek száma a 700 ezer közelébe kúszott, ami jóval meghaladta az előzetes várakozásokat... Az ingerült egészségügyi dolgozóktól a csalódott ötvenhatos veteránokig, az újból átvert parasztgazdáktól a demokráciát féltő nagyvárosi értelmiségiekig úgyszólván valamenyny nagyobb társadalmi csoport megjelent ebben az évben az utcán. Az utca – mindenkié... 1992-ben teljesedett ki a demokrácia ebben a hagyományos értelemben.”²

A filmművészet gyorsan reagált a változásokra. Szabó István ebben az évben mutatta be az „Édes Emma, drága Böbe” című filmjét, amely éppen a tantárgyuktól megfosztott orosz tanárok tragikus vergődésén keresztül sejteti, hogy az új világ sem nem lesz egészében új, sem nem lesz szép, illúzióink ezzel kapcsolatban ne legyenek.³ Mindez a legkevésbé sem látszódtott Bill

1 Д. СВАК, *Ключевые проблемы социально-политической истории России второй половины XVI века в русской и советской историографии*. (Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. ЛГУ, 1984) (Rögtön az elején le kell szögezнем, hogy a Leningrádi Állami Egyetem Történettudományi Fakultásán 1984-ben senkit sem zavart, sőt, nagyon is támogatták, hogy egy magyar IV. Iván korának szovjet historiográfiájáról írt.)

2 KÉRI LÁSZLÓ, „Hűszéves a rendszer – 1992 – A reménytelen diskurzusok éve”, *Népszabadság*, 2009. március 9.,

3 BÉKÉS PÁL, „Hazafelé, félúton”, *Filmvilag.hu* URL: http://www.filmvilag.hu/xista_frame.php?cikk_id=455 (Hozzáférés: 2020. augusztus 30.)

Clinton önelégült és lesajnáló arcán, amikor például Borisz Jelcinnel barátkozott. Volt, hogy egyenesen kinevette orosz kollégáját, aki, persze, ehhez jó médiumnak bizonyult, de az amerikai elnök minden bizonnyal nem ezért lett az év embere a *Time* szerint. Vagy valamelyest mégis, hiszen ennél beszédesebben nem demonstrálhatta az USA új helyét, felsőbbrendűségét a világban.

Ebben az esztendőben nemcsak a magyarok és az oroszok itták ki az államszocializmusból a kapitalizmusba való viharos átmenet okozta keserű csalódás poharát. Voltak, akik még rosszabbul jártak. Jugoszlávia felbomlott, elkezdődött, majd népiirtásba torkollott a délszláv háború. A genocídiumot az egykori Szovjetunió sem úszta meg: véres összecsapások törtek ki Hegyi-Karabah birtoklásáért.

Nekünk, magyaroknak nehéz volt ezt az évet szeretni, az oroszok meg kifejezetten gyűlölték. Még negyedszázaddal később is így emlékezett vissza egy blogger az „Oroszország 1992-ben. Megéltünk, ahogy tudtunk” című írásában:

„Negyedszázad. Jubileum. Az 1992-es év a posztszovjet korszak egyik legpusztítóbb és legreménytelenebb éve volt, az úgynevezett Új Oroszország első teljes éve. Mibe került csak az infláció, amely végeredményben elérte a 2600%-ot! Egyébiránt, már az új év első napjaiban, amikor az emberek magukhoz tértek a rövidre szabott ünnepek után, rögvest vadul nézegetni kezdték a boltokban az új árcédulákat... És megkapták a terápia első sokk-injekcióit...”⁴

A Szovjetunió felbomlásának évét, a sokkterápiát, a gazdaság romba dőlését, a tömegek elnyomorodását, az elszabadult árakat és inflációt, a „vócseres” rablóprivatizációt azóta, persze, tudósok regimentje elemezte. A mi éppen 30 év alakult Magyar Ruszisztikai Intézetünk is újonnan indult „Szovjet Füzetek” című sorozatában szakértői gyorsjelentések sorával rukkolt elő.⁵

4 URL: <https://klikabol.com/2017/09/rossiya-v-1992-godu-my-vyzhivali-kak-mogli.html> (Hozzáférés: 2020. április 30.)

5 A *peresztrojka vége?* (Kerekasztal-beszélgetés) (Budapest: Magyar Ruszisztikai Intézet, 1991); ANDREJ PETROV: *Privatizálás a Szovjetunióban* (Budapest: Magyar Ruszisztikai Intézet, 1991); *A Szovjetunió vége?* (Szakértői gyorsjelentés) (Budapest: Magyar Ruszisztikai Intézet, 1991); *A jelcini gazdaságpolitika alternatívái* (Szakértői jelentés) (Budapest: Magyar Ruszisztikai Intézet, 1992); *A rendszerváltás a tények tükrében, 1989–1991* (Összeállította: Máté István, Budapest: Magyar Ruszisztikai Intézet, 1993); *Jelcin és a jelcinizmus* (Szakértői jelentés) (Budapest: Magyar Ruszisztikai Intézet, 1993), oroszul: *Ельцинщина* (Будапешт: Венгерский Институт Русистики, 1993). Ez utóbbi olyan hírnévre tett szert, hogy a valamilyen úton-módon Moszkvába juttatott 200 példánya villámgyorsan szétterjedt,

Az események jelentőségét a magyar média kivételesen szintén gyorsan felfogta.⁶ A *Magyar Nemzet* például már az 1992. január 2-i számában „Ordas indulatok leselkednek” című keretes írásában készíti fel a magyar olvasót a várható oroszországi traumákra.⁷

Számomra a leghitelesebb azonban egykori témavezetőm, R. G. Szkrinnyikov beszámolója volt:

„Kedves Gyula! Nálunk megkezdődött a szünet, de nem teljesen, mert az egyetem nem fizette ki a tanároknak a júniusi és a nyári fizetéseket. Az egyetemnek óriási pénzügyi nehézségei vannak. A saját nehézségeimről nem beszélnék: azok az egész tudományos értelmiség nehézségei...”⁸

Ha az ember korabeli fényképeket nézeget, a metróállomások környékét ellepő anyókák tömeget látja,⁹ akik szerény portékájukat árulják: van, aki használt villanykörtéket, két szál répát vagy egy félretaposott csizmát. A legmegdöbbenőbb, hogy jól öltözött fiatal nők is beálltak a sorba, s árulták, amijük volt.¹⁰ A boltokból az áruk eltűntek, a legprimitívebb csere- és feketekereskedelem ütötte fel a fejét, aztán, persze, a szovjet ember számára oly mitikus, olyannyira vágyott – mert elérhetetlen – „produkti” [árúk] végül megjelentek, de megfizethetetlenek voltak az utca embere számára. Eközben Borisz Jelcin és ellenzéke vitustáncot járt: képtelenebbnél képtelenebb taktikai lépéseket, olcsó politikai trükköket, gyorsan kötött és felbomló szövetségeket, átállásokat, árulásokat, emberi gyalázatosságokat tartalmazó politikai szomorújáték vette kezdetét, ami évekig tartott, s állandósította az átmenetiség, a bizonytalanság apokaliptikus érzetét a

később I. Ja. Frojanov is citálta a *Pogruzszenyie v bezdnu* c. kötetében. (URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/froyanow.txt>, 7, 14.; hozzáférés: 2020. június. 29.), és az OTA Oroszország Történeti Intézete Tudományos Tanácsának ülésén 1997-ben az igazgató A. N. Szaharov is úgy mutatott be, mint a kiadvány egyik létrehozóját (miközben előadásom az orosz feudalizmus historiográfiájáról szólt). Ld. *Dokumentumok történeti ruszisztikánk tárgyköréből* (Posztszovjet Füzetek XV.) (Budapest: Magyar Ruszisztikai Intézet, 2000), 8

6 Akkortájt ugyanis még dolgoztak Moszkvában a nagyobb újságok, valamint az MTI, a Magyar Televízió és a Magyar Rádió kiküldöttei.

7 VIDA LÁSZLÓ, „Ordas indulatok leselkednek – Birodalmi reformok”, *Magyar Nemzet*, 1992. január 2., 2. (A cikket jegyző moszkvai tudósító, Vida László ma a Magyarország moszkvai nagykövetségének első beosztottja.)

8 R. G. Szkrinnyikov levele Szvák Gyulának (1992. július 12.)

9 URL: <https://klikabol.com/2017/09/rossiya-v-1992-godu-my-vyzhivali-kak-mogli.html> (Hozzáférés: 2020. április 30.)

10 Uo.

társadalomban.¹¹ A peresztrojkanak és a Szovjetunióknak ugyan vége lett, de a „régij” és „új” harcának végkimenetelét nem lehetett megjósolni.

Az orosz ember számára hirtelen nem csupán a Szovjetunió felbomlása, hanem Oroszországé is kézzel fogható közelségbe került. A tegnap még birodalom ma a 17. század eleji időket idézte, a „zavaros időszak”, a *szmuta* 2. kiadása köszöntött be.¹²

Nem érthetetlen ezek után, ha a történetírás is általános válságban volt. Nem csupán Oroszországban, hanem a világban is folytatódott a szakma elbizonytalanodása. Magyarországon épp a jellegtelenség határozta meg: a politikai rendszerváltás nem hozott új csúcsműveket, amit jószerivel az előző időszak dicséretéeként is felfoghatunk, ugyanis a „szabadság eljövételével” nem kerültek elő szenzációs művek az asztalfiókból. Paradox módon, ez jellemző az „új” orosz történetírásra is. 1992-ben, vagy előtte, hiába várták a nagy alkotásokat, azok nem jöttek.¹³ „A szenvedélyek elmúltak” – írja róla a korszak historiográfusa, legalábbis az 1980-as évek második feléhez képest.¹⁴ Ez, persze, erős eufemizmus, mert a viták tovább folytatódtak,¹⁵ de elég reménytelen scenáriót ígérve a peresztrojka korának – Jurij Afanaszjev vezette „radikális-reformer” irányzata számára –, hiszen e cikk szerzője tanulmánya végén kénytelen megjegyezni: „Mindez néha nem tudja nem kiváltani a sötétség és pesszimizmus érzetét...”¹⁶ Itt, ebben a pillanatban, csak annyi látszott biztosnak, hogy „a legkönnyebb volt a pluszokat mínuszokra, a mínuszokat meg pluszokra felcserélni a múlt értékelése során.”¹⁷

11 URL: <https://foxford.ru/wiki/istoriya/rossiya-v-1992-1999-gg-vnutrennyaya-politika> (Hozzáférés: 2020. május 2.)

12 Д. Свак, «Президент Борис – Царь Борис.», в *Конец Ельцинщины* (Poszt-Szovjet Füzetek XIV.), ред. Тамаш Краус (Будапешт: Венгерский Институт Русистики, 1999), 7–11.

13 Nem is tudtak volna nagyon jönni, mert tudományos munkák alig jelentek meg: az 1861–1991 közötti orosz történelemről írott munkák pl. az 1991-es 995 db-nyi mennyiségről 1992-re 282-re (!) csökkentek. (В.А. НЕВЕЖИН, О.А. ПРУЦКОВА, «Издание исторической литературы: кризис или стабилизация?», в *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет*, под ред. Г.А. Бордюгов (М.: АИРО-XX, 1996), 22–36.

14 А.П. Логунов, «Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80- начала 90-х гг.», в *Советская историография*, под общей редакцией Ю.Н. Афанасьева; научный редактор А.П. Логунов, (М.: 1996), 447.

15 Бордюгов, *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет.*, 427.

16 Логунов, «Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80- начала 90-х гг.», 479.

17 А.П. Логунов, «Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80- начала 90-х гг.», 435. Ezt egy nálunk tartott konferencián V. V. Alekszejev akadémikus így fogalmazta meg:

Az „állatorvosi ló” szerepe e tekintetben Volkogonov tábornoknak jutott. A „Volkogonov-szindrómát” Krausz Tamás szellemesen elemezte,¹⁸ s ez megkímél engem az írástudó árulásának diagnosztikájától. A posztmodern veszélyt mindenesetre már érezelte az orosz történetírás, de az új metodológia kimunkálásában 1992-re mindössze odáig jutott, hogy a történeti irodalom leggyakrabban citált szerzőjévé Bergyajevet avatta.¹⁹

Ha körbenézek az általam legjobban ismert korokban és témákban, akkor arra a látszólag meghökkentő, ám számomra korántsem váratlan eredményre jutok, hogy például IV. Iván és I. Péter koráról egyetlen jelentős mű jelent meg 1992-ben: Ruszlan Szkrinnyikov „Царство теепопа” című nagymonográfiája. Jelentőségét mi sem bizonyítja jobban, hogy művét, jóval halála után, angolul is kiadták.²⁰ Vonjuk le tehát azt a következtetést, hogy 1992 nem olyan év volt, amely kedvezett volna az orosz történettudomány fejlődésének, aminek a legfőbb oka mégis csak az, amit Logunov így fogalmazott meg: „a történettudomány válsága elsősorban létfeltételeinek válsága.”²¹

Bár ez az év minden vonatkozásában a krízis jeleit mutatta, a legkevésbé éppen a magyar–oroszl viszonyokra volt jellemző. Habár az új, jobboldali kormány leépítette az orosz kapcsolatokat, s miniszterelnökének, az újraéledt keresztény-nemzeti kurzus eminens képviselőjének gondolkodását pedig az oroszoktól való történelmi félelem határozta meg, ami – és a pillanatnyi finanszírozhatatlanság – ugyan a keleti piacok elvesztésével járt, de paradox módon 1992 mégis a külpolitikai kapcsolatok újbóli szárba szökkenésének az éve.

Ennek fő oka mindkét vezető belpolitikai beszorultsága volt, ami diplomáciai sikerekért kiáltott. Ehhez jó alapot szolgáltatott, hogy 1991 júniusára az utolsó szovjet katona is elhagyta Magyarországot, illetve, hogy Antall József az augusztusi puccskísérlet idején azonnal (az amerikai

„a pluszok sodró felcserélése mínuszokra”. Ld. В.В. АЛЕКСЕЕВ, «Уральская школа историков», в *Региональные школы русской историографии / Regional Schools of Russian Historiography*, ed. Szvák Gyula (Ruszisztikai Könyvek XVIII.) (Budapest: Russica Pannonica, 2007), 20.

18 KRAUSZ TAMÁS, *Szovjet Thermidor. A sztálini fordulat szellemi előzményei, 1917–1928* (Budapest: Napvilág Kiadó, 1996), 15–17.

19 ЛОГУНОВ, «Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80- начала 90-х гг.», 473.

20 R. G. SKRYNNIKOV, *Reign of Terror: Ivan IV.* (Leiden-Boston: Brill, 2016) DOI: 10.1163/9789004304017. Továbbá: R. G. Szkrinnyikov *levele Szvák Gyulának* (1992. július 12.), 1.

21 ЛОГУНОВ, «Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80- начала 90-х гг.», 476.

elnök után másodikként) támogatásáról biztosította Borisz Jelcint.²² És az oroszországi destabilizációtól, a „demokratikus” – értsd: a nyugati – útról történő letéréstől való félelmében²³ emellett mindvégig kitartott. Ez a magatartása az egyetemes diplomáciatörténet egyik legpikánsabb eseményét eredményezte: 1991. decemberi 6-i moszkvai látogatása során egy napon írta alá a Kremlben mind a közvetlen ezután felbomló Szovjetunióval (Gorbacsovval), mind Oroszországgal (Jelcinnel) a kétoldalú alapszerződést. (Sőt, még ugyanaznap, a visszafelé úton, Kijevben az ukránokkal is szerét ejtette.²⁴)

Így Jelcin 1992. november 10–11-i, újabb szerződéseket hozó, „történelmi” magyarországi látogatását bizakodás előzte meg,²⁵ és kedvező diplomáciai légkörben került rá sor.²⁶ Azt nem állíthatjuk, hogy a magyar közvélemény különösképpen meghatotta volna a magyar parlamentben elhangzott (bár a tolmácsberendezés meghibásodása miatt csak oroszul hallott²⁷) bocsánatkérése az 1956-os bűnökért. A választásokon győztes párt ruszofób kampánya ugyanis megtette a hatását,²⁸ ugyanakkor az is igaz, hogy a megítélés az oroszok gyengesége miatt jelentősen neutralizálódott.²⁹ „a közhangulat úgy alakult, mint a futball-pályán, ahol, ha semlegesek játszanak, az ember előbb-utóbb a gyengébbnek drukkol.”³⁰

22 KESKENY ERNŐ, *A magyar–orosz kapcsolatok, 1989–2002* (Budapest: Századvég Kiadó, 2012), 89.

23 KESKENY, *A magyar–orosz kapcsolatok, 1989–2002*, 87.

24 KESKENY, *A magyar–orosz kapcsolatok, 1989–2002*, 92.

25 Vö. Vida László *Magyar Nemzet*-beli 1992. november 10-i vezércikkével, amelyben így ír: „A szakítás következményeire rádöbbsent és egyszersmind a nyugati segítséghez fűződő illúzióiból kijózanodott szomszédok most újfent egymásra találhatnak.”

26 A Szabadság téri Szovjet Hősi Emlékmű elleni állandó fenyegetések miatt azonban rendkívüli biztonsági intézkedésekre is szükség volt. Ld. „Budapest vendége az orosz elnök”, *Népszabadság*, 1992. november 11., 3.

27 URL: https://www.magyarhirlap.hu/tudomany/Az_orosz_elnok_latogatasa. Ugyanebben a visszaemlékező cikkben tételesen nem igaz az az állítás, hogy a magyar sajtó ne számolt volna be részletesen Jelcin beszédéről (vö. pl. Lambert Gábor cikkével a *Magyar Nemzet* 1992. november 12-i számában a 3. oldalon.)

28 KECSKEMÉTHY GÉZA, „Tovariszi konyec”, ld. URL: <http://beszelo.c3.hu/cikkek/tovariszi-konyec> (Hozzáférés: 2020. június 23.). A grafikus (nomen est omen) Orosz István interpretációjában, aki nem tekinti ruszofóbnak a plakátot. Ld. URL: <https://www.moksha.hu/art/a-huszeves-plakat-tovariszi-konyec> (Hozzáférés: 2020. június 23.)

29 K. Cs., „A BBC a magyarországi ruszofóbiáról, »Esterházy nem rivalizál Puskinnal«”, *Népszabadság*, 1992. június 5., 6.

30 „Oroszországban nincs példa a totalitárius keretek szétfeszítésére. Beszélgetés Szvák Gyulával a történelmi párhuzamokról”, *Magyar Nemzet*, 1993. március 31., 12. Az interjú olvasható: SZVÁK GYULA, *Nem lelkendezhetek főállásban. Beszélgetések Oroszországról* (Budapest: Gondolat Kiadó, 2018), 24.

Ezt jelzi egyébként a mi független tudományos társaságként működő Ruszisztikai Intézetünk egyik társadalmi akciója is, mégpedig 1992 márciusában az orosz TV magyarországi adásának visszaállításáért, ami jelentős médiatámogatással végül győzelemre vezetett.³¹

Második tétel: Furioso

1992. július 3-án került sor, leningrádi (majd szentpétervári) levelező aspirantúrája lejártával, egykori tanítványom,³² Szili Sándor, kandidátusi disszertációjának vitájára ugyanazon a tanszéken, ahol én is védtem 1984-ben. Az a nap sem volt érdektelen a magyar újságolvasó polgárok számára. A *Magyar Hírlap*ban egy oroszokról szóló dokumentumfilmről olvashattak ismertetést a beszédes „By, by, Szása, kitöltél velem” címmel,³³ s ugyanebben a számban hirdette magát a *Kommerszant* című lap is a 6. oldalon. A *Népszabadság*ban másnap, a hétvégi mellékletben Szilágyi Ákos nagyesszéje jelent meg „Csók-csatatér lovagjai”³⁴ címmel és M. Lengyel László „Támadás a „Szovjetunió” ellen” című helyszíni beszámolója az oszttankinói TV-székház környékének tüntetőiről. A *Magyar Nemzet* szombati száma beszédes karikatúrát közöl Borisz Jelcinről, aki porondmesterként egy lángoló karikat tart fel, ostort pattogatva, a kiterített medvének (értsd: a betiltott SZKP-nak).

Az elővétel délután 5 előtt 10 perccel kezdődött, és kb. két órán keresztül tartott. Az eseményen 14-en vettek részt, köztük a Tanszék olyan neves professzorai, mint Ju. D. Margolisz vagy B. V. Ananyjics, az OTA levelező tagja.³⁵ A témavezető, R. G. Szkrinnyikov nem volt jelen. (Az előzményekhez tartozik, hogy Szili Sándor visszaemlékezése szerint³⁶ – amelyet megerősít R. G. Szkrinnyikov már idézett levele is – az eseményt megelőzően sor

31 Az már más kérdés, hogy ez is csak további kb. félévet jelentett a frekvenciák privatizációja miatt.

32 Vezetésem alatt írta meg 1985-ben „Nyugat-Szibéria fegyveres meghódítása és előzményei” című szakdolgozatát, amelynél nem igényelte témavezetésemet (a témaelfogadás után egyszer sem konzultáltunk), de amely a műfajában kifogástalan volt.

33 A cím az akkori idők egy vidám slágerét idézte, amelynek eszmei mondanivalója abban foglalható össze, hogy amióta Szása elment, a pórul járt hölgy egyfolytában az óráját keresi és a vodkát vedeli.

34 A mellékelt fotón Brezsnyev és Honecker szokásos meghitt üdvözlő csókja látható premier plámban.

35 *Szili Sándor feljegyzései*, 1.

36 *Szili Sándor levele Szvák Gyulának* (2020. április 14.)

került Szili Sándor és az egyik bíráló személyes találkozására, amelyen a disszertánst igyekeztek rábeszélni a beadott anyag visszavonására.) Az elnöklő I. Ja. Frojanov, aki egyszerre volt abban az időben tanszékvezető és dékán, először a disszertánsnak adta meg a szót.

Szili Sándor – emlékei szerint 20 percen – összefoglalta disszertációja fő célkitűzéseit és eredményeit.³⁷ Vállalkozása újszerűségét abban látta, hogy a Szibéria Oroszországhoz kerülésére vonatkozó koncepciók fejlődéstörténetének előtte nem született meg szisztematikus, monografikus feldolgozása. Gyakorlatilag 3 fő alak köré csoportosítva mutatta be az egyúttal (az egymást felváltó „hódítás” [«завоевание»], „benépesítés” [«колонизация»], „csatlakozás” [«присоединение»] terminusokkal leírt) új historiográfiai kronológiát eredményező alapkoncepciók létrejöttét. A felfogásában az első „orosz” professzionális történész, a német G. F. Müller már a 18. század közepére – lényegében máig ható érvényességgel – feltárta és koncepcionális keretbe foglalta Szibéria Orosz Birodalomhoz kerülésének történetét, amelyet Sz. V. Bahrusin bizonyos vonatkozásaiban továbbfejlesztett és V. I. Sunkov – gyakorlatilag pártutasításra – igyekezett megmanipulálni. Ezen negatív tapasztalattól vezérelve, ezért azzal zárta mondandóját, hogy számára a disszertáció fő mondanivalója: a külső – főleg politikai – beavatkozás káros a tudományra, s tisztelet azoknak az orosz történészeknek, akik ez ellen küzdöttek/küzdenek.³⁸

Ugyancsak a szerző visszaemlékezése szerint ez az emelkedett expozé nem hatotta meg a jelenlévőket, akik alig figyeltek az előadására.³⁹ Tehát eddig minden az ilyenkor szokásos tanszéki értekezletek forgatókönyve szerint zajlott, hasonlóan más égtájak ilyen rendezvényeihez. Az első kérdés azonban megadta a védés alaphangját s még a beavatatlanok számára is egyértelművé tette, hogy itt nem a hagyományos, gyakran oly’ fárasztóan unalmas eseményről lesz szó.

„Mondja, legyen szíves, létezik az, hogy itt, Oroszországban a külföldiek előtt semmi nem volt, még a történeti gondolkodás csírája sem?”⁴⁰

37 Szili Sándor levele Szvák Gyulának (2020. április 21.)

38 Szili Sándor Bevezetője disszertációja elővédésén (1992. április 3., 1–11.)

39 Szili Sándor levele Szvák Gyulának (2020. április 21.)

40 Az idézet a szerző elővédésről szóló saját kezű feljegyzéséből (a továbbiakban: Szili Sándor feljegyzései, 2. o.) származik. Nem lévén sem grafológus, sem igazságügyi írásszakértő, a magam laikus módján az írásképből azt a következtetést tudom levonni, hogy a Feljegyzések nem utólagos, hanem közel egyidejű írásmű. (A szerző valószínűleg pontosan jegyzetelt és esetleg betekintetett valamiféle tanszéki jegyzőkönyvbe, amit

A nyilvánvalóan költői kérdést ugyan követte egy udvarias válasz, de ez nem vette el az addig papírjaikba (a dolgozat példányaiba) merülő történészek kedvét. A terjedelmes dolgozatot ugyanis a jelenlévők többsége nem olvasta (volt, aki ezt be is ismerte), hiszen a felkért bírálókon kívül ezt máshol sem szokták gyakran megtenni. A „Feljegyzések” tanúbizonysága szerint szinte szórakoztatóan alakult a disszertáció egyik központi alakjával – pontosabban annak halálával – kapcsolatos disputa:

- „– Honnan veszi Ön, hogy Sunkov öngyilkos lett? Ismertem őt. Ő egy rendes, becsületes ember volt. Nem tudom azt elképzelni, hogy végzett volna magával. Ez nem vallana rá.
- Amikor megismerkedtem Sunkov tevékenységének anyagaival, akkor az a benyomásom támadt, hogy ő egy negatív figura. De az összes róla szóló visszaemlékezés egészen mást mondott, azt, hogy egy becsületes ember. Engem zavart ez az ellentmondás (*nevetés a teremben*), és ezért elmentem Moszkvába, hogy beszéljek egy olyan emberrel, aki ismerte őt. És, igaz, nem mondta ki, hogy Sunkov öngyilkos lett, de ezt sugallta a következő szavakkal: »nagyon tragikus körülmények között vesztette életét«. (*nevetés a teremben*)
- (*mosolyogva*) És mi motiválta volna Sunkov öngyilkosságát?
- A Szibéria-kutatók bebizonyították neki, hogy tévedett, nem volt igaza. De felülről nyomást gyakoroltak rá, hogy a régi álláspontot képviselje. 1966-ban a *Pravdá*ban megjelent egy háromszerezős cikk. Az egyik szerző Sunkov volt. Ez a cikk vetett véget a desztalinizációs folyamatnak a történettudományban.
- Igen, volt ilyen cikk. De Sunkov és Truhanovszkij nem akarta aláírni. Kényszerítették őket. Ám az aligha valószínű, hogy Sunkov öngyilkosságot követett volna el. (*nevetés a teremben*)
- *Harmadik fél*: 1967-ben a barátomtól levelet kaptam Moszkvából. Jól ismerte Sunkovot. Arról írt, hogy Sunkov agyon lőtte magát.
- Ezt nem tudtam. (*kimegy a teremből*)”⁴¹

aztán letisztázott, mert az aligha valószínű, hogy a vita hevében nem hevenyészve, hanem grammatikailag is pontosan tudta volna írásban rekonstruálni a párbeszédet.) Ennél tovább terjedő „nyomozati” tevékenységet azonban nem kívánok folytatni és nem is tartanék etikusnak. Ugyancsak etikai megfontolásokból a vitában résztvevők nevét nem hozom nyilvánosságra, mert sokan közülük ma is aktívak, s engem nem az érdekel, hogy ki mondta, hanem, hogy mit mondott: tehát maga a jelenség.

41 Szili Sándor *feljegyzései*, 3–4.

És a kérdések sorát – akárcsak egy keretes szerkezetű darabban – ismét egy költői kérdés zárta:

3. *kérdő*: „Mondja meg nekem legyen szíves, mint ember az embernek, hogy mi, akik itt ülünk a teremben, mi mikor álltunk a saját lábunkra, mikor nyertük el szabadságunkat és hagytunk fel az állam szolgálatával? *Bár az államot szolgálni, nézetem szerint, igen megtisztelő.* (Kiemelés tőlem – Sz. Gy.) Mikor került erre a sor? A puccs előtt vagy tavaly augusztusban? Vagy lehet, hogy még a mai napig szolgálunk?”⁴²

Harmadik tétel: Appassionato

A „bemelegítés” tehát megvolt, következhetett a disszertáció hivatalosan felkért bírálójának 19 gépelt oldala, kb. egy szerzői ívnyi szöveg. Ennyit nem szokás írni egy elővédés opponensi véleményének. A bírálat mindjárt egy dicsérettel kezdődött:

„Rögtön az elején meg kell jegyezni, hogy a disszertáció jó oroszúggal íródott, ami magyarországi kollégánk nem kis érdeme, s ami nem tud nem tiszteletet kiváltani iránta.”⁴³

Ezzel azonban ki is fogyott a pozitívumokból. Már a „Bevezető”-t súlyos kifogások érték:

„Általánosan szólva, már a disszertáció »Bevezetésében« megnyilvánul annak jellemző vonása – kategorikus volta és az ítéletek elégtelen bizonyítottsága.”⁴⁴

Szili Sándor „nihilizmusa” szerinte:

„Lehetséges, azzal magyarázható, hogy távolról sincs teljesen tisztában a marxista metodológia lényegével. A nemesi-polgári történetírással ellentétben – olvashatjuk a 9. oldalon – »a marxista tudósok szigorúan ragaszkodtak a dialektikus materializmus filozófiájához és az egész múltat az osztályharc nézőpontjából szemlélték«. Arról, hogy

42 Szili Sándor *feljegyzései*, 5–6.

43 Отзыв на кандидатскую диссертацию Сили Шандора «Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI-XVII вв. в русской и советской историографии / Развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства», 1.

44 Uo., 4.

a marxista társadalmi filozófia az a történelmi materializmus, és hogy utóbbi egyáltalán nem összegezhető az »osztályharc« tételében, az idézett következtetés alapján a szerzőnek fogalma sincs.”⁴⁵

E megjegyzés azt tanúsítja, hogy dacára a párt megszüntetésének és hivatalos ideológiája lejáratási kísérleteinek, a marxista metodológiának ebben a történelmi műhelyben még megingathatatlan pozíciói maradtak, kissé emlékeztetve e sorok íróját saját, 1984-es védésének „lenini alapú” kritikájára.

Az első fejezettel kapcsolatban a legnagyobb kifogása, hogy „valószerűtlen határokig fel van fújva Müller személye és munkája”, akit – nyilván az egyensúly helyrebillentése végett – ekként mutat be:

„Ki is ő valójában? G. Müller ifjúkorában a német egyetemisták azon kategóriájába tartozott, amely, Schlözer szavaival élve, azt gondolta, hogy sehol másutt nem könnyebb szerencsét próbálni, mint Oroszországban.”⁴⁶

A Müllerral kapcsolatos szerzői vélekedések a bírálót Bergyajevhez, majd tőle kiindulva a következő fejtegetésekhez vezetnek:

„A kutatása tárgya – az orosz történelem – iránti szeretet hiánya, sőt a lenéző viszonyulás hozzá, alkalmas arra, hogy az adott tárgyat meghamisítsa, bárminemű eskütételek és fogadkozások hangozzanak is el az elfogulatlanságról... (*Nem teljesen világos, hogy kire gondol a bíráló – Sz. Gy.*) Oroszországhoz Müllert is, Bayert is Schlözerral együtt sajátságos viszony fűzte... S ha a disszertáns állandóan szembe helyezi az »elfogulatlan kutatást... a hazafias bizonyítékkal« (42. l.), akkor számára észrevétlen marad az elfogulatlan kutatás és a XVIII. századi német történészek azon munkái közötti különbség, amelyeket esetenként a ruszofób hangulat hatott át.”⁴⁷

Itt azért álljunk meg egy pillanatra, mert ebben az okfejtésben manifesztálódik az az alapvetés, hogy aki az orosz történelmet nem szereti az *per definitionem* nem lehet elfogulatlan történész, s először bukkan fel a ruszofób jelző.

45 Uo., 3.

46 Uo., 4.

47 Uo., 5.

A disszertáció 70. oldalát a következő kritika éri:

„[F]elsorolja az orosz valóságból eredő negatív következményeket, amelyek fékezik a történelmi kutatásokat. Sok megfogalmazása túlzás, vagy teljesen hibás / »Oroszország sok évszázados kulturális izolációjáról«, »az uralkodásnak a XVI–XVII. századi védekező vagy támadó háborúk folyamán kialakult autokratikus jellegéről«, »Oroszország szellemi kultúrájának zártságáról«, »az orosz nemzet külön missziójának felismeréséről«, a »környező népektől (nem tudni miről van itt szó) való kulturális izoláció egyoldalú pravoszláv bűnérről«, »a nemzeti büszkeség érzéséről«, »az orosz emberek kisebbségi érzését 'kompenzáló' erős fegyvercsörgetésről«, arról, hogy »a világ vezető hatalmaival való versengés és a legyőzésük eszméje a hivatalos politika szintjén formálódott meg«. / Az összes ilyen tézis bizonyíték nélkül marad, nem történik egyetlen olyan tudományos munkára sem hivatkozás, ahol ilyennel érvelnének. Mert ilyen műveket komoly szakemberek nem írtak. Ennyire primitív megállapítások legfőképpen a néhol ruszofób jellegű publicisztikai művekben grasszálnak.”⁴⁸

Így, egy kupacba gyűjtve ezek a megállapítások valóban riasztóan ruszofób-nak hathatnak egy ruszofil hazafi (nem történész) számára, de annyit már most leszögezhetünk, hogy nem csak Szili Sándornál, nem csak primitív és publicisztikai, s főképp nem csak ruszofób írásokban olvastunk már ilyeneket. Sőt, hosszan sorolhatnánk a bíráló által hiányolt hivatkozásokat.

A disszertáció második fejezetével nagyjából-egészéből megelégedő bíráló a harmadikról szóló véleményét rögtön az elégedetlenségének hangot adva nyitja:

„Az 1930–90-es évek hazai historiográfiájának szentelt harmadik fejezet váltja ki a legnagyobb elégedetlenséget. Szintúgy a radikális felfogás szélsőségeit tükröző publicisztikából kölcsönzött bizonyítatlan kiinduló posztulátumok keverednek a leíró jelleggel. A 3. fejezet szövege az analitikus tudományos kutatás attribútumai helyett a feleslegesen kiélezett publicisztikai pamflet ismérveivel tűnik ki.”⁴⁹

48 Uo., 7–8.

49 Uo., 9.

Vegyük sorra, mire is gondol a bíráló.

Első szentencia (megjegyezzük az új idők új szeleinek fuvallatát mégiscsak érzékelve Bergyajev után most A. Cipkótól⁵⁰ kölcsönözve a muníciót) – **Szili egybemossa a szovjet korszak egészét:**

„Kétségtelen, hogy a politikai konjunktúra meghatározott hatást gyakorolt a történettudományra. Ez régóta ismert. De úgy beszélni róla, mint a történetírás fejlődésének elsőrendű faktoráról – ez annyit tesz, mint erőszakot tenni a történeti anyagon. Nem lehet az egyik szélsőségből a másik esni... Minthogy az adott gyilkos formulát a szerző az egész '30-'90-es évekre alkalmazza, amelyet »totalitárius rezsim«-nek nevez (126. o.), így ezekbe automatikusan beleesnek a kortárs kutatások, így R. G. Szkrinnyikov művei is, márpedig ilyen jellemzésükkel határozottan nem lehet egyetérteni.”⁵¹

Nehéz lenne ez esetben vitatkozni a bírálóval, ám kétségtelen egy nagyon magas labdát ütött le könnyörtelenül, hiszen a szerző nyilvánvalóan – ez a tételes kifejtés során egyértelműen kiderül – nem a teljes szovjet historiográfiára gondolt, és pláne nem a saját témavezetőjére.

Második szentencia – **Szili nem a maga teljességében érti, hogy a bolsevikok csak köptek az orosz nemzetre:**

„Itt csak egyvalami maradhat: vagy az autarkia vagy a »világforradalom«... A »pártelit« nem tudott egyszerre két egymást kizáró politikát folytatni. Nem nehéz kitalálni, hogy a bolsevikok, különösen az uralmuk első időszakában köptek az orosz nemzetre, az orosz kultúrára, Oroszországra, ők csak a maguk »világforradalmára« gondoltak.”⁵²

Harmadik szentencia – **Szili állandóan átpolitizálja a történeti anyagot:**

„A 140. oldalon főlöszegesen átpolitizálódik a Történeti Intézetben folytatott vita. Más oldalról, csupán az a tény, hogy egy sor történész ellentmondott az A. V. Sesztakov által megszemélyesített »voluntarista koncepcióknak az orosz történelemről« ellene dolgozik a disszertáns azon állításának, hogy a '30-as évek végén a tudományos gondolatot a párt és az állam teljes *elnyomásban tartotta.*”⁵³

50 Tipikus „peresztrojikai” figura. Életútjáról, nézetei változtatgatásáról ld. részletesen: «Почему заблудился Александр Ципко?» URL: <https://rosenf-polit.livejournal.com/3074.html> (Hozzáférés: 2020. június 30.)

51 Uo., 10.

52 Uo., 11.

53 Uo., 12.

Negyedik szentencia – Szili nem képes átérezni Sztálin emelkedett patriotizmusát:

„Nem lehet egyetérteni a disszertáns azon tézisével, mely szerint a Nagy Honvédő Háborút követően az orosz patriotizmus elkezdett »vad nacionalizmusba« átnőni, amely már nemcsak a külvilág, de a Szovjetunió nemszláv népei ellen is irányult. »Ezen új jelenség első szimptomájának« Szili Sándor I. V. Sztálin 1945. május. 24-i nevezetes pohárköszöntőjét nevezi meg... (»Iszom az orosz nép egészségére«), amelynek teljes szövegét idézi a disszertáció 143. oldalán. Semmilyen »vad nacionalizmusról« nincs és nem is lehet itt szó. Itt annak a nemzetnek való háláról van szó, amely a háború legnagyobb terheit viselte vállán, s amely megmentette az egész emberiséget a fasizmustól. Úgy írni az adott esetben, ahogy Szili Sándor tette, nemcsak nem helyes, de nagyon kegyetlen is. A mülleri tézis követése, amely szerint a történésznek nem lehet Hazája, hite, uralkodója, az orosz történést, Szili Sándort oda vezette, hogy nem fogta fel az orosz történelem egyik legfontosabb eseményének történelmi és erkölcsi értelmét.”⁵⁴

Sokatmondó ez a szöveghiba. Szili Sándor itt – nyilvánvaló elírás miatt – mint „orosz történész” szerepel, ami a legnagyobb tudatalatti elismerés az őt bíráló részéről. Önkéntelenül is, mint orosz történésztől kéri rajta számon az orosz princípium szeretetét, indulata ezért olyan heves, hiszen egy „idegent”, orosz történelmen kívül állót, egy „beavatlatlant” erre valószínűleg nem méltatna.

Ötödik szentencia – Szili Sunkovot egy becsvágyó „karrieristának” tartja:

„A 149. oldalon V. I. Sunkovot »becsvágyó történész«-nek nevezi, akinek a felső pártkörökhöz fűződő viszonya biztosította a gyors szolgálati karrierjét. Az ilyen típusú kijelentést egy tudományos munkában el kellett volna kerülni. Sunkov »becsvágyáról« és »karrierizmusáról«, mint bárki máséről, csak az őt jól ismerő tudósoknak van joguk beszélni, vagy az olyan szerzőknek, akik a szavaikat a forrásokra: emlékiratokra vagy más dokumentumokra hivatkozva alá tudják támasztani...”⁵⁵

54 Uo., 13.

55 Uo., 14.

Hatodik szentencia – Szili szerint az oroszok pogromlovagok:

„Olyan, remélem téves, benyomás keletkezik, mintha Szili Sándor nagyon azt akarná, hogy az oroszok hódítóknak és pogromlovagoknak nézzenek ki, akik semmi pozitívumot nem hoztak Szibéria népeinek, csak regressziót és pusztulást. Ezért minden más értékelése is tendenciózus. ... De még egy idézetet szeretnék citálni. Ezek lord Carson szavai, akit nehéz lenne orosz patriótának nevezni: »Oroszország vitathatatlanul rendelkezik egy nagyszerű adománnyal: hűséget, sőt barátságot tud kivívni azok körében, akiket alávetett...«”⁵⁶

Hetedik szentencia – Szili mindenáron a Szibéria „meghódítása” terminust erőlteti:

„Amiért Szili Sándor küzd, az azon történelmi valóság leegyszerűsítése lenne, amelyre az adott esetben a különböző folyamatok jellemzőek és visszalépésnek számítana a Hazai historiográfiában... Mi több, Szili Sándor véleménye szerint, a szovjet hatalom utolsó pillanatáig a Szovjetunió egységének egyik cementező faktora éppen a Szibéria »csatolásáról« és az őslakos népiségek Oroszország keretébe történő bevonásának »progresszív jelentőségéről« szóló tézis volt. Ezekben a szavakban a tudományos diszkusszió végletekig történő átpolitizálása érhető tetten. Sőt, azt lehet mondani, hogy a disszertáns szerint a probléma tudományos vizsgálata hiányzott az utolsó évtizedek historiográfiájában, s a tisztán politikai definíciók domináltak. Történetírásunk kb. 50 éve lényegében kitörlődik a hazai történettudomány történetéből.”⁵⁷

Nyolcadik szentencia – Szili csak felcseréli az előjeleket:

„Önmagában az állami-ideológiai kontroll torzító hatásának gondolata a tudományra, általánosságban nem kifogásolható, de konkrét alkalmazása nem sikerült a disszertációban a hazai történettudomány története vonatkozásában. Ha korábban a historiográfia fejlődését egy mederben volt elfogadott vizsgálni, és »tudományos« – marxista (szovjet) és »tudománytalan« – burzsoá történetírásra felosztani, akkor Szili Sándor megőrizve a »tudományos–tudománytalan« felosztást, csupán az előjeleket cserélte fel. A disszertációban a szovjet történetírásnak jut a »tudománytalan« jelző.”⁵⁸

56 Uo., 14–15.

57 Uo., 16–17.

58 Uo., 18.

Végső ítélete: a disszertáció nem sikerült, lényegi átdolgozásra szorul, adott formájában védeésre nem bocsátható.⁵⁹ Ami, persze, nem meglepő, ha azt nézzük, hogy a szerző legnagyobb erényének a jó oroszágát tartotta, s szinte egyetlen eredményét, állítását nem fogadta el, azokat tendenciózusoknak, igazságtalanoknak, túlzottan kategorikusoknak, leegyszerűsítőknél, légből kapottaknak, olykor primitíveknek, túlon túl átpolitizáltaknak, előítéleteseknek, gyakorlatilag ruszofóboknak tartotta, a szerzőt pedig olyan „nihilistának”, aki azt a benyomást kelti, hogy fő ambíciója az oroszok pogromlovagokként való ábrázolása.

Hasonló szellemben nyilatkozott a másik tanszéki kvázi-opponens is, aki csak szóban fejtette ki véleményét, de amely nem okozott meglepetést, mert a fentebb idézett költői kérdéseivel már megelőlegezte bírálatának eszmeiségét. A bíráló a disszertáció első bekezdését felolvasva jutott el végkövetkeztetéséig:

„Ez a disszertáció csak a mi mazochizmusunkra apellálhat. Nem szabad elfogadni, sőt! Én minden formája ellen tiltakozom. És most még Amerika felfedezését akarják ünnepelni! Gyalázat! Én nem kívánok ebben részt venni.”⁶⁰

Ez a hozzászóló volt az, aki még az elővédés előtti időben a témavezető Szkrinnyikov professzornak fejtette ki azt a nézetét, hogy

„Az orosz történetet az oroszoknak kell írniuk, miért avatkoznak ebbe bele a magyarok?”⁶¹

És akadt még egy „irányban lévő” harmadik résztvevő is, akinek az a kétes dicsőség jutott, hogy feltegye az „i”-re a pontot:

„Ez a disszertáció átpolitizált – a peresztrojka historiográfia nyomása alatt keletkezett, ami nem más, mint történelmi bacchanália. Ennyi időm koromra eljutottam a következtetésig, hogy a történet nem lehet meg politika nélkül. *Az orosz történetnek nemzetinek kell lennie, ám ez a disszertáció inkább nyugatos rajtaütés, az orosz eszme elleni kirohanásokkal. (Kiemelés tőlem – Sz. Gy.)* Egyszerűen felháborító. Ezt a disszertációt nem szabad kinyomtatni. *Ez ellentmond az orosz nemzeti léleknek. (Kiemelés tőlem – Sz.Gy.)* De többet mondok. Lépéseket kell tenni, hogy ezt a munkát se Magyarországon magyarul, se Nyugaton ne lehessen kiadni.”⁶²

59 Uo., 19.

60 Szili Sándor feljegyzései, 8.

61 R. G. Szkrinnyikov levele Szvák Gyulának (1992. július 12.), 3.

62 Szili Sándor feljegyzései, 7–8.

Negyedik tétel: Calmato

Az érzelmek és indulatok láthatólag elszabadultak a hivatalos opponens megsemmisítőnek szánt, de legalább szakszerűen érvelő véleménye után. Talán érdemes megállnunk egy pillanatra a történet elmesélésében, hogy szemügyre vegyük: hol is történt ez a minidráma és kik alakították a főbb szerepeket?

A Leningrádi, majd Szentpétervári Egyetem Történettudományi Kara a Szili Sándor által is elemzett 1934-es párthatározatnak köszönheti létét: más egyetemekhez hasonlóan itt is visszaállították a történelem oktatását és ennek szervezeti kereteit. Természetesen, a „pétervári iskola” hagyományai jóval régebbre mennek vissza, az orosz, majd szovjet történettudomány számos klasszikusa tanított a pétervári egyetemen.⁶³ A Kar legnevezetesebb, emblemikus vezetője V. V. Mavrogyin volt,⁶⁴ akinek ugyan korántsem nevezhető egyenes vonalúnak a pályája, de akinek sikerült intézményét és a szintén általa vezetett Szovjetunió Története Tanszéket jó szakemberekkel feltöltenie és elismert szakmai műhelyé pozicionálnia a szovjet felsőoktatási intézmények között.⁶⁵ Amikor én megkezdtem 1981-ben az aspirantúrámat, akkor olyan nagy tekintélyű professzorok dolgoztak a Tanszéken V. V. Mavrogyin mellett, mint A. L. Sapiro, R. G. Szkrinnyikov, I. Ja. Frojanov, Ju. D. Margolisz, és ezekben az években meglehetősen nagy presztízsnak örvendett.⁶⁶ Szili Sándor elővédése idejére, kb. egy évtized

63 SZVÁK GYULA: “The Golden Age of Russian Historical Writing: The Nineteenth Century”, in *Oxford History of Historical Writing*, vol. 4: 1800–1945, eds. S. MACINTYRE, J. MAIGUSHCA, A. Pók (Oxford: Oxford University Press, 2011), 303–325. DOI: 10.1093/acprof:osobl/9780199533091.003.0016; В.П. КОРЗУН, Г.П. МИКАГКОВ, *Научные школы в Российской исторической науке. К юбилею А.П. Репиной*. (М.: Аквилон, 2017), 386–397.

64 Róla részletesen ld. А.Ю. ДВОРНИЧЕНКО, *Владимир Васильевич Мавродин* (Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2001)

65 „A '40–'70-es évek a Történeti Fakultás Hazai Történeti Tanszéke életében – egy egész korszak. Ezen egész idő alatt, legfeljebb a tőle független körülmények miatti szünetekkel, a tanszéket V. V. Mavrogyin vezette. Meg kell mondani, hogy sikerült neki megteremtenie (vagy, ha akarják, újra teremtenie) a '40–'50-es évek pusztulását követően. A tanszék éléről való távozása után (1982-ben átadta a vezetést tanítványának, I. Ja. Frojanovnak) a tanszék teljességgel erős, életképes tudományos-pedagógiai organizmus volt.” URL: <http://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/297731-1-istoricheskij-fakultet-sankt-peterburgskogo-universiteta-1934-2004-ocherk-istorii-otv-redaktor-prof-dvornichenko-p.php>, 4. (Hozzáférés: 2020. június. 23.)

66 „1986-ra a kar professzori-tanári állománya 63 főből állt, akik közül 21 a tudományok doktora, 36 a tudományok kandidátusa fokozat birtokosa volt... A kar többször elnyerte az egyetem legjobb bölcsészkarának járó elismerést és népszerűnek számított a felvételizők körében: egyes években 15-szörös volt a túljelentkezés.” (Uo.)
1983-ban én is írtam róla egy ismertető cikket, amelyben a legjobb orosz középkorász

elteltével a helyzet azonban jelentősen megváltozott. Ekkor már jó ideje I. Ja. Frojanov volt a dékán és a tanszékvezető, V. V. Mavrogyin már nem élt, A. L. Sapiro súlyos beteg volt, R. G. Szkrinnyikov távozott a tanszékről, bár az Egyetem kutatóprofesszora maradt. Az I. Ja. Frojanov körül kialakult tanítványi kör legtehetségesebb képviselői bekerültek a Karra, jelentősen megfíatalítva a Szovjetunió Története Tanszék tanári karát. Ezek a viszonylag frissen kandidált tanársegédek, adjunktusok értelemszerűen a Kijevi Rusz kutatói voltak, s addigi kutatásaik kronológiailag nem terjedtek ki a 16–17. századra vagy a historiográfiára. A vita bírálói és hangadói ők voltak.

A kulcsfigura – annak ellenére, hogy nem avatkozott a vitába –, természetesen a dékán és tanszékvezető, I. Ja. Frojanov volt. Ez az esettanulmány azonban nem róla szól, ezért itt csak az események megértéséhez szükséges információkat osztanám meg, munkásságának elemzése nem lehet feladatom. (Különben is elfogult vagyok vele kapcsolatban – mint az első szovjet történésszel, akivel életemben találkoztam – és szubjektív portréját már korábban megírtam.⁶⁷)

Az események illetően alakulásának van egy olyan olvasata, amely a Frojanov–Szkrinnyikov konfliktussal magyarázza a történeteket.⁶⁸ Maga R. G. Szkrinnyikov másként ítélte meg. Ő a Tanszék életében bekövetkezett fordulatban látta az okot, amelynek Szilit megelőző példája volt Ju. D. Margolisz, egy Kanadából hazatért aspiránsának megvádolása azzal, hogy az ukrán nacionalistákkal fúj egy követ.⁶⁹

I. Ja. Frojanov markáns vezető volt, aki meghatározta a Kar szellemiségét és arculatát. Nagy valószínűség szerint a Szovjetunió szétesése és a Nyugat által forszírozott neoliberais katasztrófa-politika erősítette fel azt a militáns nagyorosz „oroszvédő” kari politikát, amely az évtized

műhelynek neveztem, ld. SZVÁK GYULA, „A leningrádi történészműhely”, *Egyetemi Lapok – az Eötvös Loránd Tudományegyetem lapja* (1983. március 14.), 5.

67 Д. Свак, *На службе у Клио и у власть предержащих* (Этюды по руссиеведению) (Ruszsztikai Könyvek XXXVIII.) (Budapest: Russica Pannonicana. „Isztorik i kazak”, 2014), 168–170.

Egyébként is mindig elkötelezett híve és magyarországi propagálója voltam a Kijevi Ruszról szóló forradalmi/eretnek koncepciójának. Vö.: SZVÁK GYULA, „I. Ja. Frojanov: Kijevszkaja Rusz. Leningrád, 1974”, *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*, no. 1–2 (1978): 142–143.; Szvák Gyula, „I. Ja. Frojanov: Kijevszkaja Rusz. Ocserki szocialno-politicszeszkoj isztorii. Leningrád, 1980”, *Századok*, no. 5 (1982): 1098–1101.

68 „Nekem a védés után sem Szkrinnyikov, sem Alekszandr Lavrov nem mondott semmit, mert érintett, illetve külföldi voltam. Úgy kezelték az esetet, mint helyi orosz belügyet. Mindössze annyit közöltek, hogy nem rólam és nem a disszertációról van szó, hanem ez egy lehetőség arra, hogy verjenek Szkrinnyikovon.” *Szili Sándor levele Szvák Gyulának* (2020. április 14.)

69 R. G. Szkrinnyikov levele Szvák Gyulának (1992. július 12.), 2.

végére „érett be” igazán és vezetett a Kar kríziséhez, Igor Frojanov mint dékán, majd mint tanszékvezető eltávolításához. Ez az időszak tanszéki megszüntetésekkel, összevonásokkal, kirúgásokkal, nyílt levelekkel, feljelentésekkel, újságcikkekkel, rágalmozó és védelmező publicisztikákkal, heves és érzelemdús egyetemi és egyetemen kívüli megnyilvánulásokkal terhes,⁷⁰ ezért itt csak a hivatalos véleményt, a Kar 70. évfordulójára megjelentetett jubileumi kötet értékelését idézem, amelyet az akkori dékán és tanszékvezető, I. J. Frojanov egykori tanítványa írt:

„A '90-es évek második felében a tanszék tevékenységében a negatív tendenciák erősödése figyelhető meg. A már elmúlt század '90-es éveinek végén a tanszék, a karral együtt, nehéz időket élt át. A változások háttérében, amelyeket el kellett szenvednie a tanszéknek, az egész történeti kart megrázó konfliktusok álltak... A tanszék vezetőjének politika iránti szenvedélye, a karon belüli súlyos konfliktus felszítása nem járult hozzá a tanszék fejlődéséhez. A tanszékvezető »díszjelentésekkel« homokot szórt a szemekbe és nem összpontosított a tanszék tudományos és pedagógiai tevékenységének tökéletesítésére. Amely így távol maradt a történettudomány Nyugaton széles körben elterjedt innovatív irányzataitól. Ami érthető is azok után, hogy a tanszék kapcsolatai a külfölddel lenullázódtak a »világ háttérhatalmai« támadásától való félelem miatt.”⁷¹

I. Ja. Frojanov tudományos mezbe öltöztetett, de nem is titkoltan nyílt politikai szimpátiákat és antipátiákat közvetítő könyveinek koncepciója a '90-es évek végén,⁷² szerepvállalása az Orosz Kommunista Pártban, majd tudományos munkásságának az „összeesküvés-elméletek” szolgálatába állítása,⁷³ mértéket vesztő Nyugat- és „háttérhatalmak”-ellenessége a

70 Ezeket összefoglalja, bevallottan I. Ja. Frojanov védelmében, tanszéki kollégája, az ekkoriban már a szabadkőművesség kutatására (ld. URL: https://royallib.com/book/brachev_viktor/masoni_u_vlasti_.html) specializálódott V. Sz. Bracsov: http://www.uhlib.ru/istorija/travlja_russkih_istorikov/p5.php (Hozzáférés: 2020. június. 29.)

71 Ld. URL: <http://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/297731-1-istoricheskij-fakultet-sankt-peterburgskogo-universiteta-1934-2004-ocherk-istorii-otv-redaktor-prof-dvornichenko-p.php>, 5. (Utolsó elérés: 2020. június 23.)

72 И.Я. Фроянов, *Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего)* (СПб.: 1997); *Погружение в бездну* (Россия на исходе XX века) (СПб.: 1999)

73 И.Я. Фроянов, *Драма русской истории: На путях к Опричнине* (М.: Парад, 2007), 952. (I. Ja. Frojanov IV. Ivánt és Sztálint ebben a bő folyamú kötetben az orosz történelem progresszív főszereplőiként mutatja be, és az előzőekben idézett köteteivel mintegy trilógiát alkotva, a „zsidózó” eretnekségtől kezdve a szabadkőműveseken és a forradalom zsidó származású vezetőin keresztül, a német és USA pénztőkétől a mai pénzügyi háttérhatalmáig jutva

mából visszatekintve magyarázzák az 1992-ben történeteket. Személyes, családi tragédiái⁷⁴ pedig nyilván csak fokozták amiatti fájalmát és elkeseredettségét, hogy az ország nem jó irányba – esetleg a szétesés felé – halad.

R. G. Szkrinnyikov úgy fogalmazott, hogy I. Ja. Frojanov: „jó rendező. Megbízta az ifjait, hogy zúzzák szét Sándor disszertációját, amit ők el is végeztek.”⁷⁵ Tehát nem ellene irányuló kicsinyes bosszúról beszél, hanem ő is súlyosabb – elvi – okokat valószínűsít. S ha megnézzük nemcsak I. Ja. Frojanov, hanem kollégáinak későbbi pályáját, úgy azt kell konstatálnunk, hogy a munkahelyi főnökek egyáltalán nem kellett beosztottjain erőszakot tenni. Többségük osztotta az ő „történetfilozófiáját”, volt, aki még nálánál is szélsőségesebb formában.⁷⁶

Szili Sándornak azonban támogatói is akadtak – de egyikük sem a Tanszékről. A két írásban is elkészült bírálat szerzői egykori Szkrinnyikov tanítványok voltak, pályájuk elején álló, a 17. századi orosz történelemből fokozatot szerző szakemberek. Később, de ugyanebben az évben még további négy támogató vélemény érkezett, komoly szaktekintélyek⁷⁷ részéről.

Egyikük sem vonta kétségbe, hogy a dolgozat védelemre bocsátható. Mindegyikük önálló, eredeti, koncepciózus, rendkívül alapos és tájékozott kutatásnak értékelte, amelynek nemcsak helye van, de újat is hozott a kérdés historiográfiájában:

„A szerzőnek óriási anyagot (a »Bibliográfiá«-ban kb. 400 cím szerepel) kellett elemeznie, az áttekintett kérdések igen különmemű, gyakran még az »orosz nyelvű« kutató számára is nehezen értelmezhető skálája nemcsak a szakirodalom, hanem az (akadémiai levéltárból való) archív anyagok, és időnként Szibéria történetének dokumentális publikációi ismeretét is megkövetelte a disszertánstól... Úgy vélem, hogy Szili S. munkájának fő célját elérte: egy

megkonstruálja az Oroszországra, mint feldarabolandó konkra leleselkedő ördögi Nyugat képét.)

74 Felesége és fia egy éven belül halt meg, utóbbi gyilkosság áldozata lett. Ld. «Страшная „Сказка” в Петербурге – очередное заказное убийство», URL: <https://www.kommersant.ru/doc/157915> (Hozzáférés: 2020. június 24.)

75 R. G. Szkrinnyikov levele Szvák Gyulának (1992. július 12.), 2.

76 Ld. a 61. lábjegyzetet.

77 Közülük kettő az akkori idők két vezető Szibéria-kutatója, kettő historiográfus, hárman a történettudomány doktori.

teljességgel professzionális, originális, befejezett kutatást sikerült védésre elkészítenie...”⁷⁸

A dolgozat méltatói az általános megjegyzéseiken túl elsősorban a disszertáció új kronológiáját, a Szibéria-koncepciók egymásra épülésének fejlődéstörténeti rekonstruálását, Müller tevékenységének, majd később Bahrusin érdemeinek megfelelő ábrázolását méltányolták, s általában, már a 18. században, az állam erőteljes beavatkozásának elemzését a történelmi emlékezet formálása terén, majd ennek rendkívül adatgazdag módon való nyomon követését, intézményesített formáinak feltárását a szovjet korszakban.⁷⁹

Ezek a vélemények egyáltalán nem voltak kritikátlanok. Sőt! Nyikityin például így fogalmazott:

„Valószínűleg nem vette eléggé figyelembe azt a körülményt, hogy a tudománynak, bémennyire »agyonbürokratizált« is, megvan a saját logikája, a saját fejlődési törvényei, amelyeket senki, amíg tudomány a tudomány, sem a KB Politikai Bizottsága, sem az egyes diktátorok nem tudnak eltörölni...”

A szovjet korszakot túlzottan leegyszerűsítő interpretációt gyakorlatilag mindenki hangsúlyozta.⁸⁰ Hasonlóan az orosz „kulturmissziós”

78 Н.И. Никитин, *Отзыв на рукопись кандидатской диссертации Шандора Сили «Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI–XVII. вв. в русской и советской историографии / Развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства»* (СПб.: 1992), 1.

A. Sz. Lavrov így fogalmaz: „Szili S. munkáját a historiográfiai irodalomra jellemző sémáktól és sablonoktól mentes jó irodalmi nyelve különbözteti meg. A munka erős oldala a szigorú logikai szerkezet, amely lehetővé tette a szerzőnek, hogy megszabaduljon minden feleslegestől, s hogy munkája ne váljék citátum- és biobibliográfai gyűjteménnyé. S mindezek mellett a szerző koncepciója teljesen önálló jellegű.” (Рецензия на рукопись кандидатской диссертации Шандора Сили «Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI–XVII вв. в русской и советской историографии (Развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства)», 5.

79 «Раскрытие государственнического „служилого”, если можно так сказать, характера отечественной историографии Сибири – несомненная заслуга автора.» (А.С. ЛАВРОВ, *Рецензия*).

80 Pl. A. Sz. Lavrov ekként: „Amidőn elveti a történelemről, mint »a múlta irányuló politikáról« szóló felfogást, a szerző olykor maga is hajlamos a szovjet historiográfiában a különböző ideológiai és pártútmutatások tükröződését látni. Itt elengedhetetlen az a képesség, hogy a kor kontextusát észrevegyük, és figyelembe kell venni az idők során bővülő forrásbázist is, amelyekre alapozva születtek ezek a következtetések.” (Лавров, *Рецензия*, 4.); П.В. Седов, *Отзыв на кандидатскую диссертацию Шандора Сили «Ключевые*

szerepvállalás értékelését és a „meghódítás” terminushoz mindenáron ragaszkodó álláspontját:

„úgy vélem, az orosz kutatók 1950–80-as években végzett kutatásai megcáfolták a Szibéria meghódítására vonatkozó egyértelmű állításokat és a szibériai »oblasztnyikok« [regionalisták] teóriáit is a szibériai népek kihalásáról.”⁸¹ (V. A. Alekszandrov)

Mindezek mellett a hat szakértő véleménye a disszertációról, A. N. Camutali megfogalmazásában így volt összegezhető:

„[Ú]gy vélem, az alapvető megállapításai megalapozottak, s ha egy sor részleges értékelése diszkusszió, viták tárgya lehet is, [a disszertációnak] joga van a létezésre és lökést ad a probléma jövőbeli termékeny feldolgozásának.”⁸²

Ez azonban mit sem számított: az elővédésen mesterségesen felkorbácsolt hangulat vesszőfutásra kárhoztatta szerzőjét és mintegy lesöpörte a disszertációt. Ehhez képest meglepetést keltett,⁸³ hogy az elnöklő I. Ja. Frojanov végül nem hozatott határozatot a sikertelenségről, s elvben legalábbis nyitva hagyta a disszertáció további sorsának kérdését.⁸⁴ (A gyakorlatban azonban addigra már lejárt Szili Sándor aspiránsi jogviszonya.⁸⁵)

A teljes igazsághoz tartozik, hogy az indulatos megnyilvánulások mellett józan hang is hallatszott. Margolisz professzor kifejezetten kérte a hivatalos bírálót, hogy csökkentse a „ruszofób” jelző előfordulásainak számát a jegyzőkönyvben.⁸⁶

вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI–XVII вв. в русской и советской историографии (Развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства)», 5.; М.В. СВЕРДЛОВ, Отзыв о кандидатской диссертации Шандора Сили «Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI–XVII вв. в русской и советской историографии (развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства)», 2, 6.

81 V.A. АЛЕКСАНДРОВ, *Отзыв на диссертацию Ш. Сили «Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI–XVII вв. в русской и советской историографии (развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства)», 3.; „... о культуртрегерской роли России в Азии. К сожалению, последняя тема оказалась в диссертации несколько скомканной” (Лавров, Рецензия, 3.)*

82 A.N. ЦАМУТАЛИ, *Отзыв о кандидатской диссертации Шандора Сили «Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI–XVII вв. в русской и советской историографии (Развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства)», 2.*

83 R. G. Szkrinnikov levele Szvák Gyulának (1992. július 12.), 2.

84 Ez kétségtelenül eltért a Szili Sándor által oly’ plasztikussággal tárgyalt szovjet (sztálini) gyakorlattól, mert nem irányult a disszertáns egzisztenciális ellehetetlenítésére.

85 Szili Sándor levele Szvák Gyulának (2020. április 21.), 1.

86 R. G. Szkrinnikov levele Szvák Gyulának (1992. július 12.), 2.; Szili Sándor feljegyzései, 9.

Ötödik tétel: Ordinario

A disszertáció, a bírálatok és az elővédésen elhangzottak ismeretében, utólag úgy gondolom, hogy Ju. D. Margolisz a probléma lényegét ragadta meg. Az elővédésén nem folyt szakmai vita, itt valójában az orosz (beleértve a szovjeteket is) történészek és tágabb értelemben véve egész Oroszország becsülete volt a tét. Legalábbis így élték meg ezt a frojanovista résztvevők, tehát a tanszéki hivatalosság. Nem vettek tudomást a dolgozat szakmai értékeiről, hanem sértettségükben és beszorítottság-érzésükben frontális támadást indítottak, és példát statuáltak. Ehhez kétségtelenül ürügyet szolgáltatott a disszertáns néhány sarkos, ellentmondást nem tűrő – és a méltatói által is szóvá tett – megállapítása. Mégis: nyilvánvalóan nem Szili Sándor személyéről, vagy magyar voltáról, és még csak nem is az „européer” Szkrinnnyikov professzorról szólt a történet. Különösnek tetszik ma már, hogy az amúgy – bár nem a témából – felkészült fiatalemberek mennyire artikulálatlanul – volt, aki a szó szoros értelmében – adták elő mondandójukat. A pátoszos sértettség sohasem kedvez a szakszerű beszédmódnak. Még a meglehetősen eklektikus forrásokból – Marx, Bergyajev, Sztálin, Cipko – merítkező és a tudományos normákat leginkább magára erőltető hivatalos bíráló is csak a „ruszofób” jelzőt tudta aduásként minduntalan előhúzni tarsolyából.⁸⁷

Szili Sándor rosszkor volt rossz helyen. És nem is vette észre magát – dacára az előzetes figyelmeztetéseknek.⁸⁸ Oroszország romjaiban hevert, a pétervári Történettudományi Fakultáson azonban a dékán vezetésével kialakult és többségbe került egy elszánt, erős mag, amely nem volt hajlandó megbékülni a Szovjetunió összeomlásával, a nemzeti nagyság és büszkeség saját vezetőik és a Nyugat általi sárba tiprásával. Egy ilyen felfokozott

87 Itt, ebben a vitában ez az „ideológiai bunkó” szerepét játszotta, amivel nem azt akarjuk sugallni, hogy az oroszok félelme *ab ovo* alaptalan a „ruszofób” megnyilvánulásokkal szemben. (Ld. részletesen: Дюла Свак, «К вопросу о генезисе русофобии.» в *Государство и нация в России и Центрально-восточной Европе. Материалы международной научной конференции будапештского Центра Русистики от 19–20 мая 2008 г. / State and Nation in Russia and Central-East-Europe: materials of international historical conference at the Centre for Russian Studies in Budapest* (Ruszisztikai Könyvek XXII.), ed. Gyula Szvák (Budapest: Russica Pannonicana, 2009), 21–29.

Az is kétségtelen azonban, hogy az oroszok a ruszofóbiától való félelmükben hajlamosak esetenként „nagyorosz” indulatokkal „kompenzálni”, amelytől egyenes út vezethet a xenofóbiáig, antiszemitizmusig, amint azt az elővédés néhány résztvevőjének későbbi életútja is igazolja.

88 Szili Sándor levele Szvák Gyulának (2020. április 14.)

hangulatban a német Müllert az orosz történettudomány atyjának, a mindenkori szovjet történettudományt pedig a párt szolgájának minősíteni, felért egy arcul csapással. Szili Sándor naiv „megátalkodottságában” erről nem volt hajlandó tudomást venni, felvállalta a konfrontációt, pedig sejthette, mi lesz a vége. Sőt, joggal érezhette erkölcsi győztesnek magát és saját bőrén megtapasztalva az általa leírt diagnózist is igazolva láthatta.

Tulajdonképpen igaza is volt, hiszen néhány szerencsétlenül megfogalmazott mondat vagy jelző átírása nem változtatott volna a lényegen. Hogy tudniillik itt a tanszéki bírálók szerint egy ruszofób merénylet történt az orosz/szovjet történetírás, valójában az egész nép ellen.

Ennek az írásnak nem Szili Sándor munkájának elemzése és megítélése a feladata. Ezt megtettem 1992 őszén, amikor a sikertelen pétervári elővédés után az általam vezetett, autonóm Ruszisztikai Intézetben is megrendeztük annak munkahelyi vitáját.⁸⁹ Én is osztottam Krausz Tamás véleményét, aki opponensi bírálatában ezt írta:

„[T]udományos szempontból nem szerencsés periódusban született a munka. A »rendszerváltás« tipikus terméke, amennyiben Szili Sándor »végigharcolja« az egész dolgozatot egy olyan ellenfél ellen, amely már »döglött oroszán«, amely tudományos és elméleti téren nem üt vissza.”⁹⁰

Ennek ellenére a dolgozat szakmai jelentőségét elismertük és egyhangúlag védésre javasoltuk.⁹¹

Ennyi idő távlatából azt is látjuk, hogy a „döglött oroszán” valóban nem tudott tudományos és elméleti téren visszaütni, hatalmasan azonban annál inkább. A disszertáns is levonta a megfelelő következtetéseket és a 2005-ben megjelentetett kötete a disszertációhoz képest komoly elméleti-módszertani megalapozottságú, a konstruktív kritikákat megszívlelő monográfia lett, amelyet már nem leng át az 1992-es idealista romantika, amely a legfőbb „harci” feladatának azt tartotta, hogy az orosz állam hatalmát az orosz/szovjet történetírásban leleplezze. Mert ezt egyrészt

89 „Szvák Gyula bírálatában alapvető módszertani hibákra mutat rá és a disszertáció kandidátusi értekezésésként való benyújtását csak a bevezető és a befejező részek radikális megváltoztatása (...) után tartja elképzelhetőnek.”, in *Jegyzőkönyv Szili Sándor „Szibéria meghódításának koncepciói az orosz és szovjet historiográfiában” című kandidátusi értekezésének műhelyvitájáról* (Budapest, 1992. november 5. 14.00–16.30.), 4.

90 KRAUSZ TAMÁS, *Opponensi vélemény*, 1.

91 *Jegyzőkönyv Szili Sándor „Szibéria meghódításának koncepciói az orosz és szovjet historiográfiában” című kandidátusi értekezésének műhelyvitájáról*, 10.

addig is tudtuk,⁹² másrészt szerencsére nem is minden korban volt egyformán igaz. A minden hatalmi kényszerrel dacoló, „önjáró”, saját belső törvényszerűségei alapján működő történettudomány, a „renitens kivételek” a mából tekintve is ennél nagyobb figyelmet érdemeltek volna.

Mert, ahogy a túlhatalom, úgy az annak való ellenállás is máig aktuális.

Váratlan aktualitást kapott napjainkban a dolgozat másik központi problémája: Szibéria „gyarmati” státuszának kérdése is. A témát – amint azt Szili Sándor művében meggyőzően bizonyította – valójában sosem engedte el a politika, és időről időre azóta is megjelenik egy-egy „iránymutatónak” szánt kvázi-hivatalos cikk.⁹³ Az utóbbi hónapokban a világban mozgalom indult a gyarmati örökséggel való őszinte szembenézésért, s ennek során szobordöntögetésekre, szoborgyalázásra is sor került. Ez megjósolhatóan hatással lesz az oroszországi recepcióra: várhatóan ismét erősödni fog a nyugati hatalmak véres kolonizációs politikájával szembeállított „békés” szibériai „betelepedés” kincstári narratívája. Azonban ez is a Szili Sándoron számonkért mértéktartással elemzendő. Azért, mert a politika beleavatkozik, még értelmes történészi feladat a nyugati és orosz gyarmatosítás közötti különbségek feltárása. S akik majd történészként a szibériai népek (viszonylag) békés csatlakozásáról írnak a jövőben, nem feltétlenül parancsra teszik: minden nemzeti, különösen, ha birodalmi, történetírás kegyesebb a saját történelmi múltjához, meggyőződésből, még akkor is, ha nem vallja be magának.

Szili Sándor mély szimpátiával citálta G. Müller krédóját, mely szerint a történésznek „nem lehet hazája, hite, uralkodója.”⁹⁴ Egy ilyen jelmondatot

92 Fentebb erre utalt a disszertáció hivatalos bírálója: „Kétségtelen, hogy a politikai konjunktúra meghatározott hatást gyakorolt a történettudományra. Ez régóta ismert.” De Krausz Tamással együtt addigra mi is számos cikkben elemeztük – és bíráltuk – ezt a jelenséget. (vö.: KRAUSZ TAMÁS, *Pokrovszkij és az orosz abszolutizmus vitája a 20-as években* (Különlenyomat a *Történelmi Szemle* 1980/4. számából); KRAUSZ TAMÁS: *Pártviták és történettudomány. Viták „az orosz történelmi fejlődés sajátosságairól”, különös tekintettel az 1920-as évekre* (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991); SZVÁK GYULA, „Rettegett Iván az újabb szovjet kutatások tükrében”, *Történelmi Szemle*, no. 3–4 (1979): 592–604.; SZVÁK GYULA, „IV. Iván alakja az orosz történetírásban”, *Századok*, no. 1 (1982): 93–122.; Д. СВАК, «Вопрос исторического значения опричнины в советской исторической науке», *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, no. 1–4 (1987): 327–360.

93 Vö.: Н.И. Никитин, Ю.А. Петров, «Русская колонизация в Сибири и Америке: Дискуссионные проблемы» в *Вестник Российской нации*, 4-5 мая 2012 г., 2012/4–5. (Ebben a reprezentatív kötetben V. V. Putyin írta az első cikket.) Ld. erről részletesen: SZILI SÁNDOR, „A szibériai frontier a 17. században”, in *Az orosz birodalom születési*, szerk. Frank Tibor (Budapest: Gondolat Kiadó, 2016), 61–74.

94 Ш. Сили, *Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI–XVII вв. в русской и советской историографии (Развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства)* (kézirat, 1992), 58.

zsinórmértékül használni azért illúzió, mert egy történetíró nem újszülöttként érkezik a szakmába és ott nem üres lapot talál. A történetírás különböző hitű, nemzetiségű és pártállású szakemberek összessége, saját hagyományokkal, normákkal és szabályszerűségekkal, amiből a személyes pluszok és mínuszok kiszálazása éppen, hogy igazi historiográfusi feladat.

Szili Sándor művének végül is javára vált, hogy a meghiúsult disszertációjának vezérmotívumát⁹⁵ elhagyhatta és monográfiájában Thomas Kuhn paradigma-teóriája nyomán egy differenciáltabb és strukturáltabb metodológiai keretbe helyezte kutatását:

„A történeti koncepcióalkotás fent vázolt »szibériai példája« arról tanúskodik, hogy a folyamatban szerepet játszó faktorok közül három tényezőnek van döntő jelentősége: a metodológiai nézetek átalakulásának, a szociokulturális környezet megváltozásának, valamint – autonóm tudományos intézmények hiánya vagy gyöngesége esetén – a politika befolyásának.”⁹⁶

És 1992 Oroszországában még nem jött el az ideje a történetiszemléleti paradigmaváltásnak. Sőt, ha az 1984-es és 1992-es két védés körülményeit megvizsgáljuk, akkor ott, a Szentpétervári Egyetem Történettudományi Karán ebben a kimerevített történelmi pillanatban még rosszabbul is állt a dolga, mint 1984-ben, a szovjet korszakban. Dacára annak, hogy 1992-ben már a „glasznosztj” után vagyunk, de a szólás- és tudományos szabadság a bemutatott esetben csak idegengyűlöletével hozott újat. Ez sem volt azonban általános: elhangzott olyan vélemény is, amely a kemény bírálat ellenére is a megjelentetést szorgalmazta.⁹⁷

1992 orosz történettudománya nem volt nacionalistább, mint sok más országé. Persze, azóta sok víz lefolyt a Néván és Dunán. És roppant kíváncsi lennék, hogy hogy bännának egy orosz disszertánszal, aki, mondjuk, a magyar kincstári Veritas Intézetben szeretné megvédeni „A magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban” című dolgozatát.

95 SZILI SÁNDOR, *Bevezető*: „A disszertáció alap gondolata – a tudományba történő bármilyen külső beavatkozás kategorikus tagadása, különösképpen a politikai és adminisztratív struktúrák oldaláról...”, 13.

96 SZILI SÁNDOR, *Szibéria birtokbavételének koncepciói az orosz és a szovjet történetírásban* (Budapest: Magyar Ruszisztikai Intézet, 2005), 231.

97 М.В. СВЕРДЛОВ, *Отзыв о кандидатской диссертации Шандора Сили «Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI-XVII вв. в русской и советской историографии (развитие концепции вхождения Зауралья в состав Московского государства)»*, 7.

Finálé

Szili Sándor elővédése után 28 esztendővel talán nem érdektelen megtudni, hogy mi történt azóta hőseinkkel.

I. Ja. Frojanov június 22-én ünnepelte 84. születésnapját, s ahogy azt a 80. születésnapja kapcsán készült TV-interjú alapján meg lehet ítélni, alapjaiban megbékélt, mert úgy látja, hogy Oroszország V. V. Putyin vezetésével elkerülte az összeomlást, és halad ismét a birodalommal való útján.⁹⁸ Oroszország nagyságát és jó hírének őrzését azóta is töretlenül a szívében viseli, hiszen 2013-ban ő is kezdeményezője volt annak a felhívásnak, amely Ilja Repin „Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года” című képének eltávolítását követelte a Tretyakov Képtárból, mondván, a festmény sérti az orosz emberek hazafias érzéseit.⁹⁹

Az ő „ifjai” mind professzorok lettek (szám szerint öten a vita résztvevői közül) a Karon (amelyet azóta már Intézetnek hívnak), az egyetlen, aki nem vitte a professzorságig, Szili Sándor védésén a leggyújtóbb hangú szónok volt (nevezzük a továbbiakban X. Y.-nak). Nem sokkal főnöke után neki is távoznia kellett, először csak a posztjáról, utána az Intézetből is (no, nem nagyon messzire, csak egy közeli Egyetem tanszékvezetői posztjáig.¹⁰⁰) Ő egyedi személyiség, a korabeli sajtó és az egyetemisták rengeteg „színes” történetet meséltek róla.¹⁰¹

98 <https://observet.livejournal.com/tag/%D0%A4%D1%80%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%BE%D0%B2%20%D0%98.%D0%AF> (Hozzáférés: 2020. június 26.)

99 URL: https://ruskline.ru/news_rl/2013/10/02/eta_kartina_oskorblyaet_patrioticheskie_chuvstva_russkih_lyudej/ (Hozzáférés: 2020. június. 26.)

100 URL: https://www.terrahumana.ru/arhiv/08_02/08_02_22.pdf (Hozzáférés: 2020. június 26.)

101 Csak egy közülük a „Pétervári egyetem harcban a történelemért” («Петербургский университет в борьбе за историю», *Szvododa*, 2000. január. 1.) című írásban: „A történelmi fakultáson számomra még csak nem is Frojanov a legvisszataszítóbb figura, hanem az Orosz Történelmi Tanszék egyik professzora, X. Y. Tiszta példája »az antiszemitának a köbön«. Egyszer tanúja voltam egy megdöbbentő esetnek, amikor X. Y a zavaros időszakról tartott előadást, és hosszan elidőzött II. ál-Dmitrij etnikai származásának kérdésén. Azt mondta, hogy ál-Dmitrij zsidó volt és utána harminc percen keresztül részletezte, hogy akkoriban Oroszországban hogy viszonyultak a zsidókhoz és, hogy a zsidók milyen pusztító szerepet játszottak az orosz állam történetében.” URL: <https://www.svododa.org/a/24200527.html> (Hozzáférés: 2020. június 26.) (Megjegyzem, tudományos vezetője és mentora, A. L. Sapiro – katonai nyilvántartása szerint – zsidó volt.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pamyati-aleksandra-lvovicha-shapiro-sluzhebnyaya-harakteristika-na-podpolkovnika-shapiro-aleksandra-lvovicha-1905-goda-rozhdeniya/viewer> (Hozzáférés: 2020. június 26.)

Mivel ezen információk valóságtartalmát nincs módunk ellenőrizni, elfogadjuk a Szmolnij-i Szövetségi Bíróság jogerős végzését az általa indított becsületsértési perben:¹⁰²

„A Bíróság – *olvasható a határozatban* – arra a következtetésre jutott, hogy az alperesek által elégséges számú bizonyíték került bemutatásra ahhoz, hogy az Orosz Föderáció BTK 191–197-es sz. cikkelye alapján X. Y. becsületének, méltóságának és hivatali reputációjának védelmében és az őt ért erkölcsi kár kompenzálása érdekében benyújtott keresetét elutasítsa.”¹⁰³

A tudományok doktora lett egyébként a Szili Sándort támogató két másik fiatalember is. Egyikük azóta a Sorbonne professzora, míg másikuk az OTA Szentpétervári Történeti Intézetének egyik vezetője.

S hogy mi lett Szili Sándorral? Ő nem lett professzor. Sem Magyarországon, sem másutt. Maga így ír életének erről a szakaszáról:

„A disszertációm folytatását megakadályozták a létfenntartási kérdések... Ez tartott 1996-ig, amikor (be)kerültem a külügybe, és onnan Moszkvába. A moszkvai diplomata éveimet arra használtam, hogy Szkrinyikov-könyveket fordítottam, illetve anyagot gyűjtöttem a disszertációm egyes altémaköreinek elmélyítéséhez... 2000-ben hazajöttem a diplomáciai kiküldetésből, elvégeztem az ELTE BTK PhD iskoláját, hogy végre megvédhessem a disszertációmat. Utána elmentem a kutatócsoportba tudományos segédmunkatársnak... a kutatócsoporti időszak volt az életem legjobb periódusa.”¹⁰⁴

Szili Sándor ekkor már elmúlt 40 éves és ismét pályakezdő lett. De sikeresen megvédte PhD disszertációját, amelyből elsőrangú könyv készült („mestere”, G. Müller alaposágával), és alapkönyvekkel gazdagította a

102 URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2002/06/25/isk_otklonen_istoriya_prodozhaetsya (Hozzáférés: 2020. június 26.) „X. Y. az órákon kiabál és mindenkit piszkál. Képes káromkodni is a vizsgákon, ha valaki nem tetszik neki. Állandóan ittas. »Fülbevalós pederaszt«, »liberális tetű«, »mocskos idegen« – az ő szájából ezek mindennapos kifejezések. (...) Amikor elolvasta ezt X. Y., felháborodott, és, feltehetőleg, feddhetetlennek érezve magát, keresetet nyújtott be a becsülete és méltósága védelmében, mintegy 5000 rubelre taksálva az őt ért »morális kár« értékét.”

103 Uo.

104 Szili Sándor levele Szvák Gyulának (2020. május 4.)

hazai történeti ruszisztikai oktatást,¹⁰⁵ amelyből szintén kivette részét.¹⁰⁶ Havi 500 euróból azonban nem lehet családot alapítani és fenntartani. Így tehát megint pályaelhagyó lett.

Én azt gondolom, hogy valójában a pálya hagyta el őt.

Sok kisiklott történészsorsot tanulmányozott Szili Sándor a szovjet történetírásban. Volt, aki rosszabbul járt, kivégezték. Volt, aki emigrációba kényszerült. Mások a GULAG-ra, megint másokat később rehabilitáltak, s folytathatták, de sosem ott és sosem úgy, ahol és ahogy abba hagyták.

Más kor, más végkifejlet. Ezeknek a történeteknek azonban sosem katarzis a vége.

105 SZILI SÁNDOR (szerk.), *A középkori orosz történelem forrásai*. (Budapest: Pannonica Kiadó, 2005), (320 o.); SZILI SÁNDOR (szerk.), *A normannkérdés az orosz történelemben. I. Források*. (Budapest: Russica Pannonicana, 2009), (328 o.)

106 Egyik hallgatója így jellemezte: „A keleti-szlávok története. A morc külső alatt egy igazi zseni van, hatalmasnál nagyobb tudású, jó előadó, nagyon izgalmas leckéket ad. Módszertanilag is fantasztikus, nem megmondja a tutit, hanem mindig kíváncsi a véleményekre, ötletekre, azokra érdemben reagál, igazi együtt-gondolkodás volt minden szeminárium. Imádtam az óráit. Nagyon segítőkész! Sokat kell gondolkodni és olvasni az óráira, de egy igazi bölcsésznek ez a lételeme. Ld. URL: <http://www.markmyprofessor.com/tanar/adatlap/8709.html> (Hozzáférés: 2020. június 28.)

ФЕРЕНЦ ХАВАШ

СТАЛИН-«УЧЕНЫЙ». ДИСКУССИЯ О МАРРИЗМЕ

STALIN, THE SCIENTIST. THE DEBATE ON MARRISM

Despite emerging as a victor, the Soviet Union found itself in a deep economic crisis and was threatened by the emerging Cold War in the post-World War II period. The world power reacted to the situation with centralistic voluntarism and ideological austerity. Like all intellectual life, science too was considered worth “disciplining.” Formally, this happened through seemingly scientific debates in a range of disciplines, in which winners and losers were eventually pointed out. A case in point was the debate on N. Ya. Marr’s linguistic theory. But this one was not merely another episode in the series – it displayed two unprecedented features: the whole debate was running in *Pravda*, the daily newspaper of the Communist Party, and, quite unexpectedly, Stalin himself took part in it. The paper deals with this strange phenomenon in detail, seeking for a deeper understanding of Stalin’s participation as well as a broader analysis of those ideologically-shaped disciplinary debates in the post-war period in general.

Keywords: Stalin, Marr, Marrism, linguistics, scientific debates

Советский Союз в военном и геополитическом смысле выиграл Вторую мировую войну, но в экономическом смысле вышел из нее в катастрофическом состоянии. Более того, довольно быстро, самое позднее к середине 1947 г., когда между блоками, возникшими в результате дележа между победителями, окончательно возникла холодная война, страна вновь оказалась в ситуации международной изоляции и конфронтации. В этой обстановке, чреватой как внешними, так и внутренними угрозами, центральная власть по устоявшейся привычке прибегла к средствам волюнтаризма и идеологической строгости.

С лета 1946 г. намерение установить контроль над интеллектуальной жизнью страны воплотилось в проведении организованных кампаний. Общее руководство этими кампаниями осуществлял, пока имел для этого физическую возможность, лично секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов, который считался в то время вторым человеком в Кремле и непререкаемым авторитетом (после Сталина) в научных, идеологических и культурных вопросах. Как известно, связанный с его именем жесткий идеологический курс неограниченно осуществлялся практически до смерти Сталина (5 марта 1953 г.), хотя сам Жданов скончался в середине 1948 г.

Началом волны кампаний стало постановление ЦК от 14 августа 1946 г. после которого была сменена вся редакция журнала «Звезда», а журнал «Ленинград» был окончательно закрыт. Вскоре после этого был закрыт или подвергнут критике целый ряд других учреждений. Позже принцип аналогии, чрезмерное рвение в выполнении директив из центра и «идейная бдительность» сделали механизм гонений более или менее самодействующим. Даже без всякого вмешательства «сверху» беспощадная борьба за культуру стала повседневным явлением, охватывая все более широкие области культурной жизни.

Вместе с тем непрерывно чувствовался контроль со стороны власти, игравший роль катализатора. Что же касается получившей особое значение сферы науки, то здесь ситуация была еще серьезнее, – в неожиданно участвовавших «научных дискуссиях» того времени не только звучали голоса работников или даже руководителей центрального партийного аппарата, но активизировался и сам Сталин. Вождь лично сыграл главную роль в развертывании т. н. философской дискуссии 1947 г., ставшей первым звеном в ряду дальнейших дискуссий. Правда, он не принял в ней личного участия, но заботливо подготовил

выступление главного оратора, Жданова, сделав в тексте выступления несколько десятков поправок и дополнений. Сама дискуссия развернулась вокруг (или скорее по поводу) книги Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», за которую, впрочем, ее автору ранее была присуждена Сталинская премия. (В результате дискуссии автора обязали переработать книгу, а также осудили известный по сей день учебник С. Л. Рубинштейна «Основы общей психологии»). Сходную роль скрытой движущей силы (и правщика текста) Сталин сыграл и в хорошо известной дискуссии о генетике 1948 г., в ходе которой Т. Д. Лысенко бросился в атаку на установленные Менделем законы наследственности и менделевскую теорию генов, вместо которых он предлагал применять (переосмысленные им) идеи Мичурина. (В итоге этой дискуссии к 1948 г. советская генетика, ранее находившаяся на мировом уровне, практически была развалена, и ее обновление при жизни Сталина было невозможно.) Позже по образцу и под воздействием дискуссии о генетике ряд подобных искусственных, истерических и иногда сопровождавшихся такими же роковыми последствиями споров состоялся и в других отраслях науки, в том числе в биологии (дискуссия о теории Лепешинской), психологии (дискуссия об учении Павлова), химии (т. н. антирезонансная кампания) и т. д., и лишь в последний момент была отменена уже полностью подготовленная дискуссия об атомной физике (дабы не помешать усилиям, направленным на создание атомной бомбы).¹

Однако в отношении личного участия Сталина совершенно особое место должно быть отведено дискуссии по вопросам языкознания 1950 г., в ходе которой Сталин не ограничился закулисными манипуляциями и лично вступил в борьбу. В дальнейшем я подробно изложу события этого спора и дам ему оценку.

Фоном этой истории послужила сначала скрытая, а потом открытая конфронтация вокруг т. н. школы Марра в языкознании. Ее родоначальник и вплоть до своей смерти руководитель, грузинский советский академик-лингвист Н. Я. Марр (1864–1934), противопоставил свою своеобразную теорию доминировавшим ранее сравнительно-историческим лингвистическим учениям (индоевропейскому языкознанию) и, разработав свое «новое учение о языке» или

1 Суть и ход этих дискуссий, а также непосредственная или косвенная роль Сталина в них подробно описаны мною в книге: HAVAS FERENC, *A marrizmus-szindróma. Sztálinizmus és nyelvtudomány* (Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2002), 368–388.

«яфетическую теорию», создал специфически советское языкознание, которое его сторонники считали прогрессивным, более того, единственно совместимым с марксизмом.² После смерти основателя эта школа продолжала существовать под руководством главного ученика Марра академика И. И. Мещанинова и стремилась достичь преобладания, дойдя в конце 40-х гг., пусть на короткое время, до агрессивной претензии на исключительность. На этом этапе, в том числе и под влиянием веяний, порожденных лысенковской дискуссией, она в итоге представляла уже и экзистенциальную угрозу для инакомыслящих лингвистов. Конечно, широкая публика ничего из этого не замечала и совершенно неожиданно для себя столкнулась с тем действительно не имевшим предпосылок событием, что с 9 мая по 4 июля 1950 г. противостоявшие друг другу лингвистические кружки вели борьбу не на жизнь, а на смерть прямо (и исключительно) на страницах «Правды», органа ЦК партии. Однако самой поразительной чертой завязавшегося спора было даже не это, а тот ошеломляющий факт, что в дискуссии принял личное участие и сам Сталин. В пространной статье и добавленных позже «ответах» разным лицам он осуждающе отзывался об учении Марра и, используя аргументацию философского и лингвистического характера, отверг всю деятельность основанной Марром школы.³ Особенно резко он выступил против взглядов Марра на надстроечный и классовый характер языка. Нечего и говорить, что все это немедленно и однозначно решило исход дискуссии, включая обычные в таких случаях «организационные и кадровые выводы».

За отсутствием ясности в специальной литературе за прошедшие пятьдесят лет было сформулировано множество предположений и мифов в связи с ролью, взятой на себя Сталиным в области языкознания. Существует широкий диапазон гипотез. Среди них есть и такие, которые совершенно ничего не объясняют, как, например, мнение Хрущева, который, – быть может, в качестве поздней реакции на досаду от собственной непосвященности, – считал выступления

2 Нет возможности хотя бы в общих чертах охарактеризовать и оценить научное содержание этого учения. Эта проблематика рассмотрена мною в полном объеме в моей книге, указанной в предыдущем примечании.

3 Как с философской, так и с лингвистической точки зрения упомянутые тексты Сталина не содержали ничего, кроме тривиальных утверждений и кричащего дилетантизма. Конечно, в свое время они были овеяны нимбом гениальности, однако ныне ни один из специалистов не придает лингвистическим «трудам» Сталина ни малейшего научного значения.

Сталина простым беспричинным капризом,⁴ или как попытки вывести действия Сталина из личностных качеств, характерных для любого деспота, из стремления тиранов всех времен реализовать свою неограниченную власть и в далеких от них сферах жизни, особенно в искусстве и науке.⁵ Сюда же я отношу и утверждения о том, что в этом случае просто победил здравый смысл, которые, однако, не объясняют, почему среди множества специалистов и идеологов только Сталин был наделен этим особым даром.⁶ Другая группа предположений опирается на тезис о личной неприязни Сталина к Марру. В качестве основного мотива этой неприязни указывается на ревность в связи с культом, возникавшим вокруг деятельности Марра (еще одного грузина!). Существует и мнение, что в событиях дискуссии проявилось традиционное противостояние Москвы и Ленинграда. Эти гипотезы вряд ли можно принять всерьез, ведь ранее и Марр, и Мещанинов получили множество высоких наград, причем, несомненно, с одобрения Сталина; нет никаких признаков того, что до конца 40-х гг. у вождя было какое-либо недовольство положением дел в языкознании (вероятно, оно его и не интересовало);⁷ маловероятно и то, что ревность к Марру, если она вообще существовала, кульминировала в душе Сталина спустя шестнадцать лет после смерти ее объекта. Кстати, согласно современным предположениям, нужно говорить не столько о душе Сталина, сколько о душе Берии, у которого якобы были личные счёты с Марром, и поэтому он настраивал против него Сталина.⁸ Наконец, имеются и гипотезы содержательного характера, согласно которым действия Сталина были вызваны просто его несогласием с лингвистическим учением Марра, и развернувшаяся дискуссия дала ему повод сформулировать свои возражения,⁹ или же утверждается, что

4 См.: В. М. Алпатов, *История одного мифа. Марр и марризм* (Москва: Наука, 1991), 183.

5 RENÉ L'HERMITTE, *Marr, Marrisme, Marristes. Une page de l'histoire de la linguistique soviétique* (Paris: Institut d'études slaves, 1987), 75.

6 GEORGES MOUNIN, *Histoire de la linguistique* (Paris: Presses universitaires de France, 1972), 240; L'HERMITTE, *Marr, Marrisme, Marristes*, 75; OSWALD SZEMERÉNYI, *Richtungen der modernen Sprachwissenschaft. II. Die fünfziger Jahre (1950–1960)* (Heidelberg: Universitätsverlag WINTER GmbH, 1982), 14.

7 Об этом см.: Алпатов, *История одного мифа*, 182–183.

8 М. В. Горбаневский, *В начале было слово... Малоизвестные страницы истории советской лингвистики* (Москва: Издательство УДН, 1991), 245–247. Недостоверные слухи о неприязни Марра к Берии и якобы состоявшейся по этому поводу консультации Сталина с Берией не подтверждаются фактами и совершенно невероятны.

9 «Почему Сталин, возмущившись абсурдными, надуманными конструкциями этого Марра, не мог принять решения, – а тогда это мог сделать только он, – и просто сказать: «Довольно!»?» L'HERMITTE, *Marr, Marrisme, Marristes*, 75.

истинной главной целью Сталина была реабилитация сравнительно-исторического языкознания, особенно традиционной славистики.¹⁰ Есть даже и такое мнение, что своим вмешательством Сталин намеревался обеспечить возможность продвижения к формальной лингвистике, которая к тому времени давно уже доминировала на Западе.¹¹

Перечисление гипотез можно было бы продолжить, я и сам хочу позже добавить несколько замечаний. Но уже и сказанного выше достаточно, чтобы почувствовать, насколько неоднородную картину дают эти предположения, прежде всего в том смысле, что применительно к действиям Сталина в них смешиваются вопросы *почему* и *почему именно так*. В результате этого в одних случаях предполагается, что дискуссия дала Сталину лишь форму для изложения заранее заготовленных положений, относящихся к Марру или более широким проблемам, а в других случаях, наоборот, подразумевается, что Сталин вмешался в дискуссию по каким-то внешним побуждениям и лишь задним числом определил свои взгляды.¹² К тому же в построении различных гипотез играет роль еще один элемент иного характера, а именно: путаница в ответах на вопросы *почему* = по какой причине и *почему* = с какой целью, вследствие чего реальные последствия выступления Сталина рассматриваются как его изначальные мотивы, что, конечно, не обязательно соответствует фактам.

Для того, чтобы оценить эти предположения, нужно прежде всего реконструировать истинные обстоятельства возникновения дискуссии о марризме и точно определить личную роль Сталина в ней.

Нити ведут на Кавказ начала 1950-х гг. В то время там были освобождены от исполнения своих университетских и академических обязанностей профессора-армяне Ачарян и Капанцян, которые не соглашались с принципами нового учения. Однако в этом регионе СССР положение было не везде одинаковым. В Грузии не менее антимарристски настроенный профессор А. С. Чикобава находился в

10 VALENTIN KIPARSKY, „Comparative and Historical Slavistics“, in *Current Trends in Linguistics*. Volume I, ed. THOMAS ALBERT SEBEOK (The Hague: Mouton Publishers, 1963), 94–110. 96.

11 См., например: U. MAAS, „Parler et agir: situation de la théorie linguistique actuelle“, *Sprache im technischen Zeitalter*, no 41 (1972). Спекулятивную природу этого мнения хорошо демонстрирует тот факт, что антизападные настроения (в том числе и в лингвистике) не исчезли и после дискуссии о марризме.

12 Существует и предположение, согласно которому антимарровское выступление Сталина имело настолько внешнюю мотивацию, что в принципе нельзя исключить и того, что он мог бы поддержать и другую сторону. См.: BÉKÉS VERA, *A hiányzó paradigma* (Debrecen: Latin betűk, 1997), 237.

хороших отношениях с партийными руководителями республики, в том числе лично с первым секретарем ЦК КП(б) Грузии К. Н. Чарквиани. Весной 1949 г. последний поручил Чикобаве подготовить работу с критикой учения Марра, пообещав переслать ее лично Сталину.¹³ Текст работы, помеченный 21 апреля 1949 г.,¹⁴ с опозданием в несколько месяцев действительно было передан лично Сталину (доказываемо, что Отдел пропаганды и агитации ничего не знал об этом деле).

В этой работе Чикобавы лингвистическое учение Марра подверглось резкой критике. Интересно, что о надстроечном характере языка в ней говорится лишь мимоходом, а о его классовом характере вообще нет ни слова.

После этого в течение почти года, как казалось, ничего не происходило, однако работа Чикобавы, видимо, привлекла внимание Сталина, о чем свидетельствует то, что он попросил секретарей подобрать ему для ознакомления с вопросом несколько книг по языкознанию. В начале апреля 1950 г. Чикобаве сообщили, что ему вместе с Чарквиани и другими грузинскими государственными руководителями надлежит выехать в Москву, где состоится совещание с секретарями ЦК о положении в языкознании. К удивлению прибывших вечером 10 апреля вместо секретарей их принял на своей кунцевской даче сам Сталин. (Вводящее в заблуждение приглашение, а также выбранные время и место уже сами по себе указывали на то, что Сталин придавал этой встрече частный характер). В начале беседы Сталин поинтересовался недавно выпущенным первым томом грузинского словаря, что и было официальным поводом для встречи, однако вскоре он перевел разговор на тему, связанную с Марром, дав понять, что прочитал работу Чикобавы. Поинтересовался Сталин и противниками

13 В. М. Алпатов отмечает, что существует и версия, по которой Чарквиани дал Чикобаве это поручение по приказу Сталина. Однако из-за хронологической нестыковки сам Алпатов сомневается в этом (см.: Алпатов, *История одного мифа*, 181), а я просто исключаю такую возможность. В свете противоположной позиции Отдела пропаганды и агитации, а также первоначальной неосведомленности Сталина в этом вопросе невозможно представить, что вождь занимался им уже за год до дискуссии (а тем более еще раньше).

14 Позднейшая публикация: А. С. Чикобава, «Когда и как это было», в *Ежегодник иберийско-кавказского языкознания*, XII, (Тбилиси, 1985), 9–23.

Марра.¹⁵ В ходе беседы, продолжавшейся семь часов, было принято решение о проведении дискуссии, а Чикобаве было поручено написать статью, с которой и началась дискуссия в «Правде».

Чикобава остался в Москве для написания статьи. Он еще дважды побывал на даче у Сталина, где Сталин в ходе многочасовых бесед знакомился с подготавливавшимся текстом, предлагая внести в него изменения. Согласно воспоминаниям пожилого Чикобавы, с вождем можно было спорить, и иногда он позволял себя убедить. Эти беседы Сталин использовал и для того, чтобы получить от Чикобавы информацию по вопросам лингвистики, а также предложения относительно того, какую специальную литературу следовало бы еще прочитать. В то же время Сталин также, вероятно, консультировался с некоторыми специалистами, предложенными Чикобавой.

Таким образом, совершенно очевидно, что как инициатива дискуссии, так и обстоятельства, при которых она началась, зависели от решения Сталина. Учитывая кажущуюся сбалансированность, расчетливую продуманность хода дискуссии, можно утверждать, что формулировки вроде «Сталин высказал свое мнение в рамках дискуссии о марризме» или «вмешался в дискуссию» тоже являются частью мифа. Сталин не вмешался в дискуссию о марризме, а сам затеял ее. Возможно, он лично и организовал ее, но даже если и не организовал, то явно на директивах вождя основывались как принципы ее проведения, так и список приглашенных участников (при составлении которого Сталин, вероятно, опирался и на информацию, полученную от Чикобавы).

Следовательно, вопрос не в том, Сталин ли инициировал дискуссию о марризме, а в том, с какой целью он это сделал. Относительно формальной цели сомневаться нечего. Дискуссия о марризме должна

15 Произошел во многом интересный эпизод: от Чикобавы и его спутников Сталин узнал и о судьбе Ачаряна и Капанцяна. После нескольких вопросов Сталин подошел к телефону и в коротком разговоре «поставил на место» Арутюнова, секретаря ЦК КП(б) Армении. Последний, испугавшись, немедленно послал за Капанцяном (Ачарян лежал в больнице). Можно представить, что творилось в душе уже скандально снятого с должности Капанцяна, когда его подняли среди ночи и посадили в присланную за ним машину. Однако, вопреки его ожиданиям, в ЦК ему сообщили не об аресте, а о назначении директором Института языка Армянской ССР. Поняв, наконец, о чем идет речь, Капанцян ошеломленно ответил: «Неужели вы не могли подождать с этой новостью до утра?!»... (Р. Медведев, «Сталин и языкознание», *Свободная мысль*, по. 4 (1997): 110–115). Вскоре на свой пост был возвращен и Ачарян.

была состояться именно для того, чтобы Сталин смог высказать свое мнение. Но что же было непосредственной причиной его выступления?

Не надо забывать о том, что ко времени приглашения Чикобава и грузинских руководителей Сталин уже проявлял особый интерес к данному вопросу. Этот интерес едва ли объяснялся простым любопытством (для его удовлетворения было бы достаточно указания составить обобщающую записку об актуальном положении в языкознании), как не является достаточным объяснением и то, что Сталину, который со времени написания в 1913 г. статьи «Национальный вопрос и социал-демократия»¹⁶ считал себя специалистом по национальному вопросу, языкознание было ближе прочих общественных наук. (Правда, Чикобава пишет, что во время их бесед Сталин подходил к проблеме языка в основном именно с этой стороны,¹⁷ однако к этому нужно добавить, что это была не самая удачная отправная точка для оценки Марра, и в опубликованных статьях Сталина практически нет речи об этом вопросе). Нельзя также предположить, что Сталин уже с самого начала столкнулся с проблемой надстроечного и классового характера языка, которая позже сыграла такую важную роль в его рассуждениях, ведь, как мы уже отметили, эта проблематика практически не затрагивалась в присланной ему работе Чикобава. Таким образом, все конкретные сведения о Марре Сталин узнал от Чикобава и других лиц непосредственно перед дискуссией о марризме. В его текстах, опубликованных в ходе дискуссии, нельзя найти ни одного момента, который не был бы почерпнут из этого источника или из уже появившихся статей. Не одна из приписываемых Сталину мыслей была простым парафразом формулировок других участников дискуссии, некоторые свои выражения он позаимствовал из ранее опубликованных статей. Все это просто исключает всякие

16 Эту статью он написал по просьбе и, быть может, с некоторой редакторской помощью Ленина, она была опубликована в партийном общественно-теоретическом журнале «Просвещение» (1913/3–5). Это была первая статья, которую Джугашвили, до тех пор известный в социал-демократическом движении в основном как Коба, подписал псевдонимом К. Сталин. «Главным образом этой статье ее автор был обязан славой специалиста по национальному вопросу, а спустя пять лет и назначением на пост наркома по делам национальностей в правительстве Ленина». ISAAC DEUTSCHNER, *Sztálin. Politikai életrajz* (Budapest: Európa Könyvkiadó, 1990), 123. При переизданиях эта статья многократно меняла название, ныне она известна под названием «Марксизм и национальный вопрос» (И. В. Сталин, *Сочинения*. Том 2. (Москва: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946), 290–367.

17 А. С. ЧИКОБАВА, «Когда и как это было», 12.

гипотезы о том, что замысел дискуссии может быть выведен из предварительной личной или научной неприязни Сталина к Марру или из намерения реализовать какую-либо ранее уже продвигавшуюся им лингвистическую концепцию.

Со своей стороны, на основании всего этого я склонен согласиться с теми предположениями относительно вопроса *почему*, в которых *изначальное и непосредственное* побуждение Сталина не связывается не только с Марром, но и, вообще, с языкознанием. Работа Чикобавы заинтересовала Сталина не своим конкретным содержанием, а тем, что вождь почувствовал возможность выступить по этой тематике в качестве *ученого*. Однако прежде всего надо было убедиться в том, что по этому вопросу он действительно сможет сказать что-то существенное. Первоначальная работа Чикобавы была для этого слишком научной, на нее ему было трудно реагировать. Поэтому он и пригласил автора работы, попросив у него подробных разъяснений. Не исключено, что идея проведения дискуссии, скрытое предназначение которой знал, конечно, лишь сам Сталин, на самом деле возникла у него в ходе длинной беседы. Окончательно в возможности выступить Сталин, вероятно, убедился тогда, когда Чикобава уже писал статью, которой должна была открыться дискуссия. Тут Сталин, наконец, мог найти ряд конкретных идеологических моментов, о которых он считал себя способным рассуждать. С этого момента он, видимо, вел двойную игру и с самим Чикобавой, стараясь повлиять на содержание его статьи таким образом, чтобы оно сыграло ему на руку. В этом смысле наиболее резко бросается в глаза вопрос о надстроечном характере языка, ошибочность которого он, очевидно, сразу понял, но поостерегся обратить на это внимание Чикобавы.¹⁸ Между прочим, нет никаких признаков того, что Сталин заранее оповестил кого-либо о намерении принять личное участие в дискуссии.¹⁹

18 По мнению Алпатова, это нужно было Сталину для того, чтобы позже Чикобава не считал себя автором сталинских идей (Алпатов, *История одного мифа*, 182). Но ведь и при опровержении утверждения о классовом характере языка Сталина не смущало то обстоятельство, что к тому времени вопрос о правильности этого тезиса Марра обсуждался уже около двадцати лет. Никто и так не подверг сомнению, что неклассовый характер языка был доказан Сталиным. Думается, что Сталина занимало не столько авторство отдельных идей, сколько желание сказать в связи с этим что-то действительно совершенно *оригинальное*.

19 Отмечу, что один из кардинальных вопросов сложившегося в рецепции дискуссии мифа, заключающийся в том, кто писал в действительности сталинские статьи по языкознанию, совершенно необоснован. У нас не только нет причин сомневаться в

Рассмотрим теперь, что же могло в действительности побудить Сталина на этот шаг.

Я вовсе не утверждаю, что все действия Сталина в целом могут быть непосредственно объяснены личными мотивами. Но последними нельзя и пренебрегать, и поскольку выше я писал, что изначальные мотивы не могут быть связаны ни с Марром, ни с языкознанием, нужно начать с явно *психологических* мотивов.

Ныне психоаналитической характеристике личности Сталина уже посвящена специальная литература.²⁰ Как всегда в случаях личностей тиранического типа, облик Сталина интерпретируется в аспекте компенсации комплексов неполноценности, которые стараются вывести из факторов истории физического и личностного развития, особенно из травм детского возраста. К числу наиболее часто упоминаемых моментов относятся подверженный пьянству, мучающий семью отец как древний подсознательный мотив непредсказуемого и поэтому непрерывно выслеживаемого врага, безмерно балующая сына и в качестве защитного механизма приучающая его к безгранично завышенной самооценке мать, физические недостатки Сталина,²¹ которые он рано привык уравнивать принужденно самоуверенным поведением, и тому подобное. По поводу таких рассуждений, конечно, вряд ли можно сказать что-то кроме привычных штампов вроде того, что их значение не сто́ит ни недооценивать, ни преувеличивать.

Однако я думаю, что среди предполагаемых комплексов неполноценности Сталина были и такие, с существованием которых можно более или менее легко согласиться. Сталин несомненно остерегался ученых, относился к ним с подозрением, в определенном смысле даже презирал их как мягкотелых интеллигентов, но в то же время он чувствовал мучительное желание принадлежать к их числу и завоевать их искреннее признание. Это побуждало его выступить и в качестве ученого (причем ученого в области общественных наук, поскольку его знания давали ему прежде всего такую возможность). А

авторстве Сталина, но, наоборот, есть все основания утверждать, что только он мог написать эти статьи.

20 См., например: DANIEL RANCOUR-LAFERRIERE, *The Mind of Stalin. A Psychoanalytic Study* (Ann Arbor, 1988). Русский перевод: *Психика Сталина: психоаналитическое исследование* (Москва: Прогресс-Академия, 1996).

21 Левая рука у него была короче правой, что он должен был всю жизнь учитывать при фотографировании, два пальца на левой ноге срослись, он был низкорослым, лицо его было в щербинах.

между тем он должен был знать, знать: что бы он ни написал, советское сообщество ученых примет это с огромным воодушевлением. Настоящая проблема состояла вовсе не в том, что его будут славить, даже если он выскажет ошибочное мнение, а в том, что если даже его соображения окажутся воплощением научной истины, то причиной его триумфа все равно станет не это, а *личность* автора этих соображений. Однако, быть может, именно это обстоятельство и подтверждает вероятность нашего предположения. Суть дела состояла для Сталина не в научной истине, а в признании ученых.

При этом наиболее специфический душевный мотив, питавший у Сталина навязчивое стремление стать великим теоретиком, представляется еще более конкретным. Я имею в виду ту повлиявшую на всю его жизнь и поначалу более, а позже менее смешанную с уважением ненависть и ревность, которую он питал к Ленину. Дело было не просто в том, что если никто другой, то Сталин-то действительно сознавал, что Ленин считал его непригодным на роль вождя. Это можно было скрыть (как известно, это выяснилось только после XX съезда партии). Гораздо больше Сталина раздражало то, что образ Ленина, даже после смерти последнего, оставался важнейшим ориентиром не только в официальной советской идеологии (из которой Сталин беззастенчиво и с большим опытом убирал любых противников), но и в повседневном восприятии мира и истории. Было невозможно отодвинуть на задний план основателя большевистской партии и советского государства, великого классика марксизма, парадигматическую фигуру истории социалистических идей. Сталин мог освободиться от гнетущей конкуренции единственным способом – обожествив Ленина²² (и, конечно, сделав при этом себя главным жрецом нового культа). На Ленина нужно было обязательно ссылаться (читать и размышлять о его работах было необязательно), его имя, образ и дух встречались во всех текстах, на улицах и площадях, на общественных мероприятиях, но как реальная историческая личность он во времени и в пространстве отдалился от советской действительности. В результате этого в обозримой сфере человеческой жизни Сталин остался без конкурентов, в качестве своего рода земного бога.

22 Религиозное отношение к идолу Ленина намного пережило Сталина. Из многочисленных общеизвестных проявлений такого отношения хотелось бы выделить доходящий до гротеска культовый момент, когда на государственных празднествах 7-го ноября огромными рефлекторами портрет Ленина проецировали на небо (это оставалось в моде еще и при Брежневле).

И все же было трудно примириться с тем, что Ленин, помимо своего исторического значения и престижа как политического теоретика, считался еще и классиком марксистской теории, выдающимся философом. Видимо, Сталина смущали не столько тезисы «Философских тетрадей» (он был неспособен усвоить диалектику этого произведения, но оно все равно по существу оставалось внутренним делом гуманитариев), сколько «Материализм и эмпириокритицизм», книга, с философской точки зрения гораздо менее убедительная, чем «Философские тетради», но гораздо более известная, считавшаяся основополагающим трудом по марксистской гносеологии и являвшаяся обязательной литературой для всех студентов и аспирантов. Сталина безмерно раздражало, что он не имел своей отдельной главы в истории марксизма. Конечно, «Краткий курс»²³ преподавался в университетах, но это была книга по политической истории, а не по философии, что же касается не слишком пространный очерка «О диалектическом и историческом материализме», то он действительно считался философским и составлял часть официального канона, но, будучи декларировано интерпретационным, он едва ли мог считаться «творческим вкладом» в марксизм. Сталин сознавал, что в этой области ему вовсе не удалось ликвидировать преимущество Ленина (который к тому же более четверти века был мертв).

К этому надо добавить то обстоятельство, что обе упомянутые работы Сталина были созданы в 1938 г., и за прошедшие с тех пор двенадцать лет из-под его пера не вышло ни одного теоретического сочинения. Вождь почувствовал, что уже настало время блеснуть талантом ученого. И эта лингвистическая история пришлось кстати.²⁴

Сталинский аттитюд «я – один из ученых» проявился в дискуссии о марризме и формально. Сталин не случайно настоял на том, чтобы его статья была напечатана не обособленно от статей других ученых и в точно таком же типографическом оформлении. (Это было бы невозможно, если бы решение об этом принималось редакцией «Правды».) Он позаботился даже о том, чтобы его имя фигурировало только в конце статьи и с сокращением личного имени (без указания

23 *История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс* (Москва: Партиздат, 1938).

24 Алпатов и другие тоже пишут о том, что одним из побуждений Сталина была жажда выступить в роли теоретика, но без упоминания о его комплексе в отношении к Ленину. Кстати сказать, как выяснилось позже, Сталин был неудовлетворен результатом, и два года спустя у него появилась охота покрасоваться в роли экономиста.

отчества), как и в случае статей академиков.²⁵ И, наконец, не случайно и то, что после первой статьи Сталина, которая по существу решила все вопросы, дискуссия продолжалась, на первый взгляд бесцельно. Если в том, что касается содержания статьи, Сталин не сумел устоять перед соблазном прибегнуть к наставительным поучениям, то формально он безусловно хотел подчеркнуть, что *участвует* в научном споре, а не закрывает его властным словом. Поэтому дискуссия формально не завершилась после его статьи.²⁶

Вместе с тем одни психологические побуждения очень мало объясняют содержательные аспекты сталинского участия в дискуссии о марризме. Что касается самого факта выступления Сталина по вопросам языкознания, то это был отнюдь не закономерный поступок; однако это далеко не означает того, что на характер этого выступления не влияли, помимо переходящих моментов, исторические обстоятельства и приоритеты сталинского взгляда на вещи. Самое позднее во время подготовки Чикобавой начинавшей дискуссию статьи, когда, как уже говорилось, Сталину стали известны и выдвинулись на первый план идеи Марра о надстроечном и классовом характере языка, а также мотив стадияльного развития языка как ряда революционных скачков, личные психологические мотивы стали второстепенными, уступив место гораздо более масштабному замыслу. Речь идет об идеологических взглядах и устремлениях Сталина, которые, конечно, далеко выходят за пределы проблематики его психологического настроения и отражают особенности социальных и исторических взглядов целой эпохи.

В тех спорах и столкновениях, в которых среди вех исторического пути и аспектов исторического значения Советского Союза подчеркивались, с одной стороны, революционность, международная классовая борьба, выработка и реализация пролетарских ценностей, принципы самоуправления, демонтаж государства и эмансипация народов СССР, а с другой стороны – принцип всенародности–национальности, доктрина

25 Все же в одном пункте редакторы «Правды», невзирая на все инструкции, не смогли удержаться от выражения особого почтения к вождю: имя Сталина было набрано на размер более крупными буквами, чем имена прочих авторов. Эта хитро внедренная форма выделения имени не исчезла и в случае других статей Сталина.

26 По всей видимости, решение написать вторую и третью статью было принято позже, ведь по содержанию они были связаны с реакциями на первую статью. Быть может, намерением выступить в качестве ученого объясняется и то, что на этот раз Сталину пришлось не по вкусу, чтоб дискуссия закончилась 4 июля покаяниями и осаннами.

сильного, централизованного государства, эволютивное накопление и ведущая роль русского народа, Сталин, не считая нескольких исключений, практически всегда отдавал предпочтение последней тенденции. В его взглядах уже в годы, прилегавшие к революции 1917 г., отражались идеи т. н. национал-большевизма,²⁷ и к 1924 г. эти взгляды воплотились в тезис о «построении социализма в одной стране». После «великого перелома», который шел вразрез с левыми политическими тенденциями, к середине тридцатых годов, концепция националистической изоляции окончательно одержала верх и в области идеологии. Были ликвидированы организации, ставившие своей целью создание по-революционному новой, пролетарской культуры и духовности (например, «Пролеткульт» и «РАПП»). Некогда провозглашавшиеся большевиками левые ценности были оттеснены в декларативные доктрины учебников, а отчасти исчезли даже и оттуда. Победившая идеология непосредственно отразилась и в смене курса общественных наук, прежде всего исторической науки, который получил националистическую направленность, был нацелен на возрождение традиций. Позже эти тенденции были до крайности усилены как в официальной идеологии, так и мировидении Сталина мировой войной и последовавшей за ней эпохой холодной войны: в бюрократическом менталитете с невиданной ранее откровенностью проявились националистический messiанизм и великодержавные амбиции. Несмотря на по-прежнему звучавшие доктринальные декларации, все это, конечно, уже не имело ничего общего с некогда провозглашавшимися левыми революционными идеями.

Что касается ультра националистических тенденций, то их отождествление несколько затрудняется идеологической практикой, в рамках которой, быть может, не всегда преднамеренно, а по причине принципиальной непроясненности вопроса, понятие исторического субъекта колебалось между самообразами «мы, советские люди» и «мы, русские люди». Однако нет сомнений в том, какой момент считался более весомым. Когда Сталин, которого с уверенностью можно назвать новообращенным русским, в своем знаменитом тосте, произнесенном в Кремле 24 мая 1945 г., провозгласил здравицу не советскому, а русскому народу, без обиняков назвав его наиболее

27 См.: D. CSURAKOV, „A nacionálbolsevizmus keletkezési idejéről”, in *Dokumentumok történeti ruszisztikánk tárgyköréből*, szerk.: HAVAS FERENC (Budapest: Magyar Ruszisztikai Intézet, 2000), 120–125. Первоначально: *Альтернативы*, no. 2 (1998): 84–88.

выдающимся из всех народов СССР, он тем самым однозначно наметил курс на будущее.²⁸ С этого, точнее, по крайней мере с этого времени СССР практически воспринимался как расширенная Россия (как позже и восточный блок – как расширенный СССР).

В годы, следовавшие непосредственно за победной войной, советский патриотизм в течение некоторого времени еще оставался более сильной тенденцией, чем русофилия. Однако колебания длились недолго. К 1948 г. русификация высшего и среднего образования дошла до того, что провозглашение первенства отечественных научных и культурных достижений было доведено до абсурда. Это одновременно искажало оценку как своих, так и зарубежных творческих результатов.

Конечно, ультранационалистическая идеология служила лишь укреплению структуры власти и прежде всего позиций самого Сталина. Его культ личности, существовавший уже долгие годы и усилившийся до степени религиозного поклонения после победы в войне, достиг кульминации в 1949 г., в грандиозных торжествах по поводу семидесятилетия вождя. Никто и ничто не могло ограничить его власть. Несмотря на это, он все чаще избегал личных публичных выступлений и стремился, даже иногда в обход собственного аппарата, управлять событиями закулисно, со своей кунцевской дачи.

Эта все в большей степени управляемая собственными законами склонность Сталина к подозрительности и изощренному маневрированию проявилась и в том эпизоде, который стал здесь предметом нашего анализа. Если бы Сталин доверил подготовку лингвистического выступления своему идеологическому аппарату (Агитпропу), то у него были бы хорошие шансы принять участие в дискуссии на противоположной стороне. И не только потому, что сам Агитпроп никогда не искал информации у антимарристов, а

28 «Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны. Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение». И. В. Сталин, *О Великой Отечественной войне Советского Союза* (Москва: Политическая литература, 1950), 196. См. еще: NICOLAS WERTH, *Histoire de l'Union Soviétique: De l'Empire russe à la Communauté des États indépendants 1900–1991* (Paris: Presses Universitaires de France, 1990). Русский перевод: Н. ВЕРТ, *История советского государства. 1900–1991* (Москва: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992; второе издание: 1994), 340.

потому, что в этом случае резкий антииндоевропеизм Марра мог показаться настолько хорошо соответствующим одной из самых устойчивых идеологических аксиом сталинского мышления и атмосферы холодной войны, вере в превосходство советской науки, что часть антимарристских аргументов, быть может, вообще не возникла бы. Однако Сталин, не сознавая того, «организовал» себе сбор информации у таких людей, которые, мягко говоря, не желали чрезмерно акцентировать этот аспект воззрений Марра. И в результате этого в идеологические сети попало не антизападничество, а прежде всего мотив *классового характера* языка,²⁹ нечто такое, что, как бы ни трудно это было представить, тогда уже долгое время принадлежало в глазах Сталина к числу подозрительных категорий.

Не то чтобы взгляды такого рода выходили за рамки ультранационалистической идеологии. Ясно, что русофилия, принцип национального единства как государственный интерес противоречат ленинскому понятию о «множестве наций в одной нации» и марксовому понятию классовой борьбы. В официальной доктрине, конечно, продолжала существовать терминология класса и классовой борьбы, однако о наличии классовых противоречий, особенно антагонистических, внутри советского общества в принципе уже не могло быть и речи.³⁰ Изначальное представление о том, что структура основных противоречий в обществе является вертикальной, со второй половины тридцатых годов и особенно в послевоенный период сменилось представлением о горизонтальной структурированности. В глобальных масштабах классовая борьба все отчетливее воспринималась таким образом, как будто Советский Союз играл в ней роль пролетариата, а западный блок – роль эксплуататоров, естественно, обреченных на

29 И уж конечно не его надстроечный характер, с которого будет начинаться опубликованная статья Сталина. С идеологической точки зрения его значение уступало важности тезиса о классовом характере языка, это скорее было логическим следствием отрицания классового характера, большей частью простым важничанием.

30 При этом об иррациональном волюнтаризме идеологии ничто не свидетельствовало лучше того, что на практике речь о них все же шла: классов не существовало, но, согласно сталинской доктрине, классовая борьба все время обострялась. Это непостижимое противоречие пытались разрешить отчасти указанием на пережитки, использованием мифа о яростном сопротивлении горстки реакционеров, а отчасти упорным утверждением непосредственного диверсионного вмешательства Запада.

гибель.³¹ Однако такое понимание подрывало первоначальный смысл соответствующих идеологем. Категория классового характера вместе с революционностью, интернационализмом и т. д. принадлежали к числу тех ключевых понятий, которые Сталин уже в течение долгого времени очень хотел отодвинуть на задний план, хотя, будучи «отцом народов», никогда не признался бы в этом открыто.

Классовый характер и революционные скачки. Когда Сталин обнаружил в теории Марра (точнее, в доступной ему интерпретации этой теории) такие мотивы, которые, казалось, были созвучны этим раздражающим его категориям, по существу определилось и то, чью сторону он примет в споре. Очевидно, высмотрев для себя эти мотивы, он вовсе не имел намерения пропесочить одного только Марра. Вероятно, его не очень-то интересовало, что именно говорил об этом Марр, суть была в том, что хотел сказать по этому поводу *он* сам.

Критикуя маррову концепцию языка и его развития, Сталин явно руководствовался *такой a priori* идеологической мотивацией. Когда он понял, что в этом понимании глобальная судьба языка связывается с такими принципами, которые оттесняют на задний план или вовсе исключают идею различия языков, а тем более превосходства некоторых из них, ему стало ясно, что лингвистическое учение Марра непригодно для обоснования завышенной самооценки нации. А между тем язык, согласно одобренной самим Сталиным дефиниции, занимал центральное место среди критериев нации. Далее, из превозношения русского языка следовала высокая оценка всех

31 Переход от «вертикального» понимания классовых противоречий к «горизонтальному» заметен и в сфере государственного регулирования науки. В 20-х годах, до начала тридцатых годов положительным антиподом «буржуазной» науки, в целом объявленной противником или врагом, еще считалась «пролетарская» наука. При оценке деятельности конкретных лиц главным критерием была классовая, а также партийная принадлежность данного ученого. Требование «партийности» отражало тот же самый классовый подход, что и сталинский тезис об обострении классовой борьбы. Зато со второй половины 30-х гг., параллельно с «построением основ социализма» и складыванием сталинской имперской политики, в противопоставлении «буржуазного» и «небуржуазного» все больше проявляется «патриотический» акцент. Нарастала критика зарубежной науки, принимались административные меры по ограничению контактов с иностранными учеными. В отечественной науке уже разоблачались «апологеты буржуазной науки». В послевоенный период окончательно утвердился взгляд на исключительную прогрессивность советской науки (и культуры). См.: Н. Л. Кременцов, «Равнение на ВАСХНИЛ», в *Репрессированная наука*. Выпуск II, ред. М. Г. Ярошевский (Санкт-Петербург: Наука, 1994), 83–95.

славянских языков. А поскольку славянские языки невозможно было объединить в единую группу иначе, как в рамках понятия языковой семьи, как это делалось в индоевропеистике, на которую резко напал Марр, возникала необходимость реабилитации понятия языковой семьи и историко-сравнительного языкознания.

Вместе с тем рассуждения об экономическом базисе и безусловно подчиняющейся ему надстройке, предлогом для которых стала проблема языка, дали возможность Сталину с помощью аподиктических социально-философских аргументов засвидетельствовать между строк неоспоримую необходимость существующего партийно-государственного строя, концентрации политической власти и господства единственной идеологии.³²

Вдалбливание идеологических директив под предлогом обсуждения возникшей лингвистической проблемы – вот в чем состояла, следовательно, истинная движущая сила сталинского выступления.³³ Что бы ни думали об этом историки языкознания за прошедшие пятьдесят лет, все моменты специально лингвистического характера играли в мотивации Сталина только второстепенную роль.

Тем не менее, в конечном итоге нельзя отрицать и существования этого третьего мотивационного слоя. Сталин считал себя компетентным с двух точек зрения – как политик, определяющий судьбы науки, и (вопреки притворно скромным вступительным словам первой статьи) как специалист по языку. Нет сомнений, вождь действительно чувствовал, что на основании прочитанного и полученных консультаций он может позволить себе выступить и в роли лингвиста. Он, вероятно, с наслаждением излагал свои мысли в этой даже в своей периферийности эксклюзивной научной области (в чем только не разбирается тот, кто разбирается в лингвистике!), ему самому импонировало, что он с такой безграничной уверенностью рассуждает о таких терминах, как словарный запас, грамматика, диалекты, жаргоны

32 Верт считает это важнейшим мотивом выступления Сталина по вопросам языкознания (Н. ВЕРТ, *История советского государства*, 345).

33 Общеизвестна оценка «теоретической» практики Сталина, данная Дьёрдем Лукачем: «Сталин так или иначе реагирует на ту или иную совокупность фактов главным образом в тактическом плане, на теорию ложится лишь задача оправдать задним числом тактическое решение как закономерный результат, вытекающий из применения марксистско-ленинского метода». См.: LUKÁCS GYÖRGY, *A demokratizálódás jelene és jövője*. (Budapest: Magvető Kiadó, 1988), 133. Однако представляется, что в данном конкретном случае идеологические директивы в виде исключения играли более непосредственную роль в выступлении Сталина, чем тактическая реакция.

и тому подобное, и у него едва ли были сомнения в том, что он сможет внести профессиональный вклад в языкознание. Ему хотелось дать языковедам не только идеологические и властные директивы, но и научные наставления. Однако все это оказалось иллюзией, ведь у Сталина по существу нашлись для лингвистов лишь сообщения двух видов – тривиальности и дилетантские промахи.

Оставив теперь в стороне личность Сталина, подытожим, чем же характеризовались в целом знаменитые или пресловутые «научные» дискуссии пятидесятых годов.

Прежде всего, хотя мы и говорим о научных дискуссиях, очевидно, что они носили в основном административный и идеологический характер. На это указывает уже сам по себе тот факт, что все эти споры без исключения оказались «плодотворными»: они дали однозначных победителей и побежденных. В случае действительно научных споров, когда сталкиваются различные взгляды по профессиональным вопросам, так бывает, естественно, далеко не всегда. Бывает, что спор захлебывается в совершенно неразрешимых противоречиях, в других случаях проясняются конкурирующие взгляды, но спор не решается, а иногда стороны в каком-то отношении приходят к компромиссу. Однако явный идеологический характер научных дискуссий сталинского времени имеет и более конкретные признаки: потерпевшие поражение школы и лица во всех случаях подвергались осуждению прежде всего за философско-идеологические ошибки, причем профессиональные промахи объявлялись лишь логическим следствием последних. Как осужденные, так и получившие предпочтение научные концепции провозглашались «измами» (обычно посредством слов, образованных из имен их представителей); как те, так и другие термины (к последним добавлялась приставка *анти-*) превращались в формальные клейма. По той же логике положительные «измы» начинали функционировать в качестве широко употребляемых хвалебных эпитетов. Осужденных ученых часто совершенно искусственно объединяли в группировки, внушая тем самым, что их деятельность якобы была скоординированным нападением на советскую науку. Казалось, что споры проходили в демократической атмосфере, но их исход во всех случаях был predetermined (конечно, не всегда с точки зрения участников, хотя в ряде случаев можно предположить и такое).³⁴ Помимо проведения идеологических границ, в большинстве

34 А. Б. Кожевников указывает на то, что дискуссий, возникших на местном уровне, было гораздо больше и считает, что одной из их характерных черт было то, что

случаев называлось лицо, занимающее главное положение в данной научной отрасли, Великий Основатель (Павлов, Мичурин и т. д.), конечно, если такой авторитет в данной научной дисциплине не был задан уже заранее (как в случае классиков марксизма, конечно, включая и Сталина). Бросается в глаза и личная конститутивная (инициативная и контролирующая) роль Сталина; как уже упоминалось выше, в ряде случаев может быть доказано, что он собственноручно редактировал решающие доклады и статьи. Административный характер хорошо просматривается в заботливом отборе участников дискуссий, в заранее определенном сценарии их проведения, в буквально ритуальном применении схем критики и самокритики,³⁵

они почти всегда инициировались самими учеными, чтобы с помощью власти победить своих конкурентов, и лишь от непредсказуемых обстоятельств зависело то, в какие дискуссии вмешивалась власть, а какие оставались нерешенными за отсутствием такого вмешательства. В этом смысле Кожевников рассматривает отношение властью к научным дискуссиям как хаотичное и высказывает мнение, что то, что на микроуровне кажется predetermined, на макроуровне может иметь непредвиденные результаты. См.: А. КОЖЕВНИКОВ, «Toward a Post-Cold War Historiography (A Reply to David Joravsky)», *Russian Review* 57, no. 3 (1998): 455–459. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9434.00035> Я не совсем согласен с этой интерпретацией и вскоре изложу свою собственную, но хотел бы отметить, что здесь эпитет «предetermined» применяется мной именно к тем дискуссиям, в которые власть действительно вмешивалась.

- 35 В своей цитированной выше работе Кожевников убедительно показывает, что эти схемы (совещания, дискуссии, критика и самокритика, свободные споры, но обязательные постановления и т. д., и т. п.) в значительной степени проистекали из жизни партии, поведенческих норм внутривнутрипартийной демократии (из витгенштейновских «языковых игр»), в рамках которой они первоначально предназначались, по крайней мере номинально, в качестве площадок для критики «снизу» и носили определенный ритуальный характер (традиционные формы поведения, деятельность, укрепляющая групповое самосознание, акты с сакральным смыслом и т. д.). Конечно, более подробного исследования заслуживает вопрос, в какой степени они наложились на общие формы функционирования научной деятельности, и, с другой стороны, насколько заимствование этих поведенческих норм, независимо от субъективных убеждений затронутых лиц, может считаться экзистенциальными формами, добровольно принятыми участниками дискуссий, и насколько оно стало результатом давления общественных обстоятельств. Довольно очевидно возможность аналогии между понимаемым в этом смысле уподоблением науки партийной деятельности и едва ли добровольным и спонтанным внедрением милитарных структур в педагогику (см. практику Макаренко). Если при этом мы учтем еще и такие явления, как конструкторские бюро тюремного типа (шараги, шарашки), организованные почти по пенитенциарной логике с целью концентрации творческой деятельности в принципе юридически свободных интеллигентов, то, как кажется, интерпретация упомянутых выше поведенческих форм в качестве по существу добровольно принятых и отретированных ритуалов, мягко говоря, нуждается в углублении.

в немедленной, похожей на поучительные притчи публикации и широкой пропаганде результатов и т. д. Подавляющее большинство дискуссий заканчивалось реорганизацией структур данной научной области, а также тяжелыми экзистенциальными последствиями для членов потерпевшей поражение группы ученых.

Если применить эти критерии к дискуссии о марризме, то структурное сходство окажется гораздо более значительным, чем отличия. Уже современники дискуссии имели возможность убедиться в том, что до появления статьи Сталина она имела в основном, а после появления статьи исключительно идеологический характер. Осуждение Марра и его сторонников после поданного Сталиным сигнала большей частью было связано с их позицией по поводу надстроечного и классового характера языка, то есть с наднаучной, идеологической тематикой, все другие их прегрешения, в том числе и строго лингвистические, изображались как логичные следствия этих главных грехов.³⁶ Правда, термин «марризм» возник ранее, но именно тогда это наименование, имевшее положительное или нейтральное содержание, стало окончательно одиозным. Предопределенность исхода дискуссии в «Правде» может быть доказано вполне удовлетворительно. В этой истории мы снова видим Сталина в роли редактора (на этот раз – автора) важнейшего документа. Административный характер, заботливый отбор участников, ритуал критики и самокритики, как по инструкции, присутствовали и в дискуссии о языкознании. Естественно, в полной мере была задействована пропаганда, а также были сделаны все требовавшиеся кадровые и организационные выводы. По этим критериям структура дискуссии о марризме стояла ближе всего к структуре дискуссии о генетике, с той формальной разницей, что более ранняя по времени дискуссия проходила не перед глазами широкой публики и смогла стать предметом общей пропаганды только после своего завершения, в то время как полемика о языкознании с самого начала велась на страницах «Правды»; кроме этого, мифологема Великого Основателя, воплотившаяся в образе Мичурина, не имела соответствия в дискуссии о марризме. Однако в конечном итоге это второе различие тоже является лишь мнимым, ведь в этих эпизодах научной жизни Основатель функционирует не как историческая личность, а как сакрализованный представитель

36 Никого не смутило, что ранее эти взгляды разделялись и противниками учения Марра.

монополизированной интерпретации, источник для ритуальных ссылок, персонифицированный объект лояльности. Ясно, что в дискуссии о марризме эта роль досталась самому Сталину. Не случайно почти сразу после завершения дискуссии начали говорить о «сталинской эпохе в языкознании», более того, просто о «сталинском языкознании».

Самое заметное различие между дискуссиями о генетике и языкознании, несомненно, заключалось в их итогах, ведь, по общепринятой в научном общественном мнении оценке, лысенковская дискуссия принесла победу неправильной, а дискуссия о марризме – правильной точке зрения. Однако санкционированные результаты дискуссий обычно имели мало общего с выяснением научной истины, и это хорошо подтверждается тем, что за исключением полемики о марризме не было ни одной дискуссии, итоги которой спустя десять-двадцать лет не были бы признаны (хотя бы отчасти) ошибочными и вредными. Если смысл механизма, запускавшего, подпитывавшего и направлявшего эти дискуссии, состоял в оживлении научных исследований,³⁷ то это был крупнейший провал в истории управления наукой. И не вызывает сомнений, что с этой точки зрения течение событий действительно представляется совершенно случайным. Тысячи случайных моментов (выбор времени, политический и иерархический статус инициаторов и затронутых лиц, личные симпатии и интересы партийных руководителей, актуальные требования политики центральной власти и т. д., и т. п.) влияли на то, по поводу каких разногласий, личных или групповых конфликтов, по поводу каких научных достижений, возможно достигнутых без всяких полемических намерений, разворачивалась та или иная контролируемая властью полемика, и кто в ней подвергался осуждению, а кто стяжал лавры победителя. Нельзя даже утверждать, что решающими были мировоззренческие, идеологические предпочтения, ведь такие аргументы могли приводиться обеими противостоящими сторонами (в этом смысле бывало, как, например, и в случае дискуссии о марризме, что именно будущие побежденные бросались в битву

37 Нечто подобное пишет А. Б. Кожевников: А. Б. Кожевников, «Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1952 гг.», *Вопросы истории естествознания и техники (ВИЕТ)*, no. 4 (1997): 26–58. [Англиязычный вариант статьи: А. Кожевников, «Rituals of Stalinist Culture at Work: Science and the Games of Intraparty Democracy circa 1948», *The Russian Review* 57 (January 1998): 25–52]. DOI: 10.1111/0036-0341.00005

с лучшей экипировкой). С какой стороны ни посмотреть, с точки зрения научности, идеологических аксиом, каких-либо экономических интересов или даже простой логики, эти манипулированные из центра дискуссии в любом случае, несомненно, представляют абсурдную, хаотичную картину.

Вместе с тем это представление о хаотичном функционировании властных механизмов является такой же объективной иллюзией, как и его методологическая противоположность – теория Воплощенного Зла, согласно которой за каждым событием следует искать личные манипуляции свирепого и непредсказуемого Сталина. Нельзя отрицать, что как раз в упомянутых выше случаях явно видна роль Сталина, который часто выступает конкретным инициатором происходящего, грубо вмешивается в ход событий, дает указания и принимает решения. Но во всех этих случаях он на самом деле не изобретает, а лишь приводит в действие самодвижущийся механизм политического контроля. Кстати, в этом механизме практически отсутствуют специфически научные моменты, он представляет собой лишь конкретную форму проявления государственного интереса в режиме сталинского типа. Тем более, что такова же структура и логика самой науки. Структура советской науки с характерным для нее разделением высшего образования и научных исследований, созданием огромных, часто монополистических научно-исследовательских институтов, с академией в роли органа государственного управления (псевдоминистерства), копированием военно-бюрократических структур в иерархии учреждений, системой наград, званий, рангов и т. д. демонстрировала ту же пирамидальную дедуктивность, что и структура государства в целом, иначе говоря, она изначально строилась и функционировала в соответствии с логикой управления из центра. В таких условиях говорить о грубом вторжении деспотической власти в возвышенную сферу чистой науки – это чистейшее морализирование: сращивание науки и власти было детерминантом, действующим, полезным, более того, желанным для обеих сторон.³⁸ Личность Сталина, конечно, неотделима от гипертрофии

38 Если даже справедливо утверждение, что первоначальным источником научных дискуссий было стремление определенных ученых, школ, кафедр, исследовательских институтов и т. д. освободиться от конкурентов, использовав вмешательство власти, – и во многих случаях это было бы трудно отрицать, – то это нельзя интерпретировать как порочные интриги аморальных элементов, просочившихся в область чистой науки, ведь эти механизмы были созданы не ими, и невозможно представить дело так, будто бы их конкуренты удерживали свои позиции не в рамках и не с использованием той

государства, нельзя отрицать его личную роль в историческом возникновении этого явления, но все же Сталин был самое большое первым среди тех, кто приводил в движение этот механизм, но он не был Перводвигателем. Не Сталин создал систему демократического централизма, а он сам был продуктом этой системы.

На самом деле как хаотичная картина конкретных событий, так и представление о непредсказуемости и произвольном характере роли Сталина немедленно отходят на задний план, уступая место реальной логике событий, как только мы оценим эти процессы с точки зрения характера осуществления власти. Что же в конце концов происходило во всех случаях? Путем сознательного и искусственного обострения конфликтов, обнаруженных или иногда ловко генерированных в данной научной отрасли и научной субструктуре, власть добивалась раскола затронутого научного сообщества на победителей, поставленных в положение монополистов, и экзистенциально (как ученых или даже в самом непосредственном смысле) оттесненных на периферию побежденных. Очевидно, что первостепенная цель этого механизма состояла в том, чтобы одернуть и подчинить власти данную группу интеллигенции. Под угрозой оказывались не только побежденные, но и победители, ведь их победа по существу была подарком власти, за который они должны были платить (прежде всего безусловной лояльностью), и им следовало понимать, что они тоже могли бы, больше того, еще могут стать побежденными. С другой стороны, создание доктринальной и институциональной монополии делала данную отрасль науки более послушной механизму властного управления по сравнению с наблюдавшимся ранее относительным плюрализмом научных школ, учений и учреждений.

Итак, дисциплинарный нажим и концентрация власти – вот в чем состояла истинная скрытая логика контролируемых властью научных дискуссий сталинского времени. Это был не хаос, не каприз, а вытекавшая из актуальных государственных интересов и в обозримой перспективе оказывавшаяся эффективной для власти манипуляционная стратегия. На ход «научных» дискуссий пятидесятих годов несомненно наложила отпечаток личность Сталина, но она лишь усиливала те механизмы, которые функционировали и без нее, и при ее участии.

же самой властной структуры. Истинная аморальность, если на этом уровне вообще имеет смысл эта категория, была встроена в сам механизм.

И. О. ТЮМЕНЦЕВ, А. Л. КЛЕЙТМАН

**ВЕНГРЫ В ГУЛАГЕ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ИНЖЕНЕРА-
КОНСТРУКТОРА И. А. МАХАНОВА)¹**

**HUNGARIANS IN THE GULAG
(ON THE MEMOIRS OF THE DESIGN-ENGINEER I. A. MAKHANOV)**

The fragment of the memoirs written by I. A. Makhanov, the chief designer of artillery weapons of the Kirov plant, allows us to trace the fate of the Hungarian communist community in the USSR. The memoirist reports many interesting facts and details on some Hungarian communists during the Great Terror. The author of the memoirs, I. A. Makhanov supposed that I. V. Stalin physically destroyed the leaders of the Hungarian communist movement, and drove the Russian proletariat and peasantry to slavery and serfdom – a severe blow to the communist movement, from which it could not recover.

Keywords: I. A. Makhanov, the USSR in the 30s of the 20th Century, Great Terror, World Communist Movement, Hungarian Communists in the Gulag

Igor O. Tyumentsev – D.Sc. in History, Professor of the Volgograd Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Gagarina St. 8., 400005 Volgograd, Russian Federation) e-mail: tijumencev@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>

Alexander L. Kleitman – D.Sc. in History, Director of the Volgograd Regional Research and Production Center on the Protection of Monuments of History and Culture (Kommunisticheskaja St. 19., 400005 Volgograd, Russian Federation) e-mail: alexander.kleitman@gmail.com;
<https://orcid.org/0000-0003-4779-0321>

1 *Работа выполнена в рамках реализации гранта РФФИ «Становление и развитие научно-технической мысли и военной промышленности в СССР в 1920–1950-х гг. (по воспоминаниям И.А. Маханова)» (проект № 19-49-340008).*

Судьбы иностранных коммунистических землячеств, разгромленных в СССР после ликвидации Коминтерна, недостаточно изучены. Эта тема долгое время была закрыта и только недавно стала предметом изучения как в Венгрии, так и в России. Это связано с тем, что требуется время и усилия многих исследователей по разысканию исторических источников по теме и их вводу в научный оборот. История венгерского землячества не исключение. Именно поэтому, обнаружив сведения о венгерских коммунистах в ГУЛАГе в воспоминаниях главного конструктора артиллерийских вооружений Кировского завода в Ленинграде Ивана Абрамовича Маханова, мы их собрали воедино для того, чтобы сделать доступными для венгерской и российской общественности.

Иван Абрамович Маханов (1901 г., Кинешма – 1980 г., Ленинград), автор публикуемых фрагментов воспоминаний, принадлежал к поколению «детей» Октябрьской Революции (1917) и гражданской войны (1918-1922), которое сначала было обескровлено братоубийственной бойней, надорвалось на строительстве социализма в СССР, а затем было почти полностью уничтожено в горниле сталинских репрессий и в сражениях Великой Отечественной войны. Выжили немногие. Еще меньше написали и смогли опубликовать мемуары, которые мало были похожи на воспоминания и скорее являлись публицистикой, так как создавались, исходя из политической конъюнктуры, согласно требованиям партийной дисциплины и цензуры.

Современники были уверены, что И. А. Маханов сгинул в сталинских тюрьмах и лагерях, но он выжил и, оказавшись на свободе в 1956 году, описал свое «Хождение» по сталинским тюрьмам и лагерям. Будучи коммунистом-ленинцем, во время хрущевской оттепели он достаточно критично оценил историю СССР и перспективы его развития и пришел к весьма парадоксальным для большевика выводам. К примеру, он полагал, что народам мира сильно повезло, что атомную бомбу первыми получили США, а не СССР, и был убежден, что в противном случае И. В. Сталин, не задумываясь, развязал бы Третью мировую войну. Идеиная эволюция И. А. Маханова, парадоксальность его взглядов и оценок пережитого, наличие уникальных сведений о развитии военно-промышленного комплекса СССР в предвоенные годы, данных о людях, попавших в тюрьмы и лагеря, делают его мемуары ценным источником по новейшей истории.

И. А. Маханов происходил из простой рабочей семьи, которая смогла обеспечить его обучение в Кинишемской гимназии. Мемуары свидетельствуют, что он знал латынь, английский, немецкий и французский. Хорошо знал математику, физику и химию, без которых невозможно было стать артиллеристом, а тем более главным конструктором артиллерийских вооружений одного из крупнейших советских заводов.

В годы гражданской войны, видимо под влиянием брата – главы местной ГубЧК, он принял участие в революционном движении, в создании Комсомола в Кинешме, Иванове и Ярославской губернии. В марте 1920 года он был призван в РККА и в декабре направлен на Дальний Восток для работы инструктором в Военно-Политическом управлении Дальневосточной Республики. Но на политической работе пробыл не долго. В августе 1921 года Иван Абрамович был назначен заместителем военного комиссара артиллерии и избран секретарем парткома управления артиллерии НРА ДРВ. В ноябре 1921 года участвовал в боях у станции Ин и штурме Волочаевска и Спасска.

В июле 1922 года И. А. Маханов был отозван на учебу в Петроград в Артиллерийскую академию им. Ф.Э. Дзержинского, где обучался до 1928 года. По окончании академии работал на Кировском (бывшем Путиловском) заводе инженером-конструктором артиллерийских вооружений. В 1929–1939 годах И.А. Маханов возглавлял артиллерийский опытно-конструкторский отдел этого завода. Занимался разработкой «универсальной дивизионной пушки» (Л-1, Л-2, Л-3, Л-6), «дивизионной» пушки (Л-10, Л-11, Л-12) и «казематной» пушки (Л-17). Несмотря на то, что созданные его конструкторским бюро «дивизионная» Л-12 и «казематная» Л-17 оказались удачными, 27 июня 1939 года И. А. Маханов был арестован по обвинению в участии в заговоре М.Н. Тухачевского.

И. А. Маханов прошел Лефортовскую², Сухановскую³, Лубянскую⁴ и Бутырскую⁵ тюрьмы. 6 июня 1941 года был осужден по 58-й статье к 20 годам исправительно-трудовых лагерей и 5 годам поражения в правах. Срок отбывал в Вятлаге⁶, Карлаге⁷, в ОКБ 172 НКВД СССР в «Крестах»⁸ и Минлаге⁹. В общей сложности отсидел 16 лет. После выхода на свободу привлекался в качестве свидетеля на процессе над соратниками Л. П. Берии. Н. С. Хрущев предложил ему возглавить конструкторское бюро на одном из заводов Урала, но он настаивал на возвращении на должность главного конструктора артиллерийских вооружений Кировского завода. Получил отказ и был отправлен на пенсию в звании подполковника.

Находясь в лагерях И. А. Маханов встречался с репрессированными членами коммунистических партий других стран, входивших в III Интернационал, в том числе венгерскими коммунистами, общался с ними и сохранил в мемуарах ценные данные о их судьбах.

Публикуемые нами фрагменты воспоминаний И. А. Маханова позволяют проследить судьбу венгерского коммунистического землячества в ГУЛАГе. Мемуарист сообщает много интересных фактов и деталей, не укладывающихся в сложившиеся представления об их

-
- 2 *Ныне СИЗО «Лефортово»* – следственный изолятор (ФКУ СИЗО № 2 ФСИН России) в Москве, подчинённый министерству юстиции РФ.
 - 3 *Сухановская особорежимная тюрьма* – секретная тюрьма для особо важных политических преступников, существовавшая на территории Свято-Екатерининского монастыря Московской области в 1938-1953 годах. Была создана по инициативе и состояла в ведении Николая Ежова, после его ареста перешла под контроль Лаврентия Берии.
 - 4 *Лубянка* – внутренняя секретная тюрьма в главном здании советских органов госбезопасности в Москве на Лубянской площади. Существовала с 1920 по 1961 годы.
 - 5 *Бутырский следственный изолятор*, известный также как Бутырская тюрьма или «Бутырка» – следственный изолятор в Москве, самая крупная тюрьма российской столицы, одна из старейших и наиболее известных тюрем России.
 - 6 *Вятский исправительно-трудовой лагерь* – один из крупнейших исправительно-трудовых лагерей в системе ГУЛАГ, К-231, существовавший с 5 февраля 1938 до 1990-х годов. Непосредственно подчинялся Главному управлению лагерей лесной промышленности НКВД СССР, позже МВД СССР.
 - 7 *Карагандинский исправительно-трудовой лагерь (Карлаг)* – один из крупнейших исправительно-трудовых лагерей СССР в 1930–1959 годах, был расположен в Карагандинской области, состоял в системе ГУЛАГ НКВД СССР.
 - 8 Особое конструкторское бюро НКВД, существовавшее в ленинградской тюрьме «Кресты» с 1937 по 1953 годы.
 - 9 *Минеральный исправительно-трудовой лагерь (Минлаг)*, (Особый лагерь № 1, Особлаг № 1, позже (с 10.05.1948) Минеральный ИТЛ) с центром в посёлке Инта Коми АССР.

судьбах. Он полагал, что создав основанный на государственном капитализме тоталитарный режим, И. В. Сталин порвал с Ленинизмом. Уничтожив физически руководителей венгерского коммунистического движения и загнав в рабство и крепостничество российский пролетариат и крестьянство, «отец народов» нанес тяжелейший удар по мировому коммунистическому движению, от которого, по мнению автора, оно не смогло оправиться.

Воспоминания И.А. Маханова сохранились в единственном рукописном экземпляре в семейном архиве его сына. Они написаны в девяти типовых общих тетрадах по 96 листов каждая. Общий объем текста превышает 25 авторских листов. Рукопись дефектна. Сын автора, Станислав Иванович Маханов, вырвал и уничтожил фрагменты воспоминаний, содержавшие слишком пристрастные, зачастую беспочвенные обвинения отца в адрес матери. По этой причине, видимо, была уничтожена тетрадь № 10, в которой автор описывал свое освобождение из ГУЛАГа. Текст в тетради № 9 обрывается на полуслове.

Все примечания И. А. Маханова, как подстрочные, так и выделенные в тексте скобками, мы вынесли в подстрочные примечания. При первом упоминании в тексте того или иного лица мы раскрывали его имя и отчество в квадратных скобках, а краткие сведения о нем поместили в алфавитном порядке в комментариях. Рубрики в тексте выделены курсивом И. А. Махановым, заключенные в квадратные скобки – нами.

В 2017–2018 годах нами были опубликованы два фрагмента воспоминаний И. А. Маханова и несколько статей¹⁰. Данная публикация – продолжение апробации источника в рамках проекта подготовки всего текста мемуаров к научному изданию.

Выражаем искреннюю признательность Каталине Петрак – самому известному в Венгрии и России исследователю судеб венгерских

10 I. O. TYUMENTSEV, "In Sukhanovo prison. From the memoirs of I. A. Makhanov", *Russkii arkhiv*, № 5–2 (2017): 167–91. DOI: 10.13187/ra.2017.2.167; И.О. Тюменцев, «Мемуары главного конструктора артиллерийских вооружений завода имени Кирова И. А. Маханова как источник по истории СССР 1917–1953 годов», *Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: международная научно-практическая конференция (2019; Волгоград): [материалы]* (Волгоград, 2019): 103–6.; А.Л. Клейтман, И.О. Тюменцев, «Артиллерийские орудия конструктора И.А. Маханова: разработка, внедрение, боевое применение в 1930–1950-х годах», *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*, vol. 25, № 1 (2020): 34–43. DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.1.3

эмигрантов в Советском Союзе за помощь в идентификации личностей заключенных и в подготовке комментариев.

Текст

/с. 162 /... [1941 год] Соседями нашими по нарам оказались тоже инженеры, но /с. 162 об. / прибывшие не на суд, так как они были осуждены еще в 1938-1939 годах и отбывали наказание, работая в качестве инженеров-конструкторов в Особом конструкторском Бюро НКВД в Большеве, близ Москвы (Мытищи). Когда они услышали фамилию [И. А.] Маханов, то сразу догадались, что это¹¹ тот [И. А.] Маханов, прибытия¹² которого в артиллерийском отделе ОКБ, в 1940 и первой половине 1941 года, ожидали с нетерпением. Это были инженеры – авиационщики, работавшие с А. Н. Туполевым, фамилии их: [Г. Л.] Леймер, [В. Е.] Кунович и [Е. Л.] Зельд - все они имели сроки 15 лет тюремного заключения, и их изъяли из группы [А. Н.] Туполева потому, что [Г. Л.] Леймер был немец по происхождению, а [В. Е.] Кунович и [Е. Л.] Зельд венгерские подданные, а с этими странами в данное время шла война. [Г. Л.] Леймер и [В. Е.] Кунович, наиболее общительные¹³, рассказали нам, что ОКБ в полном составе эвакуировалось из Большева на Урал, а [А. Н.] Туполев и часть его группы ожидают отмены приговора и вероятно выйдут на свободу.

* * *

/с. 171 /... Врач оказался своего рода знаменитостью. Его звали Владислав Маркович Полячек¹⁴. До ареста (в 1939 году) он работал главным врачом клиники ухо, горла, носа в Кремлевской больнице и, кроме того, был домашним врачом Н. И. Ежова и Л. М. Кагановича. Родом он был венгр¹⁵. Коммунистом стал в Венгрии, был одним из членов Правительства¹⁶ молодой Советской Республики Венгрии.

11 Слово вписано над зачеркнутым словом.

12 Слово вписано над строкой.

13 Зельд - чистокровный мадьяр [был] замкнутый – Прим. И. А. Маханова.

14 Правильно: Ласло Полачек. Членом коммунистического правительства Венгерской Республики он не был. Работал в министерстве здравоохранения.

15 Из венгерских евреев – Прим. И. Маханова.

16 Очевидно по здравоохранению – Прим. И. Маханова.

После падения Венгерской¹⁷ Советской Республики эмигрировал в Советский Союз вместе с товарищем Белой Куном¹⁸. Арестован он был в начале 1939 года, как домашний врач Н. И. Ежова, за отказ дать фальшивые свидетельские показания на Ежова¹⁹. По обвинению по делу [Н. И.] Ежова, он получил наказание 15 лет исправительно-трудовых лагерей и пять лет поражения в правах. На наш вопрос, а где находится вождь Венгерской Социалистической революции и председатель Совнаркома²⁰ молодой Венгерской Республики, он ответил:

- Бела Кун арестован еще в 1937 г. /с. 171 об. / за то, что не поладил со Сталиным, как это сделал Ракоши, и протестовал против ареста большинства венгерских коммунистов-эмигрантов в Москве и на периферии. В 1938 и 1939 годах ходили слухи, что тов[арищ] Бела Кун отбывает заключение в спецлагере на Воркуте.

На мой вопрос [В. М.] Полячку не знает он венгерского коммуниста Евгения²¹ Чери, учившегося и окончившего вместе со мной в 1928 году Артиллерийскую инженерную академию РККА имени Ф. Э. Дзержинского в Ленинграде. Он ответил:

- Очень хорошо знал Чери, как горячего темпераментного коммуниста, так как в Москве до 1937 года у нас существовало венгерское землячество во главе с тов[арищем] Белой Куном, но после ареста главы оно²² распалось. О судьбе Евгения Чери нам, коммунистам, было известно, что он был арестован в 1937 году и якобы был расстрелян. В период Венгерской Социалистической Революции Евгений Чери, несмотря на свою молодость, как б[ывший] офицер Австро-Венгерской армии, занимал пост Военного комиссара Венгрии²³. Ему после падения Республики бежать из Венгрии не удалось и правительством [Миклоша] Хорти он был посажен в тюрьму, где его мучили и пытали венгерские белогвардейцы. После нескольких лет заключения в тюрьме он был

17 Слово вписано над строкой.

18 В тексте: Бел-Кун.

19 Будучи еще не арестованным. – Прим. И. Маханова.

20 Председателем «Революционного Правящего Совета» Венгерской советской Республики являлся Шандор Гарбари. Бела Кун был министром иностранных дел, но фактически оттеснил Ш. Гарбаи от власти.

21 Правильно: Еньо Чери.

22 Повтор: землячество.

23 Во главе Красной Гвардии, а затем Красной Армии Венгерской Советской Республики стоял Матьяш Ракоши. И. А. Маханов путает Еньо Чери с Йожефом Черни, который командовал 2 тыс. отрядом «ленинцев» и был казнен в 1919 г. хортистами.

выслан в Чехословакию, а оттуда он перебрался /с. 172/ в Советский Союз, где и принял подданство СССР. В тюрьме [М.] Хорти он не погиб, но зато сгинул²⁴ в сталинской тюрьме. Вот уж никак нельзя было ожидать такого трагического конца.

Приятель и друг Евгения Чери, венгерский коммунист [Арпад] Гофман также был арестован вместе с Чери и тоже было известно, что расстрелян. Можно сказать, что почти все венгерское землячество во главе с Белой Куном целиком погибло в Москве, которую они считали святыней и большевистской «Меккой²⁵», за исключением Матиаса Ракоши, подозрительно оставшегося нетронутым за его лакейство перед [И. В.] Сталиным и, возможно²⁶, предательство своих венгерских друзей. Живя в Москве, венгерское землячество было всегда связано и жило в большой дружбе с немецким землячеством коммунистов-эмигрантов.

Участь немецких коммунистов была не менее печальной, чем венгерских. Большинство немецких коммунистов, близких друзей Эрнста Тельмана в 1937-1938 годах было арестовано и бесследно исчезло. Я думаю, что участь самого [Эрнеста] Тельмана была бы такой же, как и Бела Куна, зная его неукротимый прямой характер гамбургского портового рабочего. На мой вопрос [В. М.] Полячку:

- Вы были домашним врачом не только [Н. И.] Ежова, но и Л. М. Кагановича. Не пытался ли последний в какой-то степени оказать Вам помощь, тем более, что его близкая родственница, кажется племянница, является женой /с. 172 об. / [И. В.] Сталина?²⁷

Полячек на это ответил, что он, как только был арестован, на помощь со стороны [Л. М.] Кагановича не рассчитывал, зная, как домашний врач, его характер грубияна и очень черствый к тому же. Даже до ареста неоднократно были такие хамские выходки по отношению к домашнему врачу со стороны пациента, что исполнение моих обязанностей²⁸ было далеко не из приятных. Кроме того, мне было известно, что [Л. М.] Каганович так усердно сажал в тюрьму своих

24 В тексте: «погиб».

25 Мекка – город в западной Саудовской Аравии, около 100 км от Красного моря. Является центром паломничества для мусульман.

26 Слово вписано над строкой.

27 У Маханова не единожды встречается упоминание некоей гражданской «жены Сталина» – сестры или племянницы Л. Кагановича. Это сообщение легендарно.

28 Слово зачеркнуто.

помощников по НКПС²⁹ и путейские кадры на местах, в таком массовом масштабе, что неразумно было бы рассчитывать на его помощь.

Наши беседы и знакомство друг с другом продолжались всю дорогу от Москвы до лагеря. Мы так сблизились с [В. М.] Полячком, что он вошел в нашу группу как полноценный член. Так нас стало девять душ, спянных друг с другом общей судьбой.

* * *

/с. 177 об. /... На первом лагпункте³⁰ в нашу группу влился доктор [В. М.] Полячек, но зато от нашей группы откололся [Г. Л.] Леймер - немец, очень/с. 178/ быстро устроившийся на довольно привилегированную работу в механической мастерской первого лагпункта в качестве н[ачальника] цеха. Естественно, что с ним вместе откололись от нас его друзья по Большеву [В. Е.] Кунович и [Е. Л.] Зельд (венгры).

Таким образом наша группа и как рабочая бригада состояла из шести человек: [М. Ф.] Добряков, [Н. П.] Васильев, [И. И.] Амелькович, [Е. А.] Корб, [В. М.] Полячек и [И. А.] Маханов.

* * *

/с. 186 об. / ... Дни шли за днями. Наше звено втянулось в работу по выкорчевке пней и /с. 186 об. / снятию дерна, но все же целый день³¹ в жару, под палящими лучами солнца наши силы так изматывались, что, приходя в зону и пообедав, мы как «подкошенные снопы» валялись на нары и спали беспробудным сном до подъема в пять часов утра. Наш милый доктор Полячек или как мы его ласково называли по-венгерски «Ласло», наблюдал внимательно за нашим здоровьем и сохранением сил и давал указания, что надо в жару пить как можно больше воды, чтобы не дойти до изнурения. К нашему счастью нам часто на рабочих участках попадалось так много земляники и черники, что мы не только полностью удовлетворяли себя, но и приносили много ягод в зону, где делились этими витаминами с нашими друзьями.

29 Наркомат путей сообщения – Народный комиссариат путей сообщения СССР (НКПС или Наркомпуть) – государственный орган СССР, управлявший деятельностью железнодорожного и других видов транспорта Советского Союза в 1923–1946 годах.

30 Ст[анция] Фосфоритная – Прим. И.А. Маханова.

31 12-часовой рабочий день – Прим. И.А. Маханова.

В этот период не обошлось³² и без происшествий в нашей группе. Мы забыли, что на этом лагпункте тоже имеются «урки» и за это поплатился наш «бобер» Миша Добряков. Воры, пока мы были на работе, обманули бдительного дневального по бараку и утащили у Миши много ценных вещей. После этого «ЧЭПЭ»³³ мы решили не полагаться на бдительного дневального и каждый день кто-нибудь из нашего звена оставался в зоне, и мы отработывали не только себя, но и его. Большой честью в качестве дежурного оставался доктор «Ласло» или кто-нибудь из нас, если чувствовал /с. 187/ себя очень изнуренным.

Положение наше значительно ухудшилось, когда наше звено перевели в другую колонну, на земляные работы по сооружению полотна будущей железной дороги, земляные выемки, кюветы и прочее. Когда я обратился к начальнику колонны, который к нам очень хорошо относился, особенно к доктору [В. М.] Полячеку, как старый «лагерный волк», прекрасно помнил, что доктор, как кремлевский врач, рано или поздно станет крупной лагерной фигурой, и спросил почему нас перевели в другую «штрафную» колонну, наиболее тяжелые работы. Начальник колонны по секрету сказал, что это дело рук «кума» (оперуполномоченного), ему это наемкнули в УРУ³⁴ и ППЧ³⁵ и в этом случае начальник лагпункта ничего не может поделаться. Вероятно, это потому, что вы все «тяжеловесы»³⁶ и только что прибыли в лагерь. При первой возможности я вас верну в мою колонну. Советую вам чем-нибудь «дать на лапу» начальнику штрафной колонны, он особенно любит это и только он³⁷ может «положить с прибором» на оперуполномоченного и его директиву.

Посоветовался я в нашем звене, и все стали смотреть на Мишу Добрякова, как наиболее богатого из нас, но он, надеясь на свои силы, категорически отказался «давать на лапу». Так мы в этот раз и ничего «не дали на лапу». В первый же день нашей работы в штрафной колонне мы почувствовали, насколько она тяжелее и изнурительнее. Когда я взял в руки тачку для /с. 187 об. / вывоза земли по дощатой узенькой дорожке, перекинутой через канаву, то, во-первых, я долго не мог сдвинуть с места пустую тачку, а когда сдвинул, и с трудом, с

32 Далее буква зачеркнута.

33 Чрезвычайного происшествия – Прим. И.А. Маханова.

34 УРУ (УРО, УРЧ) –Учетно-распределительное управление (отдел, часть) – ред.

35 ППЧ – планово – производственная часть – ред.

36 Со сроками 15 лет и выше – Прим. И.А. Маханова.

37 Слово вписано над строкой.

напряжением всех сил покатил на подъем по доске, то моя тачка заколебалась и упала в канаву. Кругом раздался злорадный хохот «урков» и такие реплики с их стороны:

- Это тебе, придурок, не карандашом водить!

- Ты бы лучше пристроил моторчик к тачке, вот тогда и мы присоединились бы к тебе. А так, пусть сам начальник таскает ему тачку, мы ее не делали и таскать не будем. Мы этот лес не сажали и валить его не собираемся. Пусть 58 статья – контрики ишачат на этих работах!

Действительно, все «урки», а в штрафной колонне их было много, сидели кучками и не желали приступать к работе. Они предпочитали получать штрафную горбушку – 400 грамм хлеба и самый плохой котел, но не работать, и выглядели они неплохо, так как они в зоне «закашивали и большие горбушки, и хороший приварок». Их выручали братья «урки» высшего класса, вроде «князей» среди молодых воров. Эти «князья»³⁸, как правило, ничего не делают и устраиваются на тепленьких местах в зоне: на кухне, в хлеборезке и прочее. Вот они-то и разворовывают лучшие продукты рациона заключенных и кормят огромную армию /с. 188/ отказников от работы, армию «урков». Их спасает от репрессий со стороны администрации лагеря определение, идущее свыше из Москвы, что воры и бытовики - это «Друзья народа и Отечества» и к ним надо относиться снисходительно. Другое дело 58-ая статья – контрики, да еще «тяжеловесы» с большими сроками, их можно заставить работать: конвой силой оружия не позволит контрику отказаться от работы, оперуполномоченный или помощник начальника лагпункта по режиму посадят отказника в «кондей» (карцер), где доведут его 300-граммовыми пайками и водой до полного истощения и скоро до «деревянного бушлата»³⁹, то есть на свалку. Так что нашему звену «тяжеловесов» пришлось напрягать свои силенки и работать до изнурения то на тачках⁴⁰, то с лопатой. Мы стали чувствовать, что с каждым днем работы в штрафной колонне наши силы катастрофически убывают...

* * *

38 Воры с большим стажем – Прим. И.А. Маханова.

39 Деревянный бушлат – жарг. гроб.

40 Самая тяжелая работа. – Прим. И.А. Маханова.

Стали ходить слухи, что готовится этап на штрафной лагпункт № 10, к которому уже почти дотянулась нитка лагерной железной дороги. Для нас стало ясным, что в первую очередь наша группа попадет в этот злосчастный этап. Нас предупреждал начальник колонны, который нас впервые вывел на работу, что с нами, то есть «тяжеловесами»⁴¹ будет отправлена большая группа самых злостных отказников - «урков» и что на штрафном лагпункте начальник страшный зверь и садист⁴². Остерегайтесь попадаться ему на глаза – он ни за что ни про что⁴³ первого встречного сажает в «кондей» (карцер) и там свирепствует /189 об. / оперуполномоченный⁴⁴. Постарайтесь наладить отношения со старшим нарядчиком⁴⁵, тогда вам будет легче. Мы поблагодарили начальника колонны, в которой мы охотно работали и распрощались с ним.

На следующий день нас не вывели на работу и объявили, что мы идем в этап пешком, и каждый свои вещи должен нести на себе. Мы собрались с вещами. [Н. П.] Васильев и [А. Е.] Корб не имели [своего скарба] и согласились помочь Мише Добрякову нести часть его вещей. Вот как получается и без вещей плохо и с вещами плохо!

Парадоксально, но факт. Погода стояла по-прежнему жаркая, и нести вещи было очень тяжело. «Урки», следовавшие вместе с нами на привалах предлагали свои услуги, так как были совершенно налегке, но это значило распрощаться с вещами, которые в будущем еще пригодятся. Изнуренные жарой и ношей, наконец, мы добрались до штрафного лагпункта, обнесенного не проволочным ограждением, а высокими деревянными стенами, наверху увенчанными колючей проволокой. Внешний вид этого лагпункта явно напоминал настоящую тюрьму, с вышками по углам. На другой стороне железной дороги были расположены напротив лагпункта лесопильная рама, лесная биржа, и несколько домиков для охраны лагпункта. Угрюмый Кайский лес подступал вплотную к стенам лагпункта. Вот нас ввели в зону и разместили в только /с. 190/ что выстроенном бревенчатом бараке. Лагпункт еще только отстраивался и не был закончен. На следующий

41 Повтор: «со сроками 15 лет и выше». – Прим. И.А. Маханова.

42 Фамилию, имя, отчество и другие биографические данные начальника 10 Лагпункта Вятлага установить не удалось.

43 Два слова вписаны над строкой.

44 Фамилию, имя, отчество и другие биографические данные установить не удалось.

45 Фамилию, имя, отчество и другие биографические данные старшего нарядчика установить не удалось.

день после нашего прибытия меня вызвали к оперуполномоченному, не помню его фамилии, но судя по физиономии «зверь зверем». Меня он встретил, как я вошел в его кабинет словами:

- Контрреволюционное падло, знаешь, куда тебя привезли⁴⁶, бандит, на штрафной лагпункт. Здесь мы с тобой церемониться не будем. Я покажу тебе, что значит Советская власть, и вышибу из тебя весь дух и выброшу твою шкуру на свалку, а вместе с тобой и остальных участников заговора Тухачевского. Я не дам тебе нигде устроиться на легкую работу, хотя ты инженер, но я буду следить, чтобы ты работал только на самой⁴⁷ тяжелой и грязной⁴⁸ работе и доведу тебя до «деревянного бушлата». Вот и конец тебе будет, конструктор Маханов! Иди, падло, в барак, к своим соратникам!

Так началось очередное испытание моего духа и нервов, равносильное продолжению следствия с пытками и истязаниями. Куда ведет наше государство, созданное [В. И.] Лениным, эта адская машина жестокости и угнетения. Только пропасть, катастрофа ожидает все завоевания Революции, если не случится какого-либо чуда. Придя в барак, я поделился результатом своего первого визита к «куму». Обещал все муки ада. Ну, что ж проживем – увидим, что из этого выйдет. В нашем звене мы решили, что /с. 190 об. / лучше всего сдать вещи в камеру хранения, а не держать в бараке, так как на дневального положиться совершенно невысказано. К нашему счастью, камерой хранения заведовал з/к 58 статьи⁴⁹, срок которого⁵⁰ истекал в следующем году, а это уже было некоторой гарантией, что вещи не пропадут.

Через несколько дней от нас ушел доктор [В. М.] Полячек. Его вызвала заведующая санчастью, жена начальника лагпункта⁵¹ и предложила ему место главного врача лагпункта, а это по лагерным понятиям сан «придурка», равносильного старшему нарядчику. Когда [В. М.] Полячек, наш «Ласло», вернулся из санчасти, то закричал:

- Ура! Ребята, теперь не пропадете, я главный врач лагпункта. А ты, Ванюша, не падай духом, а все остальное устроится. Теперь поборемся и с оперуполномоченным.

46 Хотя я всю дорогу шел на собственных ногах. – Прим. И.А. Маханова.

47 Слово вписано над строкой.

48 Слово вписано над строкой.

49 Далее одно слово зачеркнуто.

50 Еще одно слово зачеркнуто.

51 Фамилию имя отчество и другие биографические данные установить не удалось.

Доктор [В. М.] Полячек поселился в отдельной кабинке (комната) в бараке, где жили нарядчики и прочие лагерные «придурки». Медицинский осмотр вновь прибывшего этапа, и нас в том числе, начальница санчасти производила вместе с доктором [В. М.] Полячком, и благодаря ему нас квартировали только на легкие работы. Это уже был первый наш⁵² успех в борьбе с «опером», который решил нас уничтожить.

* * *

/с. 226 /... я [И. А. Маханов] вспомнил венгерского коммуниста Евгения Чери, который учился вместе со мной в Артиллерийской инженерной академии... [Е.] Чери всегда утверждал, что поднять европейские народы на Социалистическую Революцию и держать годами на том азиатском⁵³ жизненном уровне, как в России, невозможно. Ранее находясь в Академии, я расценивал взгляды [Е.] Чери как некоммунистические и не признавал право европейских народов на привилегии в коммунистической среде. Но все более близкое знакомство с западноевропейскими народами⁵⁴ и общение с ними внесло некоторые коррективы /с. 226 об. / в мое отношение к этой проблеме, но все же, только в той части, что Социалистическая Революция в этих странах, как это признавал [В. И.] Ленин, будет иметь свои особенности. Но допустить экономическое неравенство в коммунистической семье народов, это значит создать предпосылки для политического неравенства и в перспективе⁵⁵ для неокOLONиализма.

* * *

/с. 304 об. / ... Продовольственное снабжение в лагере резко сократилось и ухудшилось. Ходили слухи, что в случае падения Москвы (речь идет об осени 1941 года – И. Т. и А. К.), вся 58 статья⁵⁶ поголовно будет уничтожена (расстреляна) решением Особого совещания при Наркомате внутренних дел. Об этой опасности нашу группу предупредил доктор [В. М.] Полячек, который к этому времени получил

52 Слово вписано над строкой.

53 Далее слово зачеркнуто.

54 Немцы, французы, англичане, голландцы – Прим. И.А. Маханова.

55 В тексте: «пределе».

56 То есть все политические заключенные – И. Т. и А.К.

пропуск для свободного хождения за зону. Эта льгота была ему дана за удачную сложную⁵⁷ операцию, которую он сделал подростку – дочери начальника главного управления лагерей НКВД генерала [Виктора Михайловича] Наседкина⁵⁸. Девочку привезли из Москвы на самолете в безнадежном состоянии⁵⁹ со злокачественной опухолью под черепом. [В. М.] Полячек ее /с. 305/ оперировал и спас от смерти. Вот за эту операцию его облагодетельствовали пропуском.

Об уничтожении поголовном всех политических заключенных доктору [В. М.] Полячку по секрету сообщили работники санчасти лагеря. Но, к нашему счастью, столица нашей родины не собиралась сдаваться, а свежие полки и дивизии, переброшенные с Дальнего Востока, не только остановили наступление немцев на Москву, хотя их танки были уже в Химках⁶⁰, но и перешли в контрнаступление...

* * *

/с. 819 об/. Как только были организованы эти сталинские концлагеря, [сообщил Иван Яковлевич Проурзин⁶¹,] так нас, «тяжеловесов»

57 Слово вписано над строкой.

58 *Наседкин* Виктор Григорьевич (1905–19.04.1950) – высокопоставленный сотрудник органов госбезопасности СССР, генерал-лейтенант (1945). Руководил всей системой концлагерей во время Великой Отечественной войны 2.9.1947 переведен в распоряжение МВД СССР, а 16.2.1948 уволен в запас. См. http://www.hrono.ru/biograf/bio_n/nasedkinvg.php.

59 По заключению врачей Кремлевской больницы, которые посоветовали генералу разыскать в заключении хирурга Полячека. – *Прим. И. А. Маханова.*

60 Химки – город в Московской области России.

61 *Проурзин* Иван Яковлевич (30.12.1906, дер. Подхолмишная Архангельской губ. – 23.11.1984, г. Архангельск), член ВКПб с 1924. В 1924–1929 гг. инструктор, секретарь Шенкурского уездного комитета Архангельской губернии. В 1929–1930 гг. редактор газеты «Северный комсомолец». В 1930–1931 гг. секретарь Великоустюгского, затем Черевковского районных комитетов ВКПб. 21.12.1931–12.08.1937 гг. 1-й секретарь Ненецкого окружного комитета ВКПб. С августа 1937 по август 1938 г. директор конторы снабжения «Севгосрыбтреста». В августе 1938 арестован, а в августе 1939 г. осужден к 25 годам ИТЛ. Освобожден 12.05.1954 г. В 1954–1956 гг. технический руководитель Краснофлотского сплава участка в Архангельской области. В 1956–1958 гг. директор Плесецкой лесоперевалочной базы. В 1958–1962 гг. председатель колхоза им. М.И. Калинина «Дружба». В 1962–1968 гг. начальник Плесецкого лесоучастка Архангельского леспромхоза. С 1968 г. председатель Архангельского совета ветеранов. Окончил в 1973 г. Всесоюзный заочный финансово-экономический институт. См. <http://www.knowbysight.info>

(большесрочников) – меня, [Ивана Ивановича] Докучаева⁶² и доктора Владислава Марковича Полячек (Ты его не забыл?) /с. 820/ этапировали в 1947 году из Вятлага в Минлаг. Я работаю на Деревообрабатывающем комбинате (ДОК), как специалист по сушке пиломатериалов, а Иван Иванович - в ППЧ⁶³ 1-ого Лаготделения⁶⁴. А доктор [Владислав Маркович] Полячек работает в Абезь⁶⁵ в инвалидном лагере Минлага, но говорят, собирается перебраться в Инту. У него скоро кончается 15-летний срок. У нас имеется нелегальная связь с [В. М.] Полячком через врачей. Мы ему сообщим о твоём прибытии в Минлаг, а это побудит его поскорее прибыть в Инту...

62 *Докучаев* Иван Иванович (1908 г., г. Архангельск -?) – служащий. Проживал в г. Архангельске. Арестован 6.08.1938 г., приговорен 28.08.1939 г. к лишению свободы сроком на 20 лет ИТЛ. Реабилитирован 20.04.1954 г. См.: Источник: Поморский мемориал: Книга памяти Архангельской обл.

63 Производственно-плановая часть. – *Прим. И. А. Маханова.*

64 Горного, обслуживающего 1-ую и 2-ую шахты. – *Прим. И. А. Маханова.*

65 Абезь – посёлок в городском округе Инта Республики Коми. Здесь после войны находился один из самых больших послевоенных санитарных лагерей политзаключенных Абезьский лагерь.

ТИБОР ФРАНК

СЛЕПОЙ СВИДЕТЕЛЬ¹

АМЕРИКАНСКИЙ ПОСОЛ ДЖОЗЕФ Э. ДЭВИС В МОСКВЕ, 1936–1938

THE BLIND EYEWITNESS

U.S. AMBASSADOR JOSEPH EDWARD DAVIES IN MOSCOW, 1936–1938

Joseph Edward Davies (1876–1956) was U.S. ambassador to Moscow between 1936 and 1938. Davies was a lawyer who joined the Democrats and contributed to the success of the presidential election of Woodrow Wilson whom he supported in various capacities during his two terms 1912–1920. He was a close companion of Wilson before he became an international lawyer between the U.S. and Mexico, Peru, The Netherlands, Greece and the Dominican Republic. He was mainly involved in anti-trust cases representing Seagrams, National Dairy, Copley Publishing, Anglo-Swiss, Nestlé and Fox Films. Joseph E. Davies supported the presidency of Franklin Delano Roosevelt who sent him in 1936 with his newly wed wife, the former Mrs. Post, as a U.S. ambassador to Moscow. Amb. Davies was led astray by his Soviet hosts, probably through the valuable art gifts he received for his personal art collection. He became as it were blindfolded while studying the Soviet Union and, especially, during the showtrials when he was called upon to watch closely and serve as a witness. The ambassador seemed to believe all the horrible crimes the victims of these trials accused of and showed no doubts whatsoever as to the trials. He sent his reports to Secretary of State Cordell Hull and President Roosevelt, published in his book *Mission to Moscow* which served as the basis of his 1943 Hollywood film, a great contribution to Soviet propaganda efforts as it came from an authoritative eyewitness who was present at these trials in the critical years in and after 1936, and up to 1938. *Mission to Moscow* was translated into several languages after World War Two, particularly in Eastern Europe, as it did excellent political service to the Soviet Union and to Joseph Stalin personally. Amb. Davies continued his career as a diplomat throughout and right after World War II.

Keywords: Soviet-American relations, Joseph E. Davies, U.S. Embassy in Moscow, Soviet showtrials, Mar-a-Lago, Marjorie Merriweather Post, Mission to Moscow (book and film), Cordell Hull, Franklin Delano Roosevelt

Tibor Frank – Professor Emeritus of History, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary; full member of the Hungarian Academy of Sciences, H-1088 Budapest, Rákóczi út 5.

E-mail: tzsbe@hu.inter.net; Personal website: <https://franktibor.hu/>;

Wikipedia page: https://en.wikipedia.org/wiki/Tibor_Frank

1 In: FRANK TIBOR (szerk.): *Az orosz birodalom születései. Magyar kutatók tanulmányai az orosz történelemről.* [The Births of the Russian Empire: Studies on Russian History by Hungarian Researchers.] Budapest: Gondolat, 2016, 255–278. (Расширенный вариант).

Несмотря на то, что Соединенные Штаты лишь в 1933 г. установили дипломатические отношения с СССР, они стремились помочь Советской России уже и после 1917 г. С помощью значительных благотворительных мер Америка пыталась смягчить последствия голода, разразившегося в 1921 г. Будущий президент Герберт Гувер (1874–1964), который уже во время Первой мировой войны обратил на себя внимание своими акциями экономической помощи в Европе (главным образом в Бельгии), на основании полученных от Конгресса полномочий при посредничестве Красного креста передал для России из медицинских запасов американской армии товаров на сумму 4 миллиона долларов. Американская государственная помощь имела скорее символическое значение, поскольку в то же время в Россию была направлена помощь на сумму 80 миллионов долларов из частных источников. В 1922 г. благодаря необыкновенным организационным способностям Гувера, ранее работавшего горным инженером, 10,5 миллионов нуждающихся русских людей в 18 тысяч распределительных пунктов получили продовольствие, одежду и лекарства (900 000 тонн). Живший в то время в эмиграции Максим Горький (1868–1936) вдохновенными словами выразил Гуверу благодарность за «великодушие американского народа», которое «воскресило мечту о братстве между народами в то время, когда человечество так остро нуждается в благотворительности и сострадании». На одном из банкетов в Москве председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР поблагодарил Гувера «от имени миллионов спасенных людей».²

I. РАННИЕ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

В 20-х гг. стороны не желали вести переговоры об установлении дипломатических отношений по двум причинам. Советский Союз не соглашался уплатить государственный долг, возникший в царское время, а кроме этого, согласно американским обвинениям, вел в Центральной Америке политику, нарушавшую интересы США, так, например, через Мексику снабжал оружием никарагуанское

2 DANIEL J. BOORSTIN, *The Americans. The Democratic Experience* (New York: Random House/Vintage Books, 1974), 573.

революционное движение Аугусто Сесара Сандино (1896–1934). Однако тем временем американские предприниматели утвердились в Советском Союзе – Арманд Хаммер развивал асбестовую и графитовую промышленность, фирма «General Electric» создала электростанцию на Днепре, а Генри Форд построил автомобильный завод в Новгороде.³

Соединенные Штаты признали Советский Союз только спустя 16 лет после большевистской революции. Решение об установлении дипломатических отношений приняло правительство Франклина Делано Рузвельта (1882–1945) в ноябре 1933 г. В то время за это решение выступали такие авторитетные американские бизнесмены, как, например, владелец автомобильных заводов Генри Форд (1863–1947) и президент «General Electric Company» Джеральд Своуп (1872–1957), которых манил огромный советский рынок, но этому шагу было радо и советское правительство, надеявшееся на сдерживание японской экспансии. К тому времени и американская сторона уже в течение нескольких лет уповала на антияпонское выступление СССР, в Госдепартаменте его старался подготовить эксперт по дальневосточным делам Стэнли Кул Хорнбек (1883–1966).⁴ В 1938 г. Хорнбек выступал за введение экономических санкций против Японии.⁵ Подготовку установления дипломатических отношений Рузвельт поручил не профессиональному дипломату, а своему тогдашнему другу и доверенному лицу, Уильяму К. Буллиту (1891–1967), который в октябре 1933 г. предложил советскому правительству пригласить в Вашингтон высокопоставленного советского представителя для ведения переговоров. 8–16 ноября 1933 г. советский нарком по иностранным делам Максим Литвинов (1876–1951) провел переговоры с Рузвельтом, который прежде всего попросил разрешить свободное вероотправление американцам, находившимся в СССР. Помимо этого, Литвинов пообещал, что СССР возвратит военный долг в объеме 70–150 миллионов долларов. Формально этот дипломатический шаг

3 MAGYARICS TAMÁS, *Az Egyesült Államok külpolitikájának története. Mítosz és valóság: érdekek és értékek* (Budapest: Antall József Tudásközpont, 2014), 271.

4 ROBERT D. SCHULZINGER, *U.S. Diplomacy Since 1900* (New York – Oxford: Oxford University Press, 1998), 156.

5 „Stanley K. Horbeck Urges Economic Sanctions Against Japan, 1938”, in *U.S. Department of State: Foreign Relations of the United States, 1938*. Washington, D.C., 1954, Government Printing Office, III, 572–573. Другая публикация: DENNIS MERRILL and THOMAS G. PATTERSON (eds), *Major Problems in American Foreign Relations. Vol. II. Since 1914* (Boston – New York: Houghton Mifflin, 2000), 121–122.

мог считаться успешным, однако в течение следующих пяти лет он не принес запланированных и ожидаемых результатов. СССР не дал живущим в стране американцам права на свободное вероотправление и не возвратил военный долг, американские коммерсанты не смогли проникнуть в советскую экономику, а США не оправдали советских ожиданий относительно противодействия японским экспансионистским планам. К концу 1934 г. отношения между двумя державами⁶ снова характеризовались взаимным недоверием.

Первым послом США в СССР стал Уильям К. Буллит, располагавший командой сотрудников, состоявшей из отличных экспертов по советским делам. За два года первоначальное восторженное отношение Буллита к советскому строю сменилось резким антикоммунизмом, и в 1936 г. посол был переведен в Париж. Оставшиеся в Москве сотрудники посольства, в том числе Чарльз Ю. Болен (1904–1974) и Лой У. Хендерсон (1892–1986), во главе с Джорджем Ф. Кеннаном (1904–2005), сыгравшем позже важную роль в развязывании холодной войны, с растущим ужасом следили за «чистками», за уничтожением Сталиным старой большевистской гвардии. Под влиянием антикоммунистически настроенного руководителя восточноевропейского отдела Роберта Ф. Келли (1894–1976) в американском Госдепартаменте в то время началась кампания, имевшая целью обратить внимание политической элиты на коммунистическую опасность.⁷ Этот круг американских дипломатов 1930-х годов и их опыт стали источником сильных антисоветских настроений, проявившихся в период возникновения холодной войны.⁸ В современной американской исторической науке указано на то, что в 40-х гг. Джордж Ф. Кеннан описывал советский коммунистический режим в понятном контексте социального пола, – советский народ изображен у него в качестве женщины, изнасилованной правительством, а сам Кеннан показан как человек, по-настоящему влюбленный в русский народ.⁹ Работавшие в Москве американские дипломаты единодушно считали, что нет оснований для сотрудничества

6 ROBERT D. SCHULZINGER, *U.S. Diplomacy Since*, 157; ALAN BRINKLEY, *The Unfinished Nation. A Concise History of the American People* (New York: McGraw Hill, 2010), 657–658; MAGYARICS TAMÁS, *Az Egyesült Államok külpolitikájának története*, 271–272.

7 ROBERT D. SCHULZINGER, *U.S. Diplomacy Since*, 157–158. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/George_F._Kennan [дата обращения: 9 июля 2016 г.].

8 FRANK COSTIGLIOLA, „George F. Kennan and the Gendering of Soviet Russia”, in *Major Problems in American Foreign Relations* eds. DENNIS MERRILL, THOMAS G. PATERSON, 255.

9 Там же.

с СССР, и в 30-х гг. казалось, что совместно с Советским Союзом нельзя даже выступать против общих врагов. Сталинские постановочные судебные процессы, ликвидация противников диктатора обусловили антисоветскую настроенность этих дипломатов, сохранявшуюся в течение всей их дальнейшей деятельности.

II. АДВОКАТ В КАЧЕСТВЕ ПОСЛА

Преемником посла Буллита в Москве стал Джозеф Эдвард Дэвис (1876–1956). Его официальные полномочия длились с 16 ноября 1936 г. до 11 июня 1938 г. Дэвис родился в городе Уотертаун штата Висконсин, учился на юриста в Висконсинском университете (1898, 1901), а позже получил степень доктора в Пресвитерианском колледже штата Южная Каролина (1937). Поначалу он работал юристом, затем подключился к политической деятельности Демократической партии. В 1912 г. ему удалось заручиться поддержкой западных американских штатов, благодаря чему он внес эффективный вклад в избрание Вудро Вильсона (1856–1924) президентом США. Став близким сотрудником президента, он был назначен президентом *Bureau of Corporations* (Бюро корпораций), занимавшегося расследованием экономических злоупотреблений и сращивания интересов в экономике, а также осуществлением контроля за деятельностью трестов, а затем президентом *Federal Trade Commission* (Федеральной торговой комиссии) (1915–1916),¹⁰ больше того, по просьбе президента США, он баллотировался в сенаторы (1918). Однако на выборах победил его соперник, кандидат от республиканцев, после чего демократы потеряли большинство в Сенате. Это послужило одной из причин падения президента Вильсона после войны. На Парижской мирной конференции (1919) Дэвис был экономическим советником Вильсона, а после окончания мирных переговоров вернулся к адвокатской практике и работал юридическим консультантом ряда зарубежных государств (Мексики, Перу, Голландии, Греции и Доминиканской Республики). Его самым известным делом была защита акционеров компании «Ford» против иска американского правительства, которая закончилась выигрышем дела и принесла

10 ELIZABETH KIMBALL MACLEAN, „Joseph E. Davies: The Wisconsin Idea and the Origins of the Federal Trade Commission”, *Journal of the Gilded Age and Progressive Era* 6/3 (2007), 248–284. DOI: 10.1017/S1537781400002097

адвокату рекордный гонорар в 2 миллиона долларов. Дэвис выполнял адвокатскую работу прежде всего по антимонопольным делам, среди его клиентов были «Seagrams», «National Dairy», «Copley Publishing», «Anglo-Swiss», «Nestle» и «Fox Films».¹¹

Ставший миллионером Дэвис щедро поддерживал из собственных средств предвыборную кампанию Франклина Д. Рузвельта в 1932 г. Он был близким другом и сотрудником Рузвельта еще при администрации Вильсона.¹² Выбор президента Рузвельта пал на Дэвиса с учетом его обширного юридического и международного опыта, а также в знак признательности за его неизменную поддержку Демократической партии. Так он получил назначение в Москву. После Москвы, в 1938–1939 гг. Дэвис представлял США в Люксембурге и Бельгии, а в 1939–1941 гг. стал специальным советником госсекретаря Корделла Халла (1871–1955), позже удостоенного Нобелевской премии мира, которому помогал в определении американской внешней политики в начале мировой войны. В 1942 г. Дэвис был назначен председателем созданного по указанию президента Рузвельта «Контрольного совета» по оказанию помощи союзникам во время войны («War Relief Control Board»). В 1945 г. на Потсдамской конференции Дэвис работал в ранге посла специальным советником президента Гарри С. Трумэна (1884–1972) и госсекретаря Джеймса Ф. Бирнса (1882–1972).

В качестве интересной детали личной жизни Дэвиса отметим, что его второй женой (в 1935–1955 гг., то есть и в годы работы в Москве) была Марджори Мерривезер Пост (1887–1973), являвшаяся в свое время самой богатой (и, быть может, самой привлекательной) наследницей в США, владелицей зерновой компании «Postum» и основательницей компании «General Foods». Часть своего свободного времени супруги Дэвис проводили в получившей известность летней резиденции Марджори Пост, особняке Мар-а-Лаго, находившемся в городе Палм-Бич во Флориде. Состоявший в то время из 126 комнат особняк позже, в 1985 г., был приобретен мультимиллиардером Дональдом Трампом.

11 Для краткого описания биографии Дэвиса я использовал 3-й том *Who Was Who in America* (Chicago, IL: Marquis – Who's Who, 1960, 210), а также статью о нем из Википедии. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Joseph_E._Davies [дата обращения: 5 июня 2016 г.].

12 ELIZABETH KIMBALL MACLEAN, „Joseph E. Davies and Soviet-American Relations, 1941–43”, *Diplomatic History* 4/1, 1980, 73. DOI: 10.1111/j.1467-7709.1980.tb00336.x

Марджори Мерривезер Пост

III. МИССИЯ В МОСКВУ

Уже в 1841 г. посол Дэвис выпустил книгу о своей деятельности в Москве под названием «Mission to Moscow» [«Миссия в Москву»], которая в свое время стала настоящим международным бестселлером. Она была напечатана в нескольких сотнях тысяч экземпляров, переведена на множество языков, по ней был снят фильм в Голливуде.¹³ Венгерский перевод книги Дэвиса, «Moszkvai jelentés», появился в двух изданиях объемом около 500 страниц сразу после Второй мировой войны в переводе Вильмоша Юхаса (Budapest: Anonymus, 1945). В 1984

13 JOSEPH E. DAVIES, *Mission to Moscow* (New York: Simon and Schuster, 1941; Sydney and London: Angus and Robertson, 1942; London: Victor Gollancz, 1942, 10th impr. 1945). URL: <https://archive.org/details/missiontomoscow035156mbp> [дата обращения: 1 сентября 2016 г.].

профессор Оксфордского университета Ласло Шоймар коротко сравнил венгерский текст с английским оригиналом и указал на то, что венгерский текст во многих местах сильно отличается от оригинала, причем изменения и пропуски всегда делались в соответствии со сталинистской политикой СССР.¹⁴ Таким образом, в 1945 г. венгерский текст был подвергнут обстоятельной цензуре в соответствии с советскими интересами.

Во время и после войны книга американского дипломата служила прекрасной советской пропагандой. В 1943 г. «Warner Brothers» сняла по этой книге фильм, режиссером которого был Майкл Кёртиц, а в главных ролях снимались Уолтер Хьюстон (Дэвис) и Энн Хардинг (Пост). Этот фильм был частью усилий Голливуда по поддержке союза с СССР в военное время. Дэвис сохранил и пользовался всеми правами, связанными со сценарием, в фильме отразились его ошибочные суждения. Под влиянием книги в фильме нарисован такой пристрастно просталинский образ СССР, что даже продюсер фильма, Роберт Бюкнер назвал его «преднамеренной, политически мотивированной ложью», «явным искажением важных фактов посредством их полностью или частично сознательно неверного показа».¹⁵ Жертвы московских постановочных процессов представлены в фильме в качестве пятой колонны нацистской Германии.¹⁶ Ныне московской миссии Дэвиса посвящается все более серьезная научная литература, в первую очередь здесь нужно отметить книги Дэвида Х. Кулберта (1980) и Элизабет Кимбалл Мэклин (1993), а также статью Тодда Беннета.¹⁷

14 После моего оксфордского доклада по данной теме, сделанного 20 января 2017 г., Ласло Шоймар устно и, по моей просьбе, письменно обратил мое внимание на явно преднамеренные искажения в венгерском переводе и на свою ранее написанную статью об этом: L. R. SOMLAI (= SOLYMÁR LÁSZLÓ), „Submission to Moscow (in Hungarian)”, *Survey* 28/4, 1984, 188–192. В то же время в международной научной литературе (в том числе в книге более позднего американского посла в СССР Чарльза Ю. Болен) уже гораздо раньше было высказано совпадающее с моим, резко осуждающее мнение о Дэвисе и его непонятном благожелательном отношении к Сталину. См., например: DAVID MAYERS, *George Kennan and the Dilemmas of US Foreign Policy* (New York–Oxford: Oxford University Press, 1988), 43–44, 91; здесь цитируется CHARLES E. BOHLEN (1904–1974): *Witness to History, 1929–1969* (New York: Norton, 1973), 44, 56.

15 DAVID H. CULBERT, *Mission to Moscow* (Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1980), 16–17; TODD BENNETT, „Culture, Power, and *Mission to Moscow*: Film and Soviet-American Relations during World War II”, *The Journal of American History* 88/2, 2001, 489–518. DOI: 10.2307/2675103

16 https://en.wikipedia.org/wiki/Mission_to_Moscow [дата обращения: 7 мая 2016 г.].

17 CULBERT, *Mission to Moscow*; ELIZABETH KIMBALL MACLEAN, *Joseph E. Davies. Envoy To The Soviets* (Westport, CT: Praeger Publishers, 1993); TODD BENNETT, „Culture, Power, and *Mission to Moscow*”.

Книга Дэвиса¹⁸ является документом, сотканным из дневника посла и его официальных донесений. В ней содержится множество интересных наблюдений о советской политической, общественной и экономической жизни 1936–1938 гг., об известных деятелях и повседневности Советского Союза, о международном положении и советской внешней политике. В книге опубликовано конфиденциальное донесение от 12 марта 1937 г., адресованное госсекретарю Корделлу Халлу, о поездке по СССР, в ходе которой Дэвис осмотрел важнейшие центры советской экономики, посетил множество заводов и крупных предприятий. Большое впечатление произвел на него Донбасс, где «находятся крупнейшие сталелитейные заводы, заводы по производству тяжелых машин и турбин, алюминиевые и тракторные заводы, химические предприятия, заводы сельскохозяйственного машиностроения и другие крупные промышленные предприятия». Его особенно удивило, что «строительство этих промышленных объектов, обучение рабочих и запуск производства были осуществлены за 6–7 лет», хотя «на некоторых таких предприятиях работает около 38 000 мужчин и женщин».¹⁹ 26 февраля 1937 г. Дэвис в сопровождении дочери, секретаря, двух подчиненных ему дипломатов и четырех американских журналистов отправился в шестидневную поездку в Харьков (ныне – *Харків*). Наряду с множеством промышленных объектов они посетили «первый «Дворец юных пионеров»», где 27 000 школьников «вне обязательных школьных занятий занимаются в научных, художественных, авиационных, транспортных и иных кружках ручного творчества [...]».²⁰ Подобные учреждения принадлежат к числу интереснейших достижений СССР и имеются во всех крупных центрах в соответствии с мыслью Сталина о том, что дети являются наиболее ценным достоянием страны».²¹ 28 июля 1937 г. Дэвис подготовил для госсекретаря Корделла Халла подробное донесение об опасениях и слухах, связанных с состоянием советской промышленности. Он утверждал, что огромные пространства СССР и особенно богатство его земель сделали возможным осуществление коммунистического

18 В дальнейшем в качестве оригинала я ссылаюсь на первое австралийское издание книги Дэвиса (Sydney and London: Angus and Robertson, 1942). См. еще доступное в Интернете издание 1945 г.: <https://archive.org/details/missiontomoscow035156mbp> [дата обращения: 1 сентября 2016 г.].

19 DAVIES, *Mission to Moscow*, 75.

20 DAVIES, *Mission to Moscow*, 75.

21 DAVIES, *Mission to Moscow*, 75.

и социалистического эксперимента и позволили достичь заметных результатов.

Это дает возможность не только перенести недостатки и ошибки в области промышленности, но и отказаться от всего вклада промышленности без того, чтобы это потрясло экономику и финансы государства. Пока армия находится в руках партии, последняя может пренебречь вытекающими из этого социальными последствиями.

По всей видимости, это подтверждает конечный вывод, что кризис организации русской экономики и промышленности не столь тяжел, как это обычно думают. Помимо этого вероятно, что если даже мрачные прогнозы о крахе промышленности и экономики осуществляются, то и полный развал промышленности не окажет столь судьбоносного влияния на организм СССР, как это предполагается, поскольку это будет иметь относительно маловажное значение по сравнению с громадными природными богатствами и мощью государственной жизни.²²

10 июля 1937 г. Дэвис выразил заместителю госсекретаря Самнеру Уеллесу (1892–1961) свое непрекрытое восхищение Советским Союзом: «У этой страны имеются безгранично большие человеческие ресурсы. В этом народе кроется изумительная сила следования идеологическим установкам и преданности делу. К этому еще надо добавить неизмеримые богатства страны. Она уже продемонстрировала много замечательного».²³ Однако посол ясно оценил и то, что «часть тяжелой промышленности все же жизненно важна и даже может оказать влияние на прочность положения правительства, поскольку необходима с точки зрения военной готовности. [...] Насколько я знаю, ответственные члены правительства очень «сознательно» относятся к возможности войны и считаются с угрозой со стороны Германии и Японии».²⁴ Посол сослался на беседу с «президентом» Михаилом Ивановичем Калининным (1875–1946), сказавшим, что „они полностью полагаются на свою армию и чувствуют себя защищенными от всяких нападений,

22 DAVIES, *Mission to Moscow*, 161.

23 DAVIES, *Mission to Moscow*, 151.

24 DAVIES, *Mission to Moscow*, 161.

даже если нападения последуют одновременно с двух сторон». В этом отношении Дэвис оказался хорошим наблюдателем, почти пророком, когда добавил, что: «географическое размещение промышленности по стране доказывает, что промышленный план отчасти должен восприниматься как подготовка к войне. [...] По всей видимости, советская промышленность будет хорошо функционировать, если ей придется показать свою настоящую мощь».²⁵

Эти мысли американский посол как бы продолжал в письме сенатору Милларду Тидингсу (1890–1961) от 14 апреля 1938 г., в котором он удивительно верно осуждал изоляцию СССР в Европе.

В этом безумном мире, – писал Дэвис. – дела идут так, что легко может случиться, что мировые демократии будут счастливы, если в случае нового всемирного кризиса здешнее правительство бросит в их интересах на чашу весов свою дружбу, силу и мирные намерения. Поверьте мне, что если фашистские диктаторы будут и дальше ломиться сквозь кусты и колючки, кризис неизбежно окажется у порога. [...] Политики в Европе гоняются за призрачными иллюзиями и ведут страусовую политику по отношению к простым, элементарным силам, которых они не желают принять во внимание.²⁶

IV. СТАЛИН

Американский посол скоро заметил симптомы культа Сталина и уведомил о них Госдепартамент. Он подробно сообщил госсекретарю о трехдневных празднествах по случаю 20-й годовщины Октябрьской революции, проходивших 6–7–8 ноября 1937 г. Ему бросились в глаза огромные гипсовые скульптуры и освещенные портреты Сталина, восторженные овации при упоминании имени Сталина, и он отметил: «Многие родители сажают своих детей на плечи, чтобы и малыши на мгновение увидели Сталина».²⁷ И все же в 1938 г. посол Дэвис считал, что «в истории о Сталине, по-видимому, будет отмечено, что он был

25 DAVIES, *Mission to Moscow*, 161–162.

26 DAVIES, *Mission to Moscow*, 249.

27 DAVIES, *Mission to Moscow*, 176–183, цитата: 182.

великим строителем России, достойным преемником Петра Великого». В качестве объяснения он добавил: «Лишь за последние двенадцать месяцев в Москве было построено 157 школ».²⁸ Уже с самого начала работы в Москве Дэвис буквально восхищался Сталиным и, таким образом, сам стал одним из служителей его культа:

Отовсюду я слышу, что Сталин очень простой человек, пуританин, его самая характерная черта – сила воли, направленная на достижение одной цели, и уникальная работоспособность. Он твердо держит в руках ситуацию в стране. Сталин порядочный человек, живет безупречной жизнью и предан задаче строительства социалистического государства и, в конечном итоге, коммунизма. Он обладает достаточной гибкостью, характеризующей его как политика и крупного вождя.²⁹

5 июня 1938 г., перед переездом на место нового назначения, в Брюссель, посол нанес в Кремле прощальный визит главе советского государства Калинину и премьер-министру Вячеславу Михайловичу Молотову (1890–1986). Калинин выразил американскому послу признательность советского руководства за то, что тот «лично изучал на территории СССР различные отрасли промышленности и предприятия, а также различные явления жизни советского народа. Он, как и другие члены правительства, ценит этот объективный подход и, несмотря на то, что между ними и американским послом имеется не одно противоречие, они считают его „порядочным человеком“ [...] и поэтому сожалеют о том, что он покидает Москву».³⁰ После этого посла Дэвиса проводили к главе правительства Молотову, у которого состоялась его личная встреча со Сталиным. Молотов также принял американского посла в своей квартире. К огромному удивлению дипломата, сразу после его прибытия «в комнату в одиночестве вошел господин Сталин, поспешил ко мне и сердечно приветствовал меня. Затем я в течение двух часов пятнадцати минут беседовал с ним и с Молотовым. [...]

28 DAVIES, *Mission to Moscow*, 233.

29 DAVIES, *Mission to Moscow*, 51–52.

30 DAVIES, *Mission to Moscow*, 265.

Посол Дэвис со Сталиным и Молотовым

Сталин особенно интересовался президентом Рузвельтом и задавал мне различные вопросы, касавшиеся личности президента. [...] В московском дипкорпусе этот случай, можно сказать, произвел впечатление сенсации. Его считают замечательным исключением в здешней истории дипломатических отношений». ³¹ В написанном в тот же день меморандуме посол очень подробно описал состоявшуюся встречу. По его мнению, советский руководитель «вел себя дружелюбно и непосредственно, у него простые манеры, во всем его облике чувствуется внутренняя сила и большая собранность. [...] он сердечно, со скромным достоинством приветствовал меня». ³² Посол с почтением отзывается о советском партийном лидере, приписывая лично ему все те «необычайные достижения, которые были спланированы и осуществлены за короткие десять лет» и которые «вызвали его восхищение». Дэвис сказал Сталину, что, как он слышал, «Сталин войдет в историю как более крупный строитель государства, чем Петр Великий и Екатерина Великая. [...] Для меня большая честь лично встретиться с человеком, созидательная деятельность которого служит благу простых

31 DAVIES, *Mission to Moscow*, 262–263.

32 DAVIES, *Mission to Moscow*, 266.

людей»,³³ – добавил Дэвис. Ответ Сталина не заставил себя ждать: «Он засмутился, сказав, что это не его заслуга. Эта идея зародилась у Ленина. План принадлежал Ленину, ему же первоначально принадлежал и план Днепровской гидроэлектростанции. Не он, Сталин, подготовил и десятилетний план, это был замысел более трех тысяч замечательных специалистов, великий план был создан благодаря им и другим его сотрудникам. Заслуга принадлежит прежде всего советскому народу, сам Сталин отклоняет любые восхваления, адресованные лично ему». Дэвис убежденно присовокупил к словам советского вождя и свое мнение: «Как я видел, его скромность искренна».³⁴

Сталин удержал посла и задал ему несколько вопросов. Тогда и выяснилось, почему Сталину была важна личная беседа с послом, к которой он явно основательно подготовился. Ему хотелось обсудить с послом два вопроса, жизненно важных прежде всего с точки зрения совершенствования советских вооруженных сил и являвшихся болевой точкой в советско-американских отношениях. Прежде всего Сталина интересовало, почему задерживается строительство заказанного в Америке для советского флота линкора, дальнейшие копии которого планировалось построить в СССР. Дэвис дал компетентный ответ: «Выполнение работ для заграничных заказчиков разрешается лишь в том случае, если, по мнению командования армии и флота, это не наносит ущерба сухопутной и морской обороне страны».³⁵ Дэвис постарался выяснить, кто вел переговоры о строительстве линкора от имени советского правительства. Из ответа Сталина стало ясно, что это была компания «Сарп», одним из владельцев которой являлся американский мультимиллионер русского происхождения Сэм Карп, шурин Молотова, который, как подозревалось, находился под советским влиянием.³⁶ Это дело тянулось уже в течение долгого времени,

33 DAVIES, *Mission to Moscow*, 266.

34 DAVIES, *Mission to Moscow*, 266.

35 DAVIES, *Mission to Moscow*, 267.

36 ELLEN McCLAY, *In The Presence of Our Enemies* (Bloomington, IN: AuthorHouse, 2006), 67. Женой Молотова была Перл Карповская, в подпольной работе получившая имя Полины Семеновны Жемчужины (1897–1970). Согласно редакционной статье газеты «Milwaukee Sentinel» от 1 декабря 1953 г. (р. 12), Карп до конца 30-х гг. ежегодно посещал СССР, откуда систематически привозил пачки 1000 долларовых банкнот. Одиозная комиссия Конгресса США по расследованию антиамериканской деятельности дважды вызывала Карпа, но так и не добилась от него точных ответов о сумме и судьбе этих денег. В статье говорилось, что Карп был настолько влиятельным человеком, что мог затребовать посла СССР из Вашингтона к себе в Нью-Йорк, больше того, ему

поскольку руководящие чиновники военно-морского министерства США активно выступали против строительства в США военных кораблей для СССР. Поскольку это министерство было важнейшим заказчиком всех тех предприятий, к которым обращалась компания «Сагр», они имели основания опасаться за свои будущие заказы в том случае, если бы пренебрегли предупреждениями со стороны военно-морского министерства.³⁷ Дэвис осторожно заметил Сталину, что президент Рузвельт, по всей видимости, не знает об этом деле, и что сам Дэвис хотел удостовериться в том, что представляющая СССР компания «имеет достаточно авторитетные полномочия для переговоров и пользуется доверием как Сталина, так и советского правительства».³⁸

Затем Сталин перешел ко второму вопросу, который касался погашения т. н. «долга Керенского» Соединенным Штатам.³⁹ Во время Первой мировой войны уже царское правительство через «First National City Bank» взяло у США заем размером примерно в 86 миллионов долларов, к чему добавились военные облигации на сумму в 11 миллионов долларв, размещенные на американском рынке. После признания правительства Керенского Соединенные Штаты предоставили ему кредит размером в 100 миллионов долларов, который позже был увеличен до 325 миллионов. Российское правительство использовало 187 миллионов из этой суммы. Таким образом, США имели огромные финансовые требования к советскому правительству. К ним можно добавить и частные американские инвестиции, осуществленные до революции, размер которых оценивался в 60 594 миллиона долларов.⁴⁰

удавалось дозваниваться до Сталина в Москве. Упомянутый позже Дэвисом Дэвид А. Розофф, будучи руководителем советского торгового предприятия «Амторг», работал под руководством Карпа. См.:

<https://news.google.com/newspapers?nid=1368&dat=19531130&id=A44xAAAAIWAJ&sjid=XRAEAAAAIWAJ&pg=4284,3925861&hl=en> [дата обращения: 22 июля 2016 г.].

37 THOMAS R. MADDUX, «Relations in the 1930s. The Soviet Union's Efforts to Purchase Naval Vessels», in DONALD J. STOKER JR. – JONATHAN A. GRANT (eds): *Girding for Battle. The Arms Trade in a Global Perspective, 1815–1940* (Westport, CT – London: Praeger, 2003), 206.

38 DAVIES, *Mission to Moscow*, 268.

39 Александр Федорович Керенский (1881–1970) – российский адвокат, депутат Государственной думы, в 1917 г. министр и в течение короткого времени премьер-министр. В 1918 г. был вынужден эмигрировать, умер в эмиграции.

40 «The Roosevelt Administration and the Russian Problem», in *Soviet-American Political and Trade Relations*. CQ Researcher, <http://library.cqpress.com/cqresearcher/document.php?id=cqresrre1933022400> [дата обращения: 4 июня 2016 г.]. Эти данные совпадают с данными П. В. Оля: П. В. ОНЦ, *Foreign Capital in Russia* (Petrograd, 1922).

Посол Дэвис изложил историю предложений, касающихся погашения русского/советского долга, начиная с 1933 г. Советское правительство, особенно после признания СССР (16 ноября 1933 г.) Соединенными Штатами, хотело получить у США заем. Однако после принятия Конгрессом законопроекта сенатора Хайрама Джонсона (1866–1945) закон *Johnson Debt Default Act* (1934) запретил предоставлять американские займы странам, которые не урегулировали свои прежние задолженности. Этот закон не имел преимущественно антисоветской направленности, став следствием международного финансового кризиса, последовавшего за Великой депрессией.⁴¹ В результате американское правительство не удовлетворило советскую просьбу о новом займе. Поскольку на этой ранней стадии советско-американских переговоров уже ожидалось принятие законопроекта Джонсона, нарком по иностранным делам Литвинов и новый президент США в меморандуме 1933 г. декларировали, что новый заем может быть предоставлен не правительством Соединенных Штатов, а американскими частными лицами. Согласно полученным инструкциям, Дэвис не должен был обострять это крайне запутанное и становившееся все более безнадежным дело, но слова Сталина подействовали на посла успокоительно: «Советское правительство разыскивает способы для хотя бы частичного погашения задолженности».⁴² Смысл этого туманного ответа состоял в том, что СССР был бы не в состоянии погасить сразу все свои международные долги (в том числе задолженность Англии и Франции), поэтому он брался выплатить только долг американскому государству. В беседе со Сталиным Дэвис последовательно подчеркивал, что хочет лишь ознакомиться с деталями советского предложения, поскольку не имеет полномочий делать какие-либо заявления по этому вопросу и не знает, «на что согласится и на что не согласится его правительство».⁴³

После разговора со Сталиным Дэвис немедленно приступил к основательному изучению вопроса о советских долгах. Через несколько дней, 8 и 9 июня, он посетил Молотова, который сделал письменное предложение, касавшееся советских планов урегулирования

41 https://en.citizendium.org/wiki/Johnson_Debt_Default_Act_of_1934 [дата обращения: 16 июня 2016 г.]. О его предыстории см. замечательную книгу моей бывшей американской студентки: KATHERINE A. S. SIEGEL, *Loans and Legitimacy. The Evolution of Soviet-American Relations, 1919–1933* (Lexington, KY: The University Press of Kentucky, 1996), 138.

42 DAVIES, *Mission to Moscow*, 270.

43 DAVIES, *Mission to Moscow*, 271.

задолженности. Молотов выразил признательность «президенту и госсекретарю» за благоприятную оценку и хорошее мнение. «Он сказал, что удастся ли это дело или нет, но они во всяком случае засвидетельствовали их благие намерения».⁴⁴ Пресса не получила информации об этих переговорах.

17 января 1939 г., уже будучи послом в Бельгии, Дэвис еще раз вернулся к предыстории предложения Молотова. В обобщающем донесении, направленном госсекретарю, он сообщил, что летом 1938 г. президент и госсекретарь уполномочили его сделать советскому правительству более благоприятное предложение по вопросу о долге Керенского. Согласно этому плану, американское правительство должно было предоставить СССР компенсационные займы в случае погашения им долга Керенского в узком смысле этого понятия (то есть не всех русских и советских долгов). Однако для этого требовалось, чтобы Сенат США предоставил такую же возможность и Венгрии, которая также была обременена долгами, связанными с Первой мировой войной. По этому вопросу венгерское правительство 8 февраля, а затем повторно 16 августа 1937 г., направило США предложение, которое уже 28 марта было передано президентом Конгрессу.

В предложении венгерского правительства предусматривалось погашение процентов по американскому займу в течение трех лет (то есть с 15 декабря 1937 г. до 15 июня 1940 г.) полугодовыми взносами по почти 10000 долларов каждый. Таким образом, в этом случае речь шла всего о годовой 1 процентной ставке венгерского долга общим размером около 2 миллионов долларов, отчасти относившегося ко времени до начала Первой мировой войны, но венгерское предложение все же имело международное значение. Дело в том, что Венгрия была к тому времени единственной страной, которая старалась реструктурировать свою задолженность США и принять меры по выплате процентов. В венгерском предложении признавалась задолженность по основному долгу и предусматривалось ее погашение в течение 25–30 лет взносами по 40 000 долларов.⁴⁵

44 DAVIES, *Mission to Moscow*, 273.

45 Госсекретарь Корделл Халл президенту Ф. Д. Рузвельту, Вашингтон, 25 августа 1937 г.; Меморандум зам. советника по международной экономике [Фредерика] Ливси, Вашингтон, 9 декабря 1937 г.; Меморандум советника по международной экономике Г[ерберта] Ф[ейса], Вашингтон, 21 декабря 1937 г., 850–855. Опубликовано в: *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1937* (том 1–5), Vol. 1: *General* (Washington: United States Government Printing Office, 1954).

Дальнейшая судьба венгерского предложения выходит за пределы выбранной нами темы и требует дальнейших архивных изысканий. Однако с венгерской точки зрения заслуживает особого внимания уже то, что Джозеф Э. Дэвис информировал советское правительство и поблагодарил его за дружественную готовность в деле погашения русских/советских долгов в свете и в соответствии с содержанием шагов, связанных с венгерским государственным долгом.⁴⁶

V. МОСКОВСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Чем больше мы занимаемся взглядами посла Дэвиса на экономику, общество и международную роль СССР, на значение и роль Сталина, тем сильнее удивляемся его политической слепоте и глухоте при наблюдении за постановочными процессами, развернувшимися как раз во время его пребывания в Москве. А ведь во многих случаях он не просто получал информацию об этих процессах, но и лично наблюдал за их ходом в качестве приглашенного на них дипломата. Непосредственные сотрудники посла, в том числе Джордж Ф. Кеннан, критиковали эту политическую беспечность, однако и Кеннан не смог повлиять на своего начальника, который даже инициировал отзыв Кеннана из Москвы.⁴⁷ Из некоторых замечаний Дэвиса становится ясно, что в дипломатическом корпусе в Москве шли оживленные споры о процессах. В одной из своих «дневных записок» Дэвис рассказал об ужине у дуайена дипкорпуса, афганского посла, где тоже вспыхнул такой спор. Дэвис внимательно выслушал аргументы афганского дипломата, по мнению которого,

русский уголовный кодекс, который основан на «Кодексе Наполеона», не обеспечивает обвиняемому той защиты, которая обычно обеспечивается и русским частным правом. [...] По его мнению, нет более важного источника человеческого достоинства и личной свободы, чем та

46 Посол в Бельгии Джозеф Э. Дэвис госсекретарю Корделлу Халлу, Брюссель, 17 января 1939 г., 594–595. Опубликовано в: *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Soviet Union 1933–1939*. Washington: United States Government Printing Office, 1952). Смотри еще: *Department of Press Releases*, 2 апреля 1938 г., 423.

47 WILSON D. MISCAMBLE, „George Kennan. A Life in the Foreign Service”, *Foreign Service Journal* 81/2, 2004, 23.

защита от произвола сильных, которую предоставляют человеку законы страны. Он считает, что степень цивилизованности можно измерять в соответствии с тем, какую защиту обеспечивает государство лицу, обвиняемому в совершении преступления даже в том случае, если преступление совершено против самого государства. Он высказал свои замечания о праве отказа обвиняемого от дачи показаний против самого себя и о необходимости того, чтобы суд предполагал и считал возможным его невиновность.⁴⁸

Дэвис добавил к этому: «Чистая, ясная искренность этого мудрого и тонко чувствующего человека произвела на меня глубокое впечатление».

Это влияние совершенно не чувствуется при чтении книги Дэвиса. А между тем он с особым вниманием следил за процессами. Прямо в начале книги он приводит свою сделанную сразу после вручения вверительных грамот дневниковую запись о процессе Радека⁴⁹, «за ходом которого я следил с величайшим интересом».⁵⁰ Американский посол следил и за голосами, предупреждавшими об истинной природе процессов. Из слов некоего не названного по имени посла, записанных в дневник 30 января 1937 г., Дэвису могло стать ясно, что в московских дипломатических кругах считают, что процесс «является постановочной комедией, выражением внутренней борьбы между большевиками. Он утверждает, что признания были получены с помощью угроз и полицейских методов физического принуждения».⁵¹ Зато первого февраля Дэвис беседовал о процессе с литовским послом, который считал очевидным наличие широкого заговора.⁵²

Здесь будет уместно вспомнить то, о чем напоминал в своем московском дневнике Эрвин Шинко: «...слышался ли хотя бы один голос, который свидетельствовал бы о минимальном нравственном

48 DAVIES, *Mission to Moscow*, 53.

49 Карл Бернгардович Радек (1885–1939) – советский политический деятель, сторонник Троцкого, от которого позже отрекся. В августе 1936 г. был арестован, его дело слушалось в январе 1937 г. в рамках т. н. «процесса семнадцати» (где в числе обвиняемых, помимо Радека, были Пятаков, Сокольников, Серебряков). Он был приговорен к десяти годам тюрьмы, в 1939 г. был убит в тюрьме.

50 DAVIES, *Mission to Moscow*, 36.

51 DAVIES, *Mission to Moscow*, 39.

52 DAVIES, *Mission to Moscow*, 52.

мужестве обвиняемых или тех лиц, которые публично комментировали этот процесс? И была ли у меня какая-то, пусть самая маленькая причина [...] считать свое поведение во время процесса Радека–Пятакова⁵³ гораздо более правильным, чем поведение всех остальных? Есть ли у меня какая-то, пусть самая маленькая моральная причина для самодовольства, могу ли я считать себя исключением, не был ли я поражен такой же, всеобщей, недостойной человека деморализованностью, которая так или иначе поразила всех, кто жил тогда в СССР? [...] я сделал то же, что и все остальные, – не сделал ничего».⁵⁴

В начале апреля, во время своего пребывания в Вашингтоне, Дэвис убедился в том, что процесс Радека сильно занимал и президента Рузвельта. В отчете посла, сделанном на обеде в Белом доме, президента «больше всего заинтересовал процесс, он задал много вопросов, касающихся его подробностей. Прежде всего его внимание привлекло обвинение в изменнических связях обвиняемых с Германией и Японией. Он хотел услышать мои впечатления о судьях, прокурорах и уголовном судопроизводстве».⁵⁵

Посол постоянно следил и комментировал акции, связанные со сталинскими «чистками», но практически никогда не высказывал своих сомнений или каких-либо существенных политических комментариев.⁵⁶ Его доверчивость, наивность становится особенно заметной летом 1937 г., во время казней генералов Красной армии. Он посветил этому целую главу под названием «Почему расстреляли Тухачевского?».⁵⁷ В ней он писал: «Я старался взвесить факты и увидеть, что скрывается за разнообразием мнений и соображений живущих здесь людей. [...] Моя цель состояла в том, чтобы узнать общее мнение о случившемся; особенно в отношении того, какова в настоящее время сила правительства и каковы его дальнейшие перспективы».⁵⁸ Снова выразив уверенность в том, что после «чисток»

53 Георгий Леонидович Пятаков (1890–1937) – украинский анархист, террорист, советский политический деятель, жертва сталинских процессов.

54 SINKÓ ERVIN, *Egy regény regénye. Moszkvai naplójegyzetek 1935–1937* (Budapest–Újvidék: Magvető–Forum, 1988), 537.

55 DAVIES, *Mission to Moscow*, 107.

56 DAVIES, *Mission to Moscow*, 119–156, 199–215.

57 DAVIES, *Mission to Moscow*, 145–149. Михаил Николаевич Тухачевский (1893–1937) – маршал Советского Союза, заместитель председателя Реввоенсовета СССР, заместитель наркома обороны. Стал жертвой сталинской «чистки».

58 DAVIES, *Mission to Moscow*, 147.

советский режим стал сильнее, чем когда-либо раньше,⁵⁹ и приведя «общее убеждение» дипломатического корпуса, «что обвиняемые действительно совершили преступления, которые в СССР караются смертной казнью»,⁶⁰ Дэвис сообщил и о том, что «не удалось отыскать фактических доказательств, которые действительно пролили бы свет на случившееся, прежде всего на дело командиров Красной армии, и сомнительно, что это станет возможно в обозримом будущем».⁶¹ В то же время, желая успокоить адресата этого пространного донесения, госсекретаря, Дэвис в примечании добавил, что «шесть месяцев спустя в материалах процесса Бухарина⁶² увидели свет и доказательства по этому делу. Несомненно, что военный суд уже тогда был в целом знаком с этими фактами».⁶³ Поразительно, что при этом Дэвис посчитал важным именно тогда (!) похвалить, более того, возвеличить Сталина, который, по его мнению, «заслуживает большого уважения. Он порядочный, скромный, сдержанный, целеустремленный человек, прямодушно мыслящий и действующий мужчина, посвящающий все свои силы коммунизму и возвышению пролетариата. (...) Во всяком случае нужно сказать, что Сталин и внутри партии является самой выдающейся личностью, человеком, которого называют „приятным боссом“, то есть начальником, который дает своим сотрудникам возможность для самостоятельных решений».⁶⁴

Самая потрясающая глава написана послом США о процессе Бухарина и называется «Чистка поражает Бухарина». В этой, пятой части его книги, помимо донесений госсекретарю, содержатся выдержки из дневника и писем, а также особенно зловеющий отрывок, помеченный 1941 годом и вставленный «по причине логической связи» с процессом, поскольку в этом отрывке говорится о том, «как процессы

59 DAVIES, *Mission to Moscow*, 148.

60 DAVIES, *Mission to Moscow*, 154.

61 DAVIES, *Mission to Moscow*, 153.

62 Николай Иванович Бухарин (1888–1938) – советский идеолог и политический деятель, председатель Коминтерна, главный редактор газеты «Известия». Стал жертвой сталинской «чистки».

63 DAVIES, *Mission to Moscow*, 154.

64 DAVIES, *Mission to Moscow*, 147. Мнение американского посла о Сталине можно легко сравнить с действительностью на основании огромной специальной литературы о Сталине. Из работ на венгерском языке я хотел бы выделить следующие: BÉLÁDI LÁSZLÓ – KRAUSZ TAMÁS, *Sztálin* (Budapest: Láng Kiadó, 1988); ISAAC DEUTSCHER, *Sztálin* (Budapest: Európa, 1990); EDVARD RADZINSZKI, *Sztálin* (Budapest: Európa, 1997); SIMON SEBAG MONTEFIORE, *Sztálin – A Vörös Cár udvara* (Budapest: Alexandra, 2009).

об измене родины уничтожили „пятую колонну” Гитлера в России».⁶⁵ Дэвис, который 4–12 марта 1938 г. «каждый день»⁶⁶ присутствовал на слушаниях «Большого процесса» по делу Бухарина и его партийных товарищей, сам признался, что «мне было очень трудно без дрожи смотреть на скамью подсудимых. Там сидел заместитель наркома Крестинский, которому я годом раньше передал свои верительные грамоты; нарком по делам торговли Розенгольц, который в этом же месяце прошлого года принимал меня в гостях в своем загородном доме; доктор Плетнев, специалист по сердечным болезням, который оказывал мне врачебную помощь, и которого я очень хорошо знал, был среди них также и нарком финансов Гринько. Все они сидели на скамье подсудимых чуть ли не в трех метрах от меня».⁶⁷ 8 марта посол выслушал показания доктора Левина против «руководителя тайной полиции Ягоды», который «хотел вынудить его и его друзей „залечить до смерти” Максима Горького и его сына, и среди целей заговорщиков была и дискредитация Кремля». «Страшная и странная история», – прибавил к этому Дэвис.⁶⁸ Объяснением всему этому служило то, что Ягода якобы «смертельно влюбился в красивую жену молодого Горького и рассердился на Горького старшего за то, что тот вмешивался и мешал „треугольнику”».⁶⁹

Дэвис выказывал свою доверчивость и не характерную для адвоката наивность не только в сообщениях начальству. В письме от 8 марта 1938 г., адресованном знакомой с ситуацией в Москве дочери, Эмлен Грожан, он прямо заявил о своей вере в то, что «в ходе судебного разбирательства [...] выявятся [...] контуры заговора; они хотели свергнуть нынешнее правительство, и это им почти удалось. [...] Очень-очень интересные показания Бухарина, Крестинского и других [...] создают впечатление, что опасения [...] Кремля были обоснованными. Теперь выяснилось, что в начале ноября 1936 г. был составлен заговор с целью осуществления государственного переворота в мае следующего года. Во главе заговора стоял Тухачевский. [...] Правительство [...] действовало с максимальной энергией и быстротой. Генералы Красной армии были расстреляны, всю парторганизацию вычистили, вымели железной метлой. Затем выяснилось, что атмосфера заговора заразила

65 DAVIES, *Mission to Moscow*, 209–215, цитата: 209.

66 DAVIES, *Mission to Moscow*, 206.

67 DAVIES, *Mission to Moscow*, 205.

68 DAVIES, *Mission to Moscow*, 206.

69 DAVIES, *Mission to Moscow*, 206.

и нескольких ведущих руководителей, которые действительно сотрудничали с секретными службами Германии и Японии».⁷⁰ В своем дневнике Дэвис удивительно связал свои впечатления от «Большого процесса» с проблемой русского/советского долга.

Я снова побывал на судебном заседании. «Последние слова» Плетнева, Розенгольца и других были душераздирающе интересными и трагичными. Едва прошел год с того времени, когда мы были приглашены на обед на даче Розенгольца в обществе Гринько, Крестинского, государственного прокурора Вышинского, судьи Ульриха, Микояна, Розова и Ворошилова.⁷¹ На некоторых из них не произвело никакого впечатления, когда я сказал, что опасность внешней войны могла бы побудить их уплатить нам их долги. Та часть гостей, которая ныне находится на скамье подсудимых, по собственному признанию, прямо желала войны! Иначе считал Ворошилов, а также несколько его соратников. Тогда – год назад – он выступал за погашение долгов Соединенным Штатам.⁷²

Через несколько дней после объявления приговора, последовавшего ранним утром 13 марта, посол доносил госсекретарю Корделлу Халлу, что

на основании каждодневного наблюдения за свидетелями и их показаниями и произвольными признаниями, а также на основании других фактов, касающихся процесса, [...] я пришел к убеждению, что перечисленные в обвинительном акте преступления, нарушающие советские законы, были подтверждены достаточным количеством доказательств для того, чтобы, по трезвому размышлению, мы могли считать справедливым приговор, вынесенный обвиняемым за измену родине, а также

70 DAVIES, *Mission to Moscow*, 207–208.

71 Дмитрий Дмитриевич Плетнев (1872–1941), Аркадий Павлович Розенголец (1889–1938), Григорий Федорович Гринько (1890–1938), Николай Иванович Крестинский (1883–1938), Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954), Василий Васильевич Ульрих (1889–1951), АЕенастас Иванович Микоян (1895–1978), Климент Ефремович Ворошилов (1881–1969), Давид Аронович Розов (1902–1941).

72 DAVIES, *Mission to Moscow*, 208.

наказание, назначенное в соответствии с Уголовным кодексом СССР. Дипломаты, систематически посещавшие судебные заседания, пришли к однозначному убеждению, что на процессе было разоблачено наличие сильной политической оппозиции и серьезного заговора [...]»⁷³

В 1941 г., через несколько дней после того, как нацистская Германия напала на Советский Союз, Джозеф Э. Дэвис сделал доклад в клубе своей альма-матер, Чикагского университета, и ответил на вопросы слушателей. Один из них поинтересовался тем, «„как обстоит дело с пятой колонной в России?“ Я без колебаний ответил: „Ее там нет. Их всех расстреляли“».⁷⁴ В этой дневниковой по характеру записи Дэвис мысленно вернулся на место и ко времени своей миссии в Москве и написал:

Теперь я снова, с этой точки зрения перечитал сообщения о судебных заседаниях и сделанные тогда собственные записи. Я пришел к выводу, что на этих процессах выступившие с признанием советские квислинги и показания свидетелей разоблачили и обнародовали буквально все приемы и интриги немецкой пятой колонны, как они нам известны теперь.⁷⁵

73 DAVIES, *Mission to Moscow*, 209. О московских постановочных процессах имеется обширная и много раз порождавшая дискуссии научная литература. Помимо биографий Сталина, опубликованных и на венгерском языке, выделяются следующие работы: ROBERT CONQUEST, *The Great Terror. A Reassessment* (Oxford – New York, Oxford University Press, 1968, 40th Anniversary Ed. 2008); ROBERT TUCKER, *Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928–1941* (New York: Norton, 1992); VADIM Z. ROGOVIN, *1937. Stalin's Year of Terror* (Oak Park, MI: Mehring Books, 1998); JÖRG BABEROWSKI, *Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus* (München: DVA, 2003); KARL SCHLÖGEL, *Terror und Traum. Moskau 1937* (München: Hanser, 2008); Vadim Z. Rogovin, *Stalin's Terror of 1937–38. Political Genocide in the USSR* (Oak Park, MI: Mehring Books, 2009); JÖRG BABEROWSKI, *Verbrannte Erde. Stalins Herrschaft der Gewalt* (München: C. H. Beck, 2012) DOI: 10.17104/9783406709623; STEPHEN KOTKIN, *Stalin. Volume I: Paradoxes of Power, 1878–1928* (London: Penguin Press, 2014); DOUGLAS O. LINDER, *The Moscow Purge Trials (1936–38). Selected Links & Bibliography*. <http://law2.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/moscowpurge/moscowlinks.html> [дата обращения: 28 июля 2016 г.].

74 DAVIES, *Mission to Moscow*, 210.

75 DAVIES, *Mission to Moscow*, 210–211.

Нападение нацистской Германии заставило Дэвиса радикально переосмыслить московские процессы. В записи, помеченной 1941 годом, он поведал о том, что во время процессов ни он, ни работавшие тогда в Москве американские журналисты не интересовались потенциальными немецкими и японскими аспектами этих процессов. Их внимание было приковано к «драматической схватке» между Сталиным и Троцким, «о происках пятой колонны мы даже не думали [...]».⁷⁶ Однако после нападения Германии против СССР Дэвису, так сказать, стало ясно, что «история, обнаружившаяся на этих процессах, действительно разоблачила существование, деятельность и подпольную работу пятой колонны, действовавшей в СССР».⁷⁷ Дэвис повторил известные обвинения, прозвучавшие на советских постановочных процессах, и для подтверждения своих собственных «прозрений» привел на основании судебных протоколов цитаты их показаний обвиняемых. «Теперь стало ясно, что все эти процессы, чистки и ликвидации, казавшиеся в свое время такими жестокими и шокировавшие весь мир, были частью энергичных и напряженных усилий правительства Сталина, стремившегося защититься не только от внутренней революции, но и от нападения извне. Оно проделало основательную работу, и страна была очищена от всех предателей, от „второго фронта“. Последовавшие затем события освободили правительство от всех подозрений».⁷⁸ Эти слова служат важными доказательствами того, что Дэвис не просто неверно оценил советские постановочные процессы и сталинские «чистки», но попытался тенденциозно интерпретировать и объяснить их в соответствии с актуальными нуждами советских властей. Мы вступили бы на зыбкую почву, пытаясь обнаружить за этим какую-то подрывную деятельность советских органов, подкуп американского посла. Гораздо вероятнее, что Дэвис старался служить политике Франклина Д. Рузвельта и Демократической партии США, делу складывавшейся антигитлеровской коалиции и советско-американского сближения во время Второй мировой войны и отыскать рациональное объяснение непонятному и необъяснимому миру сталинской паранойи.⁷⁹

76 DAVIES, *Mission to Moscow*, 212.

77 DAVIES, *Mission to Moscow*, 212.

78 DAVIES, *Mission to Moscow*, 215.

79 ROBERT DALLEK, *Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945: With a New Afterword* (Oxford: Oxford University Press, 1979).

Джозеф Э. Дэвис

VI. СНОВА В МОСКВЕ

Во время и после Второй мировой войны Дэвис неизменно пользовался особым доверием Рузвельта и Трумэна и выполнял особо важные поручения, касавшиеся Советского Союза. В мае 1943 г. Дэвис поехал в Москву с новой миссией. На этот раз он отправился в почти месячную поездку, чтобы передать Сталину секретное письмо президента Рузвельта. Поскольку из-за военных действий было бы неосмотрительно ехать через Европу, Дэвису пришлось следовать окольным путем длиной около 26 000 миль из Нью-Йорка через Бразилию, Сенегал, Египт, Ирак и Иран в Куйбышев, откуда он через Сталинград прибыл в Москву. На обратном пути он снова достиг Америки проехав через Новосибирск и Аляску. Всего он совершил путешествие протяженностью в 41 246 км.⁸⁰ В своем письме Рузвельт предложил Сталину встретиться для личных переговоров, на которых, кроме них, присутствовали бы только переводчик и стенограф. Сталин предложил провести встречу в Фэрбенксе, на Аляске, между 15 июля и 15 августа. Он

80 Журнал «Life», 4 октября 1943 г.

попросил Дэвиса особо подчеркнуть президенту, что из-за обширных завоеваний Гитлера СССР нужно гораздо больше поставок по ленд-лизу⁸¹. Дэвис с удивлением увидел, что в американском посольстве в Москве сохранилась та же атмосфера враждебности и предубеждений, которая существовала и в бытность его послом. Как мы знаем из записи самого Дэвиса, посланец президента Рузвельта постарался объяснить сотрудникам посольства, что публичная американская критика Советского Союза может нанести крупный ущерб военному союзу.⁸²

После Второй мировой войны Дэвис снова выполнял важные дипломатические поручения, еще раз оказавшись в центре мировой политики. В мае 1945 г. президент США Трумэн направил его в Лондон для переговоров с премьер-министром Великобритании Черчиллем.⁸³ Согласно дневниковой записи Дэвиса, в мае 1945 г. Трумэн сказал ему, что хочет отложить запланированные переговоры со Сталиным и Черчиллем на июль, когда закончатся испытания атомной бомбы.⁸⁴ На Потсдамской конференции глав трех великих держав Дэвис в ранге посла был советником президента Трумэна.

81 Закон о ленд-лизе (11 марта 1941 г.), сделал возможными поставки оружия и военных материалов в СССР и Великобританию.

82 JOSEPH E. DAVIES, *Missions for Peace – 1940–1950*; неопубликованная рукопись, находящаяся в собственности Библиотеки Конгресса. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Joseph_E._Davies [дата обращения: 5 июня 2016 г.]. Об этом см. важную работу ELIZABETH KIMBALL MACLEAN: *Joseph E. Davies and Soviet-American Relations, 1941–43, 73–94*.

83 Davies Confers With Churchill; Expected to See Eden and Other Officials Today – Topic of Talk Secret. By Clifton Daniel. By Wireless To the New York Times. May 28, 1945. URL: <https://www.nytimes.com/1945/05/28/archives/davies-confers-with-churchill-expected-to-see-eden-and-other.html>

84 Дневниковая запись Дэвиса, 21 мая 1945 г. Joseph E. Davies Papers, Library of Congress, Box 17. Опубликовано: WILLIAM BURR (ed.), *National Security Archive Electronic Briefing Book*, No. 162. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB162/> [дата обращения: 28 июля 2016 г.]. ROBERT D. SCHULZINGER (ed.), *A Companion to American Foreign Relations* (Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2003). <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1002/9780470999042.biblio> [дата обращения: 28 июля 2016 г.]. DOI: 10.1002/9780470999042.biblio

VII. ДЖОЗЕФ Э. ДЭВИС ПОБЫВАЛ И В ВЕНГРИИ

Сначала, в ходе европейской поездки 1937 года, он лично вел переговоры с президентом Чехословакии Эдвардом Бенешем (1884–1948), который затронул и вопросы, связанные с Малой Антантой и Венгрией. Во время их беседы Бенеш отчасти отнес Венгрию к числу «тоталитарных авторитарных» государств, но отметил и то, что чехословацко-венгерские отношения улучшились. Бенеш произвел на Дэвиса сильное впечатление, и он отозвался о чехословацком президенте как об «одном из самых талантливых и блестящих государственных деятелях Европы».⁸⁵

В конце сентября Дэвис посетил и Будапешт, где уже бывал и раньше, и, хотя и не застал посла Монтгомери, все же хорошо провел время, ему нравилась венгерская столица и нравились венгры.⁸⁶ В этот раз Дэвис долго беседовал с правителем Миклошем Хорти (1868–1957). Свои впечатления он обобщил так: «Несмотря на его возраст, он выглядит сильным и уверенным в себе человеком. Он один из тех необычайно сильных и талантливых мужчин, с которыми я встречался в Европе. Он тверд в своих убеждениях, темпераментен и собран».⁸⁷

Дэвис поддерживал добрые, сердечные отношения с американским послом в Венгрии Джоном Ф. Монтгомери (1878–1954), который был его другом.⁸⁸ В июне 1938 г. они вместе плыли по океану из Саутгемптона в Нью-Йорк на борту океанского лайнера «СС Вашингтон».⁸⁹

85 Джозеф Э. Дэвис госсекретарю Корделлу Халлу, Вильфранш, 13 сентября 1937 г. Опубликовано: *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1937*, Vol. 1.: *General* (Washington: United States Government Printing Office, 1954), 124–127.

86 Джозеф Э. Дэвис – Джону Ф. Монтгомери, Будапешт, 27 сентября 1937 г.; Джон Ф. Монтгомери – Джозефу Э. Дэвису, 26 октября 1937 г.; Джозеф Э. Дэвис – Джону Ф. Монтгомери, Москва, 3 ноября 1937 г. *John F. Montgomery Papers*, Sterling Memorial Library, Yale University, MS Group #353, Vol. IV.

87 L. NAGY ZSUZSA, „Amerikai diplomaták jelentései Horthy Miklósról”, *História* 1990, №/5–6, 20.

88 FRANK TIBOR (szerk.), *Roosevelt követe Budapesten* (Budapest: Corvina, 2002), 11–12.

89 «Я с радостью предвкушаю приятную встречу с ним». Дневниковая запись Дэвиса от 17 июня 1938 г. In: DAVIES, *Mission to Moscow*, 286.

Картина № 4. Джон Ф. Монтгомери и Джозеф Э. Дэвис

В сохранившейся части их переписки, охватывающей отрезок времени с 1937 по 1939 г., речь идет в основном о личных делах Монтгомери и содержится мало политически значимых моментов. Однако и тут появляются ошибочные политические взгляды и прогнозы Дэвиса. 13 февраля 1939 г. он писал своему другу Монтгомери из Брюсселя в Будапешт, что «согласно морю разных толков, достаточно вероятно, что в течение следующих месяцев следует ожидать возникновения специфических кризисов со множеством военных «тревог», однако в здешних дипломатических кругах господствует мнение, что мы переживем этот год без серьезной вспышки враждебности».⁹⁰

90 Джозеф Э. Дэвис – Джону Ф. Монтгомери, Брюссель, 13 февраля 1939 г. *John F. Montgomery Papers*, Sterling Memorial Library, Yale University, MS Group #353, Vol. V.

VIII. ПО СЛЕДАМ ОДНОЙ ТАЙНЫ

Дэвис сильно ошибся, и не в первый раз. Крайне удивительно, что столь преуспевающий, располагающий большим опытом американский адвокат и юрисконсультант не понял истинной природы московских процессов. Как могло случиться, что, сидя в первых рядах зала судебных заседаний, он не удивился, смотря на страшно безучастные лица и понурые фигуры, слушая примитивно сфабрикованные показания его бывших личных, хороших друзей, высокопоставленных правительственных чинов и политиков, в один момент превращенных в обвиняемых и подвергнутых унижительным пыткам? Возможно ли, что, несмотря на доверие вышестоящих политиков, этот отличный бюрократ не разбирался в мировой политике, а его ошибки вытекали просто из плохого знания людей, неверной оценки ситуации и американской наивности? Орден Ленина⁹¹, полученный им в 1945 г., не доказывает, что ранее он работал на СССР. Могли ли его шантажировать? Не верится. Может быть, он чего-то боялся? Почему, кого и чего? Почему он не верил своим отличным, обладавшим острым умом сотрудникам посольства и коллегам-послам, которые четко понимали ситуацию?

С наибольшей вероятностью ответ содержится в опубликованных биографиях жены посла Джозефа Э. Дэвиса. Дело в том, что Дэвис и госпожа Пост получили от советских властей в подарок или по особо льготным ценам необычайно ценные произведения искусства, присходившие из наследия царской семьи, конфискованные у аристократов, принадлежавшие Третьяковской галерее или находившиеся в собственности жертв сталинского террора. Эти приобретения предназначались для собственных коллекций русского искусства супругов Дэвис.⁹² По всей вероятности, эти подарки влияли

91 Inventory file of the presentation of the Order of Lenin to Joseph E. Davies on 30 November 1945. URL: <http://alliance.rusarchives.ru/inventory-file-presentation-order-lenin-joseph-e-davies-30-november-1945> [дата обращения: 20 августа 2020 г.].

92 В статье Википедии https://en.wikipedia.org/wiki/Marjorie_Merriweather_Post [дата обращения: 28 апреля 2018 г.] приводится источник этих утверждений: William Wright, *Heiress: The Rich Life of Marjorie Merriweather Post* (New Republic Books, 1978), см. об этом еще: NANCY RUBIN STUART, *American Empress: The Life and Times of Marjorie Merriweather Post* (iUniverse, 2004); ESTELLA M. CHUNG, *Living Artfully: At Home with Marjorie Merriweather Post* (GILES, 2013); LIANA PAREDES, *Spectacular: Gems and Jewelry from the Merriweather Post Collection* (Hillwood Estate, Museum & Gardens, 2017); HOWARD VINCENT KURTZ, *Ingenue to Icon: 70 Years of Fashion from the Collection of Marjorie Merriweather*

на позицию посла. Более точно мотивы и причины поведения Дэвиса могут быть выяснены только с помощью дальнейших исследований, главным образом работы в московских архивах.⁹³ К сказанному выше следует добавить, что, по свидетельству биографического послесловия к книге Дэвиса и висконсинской прессы, в 1937 г. посол, родившийся в Висконсине, подарил свою коллекцию русских произведений искусства (точнее, ее часть) Висконсинскому университету, где он когда-то учился. В 1938 г. там был напечатан каталог подаренных предметов.⁹⁴ Часть коллекции посол хранил у себя до самой смерти. После его кончины, в 1976 г., эта часть коллекции была продана на аукционе «Сотбис», а вырученные средства пошли на погашение долгов Вашингтонского кафедрального собора. В этом соборе покоятся останки Дэвиса.⁹⁵ Происхождение и местонахождение всех предметов из коллекции Дэвиса может быть уточнено в ходе дальнейших исследований.

В то же время несомненно, что письменные донесения и устные отчеты Дэвиса, дружественные по отношению к Советскому Союзу и способствовавшие более доброжелательному отношению к Сталину, оказывали влияние на президента Рузвельта и госсекретаря Корделла Халла, помогали создать и сохранять антигитлеровскую советско-американскую коалицию. Сильно цензурированный венгерский перевод его книги только усилил изначальные просоветские (и просталинские) интонации Дэвиса. Факт остается фактом – несмотря на свое капитальное заблуждение, он на свой лад и своими средствами внес существенный вклад в победу союзников во Второй мировой войне.

Герб посла Дэвиса, полученный им в 1939 г. от Геральдической палаты Великобритании, ныне используется в качестве фирменного знака компанией «The Trump Organization». За плагиат грозит предъявление президентского иска.⁹⁶

Post (Washington, D.C.: Hillwood Estate, Museum & Gardens, 2015). Миссис Дэвис тоже получила советские художественные подарки, см.: DAVIES, *Mission to Moscow*, 271.

93 Журнал «Life», 4 октября 1943 г. Ср.: DAVIES, *Mission to Moscow*, 499.

94 DAVIES, *Mission to Moscow*, 499; *The Joseph E. Davies Collection of Russian Paintings and Icons, Presented to the University of Wisconsin: Catalogue* (University of Wisconsin, 1938). https://books.google.hu/books?id=yvHVAAAAMAAJ&q=UNIVERSITY+OF+WISCONSIN&hl=hu&source=gb_s_word_cloud_r&cad=5 [дата обращения: 20 августа 2020 г.].

95 Joseph E. Davies. https://en.wikipedia.org/wiki/Joseph_E._Davies [дата обращения: 21 августа 2020 г.].

96 Right to bear arms? Trump accused of plagiarising family crest, BBC, 2017-05-31.

Роберт Херманн

ЦЕЛУЮ РУКИ ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

Об одном несостоявшемся жесте

'I BEG LEAVE TO KISS YOUR MAJESTY'S HAND!'

About a Gesture Which Never Happened

On May 21, 1849, the Austrian Emperor Francis Joseph I and the Russian Tsar Nicholas I met in Warsaw. At that time, the agreement according to which the Russian tsar would send 200,000 soldiers to defeat the Hungarian war of independence was finalized.

Such a force alone was able to decide the war. Emperor Francis Joseph I was undoubtedly grateful to Tsar Nicholas. According to several historical works, he also expressed his gratitude with a theatrical gesture: he knelt in front of the tsar on the balcony of Lazienki Palace in Warsaw and kissed his hand.

The study looks at whether this hand kiss really happened or whether we are dealing with a later legend. This is because this hand kiss has no trace in either the Austrian or Russian literature, it only occurs in Hungarian works.

The story is first mentioned in one of the works of historian Dávid Angyal, and Angyal refers to a book review by Antal Hodinka. Hodinka seems to have misunderstood a Russian book he had previously reviewed, and Angyal did not verify Hodinka's details. Since Dávid Angyal was a very respectable historian, the authors of later works took this data from him on trust.

The interesting thing about the case is that we have data on a similar hand kiss from May 1849 – except that it didn't happen between Franz Joseph I and Nicholas I. On May 1, 1849, the Austrian Prime Minister Felix Schwarzenberg wrote in a letter on May 1 requesting immediate military aid from the Commander-in-Chief of the Russian troops in Poland, Field Marshall Paskevich. Austrian Lieutenant General Bernhard Caboga, who had delivered the letter, also read the contents of the letter aloud, then knelt down and kissed Paskevich's hand and tearfully begged him to save Austria. Probably this story was transformed in the memory of Antal Hodinka, and thus the legend about the hand kiss of Francis Joseph emerged.

Keywords: Hungarian War of Independence in 1848–49, Russian intervention in Hungary in 1849, Francis Joseph I, Nicholas I, Paskevich, historical legends, Bernhard Caboga

Róbert Hermann – D.Sc. in History, Professor, Institute of History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Károli Gáspár University of the Reformed Church in Hungary (Hungary, Budapest, 1146 Dózsa György út 25.).

E-mail: hermann.robert@kre.hu

DOI: 10.38210/RUSTUDH.2020.2.2

21 мая 1849 г. в Варшаве произошла встреча австрийского императора Франца Иосифа I с русским царем Николаем I. На ней была окончательно оформлена конвенция, согласно которой русский царь должен был оказать военную помощь австрийскому императору для подавления ширившегося «венгерского бунта», иначе говоря, борьбы за независимость Венгрии, которая грозила самому существованию Австрии.

В Венгрии большинство политиков с марта 1848 г. ясно понимало, что вооруженная интервенция «Северного колосса», царской России, может последовать в любое время. Канцлер Дёрдь Аппони уже в начале марта 1848 г. предупреждал об этом Иштвана Сечени, такую возможность имел в виду и Кошут, когда в своей речи, произнесенной 3 марта, отметил, что «если бы в Вене был человек, который ради своей недолговечной власти и в ущерб династии подумывал бы о союзе с абсолютистскими державами, то ему следовало бы задуматься над тем, что есть державы, более опасные в качестве друзей, чем в качестве врагов».¹ После оккупации русскими войсками Дунайских княжеств в июне 1848 г. правительство Баттяни чуть ли не первым делом запросило русского посла в Вене о причинах этого шага, но получило успокоительный ответ: этот шаг был необходим для поддержания внутреннего спокойствия в империи, и Россия «желает поддерживать с венгерской нацией добрососедское согласие и не сделает в отношении Венгрии никаких враждебных шагов до тех пор, пока не увидит на лоне венгерской нации каких-либо скоплений людей и оружия, в которых она почувствует угрозу для себя».²

Царя Николая больше интересовали события, связанные с проблемой немецкого единства, нежели с положением в Венгрии. Он с удовлетворением воспринимал вести об успехах императорских королевских войск осенью и зимой 1848 г. Мысль о возможности русского вмешательства впервые возникла у него тогда, когда он получил сообщения о том, что Бем может вторгнуться в Буковину. С этого момента в своих письмах он все чаще занимался перспективами военных действий в Венгрии и возможностью интервенции.³

1 Kossuth Lajos összes munkái. XI. Kossuth Lajos az utolsó rendi országgyűlésen (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1951), 624.

2 См.: Речь Кошута 11 июля 1848 г. Опубликовано в кн.: Kossuth Lajos összes munkái. XII. k. Kossuth Lajos az első magyar felelős minisztériumban (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1957), 433–434.

3 A. P. SCSEBATOV, *Paszkevicz Magyarországon* (Budapest: Európa Könyvkiadó, 1984), 179–260.

В соответствии с Мюнхенгрецкой конвенцией 1833 г. Австрия могла рассчитывать на помощь русской армии, однако австрийское правительство из соображений престижа не спешило воспользоваться этой помощью. Русская интервенция была чревата и дипломатическими последствиями, поскольку без согласия Англии и Франции вмешательство содержало в себе и угрозу широкого вооруженного конфликта. Оккупация Дунайских княжеств и без того беспокоила британскую дипломатию. После провала русской интервенции в Трансильвании Кошут и Бем надеялись на то, что Англия и Франция предпримут дипломатические шаги, чтобы предотвратить повторение подобной попытки.⁴

К концу марта 1849 г. становилось все очевиднее, что находившаяся в Венгрии императорская королевская армия не способна в одиночку подавить венгерский «бунт». И в Вене, и в Буде все чаще говорили о вмешательстве России. Поначалу в Вене хотели увеличить численность вооруженных сил в Венгрии посредством вывода императорских королевских войск из Буковины и Галиции, где их должны были заменить русские оккупационные части. В свою очередь, Виндишгрец уже 24 марта считал необходимым введение в Венгрию по крайней мере 50 000 русских солдат. Это предложение сыграло определенную роль в подрыве позиций герцога, но после успешного весеннего похода большинство политиков и военных тоже уже не видело иного решения. Оно получило и поддержку западных великих держав.⁵ Переговоры о подготовке интервенции начались уже в конце марта, а 21 апреля была направлена официальная просьба о помощи. 1 мая Франц Иосиф I обратился по этому вопросу к царю Николаю с собственноручным письмом.⁶

Оставалось еще выяснить детали операции. Австрийская сторона выступила с инициативой посылки вспомогательных отрядов численностью в несколько десятков тысяч человек, подчиненных

4 HORVÁTH JENŐ, „Bem tábornok és a bukaresti külképviseletek 1849 március–júniusban”, *Hadtörténelmi Közlemények* (1927): 375–386; V. WALDAPFEL ESZTER, *A független magyar külpolitika 1848–1849.* (Budapest, 1962), 148–192.

5 HUGO KERCHNAWE, *Feldmarschall Fürst Windisch-Graetz und die Russenhilfe 1848.* (*Beiträge für die Geschichte der Jahre, 1848–1849. Heft 3.*) (Innsbruck, 1930). DOI: 10.7767/miog.1929.43.34.325

6 См.: ANDICS ERZSÉBET, *A Habsburgok és Romanovok szövetsége* (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1961), 361–362, 373–374. Нужно отметить, что в книге Андич даже не упоминается варшавская встреча двух монархов.

австрийскому командованию. Однако Николай I считал, что должен выставить сильную армию, которая смогла бы и в одиночку подавить революцию. Поэтому он принял решение направить в Венгрию около 200 000 солдат, приведя в готовность еще 80 000 человек. Ранее столь многочисленные русские вооруженные силы не принимали участия ни в одной европейской войне XIX века.⁷ Царь был готов задействовать в Венгрии примерно треть всей своей армии.

Одновременно с этим Россия обеспечила военную акцию и с дипломатической точки зрения. 1 мая в Балта-Лимане она заключила с Турцией конвенцию, которая обеспечила России равноправную роль в Дунайских княжествах. Эта конвенция обеспокоила британских политиков, которые, однако, были вполне удовлетворены походом для спасения Габсбургской монархии. Англии было важно воспрепятствовать продвижению России на Балканах, а для этого она нуждалась в сильной Австрии. «Кончайте с ними побыстрее», – сказал министр иностранных дел Пальмерстон русскому послу, интересовавшемуся британской реакцией. Иначе говоря, он считал важным, чтобы по окончании войны русская армия как можно скорее вернулась в границы России.

Такой военный контингент мог и сам по себе решить судьбу освободительной войны в Венгрии. Император Франц Иосиф I, несомненно, должен был быть признателен царю Николаю за эту братскую помощь. Во многих исторических работах говорится о том, что эту признательность он выразил театральным жестом – опустился перед царем на колени и поцеловал ему руку на балконе Лазенковского дворца в Варшаве.

Первым венгерским историком, у которого мы находим этот эпизод, был Давид Андял, опубликовавший в 1942 г. книгу *Az ifjú Ferenc József* (Молодость Франца Иосифа). Этот автор, ранее известный скорее своими занятиями венгерской историей XVI–XVII вв., провел серьезную работу по сбору источников в венских архивах, прежде всего в бумагах «Домашнего, придворного и государственного архива», и отлично знал австрийскую специальную литературу о Франце Иосифе. Его труд и по сей день остается выдающимся по основательности разработки темы в кругу биографической литературы об австрийском императоре. Рассказывая о встрече в Варшаве, историк пишет: «Франц Иосиф был лишен присущей царю романтической выпренности, однако его все

7 Любезно сообщено Ильдико Рошонци.

же растрогала любезная доброта старшего друга и покровителя. На большом балконе Лазенковского дворца он поцеловал царю руку».⁸

В своей книге Андял указал и источник, из которого был взят этот эпизод. Это помещенная в 39 томе (1938) журнала *Hadtörténelmi Közlemények* рецензия известного слависта Антала Ходинки на книгу советского историка Ребекки Авербух *Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией: 1848–1849*, опубликованную в 1933 г. Однако Ходинка лишь отметил, что Авербух «не упоминает о том, о чем можно прочитать в рецензированных мною [Ходинкой] работах русских авторов, – что Франц Иосиф поцеловал Николаю руку на большом балконе Лазенковского дворца».⁹ Выше в рецензии говорится, что в 1887 г. Алесандр Щербатов в VI томе биографии Ивана Федоровича Паскевича опубликовал письма царя Паскевичу, а также что Ходинка «примерно 40 лет назад» [то есть ок. 1898 г.] тоже ознакомил читателей в своей рецензии «с множеством писем царя Паскевичу, которые были опубликованы в одной русской книге».¹⁰

Следовательно, Ходинка пишет о трех работах: о VI томе биографии Ивана Федоровича Паскевича, написанной Александром Петровичем Щербатовым, о какой-то неназванной русской книге, в которой были опубликованы письма царя Паскевичу, и, наконец, о собственной рецензии на эту книгу, напечатанной около 1898 г. Однако VI том составленной Щербатовым биографии Паскевича, касающийся военных действий в Венгрии, был опубликован не в 1887, а в 1899 г., то есть приблизительно за сорок лет до рецензии Ходинки на книгу Авербух. Возможно еще, что Ходинка писал о другой работе, в которой были опубликованы письма царя Паскевичу, однако в научной литературе нет никакого следа такой работы. В 1899 г. в *Budapesti Szemle* действительно была опубликована пространная рецензия на книгу Щербатова, однако ее автором с инициалами К. J. едва ли был Ходинка, а другие рецензии на эту книгу нам не известны.¹¹

8 ANGYAL DÁVID, *Az iffjú Ferenc József* (Budapest: Magyar Történelmi Társulat, é. n.) 100.

9 HODINKA ANTAL, „R. A. Averbuch. Cárskájá intervencijá v borjbe sz vengerszkoj revoluuciej 1848–1849. Moszkva. 1955”, *Hadtörténelmi Közlemények*, no 39 (1938): 130–131. Целование руки не встречается и в другой книге Авербух: REVEKKA AVERBUCH, *A magyar nép szabadságküzdelle 1848–49-ben* (Budapest, 1970).

10 HODINKA, „R. A. Averbuch. Cárskájá intervencijá v borjbe sz vengerszkoj revoluuciej 1848–1849”, 129.

11 В 1899–1900 г. появился словацкий перевод повествовательной части этой книги, в 1948 г. он был опубликован в переводе Ласло Сиклаи: *Két emlékirat az 1849. évi cári intervencióról* (Budapest, 1948), 39–137.

После этого остается лишь одна возможность: целование руки упоминается где-то в биографии Паскевича, написанной Щербатовым. В 1984 г. ее VI том увидел свет и в венгерском переводе Эигмонда Геренчера и Тамаш Катона в книжной серии *Bibliotheca Historica*, которую редактировал Тамаш Катона. Однако в нем о варшавской встрече царя и императора можно прочитать лишь следующее: «Государь приехал в Варшаву 4-го [16-го] мая; пять дней спустя, т. е. 9-го [21-го] мая, приехал в Варшаву австрийский император Франц Иосиф. В это время установлены были главные основания предстоящей кампании как в стратегическом, так и в продовольственном отношениях». Кроме этого, через генерал-адъютанта Берга царь повторил требование, чтобы австрийское правительство очистило Галицию от польских эмигрантов и революционеров, и пока этого не произойдет, русские войска не двинутся. Через несколько дней австрийские власти выполнили это требование.¹² Таким образом, о целовании руки нигде нет ни слова...

Точнее, все-таки есть, но не в связи со встречей императора и царя. Щербатов пишет, что, по словам очевидцев, фельдмаршал-лейтенант Бернгард Кабога, прибывший в Варшаву в начале мая с написанным 1-го мая письмом австрийского премьер-министра Феликса Шварценберга, просившего о немедленной помощи, «повторил содержание письма на словах, и, встав на колени, поцеловал руку князя Варшавского, со слезами умоляя его „спасти Австрию“; „каждый день, каждый час“, говорил он, „дорог“».¹³ В посланном позднее донесении Паскевича царю можно прочитать несколько более сдержанную версию: «Граф Кабога настоятельно, со слезами на глазах, просил меня о скорейшей помощи для столицы, как величайшей милости для своего отечества».¹⁴

Единственным источником того времени, в котором упоминается о целовании царской руки Францем Иосифом, остается написанное в Дёблинге крупное произведение Иштвана Сечени, названное Арпадом Карои Большой венгерской сатирой (*Nagy magyar szatíra*). В той части этого произведения, которая была написана 22 мая 1857 г., то есть спустя восемь лет после варшавской встречи, Сечени в образе министра внутренних дел Александра Баха говорит Францу Иосифу следующее:

12 SCSEBATOV, *Paszkevícs Magyarországon*, 62.

13 SCSEBATOV, *Paszkevícs Magyarországon*, 57.

14 SCSEBATOV, *Paszkevícs Magyarországon*, 346–348. См.: ROSONCZY ILDIKÓ, *Orosz fegyverekkel Ferenc Józsefért. Tanulmányok I. Miklós 1849-es magyarországi beavatkozásáról* (Budapest: Magyar Napló, 2016), 149–150.

«...так и Ваше Величество, как прекрасный плод прекрасных ветвей, поцеловали руку царя московитов и, будучи тогда еще хитроумным молодым лисом, презабавно одурачили чванливого дряхлого медведя, но позже, когда он вытащил Ваше Величество из уже скопившегося у Вас по горло дегтя, и Ваше Величество быстро выросли из молодого лиса в *complet Tiger royal* [настоящего королевского тигра], Вам, конечно, даже в голову не пришло поблагодарить теплым словом Вашего друга за эту небольшую *Gefälligkeitert* [любезность], зато, поступив столь же мудро, Вы доказали свою признательность тем, что *wegen höherer Staatsrücksichten* [из высших государственных соображений], по моему совету или – что же я говорю! – по моей нижайшей просьбе, заняли Влашскую землю [Валахию] и Молдавию, где мы и останемся, если московиты, англичане, французы и особенно пьемонтисты [пьемонтцы] полностью истребят друг друга под Севастополем *intra et extra muros* [внутри и вне стен], чего я от всего сердца желал и что, признаюсь, с уверенностью *anticipáltam* [предполагал] в качестве ожидаемого результата».¹⁵

Опубликовавший этот текст Арпад Карои не присовокупил к нему никаких замечаний, из чего очевидно, что он и сам не мог ни подтвердить, ни опровергнуть эту историю. Во всяком случае, эпизод, описанный Сечени, может быть истолкован и символически, – Сечени показал поведение императора в качестве параболы подобострастия и вероломства.

После этого возникает вопрос, что же рассказывают источники того времени о варшавской встрече?

Ситуация с русскими источниками особая, поскольку надо принять во внимание, что, как на это указывает и цитата из произведения Сечени, в 1853 г., во время Крымской войны, Франц Иосиф I оставил в серьезной беде своего августейшего союзника, больше того, своим неблагоприятным нейтралитетом и военной оккупацией Дунайских княжеств он только осложнил дело Николаю I. Иначе говоря, если сразу после 1849 года лояльность по отношению к союзнику могла помешать увековечению этого эпизода, то после 1853 года эти соображения уже едва ли имели значение. Однако несмотря на это, насколько

15 Gr. Széchenyi István *döblingi irodalmi hagyatéka*. II. k. (Budapest: Magyar Történelmi Társulat, 1921), 124.

нам известно, русские мемуаристы и авторы обобщающих работ не упоминают о целовании руки.

Находившийся при петербургском дворе Теодор фон Бернгарди 22 мая записал в дневнике лишь, что царь не желает подчинять свои войска австрийскому командованию.¹⁶ Дмитрий Сонцов, один из адъютантов Паскевича в своих воспоминаниях, написанных в 1850 г., но опубликованных только в 1871 г., пишет о том, что весной 1849 г. у Франца Иосифа, «если он хотел сохранить трон Габсбургов, не оставалось другого выбора, кроме как отправиться в путь и молить Россию о помощи», и он приехал в Варшаву, „чтобы просить царя Николая о спасении».¹⁷

В крупной обобщающей работе Ивана Ивановича Ореуса о русской интервенции тоже говорится лишь о самом факте встречи в Варшаве, после чего автор переходит к изложению оперативных планов.¹⁸ Согласно запискам Петра Владимировича Алабина, опубликованным в 1888 г., весной 1849 г. Франц Иосиф «прямо умолял о помощи своего августейшего союзника, усилив самые сердечные свои излияния при варшавском с ним свидании, явившиеся печальным противоречием тому, что вскоре затем последовало».¹⁹ В опубликованных в 1889 г. записках адъютанта II русского корпуса А.О. Стренга упоминается лишь факт встречи двух монархов в Варшаве с добавлением того, что тогда стороны условились о деталях русского вмешательства.²⁰ Аудитор, генерал-майор Василий Абрамович Докудовский в своих воспоминаниях, напечатанных также в 1889 г, пишет, что 21 мая 1849 г. «явился буквально у стоп его величества [Николая I] и австрийский кайзер-иезуит Франц-Иосиф, которому император Николай на другой же день представил войска, оставшиеся в резерве».²¹ Он же записал анекдот, согласно которому во время варшавской встречи оба

16 V., „Bernhardi emlékiratai”, *Budapesti Szemle*, no 87 (1896): 284; *Unter Nikolaus I. und Friedrich Wilhelm IV. Briefe und Tagebuchblätter aus den Jahren 1834–1857 von Theodor von Bernhardt* (Leipzig, 1899), 47. Первое издание – 1893.

17 ДМИТРИЙ СОНЦОВ, „Emlékek a magyarországi hadjáratból. Egy szemtanú és résztvevő feljegyzései”, in *A magyarországi hadjárat 1849. Orosz szemtanúk a magyar szabadságharcról*, szerk. ROSONCZY ILDIKÓ, KATONA TAMÁS (Budapest: Európa Könyvkiadó, 1988), 228.

18 I. I. OREUSZ, *Oroszország háborúja a magyarok ellen 1849-ben* (Budapest: Balassi Kiadó, 2003), 110.

19 P. V. ALABIN, „A magyar háború”, in *A magyarországi hadjárat 1849*, 47.

20 A. O. SZTRENG, „Háború a magyarok ellen”, in *A magyarországi hadjárat 1849*, 339.

21 V. A. DOKUDOVSKIJ, „Emlékeim”, in *A magyarországi hadjárat 1849*, 571.

императора пошли в театр. В антракте Николай I, вставая, уронил стул, но Франц Иосиф не дал стулу упасть и поднял его. «При рассказе об этом случае кто-то сказал, что если Николай поднимает трон австрийский, то Франц Иосиф очень может поднять стул Николаю».²²

Как мы видим, русские авторы более или менее чувствовали унижительное положение и угодливость Франца Иосифа, однако они ничего не пишут о целовании руки.

Авторы австрийских работ, появившихся во время правления Франца Иосифа I, тоже ничего не знают об этом эпизоде. В вышедшей в 1865 г. работе Антона Шпрингера говорится лишь о заявлении австрийского правительства от 1 мая и о царском воззвании от 11 мая, но ни словом не упоминается о варшавском свидании.²³ Согласно обобщающей работе Вальтера Рогге, опубликованной в 1872 г., император встретился в Ungarisch Hradisch-е с наследником русского престола Александром, и затем они вместе отправились в Краков, куда 14 мая, два часа спустя, прибыл и царь. После этого автор излагает воззвание Паскевича, но не пишет о переговорах.²⁴

Еще более туманно описание событий у использовавшего и архивные материалы историка Генриха Фридьюнга, которого трудно заподозрить в симпатии к венграм. По его мнению, воспользоваться помощью России, которую предложил и сам царь, Австрию заставила связанность войск Австрийской монархии в Италии.²⁵

Не случайно, что, в труде *Politikai Magyarorszá*g (Венгрия политическая), репрезентирующем то направление исторической науки, которое выступало за независимость Венгрии, Денеш Пазманди-младший посчитал важным подчеркнуть, что «австрийские историки и сейчас не признают этого монаршего визита», и в то же время сам он датировал его 22–24 мая и считал, что два монарха подписали официальный договор, в котором, помимо прочего, содержался и пункт о сохранении венгерской конституции, существовавшей до 1848 г.²⁶

22 V. A. Dokudovszkij, „Emlékeim”, 575.

23 ANTON SPRINGER, *Geschichte Oesterreichs seit dem Wiener Frieden 1809. Zweiter Theil. Die österreichische Revolution* (Leipzig, 1865), 732–733.

24 WALTER ROGGE, *Oesterreich von Világos bis zur Gegenwart*. Bd. I (Leipzig und Wien), 127.

25 HEINRICH FRIEDJUNG, *Österreich von 1848 bis 1860. Erster Band. Die Jahre der Revolution und der Reform 1848 bis 1851* (Stuttgart und Berlin, 1908), 215–216.

26 PÁZMÁNDY DÉNES IFJ., „Az orosz beavatkozás okai és története”, in *Politikai Magyarorszá*g II. *Magyarország története Ferencz császár korától 1910-ig*, szerk. SZÁSZ JÓZSEF (Budapest: Anonymos Kiadó, 1913), 152–153, 469, прим. 12. По сообщению Пазманди, он слышал об этом от человека, «который имел возможность читать важные государственные

А между тем факт встречи двух монархов был небезызвестен. Сначала в 1851 г. появился русский официальный отчет на немецком языке, под влиянием которого о встрече говорится в работе швейцарского историка Вильгельма Рюстова, которая была опубликована на немецком языке и в венгерском переводе, и на этом основании известие о встрече было включено в критическую обобщающую работу Шаму Серемлеи.²⁷ В то же время о встрече не упоминается в выпущенной двумя изданиями, в 1865 г. и после 1867 г., обобщающей работе Михая Хорвата, хотя он и использовал книгу Рюстова.²⁸ В венгерской научной литературе о варшавском свидании упоминается в двух работах Генриха Марцали, правда, в одной из них оно датировано 20-м, а в другой 21-м мая.²⁹ Текст Рюстова почти дословно позаимствовал Йозеф Брейт в своем обобщающем труде по военной истории, вышедшем в свет впервые в 1898, а позже в 1930 г.³⁰ В самой подробной до сего времени биографии императора на венгерском языке, принадлежащей перу Шандора Марки, зафиксирован лишь сам факт варшавской встречи, но, например, в написанной им же, посвященной событиям 1848-49 г. главе десятитомной серии *A magyar nemzet története* (История венгерской нации), приуроченной к тысячелетию Венгрии, историк не

документы». По мнению автора, договор «помечен 24-м мая по старому календарю», что означало бы 4 июня по грегорианскому календарю. С большой вероятностью здесь может идти речь о подробном договоре, заключенном 10 июня, иначе говоря, факт встречи 21–23 мая смешан с датой заключенного позже письменного договора. О факте варшавской встречи упоминает в том же труде и Янош Ковач: Kovács János, „A magyar szabadságharcz története”, in *Politikai Magyarország*, 122.

- 27 H[EINRICH] V[ON] N[EIDHARDT], *Bericht über die Kriegsoperationen der russischen Truppen gegen die ungarischen Rebellen im Jahre 1849. Bd. I* (Berlin, 1851), 10; WILHELM RÜSTOW, *Geschichte des ungarischen Insurrectionskrieges in den Jahren 1848 und 1849. Bd. II* (Zürich, 1861), 63; WILHELM RÜSTOW, *Az 1848–1849-diki magyar hadjárat története. II. k.* (Pest, 1866), 159; SZEREMLEI SAMU, *Magyarország krónikája az 1848 és 1849. évi forradalom idejéről. II. k.* (Pest, 1868), 159.
- 28 HORVÁTH MINÁLY, *Magyarország függetlenségi harcának története 1848 és 1849-ben. III. k.* (Genf, 1865).
- 29 MARCZALI HENRIK, *A legújabb kor története 1825–1880* (Budapest: Révai Testvérek, 1892), 721; MARCZALI HENRIK, *A legújabb kor. III. rész. Korunk állami és társadalmi alkotásai* (Budapest: Franklin-Társulat, Révai Testvérek, é. n.), 268.
- 30 BREIT JÓZSEF, *Magyarország 1848/49. évi függetlenségi harcának katonai története. III. k.* (Budapest, 1930), 38. (Два издания различаются только версткой текста).

упомянул о ней.³¹ Не вошел этот эпизод и в пятитомный обобщающий труд Дёрдя Граца.³²

Конечно, не приходится удивляться молчанию австрийских историков, ведь целование руки, если бы оно действительно имело место, несомненно, выразило бы такое тяжелое унижение, которое ни до, ни после этого не имело прецедента в отношениях между двумя великими державами. Таким образом, с австрийской точки зрения было (было бы) лучше забыть этот эпизод, и вплоть до кончины Франца Иосифа I, последовавшей в 1916 г., едва ли нашелся бы австрийский историк, который описал бы эту историю.

Кажется, не нашел следов этого эпизода и английский автор монографии о царе В. Брюс Линкольн, во всяком случае он не упомянул о нем ни в вышедшей в 1978 г. на английском языке, ни в вышедшей в 1981 г. на немецком языке монографии.³³ Точно так же молчит об этом эпизоде и автор опубликованной в 1991 г. монографии о русской интервенции Ян В. Робертс, основательно использовавший английские и русские архивные материалы, а также русскую мемуарную литературу.³⁴ Из венгерских авторов не знал о поцелуе Лайош Штир, первым использовавший австрийскую оперативную и дипломатическую документацию, правда, в книге, посвященной периоду интервенции, ему «удалось» поначалу датировать с многонедельной ошибкой и само варшавское свидание.³⁵

Вопрос в том, что говорится о варшавском свидании в документах того времени. Многие из них известны в настоящее время, в том числе письмо Франца Иосифа I от 21 мая 1849 г., отправленное из Варшавы его матери, принцессе Софии; написанное в тот же день, неполностью изданное письмо Николая I жене и, наконец, помеченные 21-м и 23-м мая донесения английского консула в Варшаве дю Плата.

31 MÁRKI SÁNDOR, *I. Ferenc József, Magyarország királya* (Budapest: Franklin-Társulat, 1907), 52; MÁRKI SÁNDOR, „Az 1848–49-iki magyar szabadságharc története”, in *A magyar nemzet története X. k.*, szerk. SZILÁGYI SÁNDOR (Budapest: Athenaeum Irodalmi és Nyomdai Részvénytársulat, 1898).

32 GRACZA GYÖRGY, *Az 1848–49-iki magyar szabadságharcz története. V. k.* (Budapest: Lampel Róbert [Wodianer F. és Fiai], é. n.).

33 W. BRUCE LINCOLN, *Nikolaus I. von Rußland 1796–1855* (München: Callwey Verlag, 1981).

34 IAN W. ROBERTS, *Nicholas I and the Russian Intervention in Hungary* (London: Palgrave Macmillan, 1991), 122–127. DOI: 10.1007/978-1-349-21195-1

35 STEIER LAJOS, *Haynau és Paskievics. A szabadságharc revideált története III–IV. rész. I–II. k.* (Budapest: Genius, é. n.), 198. Эта ошибка была исправлена на 310 странице II тома.

Император в своем письме сообщил о том, что во второй половине дня прибыл в Варшаву, на вокзале его встретил царь, затем они отправились в варшавскую резиденцию наместника, где его разместили вместе с царем. Царь принял его крайне благожелательно и сердечно, в четыре часа дня они отобедали вдвоем. Затем Франц Иосиф перешел к тому, что они очень быстро ехали, и русская железная дорога особенно отличалась порядком, обеспечивая приятное путешествие. «Между прочим, здесь все так хорошо устроено и спокойно, что это идет мне на пользу», – писал император. В заключение он сообщил, что на следующий день будет устроен смотр здешним войскам, из которых он пока видел только одну пехотную роту, но она была великолепна.³⁶

В написанном в тот же день письме царь тоже лишь изложил свои впечатления: «Я нашел, что он [Франц Иосиф] крупен и хорошо развит, хотя и не красив, с интересным и приятным лицом; в его чертах видно много спокойствия, некоторая глубина и строгость. Чем чаще я его вижу и слышу, тем больше восхищаюсь его благоразумием, основательностью и благородством понятий. Австрии повезло, что он принадлежит ей».³⁷

В донесении министру иностранных дел Пальмерстону от 21 мая консул дю Плат сообщил о том, что появление императора вызвало относительно небольшой интерес, не было больших публичных мероприятий. Царь обращался с императором скорее учтиво, чем сердечно, и это была скорее встреча спасителя и подопечного, чем дружеское свидание двух равноправных сторон.³⁸

В донесении от 24 мая консул представил британскому министру иностранных дел уже гораздо более подробный отчет. В нем говорится, что на вокзале царь обнял императора, а затем проводил его в Лазенковский дворец, где уступил ему свои апартаменты. Перед этим царь лично занял место главы почетного караула и приветствовал императора как будто тот был вышестоящим лицом. Для встречи императора появились наместник, князь Паскевич, царская свита,

36 *Briefe Kaiser Franz Josephs I. an seine Mutter 1838–1872*. Hrsg. und eingeleitet von DR. FRANZ SCHNÜRER (München: J. Kösel & F. Pustet, 1930), 118.

37 Цитируется по: Theodor Schiemann, *Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Bd. IV. Kaiser Nikolaus vom Höhepunkt seiner Macht bis zum Zusammenbruch im Krimkriege 1840–1855* (Berlin und Leipzig, 1919) 195. DOI: 10.1515/9783110821536; Примечание 1. В несколько свободном переводе письмо опубликовано в: ANGYAL, *Az ifjú Ferenc József*, 100.

38 JÁNOSSY DÉNES, „Die russische Intervention in Ungarn im Jahre 1849“, *A Bëcsi Magyar Történeti Intézet Évkönyve – Jahrbuch des Wiener Ungarischen Historischen Instituts. I. k.* (Budapest, 1931): 328. Примечание 37.

высшие офицеры, а также все находившиеся в Королевстве Польском австрийские офицеры. Императору были представлены только двое – князь Паскевич и граф Орлов; а царю – только премьер-министр Шварценберг и старший адъютант императора граф Карл Грюнне. Во дворце не было канцлера Нессельроде; единственным гражданским лицом, которое участвовало в этом событии, был австрийский консул в Варшаве Валленбург. Несмотря на то, что Грюнне собирался представить Валленбурга и австрийских офицеров императору, тогда представление не состоялось. Вечером было организовано театральное представление и бал, которые император посмотрел из царской ложи.

22 мая состоялся большой парад, на который царь надел венгерский орден Святого Стефана (который в этот раз был вручен и Паскевичу). Царь лично возглавил парадную колонну, саблей приветствовал молодого императора, а потом, стоя рядом с ним с обнаженной и опущенной саблей, смотрел на проходившие мимо части. Сам император в течение всего пребывания в Варшаве носил мундир царской гвардии с орденом Андрея Первозванного. Пока император оставался в Варшаве, русские офицеры, награжденные австрийскими орденами, носили только эти награды.

После этого монархи проследовали в Варшавскую цитадель, где царь обратился к императору с речью, содержание которой дю Плат изложил в частном письме лорду Уестморленду, однако в настоящее время это письмо нам неизвестно. Возвратившись в Лазенковский дворец, император принял австрийского консула Валленбурга, генерала Кабогу, в также группу находившихся в Варшаве австрийских офицеров. Вечером снова были опера и балет; в этот раз в ложе вместе с двумя монархами сидел и Паскевич. Однако, как и предыдущим вечером, отсутствовали канцлер Нессельроде и премьер-министр Шварценберг, они, очевидно, занимались теми делами, ради которых состоялась встреча монархов.

23 мая снова состоялся военный парад, на этот раз своим умением блеснула кавказская мусульманская конница. Дю Плат подчеркнул, что в ходе встречи два монарха, в соответствии с австрийским этикетом, всегда садились за стол вдвоем, хотя царь всегда, особенно находясь в Варшаве, приглашал к столу Паскевича, графа Орлова, генерала Адальберга, а также – не слишком часто – и других высших офицеров.

23 мая в пять часов пополудни, после обеда, император покинул Варшаву и вернулся в Вену.³⁹

Поездка императора проходила в атмосфере строгой секретности – 20 мая генерал-лейтенант Иоганн Кемпен фон Фихтенштамм, глава Пожоньского императорского королевского военного округа, записал в дневнике новость, что 19 мая Николай I прибыл в Варшаву, и Франц Иосиф, прошлым днем покинувший Вену, присоединится к нему 21 мая во второй половине дня.⁴⁰

19 мая бывший председатель Дворцовой палаты Карл Фридрих Кюбек записал новость об отъезде императора с замечанием, что, как говорят, он направился в Варшаву. 25 мая Кюбек писал о возвращении императора, добавив к этому, что премьер-министр Шварценберг во время пребывания в Варшаве получил орден Александра Невского.⁴¹

22 мая папский нунций Микеле Виала-Прела оповестил кардинала Антонелли о том, что три дня назад император уехал в Ольмюц навестить свою мать, принцессу Софью. Поскольку царь находится в Варшаве, император, возможно, поедет к нему. Его сопровождает премьер-министр Шварценберг.⁴² 25 мая испанский поверенный в делах герцог Гор доносил, что днем раньше император вернулся из Варшавы, и что «его встреча с царем Николаем в этом городе была необычайно сердечной и теплой», они все время были вместе и осмотрели размещенные в городе войска.⁴³ Бельгийский посол О'Сюлливан де Грас тоже сообщил 26 мая 1849 г. своему правительству только о сердечном приеме, оказанном царем императору.⁴⁴

39 Цитруется по: SCHIEMANN, *Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I*, 397–398. – Интересным (или как раз не слишком интересным) образом соответствующие донесения д-ра Плата не вошли в «Синюю книгу», составленную британским министром иностранных дел лордом Генри Джоном Темплом Пальмерстоном. *Correspondence Relative to the Affairs of Hungary 1847–49; presented to Both Houses of Parliament by Command of Her Majesty, 15 August 1850* (London, 1851).

40 *Das Tagebuch des Polizeiministers Kempen von 1848–1859* (Wien und Leipzig: Österreichischer bundesverlag für unterricht, wissenschaft und kunst, 1931), 136.

41 *Aus dem Nachlass des Freiherrn Carl Friedrich Kübeck von Kübau. Tagebücher, Briefe, Aktenstücke (1841–1855)* (Graz–Köln: H. Böhlau Nachf, 1960), 28.

42 LUKÁCS LAJOS, *The Vatican and Hungary 1846–1878. Reports and Correspondence on Hungary of the Apostolic Nuncios in Vienna* (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1981), 337–338.

43 ANDERLE ÁDÁM (szerk.), *A magyar kérdés. Spanyol követi jelentések Bécsből 1848–1868* (Szeged: Hispánia Kiadó, 2002), 59.

44 Цитруется по ERDŐDY GÁBOR, *A demokrácia katonái. A magyarországi polgári-alkotmányos átalakulás és szabadságharc belga megítélése 1848–1849-ben*, (Budapest: ELTE Eötvös, 2010), 118–119.

Для полноты картины надо добавить, что в ходе встречи два монарха и сопровождавшие их политики и военные вели переговоры не только о действиях против венгров, речь шла и о потенциальном объединении Германии, в том числе о вопросах, связанных с прусскими проектами унии, а также о все еще продолжавшейся датско-немецкой войне и связанном с ней шлезвиг-гольштейнском конфликте.

В целом ни один из современных упомянутым событиям, да и позднейших источников не подтверждает легенду о целовании руки. (Отрывок из произведения Сечени не может считаться достоверным источником). Представляется, что мы имеем дело с возникшей в двадцатом веке и распространившейся только в венгерской специальной литературе легендой, которая берет начало в неточно сформулированной рецензии Антала Ходинки. Затем Давид Андял не только не проверил содержавшееся в этой рецензии упоминание о целовании руки, но к тому же еще неправильно понял его. Характерная для личности и работ Андяла точность, проявлявшаяся во всех других отношениях, придала достоверность и этому его утверждению.

Отсюда его позаимствовал в 1948 г. Ференц Экхарт, включивший его в свою обобщающую работу *1848, a szabadság éve (1848, год свободы)*,⁴⁵ а из нее оно позже попало сначала в написанную Дёрдем Шпира главу университетского учебника, а потом в написанную им и опубликованную в 1959 г. книгу *A magyar forradalom 1848–49-ben* (Венгерская революция 1848–49).⁴⁶ Этот перечень может быть продолжен,⁴⁷ – к сожалению, я и

45 ECKHART FERENC, *1848, a szabadság éve* (Budapest: Káldor György Könyvkiadóvállalat, 1948), 240–241.

46 SPIRA GYÖRGY, *A magyar forradalom 1848–49-ben* (Budapest: Gondolat Könyvkiadó, 1959), 529; SPIRA GYÖRGY, „Polgári forradalom és nemzeti szabadságharc 1848–1849”, in *Magyarország története 1790–1849. A feudalizmusról a kapitalizmusra való átmenet korszaka. Magyarország története III.*, szerk. MÉREI GYULA, SPIRA GYÖRGY (Budapest: Tankönyvkiadó Vállalat, 1975), 177; SPIRA GYÖRGY, *A pestiek Petőfi és Haynau között* (Budapest: Enciklopédia Kiadó, 1998), 559. (Здесь он ссылается на процитированный выше текст Сечени). SPIRA GYÖRGY, „Mit ünnepelünk május 21-én?”, in *Ünnep – hétköznap – emlékezet. Társadalom- és kultúrtörténet határmezsgyéjén. A Hajnal István Kör – Társadalomtörténeti Egyesület konferenciája Szécsény, 2000. augusztus 24–26.*, szerk. PÁSZTOR CECÍLIA (Salgótarján: Nógrád Megyei Levéltár, 2002), 285–289.

47 Не претендуя на полноту перечня: VARGA JÁNOS, „Az 1848–1849-i polgári forradalom és szabadságharc”, in *Magyarország története*, főszerk. MOLNÁR ERIK, szerk. PAMLÉNYI ERVIN és SZÉKELY GYÖRGY. I. k. (Budapest: Gondolat Kiadó, 1964). (2-е, отчасти переработанное издание: Budapest: Gondolat Kiadó, 1967), 546; SOMOGYI ÉVA, *Ferenc József* (Budapest: Gondolat Kiadó, 1989), 35; STEFAN KOVÁTS, „Az 1849. évi orosz katonai intervenció Magyarországon. A magyar forradalom és szabadságharc az európai nagyhatalmi érdekek középpontjában”, *Századok*, no. 3–4 (1991): 286; DEÁK ISTVÁN, *A törvényes*

сам принадлежал к многочисленному лагерю «перепевщиков»...⁴⁸ В то же время никому не бросилось в глаза, что следов этого эпизода нет не только в австрийской специальной литературе,⁴⁹ – что, конечно было бы вовсе не удивительно,⁵⁰ – но и в книге Яна В. Робертса, наиболее основательно разработавшего тему русской интервенции и использовавшего неизданные дипломатические донесения.

Писатели тоже внесли свой вклад в распространение этой истории. Мотив целования руки был включен в киноновеллу Дюлы Ййеша *Két férfi* (Двое мужчин), написанную в 1950 г. (ее сильно переработанный и выхолощенный вариант послужил сценарием для фильма *Föltámadott a tenger / Восстало море*)⁵¹, а также в драму *Fáklyaláng* (Пламя факела), премьера которой состоялась в 1952 г.

-
- forradalom. Kossuth Lajos és a magyarok 1848–49-ben* (Budapest: Gondolat Kiadó, 1994), 304. (Первая публикация на английском языке: New York: Columbia University Press, 1981); VADÁSZ SÁNDOR (szerk.), *Az 1849-es cári intervenció Magyarországon* (Budapest: Korona Kiadó, 2001), 11–12; GERŐ ANDRÁS, *Ferenc József és a magyarok* (Budapest: KKE-TTK Közalapítvány, 2016), 70–71. (Первое издание: Budapest: Novotrade, 1988). К числу исключений принадлежит крупная обобщающая работа Домокоша Кошари по истории внешней политики, в которой вообще не упоминается варшавское свидание: KOSÁRY DOMOKOS, *Magyarország és a nemzetközi politika 1848–1849-ben* (Budapest: MTA Történettudományi Intézet, 1999). С некоторой осторожностью считает возможным целование руки: PELYASCH ISTVÁN, „Egy legenda nyomában. Vécsey Károly gróf kézcsókja az akasztófa árnyékában”, *Aetas*, 28, no. 2 (2013): 107–108.
- 48 HERMANN RÓBERT, *1848–1849. A szabadságharc hadtörténete* (Budapest: Korona Kiadó, 2001), 411; HERMANN RÓBERT, *Az 1848–1849-es szabadságharc nagy csatái* (Budapest: Zrínyi Kiadó, 2004), 258.
- 49 Напр., в посвященной варшавской встрече части самой основательной биографии австрийского императора. EGON CAESAR CONTE CORTI, *Mensch und Herrscher. Wege und Schicksale Kaiser Franz Josephs I. zwischen Tronbesteigung und Berliner Kongreß* (Graz–Salzburg–Wien: Verlag Styria, 1952), 30–31. Не знает о нем и автор самой основательной биографии Шварценберга. STEFAN LIPPERT, *Felix Fürst zu Schwarzenberg. Eine politische Biographie* (Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998), 254–255.
- 50 В то же время очень поучительно, что о варшавской встрече Франца Иосифа I и Николая I не упоминается и в вышедшей к столетней годовщине и в принципе свободной от габсбургских реминисценций крупной австрийской обобщающей работе. RUDOLF KISZLING, *Die Revolution im Kaisertum Österreich 1848–1849. Bd. II* (Wien: Universum, 1948). В жизнеописании Феликса Шварценберга Кислинг уже кратко касается варшавской встречи, но и он ничего не знает о целовании руки. RUDOLF KISZLING, *Fürst Felix zu Schwarzenberg. Der politische Lehrmeister Kaiser Franz Josephs* (Graz–Köln: Herman Böhlhaus Nachf., 1952), 94–95.
- 51 ILLYÉS GYULA, „Két férfi”, in *Föltámadott a tenger... Az 1848–49-i forradalom és szabadságharc irodalmából*, szerk. LUKÁCSY SÁNDOR (Budapest: Kozmos Könyvek, 1976), 433.

И при этом никто не обратил внимания на то, что обо всем этом ничего не известно ни австрийским, ни русским специалистам. И это опять-таки показывает, что иногда невредно заметить, что известно (или не известно) в международной специальной литературе о считающемся важным, более того, эмблематичным событии.⁵²

Это невредно уже потому, что, если даже легенда о целовании руки вымысел, суть дела от этого не меняется. Ведь император и австрийское правительство все же вынуждены были унизиться перед царем, и в результате произошло небывалое во всемирной истории событие, когда великая держава вынуждена была молить о помощи, чтобы подавить «внутренний бунт». И это было серьезным признанием успехов венгерских гонимых, даже несмотря на то, что венгерская армия в итоге потерпела поражение в столкновении с многократно превосходящими силами русских и австрийцев.

52 См. то же самое явление в связи с фиктивным рапортом фельдмаршала Альфреда цу Виндишгреца о битве при Каполне. HERMANN RÓBERT, „Lázadó csordák – oktrojált alkotmány – egy legenda nyomában”, in *Reformkor, forradalom, szabadságharc* (Budapest: Line Design, 2016), 207–230.

CHARLES J. HALPERIN

AN AGNOSTIC APPROACH TO IVAN THE TERRIBLE¹

In order to demonstrate that everything significant about Ivan's life is contested, this article attempts to catalog as many as possible of the contested major issues touching Ivan. The author defines what we do *not* know about Ivan as everything that is uncertain, disputed, contested, problematic, or unexplained, even or especially if some historians *think* we know it but cannot "prove" it beyond a shadow of a doubt. Consequently, the author is conflating problems of source provenance, definition of concepts, interpretation, context, contradiction, and comparison, and thus reducing suggestive analysis and probable explanation to the unknown. The author has organized this survey of our ignorance under thematic rubrics: Sources, Ivan's Life, Political History, Social History, Religion and the Church, Economic History, Foreign Policy, and Ivan's Legacy. Any historian who proposes to study Ivan should begin by realizing the degree of uncertainty attached to historical studies of his life and reign.

Keywords: Muscovy, Ivan the Terrible, oprichnina, Simeon Bekbulatovich, Kazan', Livonian War, insanity

Charles J. Halperin – Ph.D. in History, Research Associate, Russian and East European Institute, Indiana University (303 East 8th Street, Apt 4, Bloomington, IN 47408-3574).
E-mail: chalperi@indiana.edu

1 I wish to thank the anonymous reader for *RussianStudiesHu* for his thoughtful comments.

“Everything significant about Ivan’s life is contested.”² The only consensus among historians who have studied Ivan is confined to a bare-bones chronology of events which does not extend to explanations of their causation or evaluations of their significance. Such chaos has characterized Russian sources about Ivan since his own lifetime through the seventeenth century, and modern Russian historiography since its inception in the eighteenth century. Monographs on Ivan finesse that situation by agreeing with one or another existing position on a disputed issue, presenting a new interpretation of an old question, or raising new questions. If a new book does raise a new question, it is a virtual certainty that some historians will claim that the issue is artificial or that the explanation provided is unconvincing. For these reasons it is difficult in reading a monograph about Ivan to appreciate the scope of disagreement among specialists concerning Ivan’s life and reign. This article is an attempt to catalog as many as possible of these contested major issues touching Ivan.³ Of course this list is not exhaustive. I will not attempt to resolve any disagreement, but I will dismiss the legitimacy of two issues, just to be inconsistent, fully conceding that no unanimity exists on them either. This article defines what we do *not* know about Ivan as everything that is uncertain, disputed, contested, problematic, or unexplained, even or especially if some historians *think* we know it but cannot “prove” it beyond a shadow of a doubt.⁴ My focus is on matters of interpretation; I omit specific questions of chronology such as when an event took place or someone became a boyar. Consequently, I am conflating problems of source provenance, definition of concepts, interpretation, context, contradiction, and comparison, and thus reducing suggestive analysis and probable explanation to the unknown.

I have organized this survey of our ignorance under thematic rubrics: Sources, Ivan’s Life, Political History, Social History, Religion and the Church, Economic History, Foreign Policy, and Ivan’s Legacy. Of course some events and processes might be assigned to more than one rubric, so my choices are somewhat arbitrary.

2 CHARLES J. HALPERIN, *Ivan the Terrible: Free to Reward and Free to Punish* (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2019), 5. DOI: 10.2307/j.ctvpbnqkd

3 References to publications are intended as no more than bibliographic guides, not as indications of the “correct” answer to any historical question.

4 CHARLES J. HALPERIN, Chapter 19: “The Documented Ivan the Terrible: An Epistemological Exercise”, in *ibid.* *Ivan IV and Muscovy* (Bloomington, IN: Slavica Publishers Inc., 2019), forthcoming, imagines how our understanding of Ivan’s life and reign would be revised if all problematic sources were discarded, a different exercise.

I. SOURCES

Perhaps the most prominent question of source-study of Ivan's reign concerns the texts attributed to Ivan personally. We do not know if Ivan was literate. If Ivan was illiterate then he could not possibly have written not only his correspondence with Prince Andrei Kurbskii, but any letters attributed to him, whether diplomatic or domestic, such as his letter to the Kirillo-Beloozero Monastery, or his testament. Similarly, we do not know if Kurbskii was literate, and therefore whether he could have written any letter to Ivan, or to anyone else, or his *History of the Grand Prince of Moscow*. The question of Ivan's and Kurbskii's literacy overlaps the question of the authenticity of the correspondence between them. We do not know whether these works are authentic, and no extant evidence is so decisive as to invalidate objections to either authenticity or inauthenticity. In theory all these texts could be apocryphal or later forgeries even if Ivan and Kurbskii were literate, or they could read but not write, or they could write, but did not write these literary works. The texts could also be contemporary but still ghostwritten by someone other than their named authors. We cannot resolve these possibilities.⁵

We do not know if the texts attributed to "Ivan Peresvetov" influenced political "reform" (on "reform" see below) during the 1550s. We do not know if anyone read them at that time. We do not know if the texts referenced in the inventory of the Tsar's Archive as by "Peresvetov" are the same texts which survive. We do not know if "Ivan Peresvetov" was a real person or a pseudonym. If "Peresvetov" was a pseudonym, we do not know whose. Some scholars still assert that Ivan composed some of "Peresvetov's" works. We do not know when texts ascribed to Peresvetov, all of which survive only in seventeenth-century manuscripts, were composed, whether in the sixteenth or the seventeenth century.⁶

We do not know when the *Valaam Discourse* (*Valaamskaia beseda*) was written or by whom. We cannot explain its unusually anti-monastic point of view, or, given our ignorance of its dating and authorship, its political context.⁷

5 HALPERIN, *Ivan the Terrible*, 8., 68–78.

6 *Ibid.*, 119–20.

7 *Ibid.*, 122–24.

We do not know who compiled the *Book of Degrees* (*Stepennaia kniga*) or why it remained unfinished. We do not know if it was intended as criticism of Ivan and work ceased because its compiler was unable to rationalize Ivan's blameworthy behavior.⁸

We do not know when the *Illustrated Chronicle Compilation* (*Litsevoi letopisnyi svod*) was compiled, or, to be precise, when each of the extant manuscript volumes of the *Illustrated Chronicle Compilation* was compiled, because clearly such a major project required years of work. We do not know who sponsored the project, the Muscovite Court or one of the bureaus, or the Russian Orthodox Church; who was the "editor" in charge of the project; or whether lay or clerical scribes and miniature painters worked on it, or both lay and clerical scribes and miniature painters. We do not know who wrote the interpolations about 1553 (discussed below). We do not know when or why the interpolations were added to the manuscript, and therefore we cannot determine what political axe was being ground. We do not know why the project as a whole remained unfinished and therefore whether the abandonment of work on the *Illustrated Chronicle Compilation* was the result of factors, such as the economy, that also dictated the abandonment of work on the *Book of Degrees*.⁹

We do not know whether Metropolitan Filipp's speeches to Ivan in his *vita* are reliable transcriptions of what he actually said.¹⁰

We do not know if Ivan's testament is authentic, or, even if so, if the existing text differs from the original.¹¹

II. IVAN'S LIFE

We can dismiss the theory that after Grand Prince Vasiliï III's first wife, Solomoniiia, was forcibly shorn, she gave birth to a son, Iurii-Georgii, who would have been legitimate heir to the throne ahead of his half-brother Ivan IV. Ivan cannot therefore have created the *oprichnina* to find and

8 Ibid., 125–26.

9 Ibid., 126–29.; CHARLES J. HALPERIN, Chapter 1: "Why Did (Some) Chronicle-Writing Stop?" in idem, *Ivan IV and Muscovy*.

10 HALPERIN, *Ivan the Terrible*, 188–91.

11 Ibid., 243–44.

terminate him.¹² Only unsubstantiated conjecture, not reliable evidence, supports this theory.

Similarly without foundation, although the proposition has more supporters than the claim that Ivan IV had a half-brother, is the theory that Prince Ivan Fedorovich Telepnev Obolenskii Ovchin (Obolenskii for short) was Grand Princess Elena Glinskaia's (Vasilii III's second wife and Ivan IV's mother) lover before her husband died, and that he, not Vasilii III, fathered Ivan IV. The logistics of the Kremlin *terem* (women's quarters) make such a scenario impossible. The notion that Vasilii III's "handlers" decided that he needed an heir, and if he could not provide one, a substitute could, rests on fictional premises about the life of the Muscovite court, such as the existence of modern political "handlers." I also reject the possibility that after Vasilii III's death Obolenskii was anything other than Elena's political favorite, which also has many advocates. The Muscovite court was devoid of the sexual promiscuity of all other European courts of the time; Elena Glinskaia was not Catherine the Great. However, we do not know anything about Elena's personality. Was she a vicious power-hungry schemer who neglected her son and had her uncle and Ivan's uncles done away with so her personal and political behavior would go unchallenged, or a patriotic ruler and good mother who protected her son, the rightful heir, by any means possible? Rumors and court gossip do not constitute convincing evidence to these questions.¹³

We do not know if Elena Glinskaia was poisoned. Arguments based upon her autopsy rest upon assumptions, both chemical and political, that cannot easily be confirmed. The "atypicality" of poisoning as an instrument of Muscovite politics, save the uncontested case of appanage Prince Vladimir Andreevich, Ivan's cousin, and part of his family, has been challenged by assertions that not only Elena Glinskaia, but also Ivan's first wife, Anastasiia, other wives, Tasrevich Ivan, and Ivan IV himself, also died from poisoning, a body count that makes one wonder why no one hired a food-taster for the Kremlin.¹⁴

We do not know if Ivan's childhood scarred him for life, determining his personality (sadistic) and prejudices (anti-boyar). There is no way to assess why Ivan could not overcome the traumas of his childhood and youth to

12 Ibid., 29.

13 Ibid., 30–31.

14 Ibid., 31–32.

become a very different kind of person and ruler than the portrayals of Ivan associated with this assertion.¹⁵

We do not know if Ivan was insane. There is no way to identify the dividing line between “suspicious” and “paranoid.” We have no way of extrapolating psychoses from public propaganda declarations. Ivan’s oft-attributed persecution complex, delusions of grandeur, egomania, and schizophrenia (divorce from reality) cannot be corroborated from non-existent documents about Ivan’s private life. Even leaving aside the issue of different definitions of insanity, for example Freudian versus non-Freudian, we cannot put Ivan on a couch and ask him about his dreams. If Ivan were psychotic, we cannot segregate which issues he could still deal with “normally,” as if he were a rational, sane ruler. Although Ivan was cruel, the concept of sadism had not yet been formulated in the sixteenth century; nevertheless the behavior no doubt predated the concept. However, we cannot reliably assign to Ivan behavior which could be characterized as sadistic, that he *enjoyed* being cruel. I am not claiming that Ivan was sane, an equally unprovable contention, but that we do not and cannot know whether he was either sane or insane.¹⁶

We do not know if Ivan, a government official-cum-provocateur, or rival boyars were responsible for the 1546 boyar executions, in which the victims were denied last rites and therefore doomed to hell, or what crime they were accused of (the narrative is too vague), or whether they were guilty, because the chronicles are hopelessly contradictory.¹⁷

We do not know who first broached the idea that Ivan should marry. The chronicle decorously says Ivan, but, if he was sowing wild oats, the Russian Orthodox Church or the boyars might have wanted to “tame” him.¹⁸

If arranging Ivan’s first marriage was intended to curb his behavioral excesses, we do not know if it succeeded because we do not know if Anastasiia was the primary restraining influence on Ivan’s bad habits, so that upon her death Ivan felt free to indulge his degenerate passions. She could only have played that role if Ivan were truly in love with her, which is also impossible to document. Moreover, the priest Sylvester is also supposed to have served the function of Ivan’s behavioral conscience. Ivan freed himself on his own from Sylvester’s supervision, depriving him of

15 *Ibid.*, 32–33, 37–42.

16 *Ibid.*, 7.

17 *Ibid.*, 40–41.

18 *Ibid.*, 48.

access and influence. Sylvester became a monk. We do not know if either Anastasiia or Sylvester reined in Ivan's baser instincts because we do not know if his baser instincts manifested themselves during the period between his marriage and Anastasiia's death and Sylvester's disgrace. We do not know if Anastasiia was poisoned. Ivan only claimed that she was long after her death. Autopsy evidence has been adduced to corroborate the crime, but it is subject to interpretation.¹⁹

We do not know why, upon Anastasiia's death, Ivan relocated his brother Prince Iurii Vasil'evich, who was married, Ivan's two minor sons, Tsarevich Ivan and Tsarevich Dmitrii, and a minor converted Tatar ward to separate households. All had been living in Ivan's household, presumably under Anastasiia's management. Was it to free his hands to engage in a degenerate lifestyle of drinking and debauchery? Only very late sources date his return to his pre-marital dissolute life to her death, while other sources insist that Ivan had never behaved even when he was married to Anastasiia.²⁰

We do not know how many times Ivan married, to whom, whether he took concubines, why he discarded any particular wife, or how he selected his spouses. Formally his wives were selected by a bride show controlled by the boyars. However, we do not know if interrogations as to the family history of prospective brides was intended to preclude a selection that agitated boyar factionalism or to identify a family history of physical or mental disorder indicative of the lack of God's favor that might impede that female from producing male heirs. We do not know if the bride show was for show, and someone, even Ivan, or some group other than the boyars determined the choice of bride. Was the selection of Mariia Cherkasskaia dictated by foreign policy considerations, to acquire a North Caucasus ally against Crimea? Why did Ivan's marital life degenerate in his later life, and the durability of his marriages fall so precipitously?²¹

We do not know whether Ivan was responsible for the death of Tsarevich Ivan, either deliberately or accidentally. Was Tsarevich Ivan's death the result of a dispute between father and son over how Tsarevich Ivan's pregnant wife was dressed or over whether father or son should lead a relief expedition to break the siege of Pskov by King Stephen Batory of the

19 *Ibid.*, 64.

20 *Ibid.*, 64–65.

21 *Ibid.*, 248–50.

Polish-Lithuanian Commonwealth? Did Tsarevich Ivan die of natural causes in which his father took no part, or was Tsarevich Ivan poisoned?²²

We do not know whether Ivan died of natural causes or whether he was poisoned or strangled.²³

III. POLITICAL HISTORY

We do not know if the absence of abstract secular political theory affected Muscovite political behavior. No one in Muscovy could invoke natural law or consent of the government to question abuses of power by the ruler. We do not know if that intellectual gap inhibited Muscovites from acting the same way as other Europeans did who could and did invoke abstract secular political theory. We know that Muscovites objected to abuses of power, always, to be sure, by the ruler's officials or the elite, via petition, and that ecclesiastical theory denied the ruler the authority to impugn the true faith. Rulers could be criticized for violating custom and tradition. Muscovites of all classes did defend what they thought were their vested interests, even without a theoretical justification of "rights." Muscovy lacked a concept of a legal, constitutional regency council, but the accession of a minor ruler within the Muscovite house did not always produce a crisis.²⁴

We do not know why the boyars (and in part other segments of the elite such as the upper clergy and state secretaries) did not remove Ivan from office despite his atrocities, including whether the absence of abstract secular political theory rendered them politically impotent. We know that Ivan was not removed from office, let alone assassinated, but we do not know if anyone – boyar, Novgorodian, hierarch of the church, official, relative – *attempted* to remove Ivan from office or assassinate him. Certainly there were violent attempts, conspiracies or plots to overthrow sixteenth-century Tudor rulers. Whether all the supposed conspiracies and plots against Ivan were fictitious or whether any of them was real cannot be determined. We do know that the boyars were not servile when it came to protesting violations of the Precedence rights; boyars filed Precedence

22 Ibid., 250–52.

23 Ibid., 256–57.

24 DANIEL ROWLAND, "Did Muscovite Literary Ideology Place Limits on the Power of the Tsar (1540s-1660s)?", *Russian Review* 49 no. 2 (April 1990): 125–55.; HALPERIN, *Ivan the Terrible*, 18. DOI: 10.2307/130009

complaints at the slightest hint of a violation of their “honor” by placement in an office or ceremony beneath that of a socially inferior boyar, no matter how “servile” the language in which they humbly addressed the ruler.²⁵ “Servile” peasants and slaves ran away. “Servile” government officials refused, sometimes repeatedly, to carry out royal orders. At best “Muscovite servility” was inconsistent. Ivan might have “gotten away with” his atrocities if he were charismatic, but whether he possessed Weberian charisma is very difficult to establish.²⁶

We do not know if all boyars belonged to the Royal Council. No source ever identifies a boyar as someone who was *not* a member of the Royal Council. It is highly unlikely, indeed almost impossible, that all boyars could be gathered in one spot, even the Kremlin, at one time for a meeting of the Royal Council because some boyars would always be on assignment as commanders of a field army, as ambassadors abroad, as governors of provincial cities, in disgrace, or just ill. When Ivan traveled he always left some boyars in Moscow, so the question of whether a complete Royal Council could accompany him is moot.²⁷

We do not know who initiated policy, the ruler, the boyars, or officials, separately or together, in any period of Ivan’s reign. Certainly during Ivan’s minority, at least before he reached his mid-teens, he could not have played any role in policy formation. But during the “reforms,” even during the *oprichnina* and its aftermath, we have no concrete evidence as to who decided policy issues. The narrative and documentary sources always attribute decisions to Ivan, even when he was a boy, and always insist that the boyars unanimously agreed with the ruler and each other. We know that state secretaries wrote position papers, but we do not know whether the policies advocated by those position papers were formulated by those state secretaries or whether they merely articulated policy positions proposed by Ivan and/or boyars. Ivan always had advisors, and certainly foreigners and post-Ivan Muscovites were always willing to blame this or that policy of Ivan’s, especially the establishment of the *oprichnina*, on his advisors, or also in the case of the *oprichnina*, on his second wife, Mariia Cherkasskaia. We cannot verify such assertions.²⁸

25 MARSHALL POE, “What Did Russians Mean When They Called Themselves ‘Slaves of the Tsar’?”, *Slavic Review* 57 no. 3 (Fall 1998), 585–608. DOI: 10.2307/2500713

26 CHARLES J. HALPERIN, Chapter 18, “Was Ivan the Terrible Charismatic?” in *ibid.*, *Ivan IV and Muscovy*.

27 HALPERIN, *Ivan the Terrible*, 21.

28 *Ibid.*, 22.

We do not know if Muscovy had a “bureaucracy,” and therefore had “bureaucrats” as opposed to just state officials. How one defines a “bureaucrat” remains debatable. No Weberian “bureaucracy” of purely rational officials in a meritocratic administrative structure has ever existed anywhere, nor did Weber claim it did. His concept of a rational, meritocratic bureaucracy was an ideal type. Muscovy had bureaus, eventually called *prikazy*, but whether the totality of central bureaus constituted a “bureaucracy” is another matter.²⁹

We do not know if the concept of centralization is applicable to changes in Muscovy’s central and provincial administrative structure and the codification of laws. In part this is because we do not know if we can apply the concept of “reform” when such a concept was absent from Muscovite political discourse even during the so-called period of reforms of the 1550s. The Law Code of 1550 imposed a uniform legal system on all of Muscovy, but anti-banditry (*guba*) legislation and the creation of local-government bodies (*zemskaia* officials) delegated authority from the center to the provinces. If the local organs were carrying out central government policies, is this centralization? But if the administration of policy in itself allowed local society to revise and adapt centrally-mandated policy, is this decentralization? What is a “reform”? Does an incremental improvement in administration constitute a reform in the absence of a conscious, rational, long-term program at its foundation? Given the problems of transportation and communication across the vast distances within Ivan’s Muscovy, does the theory of Muscovy as a hyper-centralized state make any sense?³⁰

We do not know who first proposed that Ivan be crowned “tsar.” The chronicle attributes the idea to the precocious Ivan. Other candidates include Metropolitan Makarii, who performed the service; Ivan’s mother’s family, the Glinskie, and Ivan’s future in-laws, the relatives of his fiancée Anastasiia, the Zakhar’ins. We do not know whether Ivan was anointed during the ceremony. Only the second redaction of the coronation ordo describes anointment, but neither redaction is a transcript of the actual coronation. We do not know if Ivan was crowned tsar (*basileus*) in order to conquer the Chinggsid tsar (*khan*) of Kazan’. Nogai Tatars flattered Ivan as a descendant of Chinggis (he was not) and as the White (Western, in the

29 *Ibid.*, 22–23.

30 *Ibid.*, 24–26, 81–100.

steppe color scheme) Khan, but did Ivan think that his identity included a Mongol element?³¹

We do not know if Third Rome ideology played any part in the coronation. Did Ivan think of himself as a Byzantine basileus, heir of the Byzantine Empire? Did Third Rome concepts influence any Muscovite government declaration, even if the term “Third Rome” never appeared in them?³²

We know that in 1553 Ivan was ill, the only time the chronicle mentions Ivan’s health, but we do not know if his illness was or was feared to be life-threatening, or if so, if there was a succession crisis over whether he should be succeeded by his infant son Tsarevich Dmitrii, creating another dangerous minority, or by his cousin Prince Vladimir Andreevich. We do not know if any of the speeches or actions described in the interpolations in the *Tsar’s Book* (*Tsarstvennaia kniga*) of the *Illustrated Chronicle Compilation* (*Litsevoi letopisnyi svod*) are credible, especially if on his deathbed Ivan supposedly delivered long speeches to his courtiers. We do not know how to interpret the actions of Alexei Adashev and the priest Sylvester, both supposedly members of the Chosen Council (*Izbrannaia rada*) (see below). Did Alexei Adashev’s father speak for his son when he worried about another minority? Did Sylvester object when the boyars would not let Prince Vladimir Andreevich visit Ivan’s bed because Sylvester favored the Staritskiis or because it was unseemly to bar a royal cousin from a familial courtesy? We do not know why in this narrative Metropolitan Makarii, who would have had to perform the coronation of Ivan’s successor, Ivan’s brother Prince Iurii Vasil’evich, and Prince Andrei Kurbskii are conspicuous by their absence.³³

We do not know if the “Chosen Council” actually existed, or if Kurbskii meant “chosen council,” individuals, not an institution; if it was an institution, was it official or unofficial? if it existed at all, who were its members (usually Adashev and Sylvester are included)?; if it did exist, were its policies during the period of “reforms” intended to elevate the gentry and officials at the expense of the boyars, or did they envisage a social and political compromise among the entire elite? If the Chosen Council did exist, why did it lose influence? Because Ivan resented Sylvester’s attempts to control his personal life? Because Ivan resented the “Chosen Council’s” restrictions on his absolute and arbitrary political authority as the “Chosen

31 Ibid., 43–45.

32 Ibid., 45–46.

33 Ibid., 57–62.

Council” sought to create an estate-representative government? Or because of a foreign policy dispute (see below on the Livonian War)?³⁴

We do not know if Precedence inhibited Ivan from promoting talented commoners to replace incompetent aristocrats who monopolized high military office and thus weakened the Muscovite military, or whether it divided the boyars by encouraging them to feud with each other over who had a higher “place,” thus preventing them from restraining unlimited autocratic power, or both.³⁵ We do not know if Precedence was exclusively a boyar issue, because approximately one-quarter of the Precedence disputes during Ivan’s reign and one-quarter of the participants in those disputes (disputes could involve more than one person suing one person) were gentry, not boyars.³⁶

We do not know how the 1556 Decree on Service, stipulating that landowners owed one fully-armed mounted warrior for every one hundred *chetverty* of land they held, was implemented. Did landowners with under one hundred *chetverty* of land still have to supply one mounted archer? Did landowners with over one hundred *chetverty* but under two hundred also have to supply only one mounted archer? Was the Decree superseded in 1571 by a new regulation which related quantity and quality of military serviced owed to size of cash allotments, not land allotments?³⁷

We do not know how important the concept of “autocracy” (*samoderzhavstvo*) was to Ivan.³⁸

34 Ibid., 86–88.

35 Ibid., 95–98.

36 CHARLES J. HALPERIN, Chapter 8: “Who Was Entitled to Sue for Precedence?” in *ibid.*, *Ivan IV the Muscovy*.

37 HALPERIN, *Ivan the Terrible*, 98–100.; O. A. KURBATOV, “‘Konnost’, liudnost’ i oruzhnost’ russkoi konnitsy v epokhu Livonskoi voiny 1558–1583 gg.”; A. M. BENTSIANOV, “Otzyv na stat’iu O. A. Kurbatova, “‘Konnost’, liudnost’ i oruzhnost’ russkoi konnitsy v epokhu Livonskoi voiny 1558–1583 gg.”; V. V. PENSKOI, “Zametki na poliakh stat’i “‘Konnost’, liudnost’ i oruzhnost’” russkoi konnitsy v epokhu Livonskoi voiny” and O. A. KURBATOV, “Otvēt retsenzētam: A. M. Bentsianov, “Otzyv na stat’iu O. A. Kurbatova, “‘Konnost’, liudnost’ i oruzhnost’” russkoi konnitsy v epokhu Livonskoi voiny 1558–1583 gg.”; V. V. PENSKOI, “Zametki na poliakh stat’i ‘Konnost’, liudnost’ i oruzhnost’ russkoi konnitsy v epokhu Livonskoi voiny.” in *Russkaia armia v epokhu Ivana Groznogo: Materialy nauchnoi diskussii k 455-letiiu nachala Livonskoi voiny* (St. Petersburg: *Istoriia voennogo dela: issledovaniia i istochniki*, 2018), http://www.milhist.info/spec_1/ (Accessed April 15, 2020), 1: 236–95., 2: 112–27., 2: 128–39., 2: 140–63.

38 CHARLES J. HALPERIN, “Ivan IV as Autocrat (*samoderzhets*)”, *Cahiers du monde russe* 55: 3/4 (Juillet-décembre 2014): 197–213. DOI: 10.4000/monderusse.8000

We do not know if the Palm Sunday ritual demeaned the authority of the tsar by subordinating him to the metropolitan in the role of Jesus or enhanced the authority of the tsar by emphasizing his piety and humility, or both.³⁹

We do not know why Ivan created the *oprichnina*, or if someone else, as mentioned above, persuaded him to do so. Was Ivan acting out of sheer insanity, paranoia and a persecution complex? Was Ivan's motive political? If so, against whom was the *oprichnina* directed? The boyars? The landowning base of the princely aristocracy? The Vladimir-Suzdal' princely aristocracy? The entire Royal Court/Household (*Dvor*)? The appanage system (see below)? The autonomy of the Russian Orthodox Church, despite the fact Ivan permitted several monasteries to join the *oprichnina*? Did Ivan create the *oprichnina* in a vain attempt to avoid the ideological overload of the Muscovite ruler cult, because to be a good ruler he had to be a bad Christian? Did this solution fail because Ivan refused to give up his authority? Did the object of the *oprichnina* change? If so, how many phases did the *oprichnina* undergo and what was their timing? Was Ivan's motive for instituting the *oprichnina* religious, an attempt to prepare the Russian people for the approaching apocalypse? How many *oprichniki* were there eventually? What territories were included in the *oprichnina*, and when were they incorporated into it? Was the Aleksandrovskaia Sloboda pseudo-monastic brotherhood created simultaneously with the *oprichnina* itself or only later? Did it encompass all or only some *oprichniki*? Did the *oprichniki* carry dogs' heads and brooms on their horses? Was the *oprichnik* oath at all connected to magic? Why did Muscovite sources written in Muscovy during the *oprichnina* fail to mention its semiotic elements? Did contemporary Muscovites view the *oprichnina* only as a criminal enterprise, or also as a fact of life? Did Ivan abolish the *oprichnina* because it succeeded in weakening the political and economic power of whoever it was directed against, because it failed to protect Moscow from burning by the Crimeans in 1571, because, whether it had succeeded or failed, the *oprichniki* were no longer under Ivan's control, or because the *oprichnina* followed the dynamics of all reigns of terror, becoming so widely dispersed that inevitably it was directed at itself? Or did Ivan not abolish the *oprichnina* at all? Did Ivan, to mitigate public opprobrium, just rename it the "household" (*dvor*) and generalize its methods of governance to the entire country? Or did Ivan abolish the *oprichnina* in 1572 but then partially revive it when he put Simeon Bekbulatovich on the throne in 1575 (see below)? Did the

39 HALPERIN, *Ivan the Terrible*, 130.

oprichnina have a lasting effect on Muscovite society and political culture? If so, was it a positive or a negative role model for the use of mass terror as a political instrument?⁴⁰

We do not know if the boyar Ivan Fedorov-Cheliadnin participated in a plot to remove Ivan from the throne, or whether the plot only existed in Ivan's mind. We do not know if the looting of Fedorov-Cheliadnin's estates by the *oprichniki* was to fill *oprichnina* coffers or to terrorize the entire country. We do not know if members of all social classes living on those estates suffered equally, or if the *oprichniki* spared peasants and concentrated on Fedorov-Cheliadnin's military servitors.⁴¹

We do not know if Ivan ordered appanage Prince Vladimir Andreevich to commit suicide because Ivan was against the appanage system or because he mistrusted Prince Vladimir Andreevich personally. When Ivan had two living sons he promised the throne to the elder and an appanage to the younger son, and he promised appanages to any progeny from his proposed marriage to Mary Hastings. We do not know if Prince Vladimir joined a conspiracy to assassinate Ivan or depose him, and if so, when compromised, if he betrayed his fellow conspirators in the vain hope that Ivan would be grateful enough to spare his life. We do not know why Ivan did not order the deaths of all of Staritskii's children, or if Ivan was responsible for the later death of Staritskii's son Prince Vasilii Vladimirovich, who had received part of his father's appanage as an appanage.⁴²

We do not know if Ivan led a punitive campaign against Novgorod because the city's leaders, including Archbishop Pimen, had conspired both to turn the city over to King Sigismund of Poland-Lithuania and contradictorily to overthrow Ivan or because Ivan was the victim of Polish disinformation. We do not know if the Novgorod gentry, descendants of Muscovite gentry relocated in Novgorodian territory after Moscow's annexation of the city during the reign of Ivan IV's grandfather, Ivan III "the Great," had "gone native" and assimilated Novgorodian separatist political aspirations. We do not know if the artisans and merchants of Novgorod wanted to restore the Novgorod urban assembly (*veche*). We do not know if the Novgorodian clergy resented the authority of the metropolitan of Moscow over the archbishopric. Was Ivan just making up an excuse to refill the empty

40 HALPERIN, *Ivan the Terrible*, 72–87, 201–8, 210–15.; CHARLES J. HALPERIN, Chapter 3: "Ivan IV's Germans and the *Oprichnina*", in *ibid.*, *Ivan IV and Muscovy*.

41 HALPERIN, *Ivan the Terrible*, 168–69.

42 *Ibid.*, 191–93.

oprichnina treasury by looting the richest city in his realm, other than Moscow? If Ivan's object was Novgorod, why did his minions also assault other northwestern cities, like Pskov?⁴³

We do not know if Ivan Viskovatyi, conciliar state secretary (*dumnyi d'iak*) and sometime Keeper of the Royal Seal (*Pechatnik*) and chief of the Ambassadorial Bureau (*Posol'skii prikaz*) engaged in treasonous contacts with Crimea. We do not know whether with his dying breath when being tortured on Red Square in 1570 he denounced Ivan.⁴⁴

We do not know why Ivan installed converted Chingissid Simeon Bekbulatovich on the Muscovite throne in 1575 and removed him in 1576. Was Ivan trying to avoid assassination? To foil a plot to put the Crimean Khan Devlet Girei on the throne of Moscow? To create an authority who could authorize Ivan to partially recreate the *oprichnina*? Or was Ivan just playing a joke on himself by demonstrating his absolute authority to determine who ruled Muscovy?⁴⁵

We do not know if the commemorative lists of his victims that Ivan sent to monasteries with contributions for prayers in their memory constituted an admission of guilt on his part, conceding that some of those victims were innocent, or if he was trying to pacify the spirit of his dead son Tsarevich Ivan, unhappy at his murder by his father's hand.⁴⁶

IV. SOCIAL HISTORY

We do not know if Muscovite "society" was subordinated to state needs, if Muscovy had corporate estates with any autonomy or power, or if the Muscovite government at will mobilized all social classes exclusively for state needs. Not all status or occupations were inherited in Muscovy, because upward and downward social mobility was not common but did occur, so clearly Muscovy was not a caste society. If an "estate" requires a legal definition, legal rights, and a corporate structure, Muscovy had no estates. The Royal Council eventually included gentry and officials; it was not a boyar "estate" or class institution. But social classes with vested interests can function from custom as well as law. Gentry (*deti boiarskie*)

43 Ibid., 193–97.

44 Ibid., 198.

45 Ibid., 245–47.

46 Ibid., 253–55.

had the legal right to be judged only by the tsar, not by local authorities, and peasants had the legal right to depart from the lands on which they lived at a specified time and upon meeting specified financial obligations. Were these “class” or “estate” rights, or just government favors, to be issued or withdrawn at government convenience? Indeed, did Muscovites have a conception of “society” (*obshchestvo*), of the people of the realm apart from the ruler? Sources refer to the “tsar’s and the land’s (*zemskie*) affairs.” We do not know if Muscovites thought of the “land” as Muscovite “society.” Can classes or estates have influence without having power?⁴⁷

We do not know if lay elite landowners, the boyars and gentry, were literate. If they could not understand, let alone read Slavonic, then how much Scripture could they comprehend and how much Christian theology could they acquire? Did lay witnesses to documents, who “affixed their hands” (*ruku polozhil*) to them if and only if they “knew letters” (*gramota umeet*), know how to sign their names? If so, does that mean that they must have been literate, because no one was taught to write unless and until he had been taught to read? Further, if so, who taught them their letters in the absence of schools?⁴⁸

We do not know if possession of a seal, to affix to documents in lieu of a signature, was a social marker of elite status if even state peasants could have and use seals. How does the use of personal seals by the same men in their personal and public affairs as officials reflect elite perception of the presence or absence of a division between the private and public spheres of life?⁴⁹

If the *oprichnina* constituted a social pathology, a criminal rampage by the *oprichniki*, largely gentry, exploiting their exemption from the law granted by Ivan, we do not know if this behavior was produced by changes in Muscovite society over the previous century. Was *oprichnik* violence the product of the anxiety, insecurity, and disorder resulting from a century of state-directed social engineering which entailed significant social change and upward and downward social mobility for all classes of Muscovite society, but most threatened the gentry socially (the risk of falling in slavery), economically (the risk of bankruptcy), and demographically (the risk of death in warfare)? We do not know if the *oprichnina*, by placing

47 Ibid., 26–28.

48 Ibid., 54–56.

49 CHARLES J. HALPERIN, Chapter 5, “Lay Elite Seals: Who Had Them and When They Used Them”, in *ibid.*, *Ivan IV and Muscovy*.

the *oprichniki* above the law, gave its corp, men accustomed to violence, *carte blanche* to express their frustrations and animosities against all of Muscovite society, including their own gentry class. It is a commonplace in historiography that the *oprichnina* was a cause of the social disorder of the Time of Troubles (*Smutnoe vremia*), but we do not know if social disorder was also a cause of the *oprichnina*.⁵⁰

V. RELIGION AND THE CHURCH

We do not know if Ivan and his Court were religious. We know that Ivan and his courtiers behaved like believers, attended the liturgy, went to confession and took communion, married in church, had their children baptized, and were buried in monasteries or churches. We know that Ivan and his court observed the dietary rules of Orthodox Christianity, and more than likely the rules for sexual abstinence during Lent, other fasts, and some weekdays. We know that Ivan and his courtiers donated funds, lands, and moveable goods to monasteries and churches and owned icons and crosses. But we do not know and cannot know what they *believed* because we have no private statements of belief from Ivan or boyars. Depending upon what actions we attribute to Ivan, we could argue that he could not have been a true Christian because of his sins, but by that criterion there has probably never been a true Christian ruler in Russia or anywhere else.⁵¹

We do not know if the Council of One Hundred Chapters (*Stoglav*) had any effect upon the religious life of Muscovite society. Did the piety of the parish priests, monks, or laity improve? Did the authority of the bishops increase in fact, not just on paper? Did artists refrain from following unauthorized models in painting icons? Did the quality of copying of scriptural and liturgical books improve by relying upon better manuscripts as sources? Were primary schools established to teach literacy?⁵²

We do not know how to measure the role of the clergy, parish and monastic, in the non-religious daily lives of the congregants. Does the discretionary use as witnesses to secular documents of clergy, particularly “spiritual fathers” (*dukhovnye ottsy*), who were religious advisors and not

50 HALPERIN, *Ivan the Terrible*, 215–36.

51 *Ibid.*, 50–54.

52 *Ibid.*, 102–9.

necessarily priests, attest to the respect accorded clergy by the laity, or only to lay opportunism and deference to social convention?⁵³

We do not know whether the traditional paradigm of the conflict within the monastic clergy between the Josephans, followers of Iosif Volotskii, and the Trans-Volga Elders or Non-Possessors, inspired by Nil Sorksii, is viable. Were there two church “parties” that functioned over three generations, from the late fifteenth century through Ivan IV’s reign?⁵⁴

We do not know if heresy was a serious problem in mid sixteenth-century Muscovy or only a marginal issue, exaggerated by its opponents. We do not know what accused heretics such as Feodosii Kosoi, Artemyi, and Fedor Bashkin, really believed, because our sources either come from their opponents or may contain disingenuous remarks by the accused induced by fear or torture. Whether foreign influence from the Reformation played a role in Muscovite heresy also remains unclear.⁵⁵

VI. ECONOMIC HISTORY

We do not know how much of the Muscovite economy depended upon coinage or to what extent the Muscovite economy was still a natural economy based upon labor services, payment of rent and dues in kind, and barter. We do not know how a Muscovite could physically pay very large sums of money, hundreds of rubles, even thousands, when the “ruble” was only a denomination of account and the largest coin in use was the kopeck, one or two hundred to the ruble, which meant that someone had to transmit very heavy sacks of thousands of tiny coins. We do not know where the silver in the kopeck came from, because Muscovy had no silver mines during Ivan’s reign. Did Muscovy have a significantly favorable balance of trade to import the silver it needed to mint so many coins? We have no statistics.⁵⁶

53 CHARLES J. HALPERIN, Chapter 6, “Clergy in the Documentary Life of the Muscovite Laity”, in *ibid.*, *Ivan IV and Muscovy*.

54 The interpretation presented in HALPERIN, *Ivan the Terrible*, 104–6. is not maintained consistently throughout the rest of the book. See *ibid.*, “Josephans and Trans-Volga Elders during the Reign of Ivan IV”, paper, Association for Slavic, East European and Eurasian Studies Convention, Washington, DC, November 5–8., 2020, forthcoming.

55 HALPERIN, *Ivan the Terrible*, 109–14.

56 HALPERIN, *Ivan the Terrible*, 133–39.; CHARLES J. HALPERIN, Chapter 14: “Ivan IV’s Coinage”, in *ibid.*, *Ivan IV and Muscovy*.

We do not know when, where (in Novgorod or Moscow) or by whom the first redaction of the *Book of Household Management* (*Domostroi*) was composed. If it was based upon a translation of a foreign model, no one has identified that text, which would have had to be adjusted for Orthodox Christianity and the Muscovite diet. We do not know who constituted the intended audience of the first redaction of the *Book of Household Management* or of the later redaction by the priest Sylvester. We cannot conceptualize the ethos of the text, which strongly diverges from the ascetic focus in Russian Orthodoxy.⁵⁷

VII. FOREIGN POLICY

We do not know the prime motive, whether national security, religion, or economics, behind the Muscovite conquest of the Kazan' Khanate. Was the primary goal to permanently deter Kazan' raids on Muscovite territory? To liberate captive Muscovite slaves? To spread Christianity among Muslims and nativist religious adherents? To secure, with the additional conquest of the Astrakhan' Khanate, complete control of the Volga River trade to enrich the Muscovite economy with the oriental trade to Iran and Central Asia? Was the conquest of Kazan' "imperial"? Did it transform Muscovy into an "empire" with Kazan' as a "colony"? Was Ivan an "imperialist"? Would answers to the question of Muscovite imperialism depend upon whether one asked a Muscovite or a Kazan' Tatar?⁵⁸

We do not know why Ivan launched the Livonian War. Did he do so to boost his ego by territorial expansion, to validate Muscovite ideology by compelling foreign powers to recognize his title of "tsar," to loot Livonia for profit rather than to conquer it, to enhance the profitability of Muscovite Baltic trade by breaking the Livonian middleman monopoly so Muscovy could trade directly with other Baltic countries, or to open a window to the West so Muscovy could import superior European technology and culture? Did Ivan's goals change as a result of the unexpectedly easy early success of Muscovite armies in Livonia? Was Muscovite diplomacy deficient in not preventing other Baltic powers from intervening in the war? Was there a

57 HALPERIN, *Ivan the Terrible*, 139–43.

58 Ibid., 145–48.; CHARLES J. HALPERIN, Chapter 6, "Two Imperial Interpretations of Ivan the Terrible" and Chapter 10, "Ivan the Terrible from the Point of View of Tatar History", in *ibid.*, *Ivan the Terrible in Post-Soviet Russian Historiography*, unpublished manuscript.

division of opinion among the elite over whether to invade Livonia or to fight Crimea? Was invading Crimea to reduce it to vassal status or annex it a viable option in the sixteenth century, given the logistical problems and the might of the Ottoman Empire? Why did Muscovy lose the Livonian War? Was that defeat Ivan's fault? How did occupying Livonia affect the Muscovite gentry and musketeers (*strel'tsy*) relocated there, who later had to repatriate to Muscovy?⁵⁹ We do not know.

We do not know Ivan's goal in pursuing election to the throne of the Polish-Lithuanian Commonwealth. Did he want to become King of Poland and Grand Duke of Lithuania, or was he just using the negotiations to further his acquisition of Livonia, either by assisting an ally to assume the Polish throne, or by promoting the partition of the Polish-Lithuanian Commonwealth in which he would take over the Grand Duchy of Lithuania as well as Kiev (Kyiv) and other territories of Kievan Rus'?⁶⁰

VIII. IVAN'S LEGACY

We do not know if Ivan changed the course of Russian history, diverting it from a path toward constitutional democracy to one of oriental despotism, or if Muscovy's political future had already been determined by long-term causes which Ivan could not alter. Were Ivan's idiosyncratic excesses no more than sidebar to history?⁶¹

We do not know whether Ivan was "exceptional," atypical, or non-normative, compared to previous and subsequent rulers of Muscovy or compared to his contemporaries in Europe and Asia. Certainly he violated Muscovite political culture in some ways, but then again some of his innovations in Muscovite political culture (coronation as tsar, conquest of Kazan') were retained by his successors and others avoided (the *oprichnina*, the Simeon Bekbulatovich episode). Is it a mistake to treat "political

59 HALPERIN, *Ivan the Terrible*, 149–62, 241–42.

60 *Ibid.*, 239–41.

61 ALEXANDER YANOV, *The Origins of Autocracy. Ivan the Terrible in Russian History*, tr. Stephen Dunn (Berkeley: University of California Press, 1981); DANIIL AL', *Ivan Grozny: Izvestnyi i neizvestnyi. Ot legend k faktam* (St. Petersburg: Izdatel'skii Dom "Neva", 2005); NANCY SHIELDS KOLLMANN, "Muscovite Russia 1450–1598", in *Russia. A History*, ed. GREGORY L. FREEZE (Oxford: Oxford University Press, 2009), 31–62.

culture” synchronically rather than diachronically?⁶² There is, to understate the case, no consensus on Ivan’s legacy in Russian history or whether he was a positive or negative role model for his successors, from 1584 to the present.⁶³

IX. CONCLUSION

Ivan remains an enigma, unknown, perhaps unknowable. No historian is ever going to “solve” Ivan the Terrible, but any historian who proposes to study Ivan must begin by realizing the degree of uncertainty attached to historical studies of his life and reign.

62 CHARLES J. HALPERIN, “Ivan the Terrible and Muscovite Political Culture”, in *Seeing Muscovy Anew: Politics - Institutions - Culture, In Honor of Nancy Shields Kollmann*, ed. VALERIE A. KIVELSON, MICHAEL FLIER, DANIEL ROWLAND, and ERIKA MONAHAN DOWNS (Bloomington, in: Slavica Publishers, Inc., 2017), 49–65.

63 HALPERIN, *Ivan the Terrible*, 258–63.

SZEMLE / ОБЗОРЫ / REVIEWS

SZABÓ VIKTOR

A VOLGOGRÁDI ÁLLAMI EGYETEM TÖRTÉNETI, REGIONÁLIS TUDOMÁNYI ÉS NEMZETKÖZI KAPCSOLATI ÉRTEŚÍTŐJÉNEK ELMŰLT ÉVTIZEDE (2010–2019) A SZÁMOK TÜKRÉBEN

QUANTITATIVE ANALYSES OF THE LAST DECADE OF VESTNIK VOLSU SERIES 4. HISTORY, REGIONAL STUDIES AND INTERNATIONAL RELATIONS (2010–2019)

The present review article is an attempt to analyse an internationally accredited Russian regional periodical's output in a certain well-defined period: *Vestnik of Volgograd State University. Series 4. History, Regional Studies and International Relations*. The history of the periodical, which is devoted to a broad range of social sciences, can be divided into two stages: after 2013 it became a nationwide journal. The periodical's restructuring was initiated by former chief editor I. I. Kurilla, but it was finished by current chief editor I. O. Tyumentsev, who developed the journal to an international level with the help *inter alia* of thematic issues, such as the Byzantine project or the conference materials dedicated to the 400th anniversary of the Troubled Times.

Despite the aforementioned successes, the statistical analysis of the data denotes some structural characteristics of competing scientific life in Russia. The gender distribution of its authors, for example, indicates a more and more patriarchal pattern, while academic qualifications show a growing elitization. Also the analysis of the authors' affiliation (city) points to the structure of academia being quite centralized. The progression of the headings shows a massive shift toward traditional academic disciplines (Russian history, world history, archaeology) to the detriment of social sciences (political science, regional studies, international relations), which indicates the most competitive fields of the periodical.

The application of keywords represents a huge diversity, although they help us to determine main issues, or so called "hot topics". In the field of Russian history this "hot topic" is the Great Patriotic War, since Volgograd (Stalingrad) was a main battlefield during those challenging years.

Keywords: Vestnik VolSU, review, statistics, science metrics, big data analysis, sociology of science, hot topics of Russian social sciences, I. O. Tyumentsev

Viktor Szabó – PhD student, Doctoral Program of Russistics, Doctoral School of History, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University (Hungary, Budapest, 1088 Múzeum krt. 6–8.).

E-mail: szaboviktor@student.elte.hu

DOI: 10.38210/RUSTUDH.2020.2.6

A Volgográdi Állami Egyetem egyike a Volga-vidék regionális oktatási, kutatási és tudományos központjainak. Az egyetem összesen 13 tudományos folyóiratot ad ki.¹ Ebből 7 folyóirat 2015. december 1-jétől azon recenzált tudományos kiadványok listájába tartozik, amelyeket az Oroszországi Föderáció Oktatásügyi Minisztériuma alá tartozó Legfelsőbb Minősítő Bizottság arra javasolt, hogy teret adjon a kandidátusi és doktori fokozataikat megszerző kutatók számára disszertációjuk publikálásához. Ezek közül pedig mindössze egy folyóiratnak sikerült bekerülnie az Elsevier által üzemeltetett Scopus online adatbázisába, amelynek teljes címe: Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения.

Már a címadásból is látszik, hogy az 1996-ban alapított folyóirat nem egy tudományágra, hanem a társadalomtudományok területének széles spektrumára specializálódott. A történelmen belül különösen hangsúlyt kap a régészet, Oroszország története és az egyetemes történelem. Vagyis az ősidőktől a jelenkorig nyomon követhetjük a történeti folyamatokat, amelyek meghatározzák a jelenleg is zajló gazdasági, társadalmi és politikai fejlődés kereteit. Ez utóbbiakkal a politológia, a nemzetközi kapcsolatok elemzése és a regionális földrajz (regionális tudományok) foglalkozik. Ebből az is látható, hogy mind a globális, mind az országos szintű, mind a lokális jelenségekkel kapcsolatos kutatásokat le kívánják fedni, bár – érthető módon – az egyetemes témáknál is elsősorban a világ és Oroszország viszonya kerül fókuszba.

A folyóirat online archívumában a 2010-től megjelent cikkek találhatóak meg.² Ez a kezdődátum lehetőséget biztosít arra, hogy jól körülhatárolható, „kerek” intervallumot, az elmúlt 10 évet (2010–2019) megvizsgálva vonjunk mérleget a *Vesztnyik*-ről. Az évtized összes cikkének alapadatait táblázatba rendezve és az adatokat elemezve tehetünk néhány tudományometriai megállapítást, egyúttal pedig azt is megkísérelhetjük, hogy az egyes tudományágakon belüli témákból egyfajta tendenciát határozzunk meg, milyen „forró témák” izgatták az elmúlt 10 évben a kutatókat.

1 «Журналы ВолГУ» *Волгоградский государственный университет*, <https://volsu.ru/struct/generalservices/publish/vestniki/> (Дата обращения: 8. сентября 2020 г.).

2 «Архив» *Вестник Волгоградского государственного университета. История. Регионоведение. Международные отношения*, <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/ru/archive-ru> (Дата обращения: 8 сентября 2020 г.).

I. MÓDSZERTAN

Ahhoz, hogy részletes kvantitatív elemzéseket lehessen elvégezni, első lépésként szükséges volt egy olyan adatbázist létrehozni, amelyben a folyóiratra, szerzőire és cikkeire vonatkozó összes fontos adat együtt, feldolgozható és ezt követően vizualizálható formában szerepel.

Ennek megfelelően készült egy tábla, amelyen a folyóirat alapvető adatai szerepelnek (évfolyam, kötetszám, oldalszám, cikkek száma, példányszám, tematikus számról van-e szó). Itt a 2010–2019 közötti lezárt időszakot vizsgáltuk, a 2020-ban azóta megjelent három számmal nem foglalkoztunk.

A következő táblán a szerzők alapadatai kerültek kigyűjtésre: a szerzők neve, neme, affiliációja (város, intézmény, szervezeti egység, beosztás) és tudományos fokozata. Ezzel kapcsolatban fontos megjegyezni, hogy egyes szerzők természetesen többször is publikálhattak, és egy cikk is lehetett több szerzős, ráadásul egy adott szerző intézményi hovatartozása és tudományos fokozata is változhatott idővel. Ezért az a megoldás lett alkalmazva, hogy minden egyes cikk minden egyes szerzője külön entitást képezzen. Ez alól egy elemzés kivétel, amikor azt vizsgáltuk, hogy ki a legtermékenyebb, legtöbbször publikáló szerző a folyóiratban.

A harmadik táblán a cikkek részletes adatait vettük fel: rovat (és alrovat) címe, szerző(k), cím, kulcsszavak, kezdő és záró oldalszám, a cikk elektronikus elérési útvonala. Ezeknél némileg nehezítette a helyzetet, hogy több tematikus számnál – mivel nem mindegyiknél, ezért nem lehetett szisztematikusként értelmezni – a szakásostól eltérő egyedi rovatmegnevezéseket alkalmaztak. Mivel minden esetben egyértelműnek nevezhető, hogy melyik állandó rovathoz, avagy tudományághoz tartozó témáról van szó (pl. a bizantinológia az egyetemes történelemhez került, a sztálingrádi csata Oroszország történetéhez stb.), ezért a tematikus cikkek kaptak egy állandó rovathoz való besorolást, és az egyedi rovatmegnevezés alrovatként került be. Azonban egyes vizsgálatok esetében torzíthatnak ezek az imaginárius rovatmegnevezések, így külön jelezzük, ha a tematikus számokat nem vettük figyelembe.

II. MUNKAHIPOTÉZIS

A fenti adatok felvételével és elemzésével a célunk kvantitatív és kvalitatív vizsgálatok elvégzése a folyóirat történetével és tartalmával kapcsolatban: Az általános adatok alapján számokban bemutatható a kiadvány élete és fejlődése a vizsgált időintervallumban.

A szerzők adatai alapján szeretnénk megvizsgálni, mennyire kiegyensúlyozott a folyóirat genderszempontból, illetve mennyire segíti a tudományos előremenetelt. A szerzők affiliációjából pedig azt szeretnénk kideríteni, hogy milyen kiterjedt a regionális, országos és globális kapcsolatrendszere a kiadványnak.

A cikkekre vonatkozó adatok közül egyrészt fontosak a rovatok adatai. Ez alapján szeretnénk meghatározni, mely tudományág a leghangsúlyosabb a folyóirat profiljában, és ez hogyan változott az időben. Másrészt a kulcsszavak alapján kísérletet teszünk annak megvizsgálására, hogy összességében és az egyes tudományágakon belül melyek a legfontosabb témák.

A kulcsszavak vizsgálata egyúttal kapcsot jelent a kvalitatív vizsgálat felé. Ha sikerül meghatározni az ún. „forró témákat”, rátérünk néhány ezekkel kapcsolatos kiemelkedő cikk ismertetésére. Emellett megnézzük, hogy kifejezetten a történeti ruszisztika szűkebb tárgykörében, azaz az Oroszország történetével foglalkozó rovatokban milyen aktuális témák lelhetők fel.

A legnagyobb kattintás-számmal rendelkező, tehát praktikusán a legnépszerűbb cikkek szemlézése után³ pedig néhány magyar vonatkozást is említésre kerül.

III. AZ ADATOK ELEMZÉSE

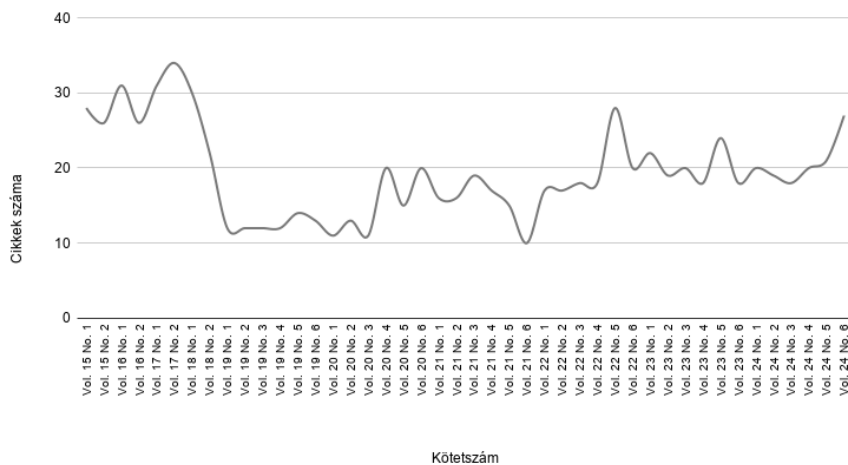
Alapadatok

Ahogy már említésre került, a 2010–2019 közötti időszakot vontuk be a kvantitatív elemzésekbe. Ezen periódus alatt a folyóiratnak 44 száma jelent meg nyomtatott (minden esetben 500 példányban) és elektronikus formában. A köteteket az évfolyam és az azon belüli szám megadásával azonosították (a vizsgált időszakra a 15. évfolyam 1. szám – 24. évfolyam 6. szám esett), de eleinte ezzel párhuzamosan az 1996-os első kötettől kezdődő folyama-

3 Az ezzel kapcsolatos adatokért köszönet illeti a *Vesztnyik VolGU* szerkesztőségét.

tos számozást is alkalmaztak, amit később elhagytak. Ebből kiderül, hogy a 15. évfolyam 1. száma a sorozat 17. darabjának felelt meg, vagyis valamikor a 2010 előtti néhány évben válhattak féléves periodicitásra, előtte éves kiadvány volt. 2014-től jelentős változásra került sor, amely a folyóirat életében egy markánsan új periódust jelentett. Ahogy a 2014-es első szám főszerkesztői előszavában olvasható, a folyóirat ekkor vált országos jelentőségűvé, s ennek keretében negyedéves megjelenést, valamint két tematikus szám megjelentetését tervezték évente, megőrizve a regionális jelleget, teret biztosítva a Volgográd, a Volga-vidék és Dél-Oroszország kutatóinak.⁴ A tematikus számok ugyan vártak magukra 2015-ig, de hat szám azóta is stabilan megjelenik évente.

Ezt az átalakítást a terjedelem és a publikációk száma egy darabig megsínylette, de 2015-től ismét emelkedésnek indult, s az alábbi két ábrán jól látható, hogy mára már évi hat számot is meg tudnak tölteni majdnem ugyanannyi tartalommal, mint korábban kettőt.

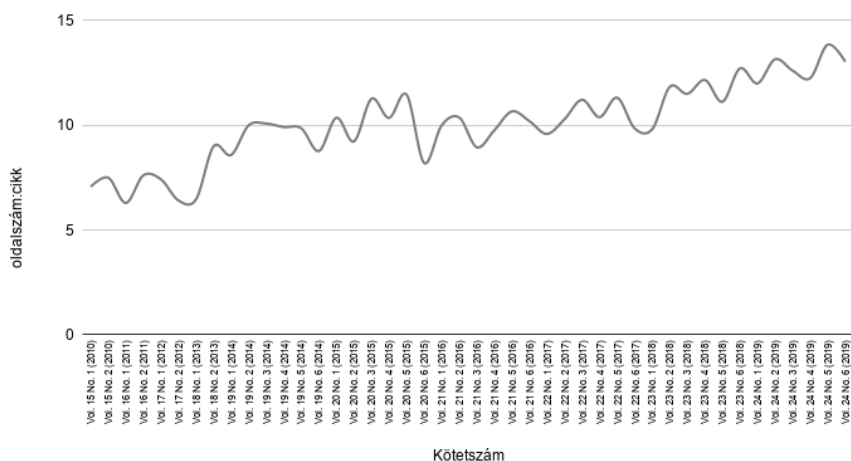

1. ábra

A cikkek számának változása (2010–2019)

4 И.И. Курилла, «Обращение главного редактора» *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, Vol. 19. no. 1 (2014), <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/639> (Дата обращения: 8 сентября 2020 г.)

2010–2019 között összesen 850 cikk jelent meg 8398 oldalon. A cikkek elrendezése kéthasábos, a nemzetközi sztenderdeknek megfelelően orosz és angol nyelvű rezümével, kulcsszavakkal, és kétnyelvű szakirodalmi listával ellátva. Gyors fejszámolással az is kikövetkeztethető, hogy átlagosan 10 oldalas egy cikk, vagyis többnyire 20-30 ezer karakter terjedelmű írásokat fogadnak be, de a következő ábrán látható, hogy a cikkek hossza lassan növekvő tendenciát mutat:

2. ábra

A cikkek átlagos hosszának változása (2010–2019)

Az átalakítás utáni „tartalomínségén” segített egyrészt a korábban már említett, 2015 végén megszerzett minősítés, másrészt az, hogy a lefedett tudományterületek egy-egy kiemelt kutatási projektjéhez és/vagy jeles évfordulókhoz köthetően szervezett tudományos konferenciák anyagait is itt kezdték publikálni tematikus számok formájában.

A 2015-ös 20. évfolyam 3. kötetétől kezdve összesen 13 tematikus szám jelent meg. Ezek közül 5 a Volgográdi Állami Egyetem több éves nemzetközi jelentőségű bizantinológiai projektjéhez köthető (20. évf. 3. sz.; 21. évf. 5. sz.; 22. évf. 5. sz.; 23. évf. 5. sz.; 24. évf. 6. sz.). Egy másik jelentős, az egyetem által elnyert projekt pedig Oroszország hadtörténetét volt hivatott feldolgozni. Ehhez kapcsolódóan jelentek meg a Nagy Honvédő Háborúban aratott győzelem 70. évfordulójának (20. évf. 4. sz.), a krími háborúnak (21. évf. 6. sz.), és a sztálingrádi csata 75. évfordulójának (23. évf. 1. sz.) szentelt kötetek.

Ezekon kívül megtalálhatjuk még két régészeti konferencia anyagait (20. évf. 5. sz.; 23. évf. 3. sz.), az 1917-es forradalom 100. (22. évf. 6. sz.) és a „zavaros időszak” 400. évfordulójára (24. évf. 2. sz.) kiadott, valamint egy kozákság társadalomtörténetével foglalkozó tematikus lapszámot (24. évf. 4. sz.).

A vizsgált időszakban a folyóiratnak két főszerkesztője volt. 2010–2015 között Ivan Ivanovics Kurilla (1967–) történész, Amerika-kutató töltötte be ezt a tisztséget, 2015 végétől pedig Igor Olegovics Tyumencev (1958–) történész, Moszkóvia és a kozákság szakértője vette át tőle a szerkesztést. A 2014-ben beharangozott tervekből és a 2015-ös váltásból következik, hogy bár az átalakítást Kurilla kezdeményezte, a folyóirat országos és nemzetközi elismertségének kivívása, valamint a tematikus számok beindítása már Tyumencevnek köszönhető. A két főszerkesztő személye, kutatási területe is nagymértékben befolyásolta a folyóirat profilját. Ahogy a későbbiekben látni fogjuk, Kurilla idején egyfajta egyensúlyra törekedtek a tudományágak között, Tyumencev idején viszont erőteljes elmozdulás tapasztalható a régészet, az egyetemes és a hazai történelem irányába, amelyek ma már egységes tanszéket is alkotnak a Volgográdi Állami Egyetemen.

A szerzők (gender, tudományos fokozat, intézményközi kapcsolatok)

A következőkben a szerzők néhány adatát vizsgáljuk meg. A 850 publikációhoz összesen 1071 szerzőség köthető. Ebből is látszik, hogy bár dominálnak a klasszikus egyszerezős cikkek, azért előfordul, hogy egy tanulmányt több szerző jegyez. Különösen a természettudományos módszereket is igénybe vevő publikációknál figyelhető meg ez, ahol egy esetben hatszerzős cikk is előfordul.⁵

Az 1071 szerzőség 673 különböző személyhez köthető, azaz vannak többször, illetve rendszeresen publikáló kutatók. Összességében a szerzők 71%-a (478 fő) csak egyszer publikált a folyóiratban, a maradék 29% teszik tehát ki az állandó szerzőgárdát. Közülük a legaktívabb 12 cikkel (15. évf. 1. szám; 16. évf. 1. sz.; 18. évf. 1. sz.; 19. évf. 4. sz.; 20. évf. 1. sz., 2. sz. [2 cikk]),

5 Л.А. КРАЕВА, М. РАДИВОВЕВИЧ, И.Г. РАВИЧ, Л.П. ЧЕРНИКОВА, И.А. ШУТЕЛЕВА, Н.Б. ЩЕРБАКОВ, «Китайское зеркало из позднесарматского комплекса «Черный Яр»». *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, Vol. 23. no. 3. (2018): 176–188. DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.3.16, <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/1716> (Дата обращения: 8 сентября 2020 г.)

6. sz.; 21. évf. 6. sz.; 22. évf. 6. sz.; 23. évf. 2. sz.; 24. évf. 4. sz.) Szergej Anatoljevics Pankratov,⁶ a politikatudományok doktora, akinek szakterülete a mai orosz politikai rendszer. A Volgográdi Állami Egyetem Nemzetközi Kapcsolatok, Regionális Tudományok és Politológia Tanszékének professzoraként találkoztunk először vele, majd 2013-tól az immár különálló Politológia Tanszék vezetője, amely 2016-tól – némileg felcserélve a sorrendet – ismét Nemzetközi Kapcsolatok, Politológia és Regionális Tudományok Tanszék.

Nem sokkal marad el Pankratovtól 10 cikkel (15. évf. 1. és 2. sz.; 16. évf. 1. sz.; 17. évf. 1. és 2. sz.; 20. évf. 5. sz.; 21. évf. 2. sz.; 22. évf. 1. sz.; 23. évf. 3. sz.; 24. évf. 5. sz.) Marija Afanaszjevna Balabanova,⁷ a történelemtudományok kandidátusa, majd 2015-től doktora. Az ő szakterülete a szarmaták régészete, azon belül a paleoantropológia, a paleodemográfia, a temetkezési szokások és a koponyatorzítások vizsgálata. Ő ugyancsak a Volgográdi Állami Egyetem kötelékébe tartozik, és docensként, majd doktori disszertációja megvédése után professzorként a Régészet és Egyetemes Történelem Tanszéken dolgozott, amelynek 2015-től Régészet, Egyetemes Történelem és Turizmus Tanszék, 2018-tól Orosz és Egyetemes Történelem, Régészet Tanszék a neve.

A két „rekorder” mögött még hárman vannak 8, hatan 7, öten 6 publikációval, akik állandó szerzőknek tekinthetők, innentől pedig jönnek a kevésbé rendszeres visszatérők: 5, ill. 4 cikkel tizenhatan, 3 cikkel harminc-heten, 2 cikkel száztizen rendelkeznek.

Bár üdvözlendőnek tekinthető, hogy az első két helyen egy férfi és egy nő áll, azonban ha a teljes szerzőségi palettát végignézzük gender-szempontból, már nem ilyen kiegyensúlyozott a kép.

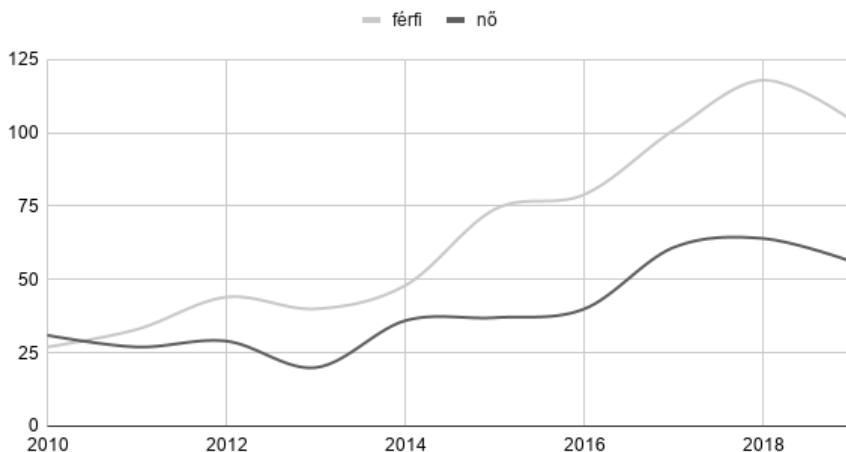
Azt kell látnunk, hogy míg 2010-ben még kiegyenlített volt a férfiak és nők aránya, sőt a nők még többen is voltak valamivel (47:53 a nők javára), addig ez a „gender-olló” egyre inkább kinyílt az idő előrehaladtával a férfiak javára. 2019-ben a férfi-nő arány már 65:35 volt, s közelíti az egész időszakra vetített 62,5:37,5-ös arányt.

A *Kommersant*-ban nemrég megjelent tudósítás szerint globális méretű kutatást végeztek a gender-egyenlőtlenség kimutatására a tudomány területén 1955–2010 között.⁸ Eszerint Oroszország nem állt rosszul, hiszen a II. világháború utáni súlyos férfihány, a nemek közti egyenlőséget hirdető

6 «Панкратов Сергей Анатольевич», *Волгоградский государственный университет*, <https://volsu.ru/persons/id/?id=000000567> (Дата обращения: 8 сентября 2020 г.)

7 «Балабанова Мария Афанасьевна», *Волгоградский государственный университет*, <https://volsu.ru/persons/id/?id=000000164> (Дата обращения: 8 сентября 2020 г.)

8 «Гендерное неравенство в науке сохраняется и даже усиливается, как показывают последние данные», *Коммерсантъ*, 10 марта 2020 года, <https://www.kommersant.ru/doc/4283709> (Дата обращения: 8 сентября 2020 г.)

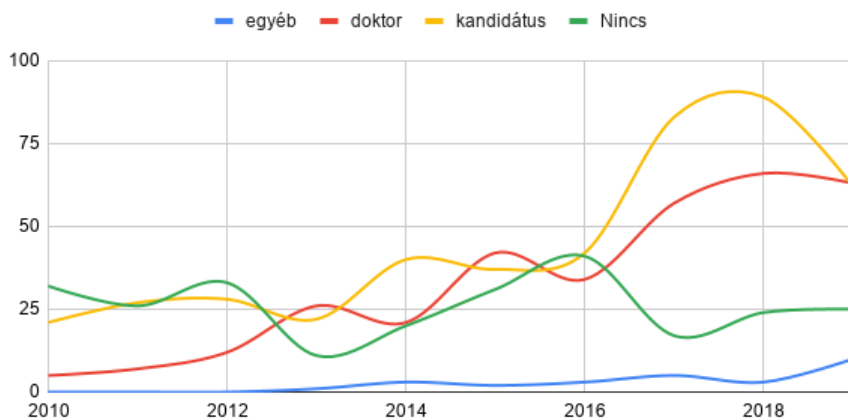

3. ábra

Férfi és női szerzők számának változása (2010–2019)

szovjet propaganda kiegyenlítette ezeket a különbségeket, amelyek hatása 2010-ben még érzékelhető volt. Azonban a rendszerváltás után egyre inkább felértékelődtek a hagyományos nemi szerepek, a női és férfi kutatók fizetésének különbségei, a tudományos előremenetel lehetőségei egyre áthatolhatatlanabb „üvegplafont” teremtenek a nők számára, ami miatt jóval többen hagyják el a kutatói, oktatói pályát, vagy bele sem kezdenek. Mindehhez részben hozzájárulhatott a folyóirat presztízsének növekedése is, ennek következtében ugyanis egyre több magasabban jegyzett kutató publikálhatott, akik között arányaiban kevesebb a nő a tudományos előmenetelt hátráltató tényezők miatt.

Össességében tehát egyre patriarchálisabb viszonyokat figyelhetünk meg az orosz tudományos életben. Emellett a folyóirat presztízsének növekedése sem feltétlenül a kívánt eredményeket hozta el. A következő ábrán a tudományos fokozattal nem rendelkező, kandidátusi, ill. doktori fokozatot szerzett, valamint egyéb (az orosz akadémiai struktúrába nem beleilleszthető) tudományos fokozattal bíró szerzők számának időbeli változását követhetjük nyomon:

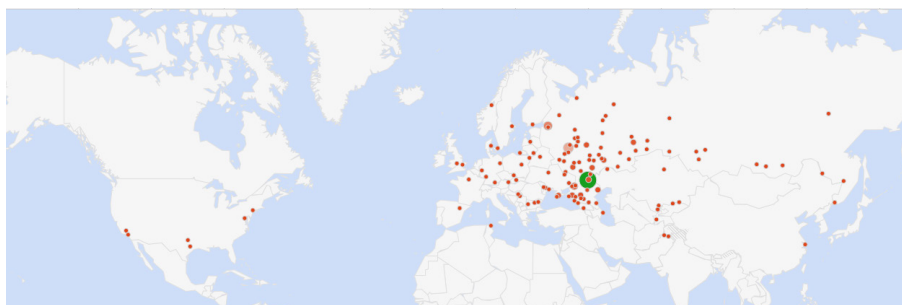
4. ábra

Tudományos fokozattal rendelkező és nem rendelkező szerzők számának változása (2010–2019)

Azt vehetjük észre, hogy a tudományos fokozattal nem rendelkezők száma a vizsgált időszak elején még valamennyivel meghaladta azokét, akik rendelkeztek kandidátusi vagy doktori fokozattal. Ez két dologból tevődhet össze: egyrészt nem volt elegendő tudományosan kvalifikált idősebb szerző, másrészt jobban segíthették a fiatalabb aspiránsok fokozatszerzését, azaz az utánpótlás nevelését. Később viszont a fokozattal nem rendelkezők száma egyre inkább csökkenő tendenciát mutat. A 2015 végén megszerzett minősítés, miszerint a folyóirat a kandidátusi és doktori fokozatok megszerzéséhez szükséges publikációknak biztosít felületet láthatóan ideiglenes jó hatással volt a fokozattal nem rendelkezők arányára, azonban ez nem tartott sokáig. Viszont azok számára, akik a kandidátusi fokozattól a doktori fokozat felé igyekeznek, nagyobb felhajtóerőt biztosított. De ez a lendület az időszak végére kifulladásra látszik, s egyre inkább a „doktorok” veszik át a vezető szerepet. Emellett rendkívül lassú, de növekvő tendenciát mutatnak a külföldön szerzett tudományos fokozatok.

Összességében tehát azt állapíthatjuk meg, hogy az idő előrehaladtával az akadémiai szisztémába való bekerülést egyre kevésbé segítik, de a rendszeren belüli mozgás valamivel könnyebb. Így viszont a folyóirat kezd egyrészt egyre elitistábbá válni, másrészt viszont egyre idézettebb lenni.

Végezetül érdemes megvizsgálni a szerzők affiliációját. Mivel az intézményi szinten való vizualizáció nem valósítható meg egyszerűen, ezért ennél az elemzésnél az egyes cikkek szerzőinek települései lettek figyelembe véve, eltekintve attól, hogy az adott településen hány tudományos intézmény található. Emellett a statikus térképen való ábrázolás nem tette lehetővé a diakrón megjelenítést, ezért az egész időszakra vonatkozó szinkrón összesítést közöljük, így eltekintünk a tudományos kapcsolatok dinamikájának vizsgálatától. A kapcsolatrendszeret térképen ábrázolva az alábbiak rajzolódnak ki (alatta a 10 és afölötti előfordulás táblázatban):

Város	Előfordulás	Város	Előfordulás
Volgográd	396	Voronyezs	21
Moszkva	122	Krasznodar	20
Szentpétervár	75	Nyizsnyij Novgorod	18
Rosztov- na-Donu	42	Volzsszkij	18
Szimferopol	24	Asztrahany	13
Szamara	23	Sztavropol	12
Jekatyerinburg	21	Elisza	10
Szaratov	21		

Összesen 127 különböző város kutatói publikáltak a lapban, de a cikkek szerzőinek bő 1/3- a, 396 Volgográdhoz kötődik. Ezen belül a folyóirat anyaintézményének számító Volgográdi Állami Egyetemhez 303, ami az összes szerzőségnek valamivel több, mint 1/4-e.

A következő két nagyobb gócpontot pedig a két főváros, Moszkva (11,35% – 122) és Szentpétervár (ca. 7% – 75) adja.

Ezt követik a regionális kapcsolatok. Ezek közül a legélénkebb a Rosztov-na-Donuval fenntartott, amely jelentős szövetségi egyetemmel és regionális akadémiai kutatóközponttal rendelkezik. Kiemelendő a többi szövetségi egyetem, amelyek közül sorrendben Szimferopollal, Jekatyerinburggal és Sztavropollal a legközelebbi a kapcsolat, továbbá a Volga-vidék nagyvárosai: Szamara, Szaratov, Nyizsnyij Novgorod, Volzsszkij (a Volgográdi Állami Egyetem fiáléja működik itt), Asztrahany, valamint a szomszédos területek fővárosai: Voronyezs (Voronyezsi terület) és Eliszta (Kalmükföld).

A folyóiratban ezen felül előfordulnak publikációk szinte az összes nagyobb oroszországi egyetemi központtól, de ezek, valamint külföldi kapcsolatok egyáltalán nem mondhatóak szisztematikusnak.

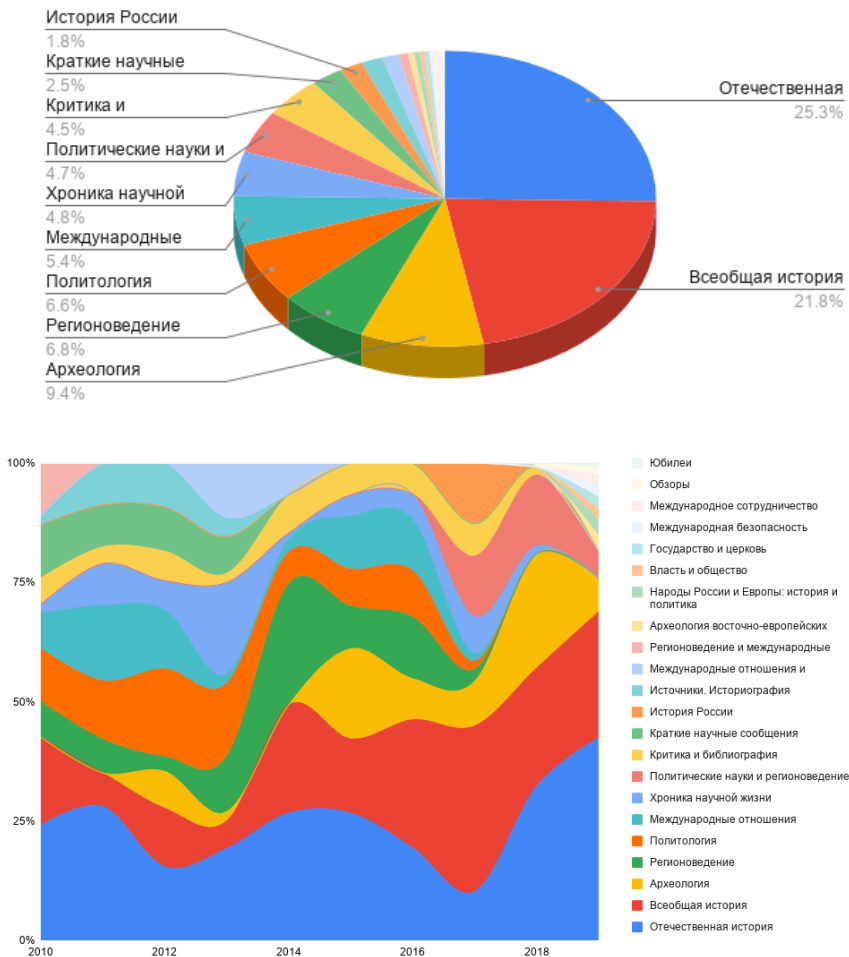
Mindenképpen szót érdemel Moszkva és Szentpétervár láthatóan kiemelt szerepe. Bár a folyóirat országosan biztosít publikálási lehetőséget, elsősorban regionális tudományszervezőként kíván fellépni. Ehhez képest mégis a két fővároshoz köthető a publikációk mintegy 20%-a, ami közel megegyezik a 10 és afölötti publikációt szolgáltató összes többi város arányával (~22,5%). Ebben jól tükröződik az az objektív helyzet, hogy az intellektuális tőke eloszlása egyenetlen Oroszországban, s Moszkva és Szentpétervár jóval több rangos kutatóhellyel rendelkezik. Így országos gyűjtőkör esetén értelemszerűen jóval több publikáció is érkezik ezekről a helyekről.⁹ Meglátásunk szerint érdemes lenne tovább fejleszteni a regionális és nemzetközi kapcsolatokat, hogy ez a viszonylagos centralizáltság még jobban kiegyenlítődjön.

Összegezve a szerzőkről szóló fejezetet, annak ellenére, hogy a szerzőgárda folyamatosan bővül, az orosz tudományos élet néhány komoly demográfiai, tudományszervezési, tudományometriai jellegzetessége is kirajzolódik a folyóiraton keresztül, mint a patriarchyalizáció, az elitizálódás (vagy „belterjesedés”) és a viszonylagos centralizáltság.

9 Az intellektuális tőke területi eloszlásáról l. pl. А.С. Михайлов, «Территориальное распределение интеллектуального капитала в России», *Высшее образование в России*, Vol. 28. No. 6 (2019): 28–39. URL: <https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/1786/1323> (дата обращения: 24 сентября 2020 г.)

Rovatok

A következőkben érdemes néhány pillantást vetni a rovatok megoszlására, amelyekből az egyes tudományterületek viszonyára következtethetünk, és bizonyos tudománypolitikai kérdések lecsapódását vizsgálhatjuk. Az alábbi két ábra közül az elsőn a rovatok százalékos megoszlását láthatjuk, a másodikon pedig ezek időbeli változását szemléltetjük:

5. ábra
A cikkek megoszlása rovatonként

Az ábrákon jól látható, hogy a cikkek több mint felét a történettudományokhoz tartozó „hazai történelem” avagy orosz történelem, az egyetemes történelem és a régészet teszi ki. Az is jól látható, hogy míg 2014/2015 előtt igyekeztek fenntartani a különböző tudományterületek közötti egyensúlyt, az egyre inkább eme három tudományág felé tolódott. Ez magyarázható azzal, hogy a szerkesztőbizottságban ki és milyen területen rendelkezik a legnagyobb autoritással, szakmai kompetenciával és tudományos beágyazottsággal, és melyek az egyes diszciplínák legitimációs hagyományai az orosz tudományosságban. Az amerikanisztikával és nemzetközi kapcsolatokkal foglalkozó Kurilla után az orosz történelemmel foglalkozó Tyumen-cev inkább a saját területe felé vitte el a folyóirat profilját.

Emellett természetesen ehhez az arányhoz az is hozzájárult, hogy a vizsgált időszak alatt egyedül az „Orosz történelem” és az „Egyetemes történelem” számított állandó rovatnak, a folyóirat többi fő profilja, a nemzetközi kapcsolatok, a regionális földrajz és a politológia állandó változásban, különböző konstellációkban jelent meg. 2010 elején pl. még „Regionális földrajz és nemzetközi kapcsolatok” rovat létezett, de aztán hosszú időre külön váltak; 2013–2014-ben egy rövid ideig próbálkoztak a „Nemzetközi kapcsolatok és politológia” összevont rovattal, 2017-től pedig újabb összevonás következett „Politikatudományok és regionális földrajz” címmel, a „Nemzetközi kapcsolatok” pedig eltűnt.

Az utóbbi évek talán egyik legnagyobb „nyertese” a régészet lett, amely az orosz történelemről 2012-ben leválva egyre nagyobb részesedést kapott, jelezve hogy a sztyeppei nem orosz népek leletanyagának előkerülése és feldolgozása dinamikusan fejlődő terület. Ugyanakkor a forrásközlés és a historiográfia mint önálló rovat 2014-től teljesen eltűnt a repertoárból, ami egyrészt arra enged következtetni, hogy a történettudomány területén az alap kutatások helyét inkább azok alkalmazása vette át, másrészt hogy a historiográfia betagozódott az orosz és egyetemes történelem rovataiba.

A vezető rovat az egész időszak alatt a „Hazai történelem” volt, ebben jelent meg a legtöbb cikk. Ez alól kivétel a 2012-es év, amikor a „Politológia” fölébe kerekedett, valamint 2016 és 2017, amikor az egyetemes történelem tárgykörébe tartozó terjedelmes bizantinológiai tematikus számok jelentek meg. A 2017-es visszaeséshez egy szemléletváltási kísérlet is hozzájárult, ugyanis a nemzeti jellegű „Hazai történelmet” (Отечественная история) felváltotta az objektívebben hangzó „Oroszország története” (История

России).¹⁰ Azonban ez a szemléletváltás nem volt hosszú életű, s 2018-tól már újra a megszokott néven jelent meg a rovat.

Ennél jóval markánsabb szemléletváltást vetít előre 2019 utolsó reguláris száma (Vol. 24. No. 5.), amelyben merőben új rovatcímek tűnnek fel, úgymint: „A kelet-európai sztyeppe régészete”, „Oroszország és Európa népei: történelem és politika”, „Hatalom és társadalom”, „Állam és egyház”, „Nemzetközi biztonság” és „Nemzetközi együttműködés”. Ez a gyors váltás egyébként vizuálisan is jól megfigyelhető a fejezethez tartozó második ábránk jobb felső sarkában. Jelen cikk megírásáig a 2020-as évfolyamból két tematikus és egy reguláris szám jelent meg. A reguláris szám (Vol. 25. No. 3.) rovatcím-választásai („SzSzSzK: a szovjet modernizáció problémái”, „A 20. század hadműveletei”, „A 20. század katonai-politikai konfliktusai és megoldásai”, „Infokommunikációs folyamatok a közpolitikában”, „A historiográfia problémái”) arra engednek következtetni, hogy ez nem egyszeri kísérlet, hanem a folyóirat jövőjét meghatározó fordulat, s az olvasható ki belőle, hogy a több tudományágat egymás mellett, de egymástól elválasztva felvonultató, interdiszciplináris folyóirat ezzel a változtatással új szintre lépett. A tudományági felosztás helyett ugyanis az egyes témákat járja körül különböző szempontokból, ami a valódi multidiszciplinaritás felé tett lépésként értelmezhető, ami a mai tudományos közegben rendkívül előremutató és üdvözlendő fejlődés.

Kulcsszavak

Munkahipotézisünk alapján a kulcsszavak gyakoriságának elemzése képet adhat arról, melyek a gyakran előforduló, ún. „forró témák”.

A vizsgált időszakban a szerzők összesen 5130 kulcsszót, kulcskifejezést helyeztek el cikkeik témájának azonosítására. Ez összességében 3590 különböző szót, kifejezést jelent, amelyeknek mintegy 83%-a (2992) csupán egyszer fordul elő, vagyis a szerzők az esetek döntő többségében meglehetősen egyedi témamegjelöléseket alkalmaztak.¹¹ A kulcsszavak előfordulása az említésszám függvényében exponenciálisan csökkenő

10 Ugyanezt a szemléletváltást figyelhattuk meg Oroszország vezető történelmi folyóirata kapcsán, amely kb. 10 évvel korábban, 2008-ban váltott az *Otyecsesztvennaja isztorija* névről *Rosszijszkaja isztorija*-ra.

11 Ehhez hozzá kell tenni, hogy a hasonló témakörbe tartozó, sokszor minimális mértékben eltérő szavak, kifejezések (pl. IV. Iván, Rettegett Iván, IV. [Rettegett] Iván) nem kerültek összevonásra.

tendenciát mutat. Az összes kulcsszó elemzésénél az ebből a trendből felfelé kiugró eseteket ismertetjük:

1. táblázat

A leggyakrabban előforduló kulcsszavak az összes cikket figyelembe véve

Kulcsszavak (összes)	Említés
Великая Отечественная война	35
Византия	35
Россия	28
сарматы	23
Нижнее Поволжье	19
США	19
историография	17
История Византии	17
Первая мировая война	17
Сталинградская битва	17

Ahogy a módszertani bevezetőben említettük, szükségesnek találtuk az elemzést elvégezni a tematikus számok kulcsszavai nélkül is, ugyanis a zárt tematika ösztönözhet a hozzájuk kapcsolódó kulcsfogalmak rutinszerű alkalmazásához, s ezáltal torzulhat az eredmény ezek javára. A nem tematikus cikkekben összesen 3534 kulcsszó jelent meg, amelyek közül 2590 volt

2. táblázat

A leggyakrabban előforduló kulcsszavak a tematikus számok cikkeinek kivételével

Kulcsszavak (tematikus számok nélkül)	Említés
Россия	24
США	19
Первая мировая война	16
Нижнее Поволжье	15

внешняя политика	14
сарматы	14
историография	13
война	12
Великая Отечественная война	11
гражданское общество	11
международные отношения	11
модернизация	11
молодежь	10
СССР	10
Сталинградская битва	10

különböző, s ugyanúgy kb. 83% (2168) volt egyszer használatos. A diverzitás tehát hasonlóan magas. Ennek a listának a vezérfogalmi a következők:

A két lista összehasonlításából jól látható, hogy az egyes bizantinológiai, régészeti avagy II. világháborús különszámok erősen megváltoztatták a vezérfogalmak viszonyait. Ha ezeket leválasztjuk, jól kirajzolódnak azok a kérdéskörök, amelyek az egyes tudományágak képviselőit különösen érdeklik.

A történelem területén, noha – ahogyan korábban említettük – a historiográfia régóta nem képez külön rovatot, továbbra is szerves részét képezi a kutatási trendeknek, ami azt a korábbi következtetést igazolja, hogy az ilyen témájú cikkek betagozódtak az általános történelmi témájú cikkek közé. Emellett kiemelkedőek a 20. századi témák, mint az I. világháború, a II. világháború és általánosságban a Szovjetunió története. A regionális földrajz és helytörténet területén jól látható, hogy elsősorban az Alsó-Volga-vidék kutatása, valamint a sztálingrádi csata elemzése emelkedik ki. A régészet tudományágában a környező sztyeppe-vidéket a vaskorban és a népvándorláskorban benépesítő szarmaták kutatása élvez prioritást. A nemzetközi kapcsolatok területén pedig az rajzolódik ki, hogy elsősorban az Egyesült Államokkal való összehasonlítás és a háborúk kutatása uralkodik. A politológia területének legfontosabb kérdései pedig a polgári társadalom adaptációs lehetőségei, a modernizáció örök kérdése, valamint a Kelet-

Európában tapasztalható demográfiai krízis szempontjából különösen fontos ifjúságpolitika.

Ha csak szűkebb témánkat, a történeti ruszisztika tárgykörét vizsgáljuk, azaz a „Hazai történelem”, ill. „Oroszország története” rovatcímmel ellátott cikkek kulcsszavait, akkor az alábbi megállapításokat tehetjük: ezekben a rovatokban összesen 1451 kulcsszó került alkalmazásra, s ez 1156 különböző egységet jelent. A szavak közül kb. 88,5% (1023) csupán egyszer fordul elő, vagyis a kulcsszavak alapján a témák diverzitása valamivel nagyobb, mintha a teljes spektrumot vizsgálnánk. A kulcsszavak alapján három vezérfogalom körvonalazódik:

3. táblázat

A leggyakrabban előforduló kulcsszavak az „Orosz történelem” rovat cikkeiben

Kulcsszó (orosz történelem)	Említés
Великая Отечественная война	29
Смутное время	12
Сталинградская битва	12

Ezek közül a Nagy Honvédő Háború toronymagasan vezet, és holtversenyben második a „Zavaros Időszak”, valamint a sztálingrádi csata.

Azonban itt is figyelembe kell vennünk, hogy a II. világháborúról több tematikus kötet is megjelent, és a Rurik-dinasztia kihalása utáni időszaknak is szenteltek egy tanulmánykötetet. Ha ezeket a tematikus számokat levesszük, akkor 897 kulcsszó marad, amelyek közül 758 különböző van, és 89%-uk (675) fordul elő egyszer. A két legtöbbször (összesen 7-7 alkalommal) említett vezérfogalom pedig a Nagy Honvédő Háború (Великая Отечественная война) és a rendkívül általános Oroszország (Россия).

Összességében tehát azt mondhatjuk, hogy a folyóirat hazai történelmi tematikájának gyűjtőpontjában a II. világháború (avagy Nagy Honvédő Háború) áll. Ez voltaképpen nem meglepő, hiszen a folyóirat székhelye egy olyan ikonikus helyen, a sztálingrádi csata helyszínén található, amely döntő jelentőségű ütközetnek számított a háború folyamán. A *genius loci* mellett azonban figyelembe kell venni azt is, hogy a mai orosz emlékezetpolitika milyen központi helyre emelte a Nagy Honvédő Háborút. A 7 cikk, amelyekben előfordul ez a kulcsszó, inkább arról árulkodik, hogy a háborúval és a

sztálingrádi ütközettel kapcsolatos helytörténeti és regionális kutatásokon van a hangsúly. Ilyen például Oleszja Alekszandrovna Gomanyenko két cikke a volgai folyami flottilla tevékenységéről,¹² Makszim Nyikolajevics Opalev írása a Vörös Hadsereg tüzérségi páncélvonatainak részvételéről a sztálingrádi csatában,¹³ valamint az elisztai Vlagyimir Badahajevics Ubusajev értekezése a kalmükföldi frontmunkások tevékenységéről az Asztrahany–Kizljár-vasútvonal építéskor.¹⁴ Emellett azonban előkerülnek országos jelentőségű témák is, mint pl. Anasztaszija Valerjevna Zotova és Szergej Nyikolajevics Poltorak szentpétervári kutatók cikke, amelyben az Állami Védelmi Tanács által kezelt hadizsákmányok historiográfiáját tekintik át,¹⁵ vagy a volgográdi Vlagyimir Vjacseszlavovics Sevcsenko munkája, amelyben a szolgálatból visszatért szovjet katonák GULAG-ba való zárásának kényes témáját feszegeti.¹⁶ Végül pedig egy nemzetközi kitekintésre is lehetőségünk van az Orosz Tudományos Akadémia Egyetemes Történeti Intézetének,

-
- 12 O.A. ГОМАНЕНКО, «Специфика работы Нижневолжского речного пароходства в 1944–1945 годах», *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, Vol. 16. no. 1 (2011): 25–31. DOI: 10.15688/jvolsu4.2011.1.4, <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/475> (Дата обращения: 8 сентября 2020 г.); O.A. ГОМАНЕНКО, «Навигация 1943 года: битва за Волгу продолжается», *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, Vol. 24. no. 3 (2019): 115–125, <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/1969> (Дата обращения: 8 сентября 2020 г.)
- 13 М.Н. Опалев, «Неизвестные страницы участия соединений артиллерийских бронепоездов Красной армии в Сталинградской битве в годах», *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, Vol. 16. no. 2 (2011): 65–70. DOI: 10.15688/jvolsu4.2011.2.9, <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/194> (Дата обращения: 8 сентября 2020 г.)
- 14 В.Б. Убушаев, «Вклад тружеников Калмыкии в строительство железной дороги Астрахань – Кизляр (октябрь 1941 – август 1942 г.)», *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, Vol. 22. no. 3 (2017): 136–141. DOI: 10.15688/jvolsu4.2017.3.12, <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/1421> (Дата обращения: 8 сентября 2020 г.)
- 15 А.В. Зотова, С.Н. Полторака, «Деятельность Государственного Комитета Оборона по использованию трофеев в период Великой Отечественной войны», *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, Vol. 22. no. 3 (2017) 126–135. DOI: 10.15688/jvolsu4.2017.3.11, <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/1419> (Дата обращения: 8 сентября 2020 г.)
- 16 В.В. ШЕВЧЕНКО, «Режим содержания бывших военнослужащих в спецлагерях в 1942–1946 годах», *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, Vol. 15. no. 2 (2010): 38–43. DOI: 10.15688/jvolsu4.2010.2.5, <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/331> (Дата обращения: 8 сентября 2020 г.)

valamint a Szamarai Állami Szociálpedagógiai Egyetem két munkatársának közreműködésével készült cikk segítségével, akik a leningrádi blokád egyesült államokbeli sajtóviSSHangját elemezték.¹⁷

A legnépszerűbb cikkek

A *Vesztnyik* 2014-től létező online archívuma 2020. január 21-ig több mint 700 ezer letöltést generált.¹⁸ Fontos megjegyezni, hogy a letöltések eme száma összesítve van megadva a honlap angol és orosz nyelvű változatára. Ezáltal arra is választ kaphatunk, hogy orosz, avagy oroszul kevésbé jól olvasó nemzetközi kutatók érdeklődtek-e jobban egyes témák után. Azt láthatjuk, hogy a legtöbb kattintást kapott írás Alekszandr Szergejevics Hodnyev, a Jaroszlavli K. D. Usinszkij Állami Pedagógiai Egyetem professzorának „Nemzetközi kapcsolatok és politológia” rovatban 2014-ben megjelent cikke.¹⁹ Ezt az angol nyelvű oldalról 8014-en, orosz oldalról 905-en próbálták elérni. A mű a Népszövetség létrejöttének kérdéseit közelíti meg újszerűen. Míg korábban a versailles-i békerendszerből próbálták levezetni kialakulását, Hodnyev rámutat, hogy már a századelőn voltak próbálkozások egy nemzetközi politikát szabályozó szervezet létrehozására, s 1916–1917-ben jelentős társadalmi vita zajlott létjogosultságáról az Egyesült Államokban és az Egyesült Királyságban, amelynek főszereplői a Fabiánus Társaság és Leonard Woolf voltak.

A második legnépszerűbb cikk mintegy fele ilyen elérési számot generált, de ugyancsak angol oldalról próbálták elérni többen (4476 letöltés, míg orosz oldalról 281). Ez egy népszerű fiatal görög Amerika-kutató Konsztantinosz D. Karacasz 2016-os cikke az afroamerikai polgárjogi mozgalom három

17 Д.В. СУРЖИК, С.О. БУРАНОК, Я.А. ЛЕВИН, «Блокада Ленинграда в оценках прессы США», *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, Vol. 24. no. 1 (2019): 123–129., <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/1880> (Дата обращения: 8 сентября 2020 г.)

18 Vitalij Alekszandrovics Gorelkin főszerkesztő-helyettes írásbeli közlése.

19 А.С. ХОДНЕВ, «Первая мировая война и дискуссии о создании универсальной международной организации», *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, Vol. 19. no. 5 (2014): 113–121. DOI: 10.15688/jvolsu4.2014.5.12, <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/813> (дата обращения: 18 сентября 2020 г.)

aspektusáról, a politikai, a jogi küzdelmekről, valamint a passzív ellenállás jelentőségéről.²⁰

A harmadik legnépszerűbb – és egyben az első orosz részről több kattintást generáló – cikk (orosz oldalról 4459, angol oldalról 224 letöltés) Dmitrij Vlagyimirovics Lisejev, az Orosz Tudományos Akadémia Orosz Történeti Intézetének fiatalabb generációba tartozó tudományos főmunkatársának a „Zavaros Időszakról” szóló tematikus kötetben megjelent tanulmánya, amely önmagában is izgalmas címmel rendelkezik: „Az 1613-as Zemszkij Szobor: választási lehetőség nélküli választások vagy egy választási lehetőség választások nélkül?”²¹ Ebben Mihail Romanov trónra kerülésének körülményeit elemzi új források bevonásával, s arra a következtetésre jut, hogy korántsem övezte széleskörű népakarat és egyetértés, sokkal inkább a kozákok fellépése segítette őt trónra Trubeckoj herceg és Pozsarszkij duumvirátusával szemben.

IV. KITEKINTÉS – MAGYAR VONATKOZÁSOK

Magyarországgal, magyar–orosz kapcsolatokkal foglalkozó cikk nem sűrűn jelent meg a folyóirat hasábjain. Eddig pusztán egyszer került a mai magyar politika a „Nemzetközi kapcsolatok” rovat érdeklődési körébe. Ilja Nyikolajevics Taraszov, a Balti Immanuel Kant Föderatív Egyetem politológia-professzora cikkezett 2015-ben a növekvő jobboldali radikalizmus és idegengyűlölet társadalmi hátteréről közvélemény-kutatások és statisztikai adatok alapján.²²

20 К.Д. КАРАТЗАС, «Использование пассивного сопротивления в ходе движения в защиту гражданских прав: анализ [На англ.]», *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, Vol. 21. no. 1 (2016): 42–50. DOI: 10.15688/jvolsu4.2016.1.5, <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/1112> (дата обращения: 18 сентября 2020 г.). Fontos megjegyezni, hogy a letöltési adatbázis 2020. szeptember 11-ei keltezésű, és mivel Karacasz egy másik hasonló témájú cikke a 4. legnépszerűbb, elképzelhető, hogy az idén fellángoló Black Lives Matter-mozgalom generálhatta ezt a magas kattintás-számot.

21 Д.В. ЛИСЕЙЦЕВ, «Земский собор 1613 г.: выборы без выбора или выбор без выборов?», *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. Vol. 24. no. 2 (2019): 137–146. <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/1937> (дата обращения: 18 сентября 2020 г.)

22 И.Н. ТАРАСОВ, «Правый радикализм и факторы ксенофобских социальных практик в Венгрии», *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, Vol. 20. no. 6 (2015): 55–62. DOI: 10.15688/jvolsu4.2015.6.6, URL: <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/1054> (Дата обращения: 8 сентября 2020 г.)

Emellett az epizódszerep mellett azonban fontos megemlíteni, hogy a szerkesztőbizottságban helyet foglal két magyar tag is: Ágoston Magdolna, a szombathelyi illetőségű Szláv Történeti és Filológiai Társaság korábbi elnöke, valamint Szvák Gyula, a történeti ruszisztika budapesti műhelyének alapítója.

Bár Volgográd kétségtelenül távol van tőlünk, és az egyetem sem tartozik a legnevesebbek közé, a tárgyalt folyóirat nemzetközi elismertséggel bír, és számos feldolgozásra érdemes anyagot szolgáltathat a magyar kutatók számára is. Gondolhatunk itt elsősorban a sztyepei régészet eredményeire, az osztrák–magyar hadsereg magyar származású hadifoglyainak repatriálásának, valamint a II. világháború dokumentumainak feldolgozására, hiszen utóbbiak között a megszálló magyar hadseregre vonatkozó információkat is találhatunk. A jövőben tehát több tudományterület képviselőinek is érdemes nyomon követni a *Vesztnyik* számait, és felvenni a kapcsolatot a helyi kutatókkal.

BENCZE ANDRÁS

QUAESTIO ROSSICA – EGY FIATALKORÚ FOLYÓIRAT FELNÖTTÉ VÁLÁSÁNAK FOLYAMATA

QUAESTIO ROSSICA – PROCESS OF BECOMING ADULT OF A JUVENILE JOURNAL

This study is a summary-review of the last seven years of Quaestio Rossica in Yekaterinburg, established in 2013. In the first part, the structure and the objectives of the journal are described, highlighting its desire to be a mediator between Russian and foreign researchers and giving space to as many disciplines as possible. In the second part, the author seeks to know how the journal has achieved its objectives over the past period. Statistical data (e.g. number of quoted authors, number of quoted articles) try to show that Quaestio Rossica is gaining popularity and by using a map the author illustrates how many foreign researchers write in the journal. The final conclusion is that the still young journal has become an internationally recognized periodical.

Keywords: Russian studies, Quaestio Rossica, Yekaterinburg, Ural Federal University, review

András Bencze – Ph.D. student in History, Historical Russistics Doctoral Programme, Department of Eastern and Central European History and Historical Russistics, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University (Hungary, Budapest, 1088 Múzeum krt. 6–8.).

E-mail: bencze.andris@gmail.com

DOI: 10.38210/RUSTUDH.2020.2.8

2013-ban, hét évvel ezelőtt egy új folyóiratot alapítottak Oroszországban, amelyet Quaestio Rossica-nak neveztek el. Az alapítóintézmény az Uráli Föderatív Állami Egyetem volt, s szerkesztői is erről az egyetemről kerültek és kerülnek ki mind a mai napig. A Quaestio Rossica magát egy „kritikai, tudományos folyóiratnak” tekinti, amely a bölcsészettudomány különböző diszciplínáinak (kultúr-, művészettörténet, történelem, archeológia, nyelvészet és irodalomtudomány) ad teret Oroszország tanulmányozásában.¹ Az elmúlt hét évben összesen huszonnégy számuk jelent meg, és a Quaestio Rossica Könyvtárban további öt monográfia is napvilágot látott.

Ez már lehetővé teszi, hogy az új évtizedbe lépve számot vessünk, honnan hova jutott a folyóirat. Vajon sikerült teljesíteni azokat a célokat, amelyeket az induláskor kitűztek maguk elé? Jelen tanulmányomban e kérdésre keresem a választ, s egyben bemutatom a Quaestio Rossica elmúlt hét évét.

I. CÉLOK ÉS FELÉPÍTÉS

A folyóirat megalapításakor a szerkesztőbizottság öt tagból állt. A főszerkesztő Francine-Dominique Liechtenhan volt, aki egészen 2019-ig töltötte be ezt a pozíciót. A felelős szerkesztők Dmitrij Alekszejevics Regyin és Larisza Sztjepanovna Szoboljeva voltak. Előbbi a történelemtudományért, míg utóbbi a kulturológiáért és a filológiáért felelős. A recenziók Marija Arkagyjevna Litovszkajához tartoztak, míg a felelős szerkesztő pozíciót Ruszta Talgatovics Ganyiev töltötte be. Többek között az ő munkásságuknak köszönhető, hogy 2013-ban létrejöhett a folyóirat.

A Quaestio Rossica létrehozásánál az egyik legfontosabb célkitűzés egy nemzetközi platform létrehozása volt a bölcsészettudomány széleskörű problémáit kutató szakemberek számára. A név megválasztása is részben ezt tükrözi. A Quaestio Rossica „egy sokjelentésű tartalom – Oroszország kérdései, kutatásai, felfedezése.”² Liechtenhan úgy fogalmaz erről az első szám bevezetőjében, hogy a folyóirat egy új jelenség a tudományos folyóirat piacon, amelynek az első számú feladata, hogy megszilárdítsa a kapcsolatokat az Oroszország történetével és kultúrájával foglalkozó oroszországi

1 „Impresszum”, *Quaestio Rossica*, no. 1 (2013). URL: <https://qr.urfu.ru/ojs/index.php/qr/issue/view/94/60> (Hozzáférés: 2020.február 08.). 3.

2 „многозначный смысл – вопросы, исследования, открытие России”, О нас, концепция журнала, *Quaestio Rossica* <https://qr.urfu.ru/ojs/index.php/qr/about> (Hozzáférés: 2020. február 09.)

és külföldi kutatók között. Ezzel próbálják integrálni a ruszisták családjába a szerzők új generációját, továbbá fel kívánják kelteni a szakma figyelmét a regionális kutatóközpontok iránt, amelyek kívül esnek Oroszország akadémiai és egyetemi központjai „hivatalos” hierarchiáján. A lap deklaráltan interdiszciplináris kiadvány: nemcsak a történészeknek, hanem a filológusoknak, kulturológusoknak, művészettörténészeknek is teret szándékozik adni. Szintén feladatuknak tekintik eddig kiadatlan források publikálását és egyes elfelejtett, vagy nem eléggé megbecsült kutatók „rehabilitálását” a szovjet időkből. Liechtenhan bevezetője végén hangsúlyozta, hogy a folyóiratnak kiemelten fontos feladata az európai, amerikai, ázsiai ruszista iskolák összehasonlítása az orosz tudományos tendenciákkal és folyamatokkal.³

A lapszámokat a szerkesztők latin nevű rovatokra osztották fel: Problema voluminis, Disputatio és a Conceptus et conceptio, Origines, Hereditas nomina et schole, Scientia et vita, Dialogus, illetve Controversia et recensiones. A bölcsészettudományok történetével kapcsolatosan a „Hereditas: nomina et scholae” c. rovatban lehet publikálni. A „Scientia et vita” ismert kutatók életét szeretné bemutatni, velük kapcsolatos visszaemlékezésekkel, elbeszélésekkel. A „Controversiae et recensiones” a bölcsészettudományok közti párbeszédben játszik fontos szerepet, amelyben monográfiák, tanulmánykötetek vagy éppen tudományos projektek ismertetéseit találhatjuk meg.

II. A FOLYÓIRAT EDDIGI TEVÉKENYSÉGE

A Quaestio Rossica 2013 óta jelenik meg: az első évben ugyan csak egy lapszámmal jelentkezett, de 2014-ben már hárommal, 2015 óta pedig évente négygyel. Eddigi működése során közel 500 cikket publikált, ezeknek közel 73%-a orosz nyelvű, 20%-a angol, 3,5%-a francia, vagy német nyelvű írás. Átlagban 18 cikket publikáltak egy számban. Fiatalfolyóirat lévén, ez dicséretre méltó mennyiség, figyelembe véve, hogy például a „Novaja i Novejszaja Isztoria” is nagyjából ennyit szokott közölni.⁴

3 F. D. Liechtenhan, Préface de l'éditeur, *Quaestio Rossica*, no. 1 (2013): 7–9. URL: <https://qr.urfu.ru/ojs/index.php/qr/issue/view/94/60> (Hozzáférés: 2020. február 09.)

4 Megjegyzendő ugyanakkor, hogy a fent említett folyóiratnak évente nem négy, hanem hat száma jelenik meg.

Oroszországi tudományos lapként érthető, hogy az orosz nyelvű tanulmányok dominálnak, ahogyan az angol nyelv elsőbbsége is a német és francia előtt. Véleményem szerint mégis figyelemre méltó, hogy – amint láttuk –, a cikkek közel 20%-a angol nyelvű, illetve az is, hogy nem volt olyan szám, amely ne tartalmazott volna idegennyelvű írást.

Érdemes megvizsgálnunk a Scimago Journal & Country Rank oldalát, mivel a Quaestio Rossica maga is erre hivatkozik. Eszerint 2014 és 2018 között egy igen jelentős, pozitív „minőségi növekedésen” ment keresztül. 2014-ben a filológiai tanulmányok még a legrosszabb, Q4-es besorolást kapták, de a történelemmel, a kulturológiával, vagy a művészettörténettel foglalkozó írások is csupán a Q3-as szintet érték el. 2018-ra a filológiai és kulturológiai témájú publikációk már Q2-be, míg a történeti, művészettörténeti és irodalmi cikkek Q1-be kerültek.⁵

Szignifikáns ugyanakkor az idézések száma is, ami tudománymetriai szempontból markánsan mutatja egy-egy folyóirat minőségét, jelentőségét. Az idézett dokumentumok mennyisége 2014 és 2019 között 13-ról 200-ra ugrott. A 2016-os évben volt eddig a legkevesebb olyan cikk, amelyet idéztek, ezt követi a 2015-ös, 2014-es, 2017-es, végül pedig a 2018-as év.

Az „elibrary” statisztikai adatsora szerint 2019-ig összesen 498 cikk született és huszonnégy szám jelent meg. Ugyanitt azt is kiemelik, hogy a RINC-ben⁶ eddig 656 hivatkozás található a lappal kapcsolatosan. Fontos megemlíteni, hogy a SCIENCE INDEX alapján 2019-ben a 718. helyet foglalta el a Quaestio Rossica az összes tudományos folyóiratot figyelembe véve, míg a történelmi témájúak között már a 12. volt Oroszországban. A folyóirat fejlődése látványos és megkérdőjelezhetetlen, ami jól tükröződik abban, hogy az alapítást követő második évben az említett ranglistán még csak az 1875. helyet foglalta el. Az idő folyamán egyre több és több szerző publikált a folyóiratban, 2013-ban csupán 12-en, míg 2019-ben már 91-en. Ezen számokba beleértendőek mind a régi, mind pedig az új szerzők, akik száma évről évre nő. 2013-ban még csak tizenketten voltak, de a 2019-es évben már 66-an. A folyóirat a cikkek megtekintését és letöltését tekintve is pozitív mutatókkal rendelkezik. A 2013-as számot eddig összesen 213-an nézték meg, míg a 2019-ben a lapnak már 12 066 megnyitása volt, ami közel 57-szeres növekedést jelent. Ugyanezen két évben először 54-szer, majd

5 Quartiles, *Scimago Journal & Country Rank*. URL: <https://www.scimagojr.com/journalsearch.php?q=21100821147&tip=sid&exact=no> (Hozzáférés: 2020. február 17.)

6 RINC, oroszul РИНЦ, egy abbreviatúra, aminek a jelentése Российский индекс научного цитирования, azaz a tudományos idézés oroszországi indexe.

1094-szer töltöttek le az említett rendszerben cikkeket, ami 20-szoros növekedést mutat.

Az elmúlt időszakban mindegyik lapnak volt egy vezető témája.⁷ A legelső, bevezető tanulmányt Dmitrij Regyin írta „Átmeneti időszakok, a történelmi tudás hatalma és dialektikája: kulturális-szemiotikai olvasat” címmel.⁸ Ebben párhuzamot von I. Péter időszaka és a mai között, amennyiben a történelemnek a hatalom szempontjából van egy legitimációs funkciója. Szintén szót ejt a történelemtankönyvekről és az új orosz állami „tankönyvi minimumról”, ahogyan azt a magyar kollégái is megtették 2014-ben.⁹ Megállapítja, hogy az államhatalomnak joga van egyes tankönyveket előnyben részesíteni, mivel „az oktatási rendszer – állami”. Ugyanakkor D.A. Regyin szerint, még ha joga is van arra, hogy egyetlen tankönyvet engedélyezzen az állam, ezt csak akkor teheti, ha az a könyv valóban szakszerűen lett megírva.¹⁰ Sőt, a végén kimondja a talán legnagyobb igazságot, és nem csak az orosz, de a magyar történelemoktatással kapcsolatosan is: „Nem azok [ti. tankönyvek] formálják a kritikai gondolkozást, a patriotizmus [...] érzését, hanem az ember, a tanár”.¹¹

A 2014. év első száma a háború kulturális emlékezetével foglalkozott. A lap különlegessége a magyar olvasó számára, hogy első magyarként megjelent Szvák Gyula írása is a magyar ruszisztikáról. A szerző bemutatja a hazai ruszisztika történetét a kezdetektől napjainkig. Külön kitér kollégáira és tanítványaira, így az (orosz) olvasó betekintést nyert egy külföldi ruszisztikai társaság munkásságába, eredményeibe.¹²

A második számban egy érdekes várostörténeti munkát olvashatunk.¹³ Amelyben a szerző Mangazeja városát mutatja be, az oroszok és a helyi

7 A lap témájának a Problema volumnis rovat tartalmát vettem, mivel a borítón ez mindig megjelent, mint az aktuális szám fő kérdése. Ugyanakkor előfordult nem egy, hanem két, vagy három ilyen téma is bekerülhetett a ebbe a rovatba.

8 Д.А. Редни, «Переходные эпохи, власть и диалектика исторического знания: культурно-семиотическое прочтение», *Quaestio Rossica* № 1 (2013): 43–52. URL: <https://qr.urfu.ru/ojs/index.php/qr/issue/view/94/60> (Hozzáférés: 2020. március 3.)

9 Szvák Gyula (szerk), *Vita az új orosz történeti koncepcióról* (Budapest: Russica Pannonica, 2014).

10 „Переходные эпохи, власть и дидактика исторического знания: культурно-семиотическое прочтение” 49.

11 Уо, 50.

12 Дюла Свак, Будапештская школа россиеведения: итоги и перспективы, *Quaestio Rossica* № 1 (2014): 241–260. URL: <https://qr.urfu.ru/ojs/index.php/qr/issue/view/101/66> (Hozzáférés: 2020. március 03).

13 Серджо Бертолисси, «Вольный город в России XVII. в.: Мангазея на реке Таз (1601–1672)», *Quaestio Rossica* № 2 (2014). 252. URL: <https://qr.urfu.ru/ojs/index.php/qr/issue/view/120/83> (Hozzáférés: 2020. március 03).

lakosok kapcsolatát, illetve a helyi és az állami hatalom megosztását. A várost, a gazdaságát tekintve, Velikij Novgoroddal hasonlítja össze a szerző. Kiderül, hogy a települést a XVII. században alapították, s hogy hamar városi rangot kapott.¹⁴ V. M. Maszalszkim még az 1600-as évben érte el a Taz-folyó vidékét, s már 1601-ben létrehozott egy erődöt, egész pontosan egy osztrog-ot.¹⁵ A „Szmuta” időszakában a város kulcsszerepet játszott a szibériai orosz kolonizációban. Fontosságát jól jelzi, hogy a megalapítása után pár évvel már Mangazeja feladata lett a helyi lakosságtól beszédni a jaszakot. Sőt, még I. Jakab angol király is szeretett volna itt kiépíteni egy gazdasági központot országá számára.¹⁶

A következő év első lapszámának egyik fő témája a a külföldiek és Oroszország kapcsolata volt. Klaus Steinke August von Kotzebue-t mutatja be, aki a XIX. század elején megjárta Szibériát is.¹⁷ A cikk első felében a drámaíró-költő életét és műveit ismerteti a szerző, majd a második részben Kotzebue egyik művének Tobolszk városáról írt részeit.¹⁸ Fontos kiemelni, hogy szemben más nyugat-európai szerzőkkel, Kotzebue-nak nem állt szándékában Oroszországot negatív színben feltüntetni. Írása középpontjában Tobolszk városa áll, mivel „ez volt az első város, amelyben több-kevesebb időt töltött el, s ahol megszerezhetette és feldolgozhatta az első benyomásait”.¹⁹ Beszámol a helyi piacról, ahol sok importáru található mind Európából, mind pedig Kínából. A német drámaíró fontosságát Klaus Steinke abban látja, hogy „Kotzebeu-ra nemcsak a Szibéria-kép értelmezésének jó példajaként, hanem a német–orosz kulturális kapcsolatok fejlesztése aktív úttörőjeként is lehet tekinteni”.²⁰

14 Uo, 253-254.

15 A tanulmány szerzője maga később el is magyarázza mi a különbség a gorod és osztrog között. Három fontos eltérést állapít meg: 1) védőfalak jelenléte az erődön belül, 2) a lakosok többsége a városfalon belül él és 3) a városban található a terület adminisztratív központja. (Uo, 254.)

16 Uo, 256-257.

17 Клаус Штайнке, «Записки Августа фон Коцебу о Тобольске начала XIX. века: к восприятию Сибири немцами», *Quaestio Rossica* № 1 (2015), 71-83 <https://qr.urfu.ru/ojs/index.php/qr/issue/view/145/104> (Hozzáférés: 2020. március 10). (Továbbiakban: Kotzebue)

18 Kotzebue írását többször is kiadták oroszul, utoljára, ahogy a szerző írja, 2001-ben: Коцебу, А. фон. Достопамятный год моей жизни: воспоминания, (Москва: Аграф, 2011).

19 Eredeti idézet: „был первым городом в котором он остановился на более или менее долгое время, где мог собрать и переработать основательные впечатления...” In.: Uo. 77.

20 Eredeti idézet: „Коцебу можно назвать не только хорошим примером объективизации образа Сибири у немцев, но и активным первопроходцем в разумном развитии немецко-российского культурного обмена.” Uo, 81.

A folyóiratban a megfogalmazott alapelveknek megfelelően más bölcsészettudományi diszciplínák is teret kapnak. A 2015-ös év második számának egyik témája „Az ösztönök ábrázolása Oroszország művészi kultúrájában” volt.²¹ A harmadik számban újra megjelent a helytörténet, de már szélesebb kontextusban. Olga Jermakova a jekatyerinburgi brit–orosz együttműködést mutatja be az Urál térségében – különös tekintettel a krími háború időszakra. Munkájához hivatalos, ügykezelési dokumentumokat, illetve okiratokat használt fel. A szerző kitér az orosz–angol technikai együttműködésre, ami például az Urálban is tapasztalható volt. A XIX. század második felének legelején egy hajóépítő-brigád dolgozott az uráli gyárakban James Carrom vezetésével. Ebben az időszakban rengeteg szakembert hívtak be Oroszországba Angliából, hogy segítsenek. Érdekes megállapítást tesz Olga Jermakova arról, hogy a közelgő krími háború miatt ugyan megromlott az angol szakemberek kapcsolata a helyiekkel, ennek ellenére mégis folytatódtak a munkák.²²

2016 első számában egy remek művészettörténeti írást olvashatunk Jermak atamán zászlójáról. A szerző, Arszenyij Petrov célja az volt, hogy bebizonyítsa, a Kreml fegyvertárában őrzött zászló valójában a XVII. században készült, nem pedig, ahogy sokan állítják, a XIX. században. Cikkében kísérletet tett továbbá arra, hogy megállapítsa a zászló készítésének pontos helyét. A korabeli évkönyvek a pravoszlávia terjesztéseként írták le Jermak hadjáratát. Egy közel kortárs „történész”, Szemjon Remezov szerint is egy keresztes hadjáratról lehetett szó. Részben ez volt az oka annak, hogy Jermakot egyfajta vallási „misztikum” vette körül a XVII–XVIII. században, aminek következtében vallási relikviák is kapcsolódtak hozzá, többek között Jermak zászlaja.²³ A kozák atamánnak több lobogója is volt, amelyek közül egyes darabok mára már elvesztek, ugyanakkor három biztosan fennmaradt a már említett fegyvertárban. A szerző elsősorban ezekre építi fel tanulmányát. Legelőször ikonográfiai szempontokat vizsgál, s megállapítja, hogy a zászló hagyományőrző. A motívumai bizánci hatásokat mutatnak (a XV. század elején voltak hasonlóak), amelyek még Jermak kora előtt érkezhettek

21 Образы стихий в художественной культуре России, *Quaestio Rossica* № 2 (2015). URL: <https://qr.urfu.ru/ojs/index.php/qr/issue/view/153/111> (Hozzáférés: 2020. március 06.)

22 Ольга Ермакова, «Противники или союзники? Крымская война и британско-российское техническое сотрудничество на Урале», *Quaestio Rossica* № 3 (2015) 66–78. URL: <https://qr.urfu.ru/ojs/index.php/qr/issue/view/163/124> (Hozzáférés: 2020. március 8.)

23 Арсений Петров, «Знамя Ермака» из собрания Оружейной палаты: легенда и факты», *Quaestio Rossica* № 1 (2016) 158–159. URL: <https://qr.urfu.ru/ojs/index.php/qr/article/view/147/2947> (Hozzáférés: 2020. március 10.)

a térségbe. Ugyanakkor az ehhez hasonló motívumokat hordozó oroszországi zászlók közül a legkorábbi a XVII. század elejéről származik. Ezért állítja, hogy ikonográfiai szempontokat figyelembe véve túlságosan hosszú időszakról van szó, így nem lehet ezt a fajta megközelítést használni. Helyette stilsztikai elemzéssel próbálkozik.²⁴ Ez alapján A. Petrov nagyjából a XVII. és XVIII. század fordulójára teszi a zászló keletkezését, mivel több hasonló motívumot talált a kortárs évkönyvekben és más művészeti alkotásokban. Ezt a tényt erősíti továbbá, hogy a XVII. század végén már többször írtak a zászló megjelenéséről egyes szibériai városokban.²⁵

A 2016. év második, kifejezetten interdiszciplináris számának. Az egyik fő témája az orosz művészet és a politika kapcsolata volt. Ennek keretében megjelenik többek között Szverdlov „ikonográfiája” is.²⁶ Wim Coudenys cikke a XVIII. századi fordítók és a historiográfia mint tudomány fejlődését mutatja be Oroszországban.²⁷ Az írást több kisebb fejezetre osztotta a szerző, amelyek közül az első egy igen fontos, és gyakran felmerülő kérdést vetett fel: lehetséges-e, hogy a külföldiek megértsék az orosz történelmet? A szerző szerint ugyanis gyakran találkozhatunk az orosz történetírásban azzal a vélekedéssel, hogy Gottlieb Siegfried Bayeren és Gerhard Friedrich Mülleren²⁸ kívül mindenki lekicsinyli Oroszországot.²⁹ Ezt követően a szerző olyan témákról ír, mint „orosz történészek – idegenek a saját országukban”, vagy hogyan „került külföldre” az orosz történelem? A cikkben elsősorban a fordítók és történészek viszonyáról olvashatunk, ennek a viszonynak a fejlődéséről.

A 2016-os évfjázat negyedik száma szinte teljes egészében szakít a történelmi tematikával. A *Problema Volumnis* az orosz aranykor Magyarországon talán legismertebb drámírójával, Csehovval foglalkozik. Fontos megjegyezni, hogy ezt is tudományágakon átívelően teszi. Először Csehov utazását

24 Uo, 161.

25 Uo, 163–164.

26 Евгений Алексеев, Евгений Бурденков «Иконография» Товарища Андрея (Якова Свердлова) и механизм советского мифотворчества», *Quaestio Rossica* № 2 (2016). URL:<https://qr.ufrfu.ru/ojs/index.php/qr/issue/view/188/141> (Hozzáférés: 2020. március 8.) 45–80.

27 Вим Куденис, «Переводчики XVIII в. и становление историографии как науки в России», Uo, 209–233.

28 G. S. Bayer (1694–1738) és G. F. Müller (1705–1783) német származású történészek, akik később a Pétervári Akadémia tagjai lettek. Előbbi az orosz középkorral foglalkozott, míg utóbbi részt vett a második kamcsatkai expedícióban is.

29 Вим Куденис, «Переводчики XVIII в. и становление историографии как науки в России», 211.

mutatja be, majd ezt követően Szahalin c. könyvét elemzi le, végezetül az említett tájegység hatását Csehov munkásságára.³⁰

A Quaestio Rossica eddigi történetében nehéz olyan tematikus lapot találni, amely kifejezetten egy esemény évfordulóján jelent volna meg. Meg kell jegyezni viszont, hogy minden egyes számnak megvolt a maga vezető témája, de nem általában egy történelmi eseménnyel kapcsolatosan. Sokkal inkább a nagyobb, átfogóbb témák kerültek eddig bemutatásra, mint például: külföldiek Oroszországban, a Kijevi Rusz kulturális öröksége vagy a démonok és szörnyek az orosz kultúrában. Ez alól kivétel a 2017-es év harmadik lapszáma, amelynek fő témája az 1917-es orosz forradalom volt. Magyarítani talán nem is kell ennek az okát. Az említett részben elsősorban történeti munkákat találhatunk, ugyanakkor ezek széles palettán helyezkednek el. Szó esik a geopolitikáról,³¹ a nők helyzetéről,³² gazdaságtörténelemlről,³³ stb. Új forrás bemutatására is sor került az Origines rovatban. Nyikolaj Baranov egy német tiszt visszaemlékezéseit tárja elének az első világháborúval és az orosz forradalommal kapcsolatban.³⁴ A forradalom fontosságát jelzi, hogy még a 2017-es év egy másik számában is külön fejezetet szentelnek neki, igaz ott már más kérdéskör is megjelenik.

Venyiamin Alekszejev, Konsztantyin Zubkov és Igor Poberezsnyikov nagyszabású közös írása Oroszország nagy változásairól szól a civilizációs és geopolitikai dimenziókban.³⁵ A szerzők szerint Oroszországra új, globális kihívások várnak, ezért tartották fontosnak, hogy megvizsgálják, milyen kihívásokkal találkozott az orosz állam az újkor időszakában, illetve milyen hatások érték az országot, elsősorban a modernizáció kérdéskörében. Először a „kihívás” fogalmát definiálják egy brit történész értelmezése alapján. Ezt követően Oroszország sajátos helyzetét mutatják be. Eszerint

30 Остров Сахалина Антона Чехова, *Quaestio Rossica* № 4 (2016). URL: <https://qr.urfu.ru/ojs/index.php/qr/issue/view/203/155> 49–93. (Hozzáférés: 2020. március 8.)

31 В. Алексеев. К. Зубков, И. Побережников, «Большие вызовы в истории имперской России: цивилизационное и геополитическое измерение» *Quaestio Rossica* № 3 (2017): 619–634. URL: <https://qr.urfu.ru/ojs/index.php/qr/issue/view/240/177> (Hozzáférés: 2020. március 10)

32 Джордж Гилберт, «Женщины, национализм и российские правые организации (1905–1917), 656–674, Уо.

33 С. Нефедов, «Продовольственный кризис в Петрограде накануне Февральской революции», 635–655, Уо.

34 Н. Баранов, «Первая мировая война и Русская революция в воспоминаниях немецкого офицера Вильгельма Вельфинга», 779–806, Уо.

35 В. Алексеев. К. Зубков, И. Побережников, «Большие вызовы в истории имперской России: цивилизационное и геополитическое измерение» *Quaestio Rossica* № 3 (2017): 619–634. URL: <https://qr.urfu.ru/ojs/index.php/qr/issue/view/240/177>

az orosz állam Kelet és Nyugat határán fekszik, ezért mind a két régió hatással volt a fejlődésére. Ez a két hatás nagyban befolyásolta a „kihívásokat”, amelyek széles skálán mozognak, kezdve a természeti kihívásoktól egészen a szociális-politikai kihívásokig.³⁶ Szerintük az orosz civilizációt olyan kifejezésekkel lehet illetni, mint „a nyugati civilizáció fiáléja”, vagy a „keleti típusú civilizáció”, esetleg „híd Nyugat és Kelet között”. Az orosz fejlődés akkor vette kezdetét, mikor a keleti rítusú kereszténységet kezdték el követni a X. században. A későbbi évszázadokban erre az alapra építve fejlődött tovább, miközben a frontiert egyre kijebb tolva hatalmas területeket integrált saját magába. A XVI–XVII. századra vonatkozóan öt kihívást sorolnak fel: a száraz klíma, a kolonizáció, a szomszédos államok támadásai, az állandó belső mozgás és a tatár iga. Egy érdekes megállapítást is átvesznek, miszerint 1368 és 1893 között minden második évre jut csupán egy olyan év, amikor az oroszok nem háborúztak. A nagy történelmi kihívásokhoz sorolják II. Sándor uralkodásának időszakát is, amikor elsősorban technikai-gazdasági, illetve társadalmi-politikai változások történtek.³⁷ Az írásban az orosz modernizációs törekvésekről szintén szó esik, amelyeket három nagy korszakra osztanak fel. Az első időszakot I. (Nagy) Péter nevéhez kötik, ami az orosz felvilágosodás kezdetét jelentette. A második korszak a katalini–sándori modernizáció (a XVIII. századtól egészen a XIX. század elejéig), míg a harmadik a XIX. század vége és a XX. század kezdete.³⁸ A szerzők összességében úgy vélik, hogy a kezdeti agrár jellegű országból egy iparosodott nagyhatalom született.³⁹

A lapszámokon átívelő téma nem kizárólag az orosz forradalom esetében jelenik meg. Nagy Péter második európai utazásának története szintén többször előfordul. D.A. Regyin a 2017-es év második számában erről az utazásról írt Pjotr Pavlovics Safirov báró levelei alapján, amelyeket Alekszandr Danyilovics Mensikov hercegnek címzett.⁴⁰ A cikket két nagy részre lehet osztani: az első fele a bevezető és a levelek bemutatása. Itt ír P.P. Safirovról, illetve a levelek sorsáról. Mint megtudjuk, eredeti változatban nem maradtak fenn a források, mivel egy 1737. május 29-ei tűzvész alatt

36 Uo.621–622.

37 Uo. 623–625.

38 Uo. 626.

39 Uo. 626.

40 Д.А. Редни, «Второе путешествие Петра Первого в Европу в письмах барона П. П. Шафирова князю А. Д. Меншикову (1716-1717)», *Quaestio Rossica* № 2 (2017), 471–502.

elégtek. Másolatban viszont mind a mai napig elérhetőek, a szerző is ezeket használta fel.⁴¹ A tanulmány második felében e leveleket közli az olvasóval.

Külön említésre méltó a 2018-as évfolyam második száma. Ugyan megmarad a történelemtudomány keretén belül, de mindeközben az aktuálpolitikára is reflektál. „Oroszország és Ukrajna: az állam- és nemzetépítés ellentmondásos tapasztalata” címmel olyan témák kerülnek bemutatásra, mint például a Kis Oroszország feletti kontrol a XVII. század második felében, vagy „Mit lehet tenni Ukrajnával: Sztanyiszlav Lescsinszkij és Mazepa hetman 1705-ben”.⁴²

A 2016-os évtől kezdve minden lapszám végén külön bemutatják az adott kötet szerzőit. Ezt megvizsgálva láthatjuk, mennyire sokszínű a folyóiratban publikáló tudósok közössége. Oroszországon kívül írtak a folyóiratba Belgiumból (Wim Coudenys, Emmanuel Waegemans), Németországból (Troebst Schtefan, Müller Steven), Izraelből (Kaminsky Valery, Lapidus Rina), Ausztráliából (Lagerberg Robert, McGregor Andrew), az Amerikai Egyesült Államokból (Moch Leslie Page, Binney Matthew), Olaszországból (Caroli Dorena, Basile Giovanni Maniscalco), Bulgáriából (Vacheva Angelina), Franciaországból (Le Goff Armelle, Mézin Anne), Nagy-Britanniából (Harris James, Zorin Andrei), Lengyelországból (Bednarz Piotr, Gadowski Aleksander), Svájcban (Amacher Korine, Morard Annick), Ukrajnából (Milchev Vladimir), Kazahsztánból (Kotlyarova Tatyana), Kanadából (Yelchych Serhy, Stepenberg Maia), Csehországból (Tomashkova Elena), az Egyesült Arab Emírátsúkból (Korchmina Elena), Ausztriából (Schwarcz Iskra), Kínából (Liu Juan, Gong Lei), Szlovákiából (Grominová Andrea) és természetesen Magyarországról is (Szvák Gyula, Krausz Tamás).

Egy térképre felrajzolva azt láthatjuk, hogy a folyóiratnak elsősorban európai kapcsolatai vannak, ezt követően a legtöbb külföldi Amerikából (Egyesült Államok), majd végül Ázsiából (Kína és Japán) írt a periodikába. Európában közel 50 várost találunk, ahonnan akár többen is publikáltak egy-egy cikket a Quaestio Rossicában. Ezek közül a legtöbbet Párizsból, de a városok összességében Németország foglalja el az első helyet. Nem feltétlenül egyetemekről és akadémiai intézményekből írtak cikkeket,

41 Uo., 473.

42 Россия и Украина: противоречивый опыт государственного и национального строительства, *Quaestio Rossica* № 2 (2018). URL: <https://qr.ufr.u/qr/ojs/index.php/qr/issue/view/306/227-329-438> (Hozzáférés: 2020. március 22).

vannak úgynevezett „független kutatók” is, mind Európában, mind pedig Amerikában. Utóbbi esetre jó példa Cheney városa Washington államból.⁴³

1. ábra

A Quaestio Rossicában publikált külföldi szerzők megoszlása országokra bontva

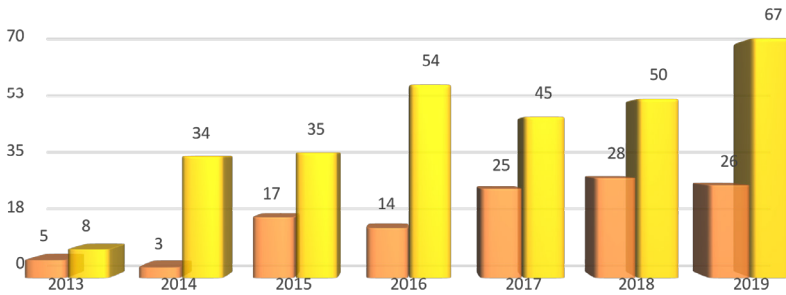
Megjegyzés: A térképért és a városok pontos nevéért ld. részletesebben a térképet a 43. látványzatban megadott linken.

Érdeemes még azt is megvizsgálni, hogy Oroszország belül hogy oszlanak meg a szerzők, mennyire uralkodó Szentpétervár és Moszkva, illetve mekkora teret tudtak végül biztosítani a „vidéki” szerzők számára. Értelemszerűen a jekatyerinburgi szerzők dominálnak minden egyes évben. Őket egybeszámoltam a moszkvai és pétérvári szerzőkkel. Így a következő diagramot kapjuk, ahol a sárga szín jelenti az előbbi három városból származó szerzőket, míg a piros az összes többi orosz városban lévő:

⁴³ *Quaestio Rossica*:

https://www.google.com/maps/d/viewer?mid=1Y39P5xMNAbQip_ajNfpgwV4PcnQrFmLz&ll=48.871429312742556%2C20.290894099999999&z=4

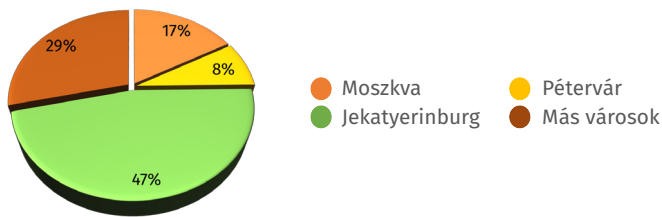

2. ábra

Az oroszországi szerzők aránya 2013 és 2019 között

Annak ellenére, hogy minden évben a sárga oszlop dominál, mégis jelentős a többi városokból származó tudósok száma. (Hiszen a sárgába szín a jekatyerinburgi szerzőket is jelöli.) Amennyiben őket kivesszük, Szentpétervár és Moszkva egyáltalán nem dominál. A vidéki városok közül a legtöbb szerzővel Novoszibirszk rendelkezik, de voltak kutatók Tverből, Nyizsnyij Novgorodból, Szamarából, Tomszkból, Tyumenyből, Cseljabinszkból, Volgográdból stb. is. A vidéki szerzők nagyszámú jelenlétét támasztja alá a fenti kördiagram is. Ebben jól látható, hogy ha külön vesszük Jekatyerinburg városát, a nem pétervári és moszkvai szerzők összességében már többet tesznek ki, mint a másik két város szerzői.

3. ábra

Az oroszországi szerzők százalékos megoszlása 2013 és 2019 között

A külföldi szerzők száma százalékos arányban ugyan eltörpül a hazai szerzőkétől (23–77%), minden egyes évre lebontva mégis jól látható, hogy a Quaesto Rossica nagy teret ad a külföldiek számára is. 2013-ban a nem orosz szerzők 36%-ot, 2014-ben 35%-ot, 2015-ben 28%-ot, 2016-ban és 2017-ben 18%-ot, 2018-ban 28%-ot, míg 2019-ben 17%-ot tettek ki.

III. ÖSSZEGRÉS

Zárásképpen az említett példák alapján nézzük meg, mennyire sikerült megvalósítani a folyóiratnak a kezdeti célokat. Ugyan csak pár éve jelent meg a tudományos „piacon”, de sok külföldi is publikálni kezdett a folyóiratban. Ezáltal azon elképzelés, hogy összekötő kapocs legyen a különböző nemzetiségű ruszisták között, sikeresen megvalósult. Szintén véghez tudták vinni, hogy nem kizárólag a történelemtudományhoz kapcsolódó írások jelennek meg. Láthattunk példát irodalomtudományra, nyelvészetre is, de a kultúra további szegmensei számára szintén teret adtak az eddigi lapszámok.

A nemzetközivé válás egyik fontos kritériuma, hogy minél többen és minél szélesebb körben hivatkozzanak a folyóirat különböző tanulmányaira, amit kétségtelenül sikerült elérnie a *Questio Rossicának*. Másik fontos szempont, hogy minél több idegen nyelvű publikáció jelenjen meg. Összesen négy nyelven lehet publikálni: németül, franciául, angolul és természetesen oroszul. Az előbbiekhöz kapcsolódik, hogy hány külföldi kutató publikált már a folyóiratban. Ahogy fentebb láttuk, Oroszországon kívül tizenkilenc állam tudósai írtak már legalább egy cikket a *Quaestio Rossicában*.

A folyóirat a források esetében is sikeresen teljesítette a tervezetteket. Külön rovatot hoztak létre a forrásközlésekre, illetve a tanulmányok is elsősorban eddig kiadatlan dokumentumokra hivatkoznak.

Legvégül ki kell emelni, hogy habár ilyen deklarált céljuk nem volt, de szakítottak a hagyományos, elavult politikatörténeti megközelítéssel. Vannak természetesen ilyen jellegű munkák is, ám ezen felül megjelenik többek között a nőtörténet, a város/helytörténet, a kultúrtörténet, a vallás/eszmetörténet és a gazdaság- és társadalomtörténet is.

A *Questio Rossica* egy nemzetközi színvonalú, korszerű szemléletű, az egyetemes ruszisztika számára inspiráló tanulmányokat tartalmazó, és külső megjelenésében is vonzó folyóirat, amelyet mind a szakma, mind a laikus közönség nagy érdeklődéssel lapozhat.

ЛЕНА ИГАРИ

УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

THE URAL HISTORICAL JOURNAL

The present article gives a review of the *Ural Historical Journal* (*Ural'skii istoricheskii vestnik - UIV*), the scholarly base of which was provided by the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. The *Vestnik* is a peer-reviewed academic periodical, registered in Scopus and ERIH Plus databases. All articles are subject to double-blind peer review. In the overall Science Index rating for 2019 the periodical took 128th place in Russia, while in the rating on the topic "History. Historical sciences" it was ranked second. For a few years following its inception (1994) the journal was published in a single volume per year; later it came out with 2-3 thematic issues annually. From 2007 onwards, it underwent a remarkable renewal and now it is issued on a regular quarterly basis. Each issue of the journal contains a main conceptual topic.

At the Institute a creative research team was formed under the leadership of academic V.V. Alekseev who deals mainly with issues of Russian modernization, and as the first editor-in-chief he shaped the scientific work of the *Ural Historical Journal* until 2013. Under the leadership of the next editor-in-chief, A.V. Golovnev, who is head of a series of ethnological and interdisciplinary projects at the Institute, the *Vestnik* also publishes articles dealing with the scientific results of local expeditions as well as ethnographic and archeological research. At the forefront of the scientific interests of the current editor-in-chief, I.V. Poberezhnikov, stand mainly theoretical and methodological issues.

Keywords:

Ural Historical Journal, Ural'skij istoricheskii vestnik, regional historical school, The Institute of History and Archeology of the Ural Branch of RAS, Yekaterinburg, V. V. Alekseev, A. V. Golovnev, I. V. Poberezhnikov

Igari Léna – PhD student, Doctoral Program of Russistics, Doctoral School of History, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University Budapest (Hungary, Budapest, 1088 Múzeum krt. 6–8.).
E-mail: ligari@icloud.com

DOI: 10.38210/RUSTUDH.2020.2.9

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (УрО РАН) выпускает ежеквартальный журнал «Уральский исторический вестник». В этой статье предпринимается попытка представить основные особенности журнала, кратко рассмотреть его историю с раннего периода, и представить основные научные показатели издания.

Каждый выпуск Вестника содержит главную концептуальную тему (например: «литературная традиция», «феномен колонизации», «евразийство»), тему конкретно-исторического или регионального плана, трибуну дискуссий, информационные сводки о публикациях, научных форумах и иных значимых событиях в гильдии историков¹. Все статьи, публикуемые в Вестнике, проходят экспертное рецензирование. Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора исторических наук, в базы данных Scopus и ERIH PLUS.² В общем рейтинге SCIENCE INDEX за 2019 год Вестник занял 128-ое место, в рейтинге по тематике «История. Исторические науки» стоит на 2-ом месте.³

Основные направления научных исследований Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук следующие: теоретическая и конкретно-историческая реконструкция механизмов функционирования и трансформаций геоэкономических, институционально-политических, социокультурных структур в общероссийском и региональном контекстах; разработка теоретических и методических аспектов археологических исследований, изучение культурно-исторических и социальных процессов в древности и средневековье, изучение и сохранение археологического и культурно-исторического наследия народов Евразии. Кроме этого ещё и разработка теоретических и методических аспектов этнологических исследований, реконструкция этнокультурного развития Урала в евразийском и глобальном контексте, изучение межэтнических отношений и актуализация этнокультурного наследия, а также история

1 <http://uralhist.uran.ru/> (Дата обращения: 03 ноября 2020.)

2 Индексирование: Список ВАК, Scopus, Список РИНЦ

3 https://www.elibrary.ru/title_profile.asp?id=9631 (Дата обращения: 03 ноября 2020.)

русской литературы: общенациональные процессы и региональные особенности.⁴

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук является одной из Ведущих научных школ Российской Федерации, где сформировался творческий научный коллектив под руководством академика РАН В. В. Алексеева,⁵ занимающийся в основном вопросами российских модернизаций. Академик — будучи первым главным редактором — определял научную работу Уральского исторического вестника до 2013 г. Хотя, согласно базе данных elibrary.ru, Уральский исторический вестник не является междисциплинарным, он безусловно выходит за рамки жанра «классической» исторической науки, и даже публикаций в области её вспомогательных дисциплин.

Под руководством следующего главного редактора, А. В. Головнёва, руководителя серии этнологических и междисциплинарных проектов Института истории и археологии УрО РАН,⁶ в Вестнике публиковались также статьи, охватывающие сферу лингвистики, археологии, этнологии, этнографии антропологии. Среди авторов кроме историков, археологов, лингвистов появились реставраторы, этнологи, антропологи, литераторы, философы, культурологи, фольклористы, политологи, дизайнеры и представители естественных наук.

В центре научного интереса нынешнего главного редактора И. В. Побережникова стоят в основном теоретические и методологические вопросы, как теории развития и модернизации, социальная история, региональное развитие, история местного управления и самоуправления, традиционная культура, социальные конфликты и менталитет. Он разработал конкретно-проблемную методологию изучения модернизаций в цивилизационно-страновом контексте на макро-, мезо-, микроисторических уровнях; сформулировал теоретико-методологическую модель исследования модернизации в региональном и акторном измерении, концепцию фронтальных модернизаций в России.⁷

4 <http://www.ihist.uran.ru/> (Дата обращения: 03 ноября 2020.)

5 <http://www.ihist.uran.ru/about/science-school-1> (Дата обращения: 06 ноября 2020.)

6 «Культурология самодийских и угорских народов» (1992–94), «Арктическая культурология» (1995–2001), «Этнология и визуальная антропология Северной Евразии» (2002–2005), «Север в этнокультурной истории России» (2003–2005). URL: <http://www.ihist.uran.ru/GolovnevAV> (Дата обращения: 03 ноября 2020.)

7 <http://www.ihist.uran.ru/PoberezhnikovIV> (Дата обращения: 03 ноября 2020.)

И.В. Побережников является не только главным редактором журнала «Уральский исторический вестник», но и директором Института истории и археологии УрО РАН, а также председателем Ученого Совета.

Редакционная коллегия открыта для сообщества исследователей, научных и образовательных центров к сотрудничеству в качестве авторов статей и сообщений, и это отражается на высоком числе авторов: более 80 авторов в год, половина которых являются новыми авторами. Среди авторов журнала можно сосчитать представителей исторической науки многих стран, среди них историки, этнологи, антропологи, археологи, философы ведущих европейских, китайских и американских институтов и вузов.⁸ Все статьи журнала проходят двойное слепое рецензирование.⁹

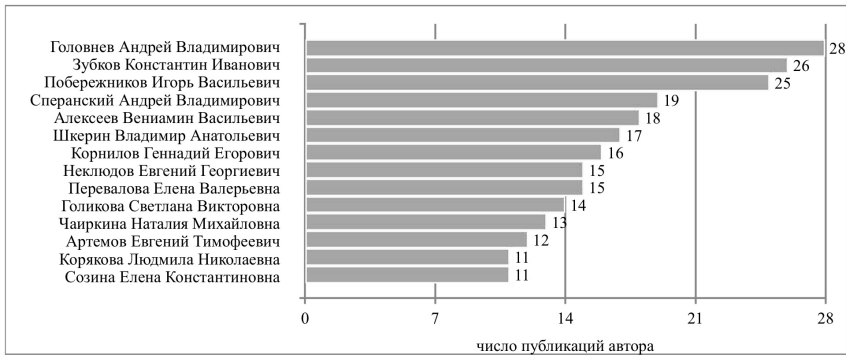

рис. 3. Число статей отдельных авторов появившихся в Вестнике 1994-2019 г.

Рис. №1

Число статей наиболее часто публикуемых авторов

Все выпуски журнала существуют в открытом доступе, а это значит возможность свободной (бесплатной) загрузки полных текстов статей или выпусков издания. Этот факт отражается и на читаемости журнала. Число просмотров статей до 2017-ого года росло ежегодно динамично: после небольшого спада в 2018 году и кратковременной стагнации, как просмотры, так и загрузки статей снова увеличиваются.

8 https://www.elibrary.ru/title_profile.asp?id=9631 (Дата обращения: 03 ноября 2020.)

9 https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9631 (Дата обращения: 03 ноября 2020.)

Рис. №2

статистика просмотров и загрузок

В. В. Алексеев выделяет две главы в истории Института. По его словам, на первом этапе (1988–1999 гг.) «внимание было сосредоточено на истории традиционных отраслей экономики и культуры региона, на исследовании демографических процессов, региональных проблем и на изучении индустриального наследия.» Главной задачей он называет преодоление отживших концепций, современную интерпретацию основополагающих проблем, постановку новых вопросов, переход к более высокому уровню обобщения исторического материала.

В этот период существования Института Исторический вестник издавался ежегодно, главным редактором был В. В. Алексеев. Первый выпуск журнала появился в 94-ом году, в номере были опубликованы 17 статей 14-и авторов. Кроме исследований упомянутых выше историков, труд Л. Г. Захаровой, профессора МГУ («О личном факторе в истории: роль императора Александра II в проведении великих реформ 60-70-х годов XIX века в России»), Д. Н. Альшица (доктор исторических наук, профессор СПб) Б. В. Ананьича (академик РАН, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН) — уже предвещали тот факт, что Вестник будет не только изданием региональной исследовательской группы, но выходя за региональные рамки, он станет привлекательной платформой для публикаций, в том числе и для историков крупнейших отечественных исторических Центров (см. рис. №3).

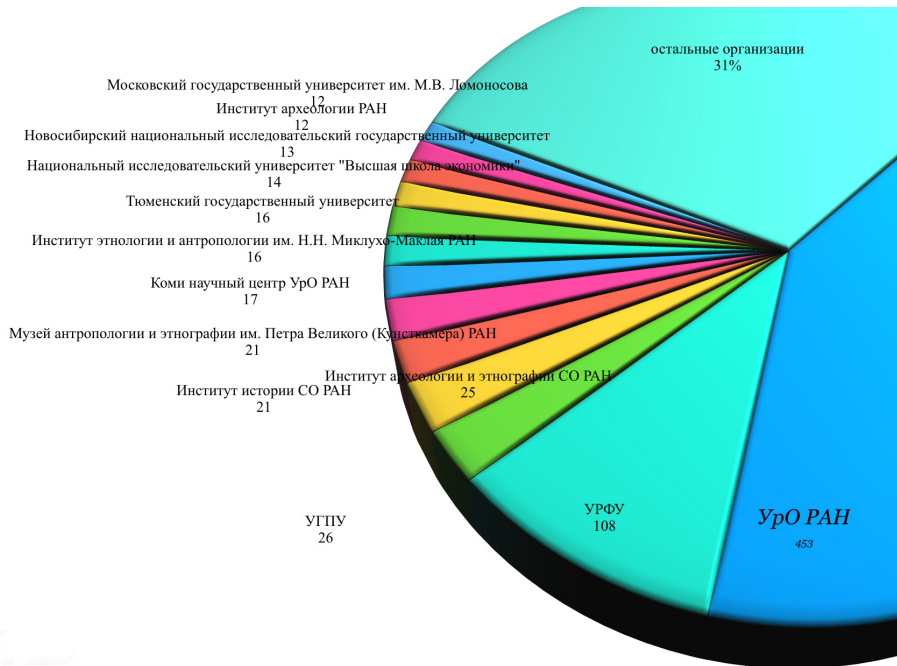

Рис.№3

Распределение публикаций по организациям

Первый выпуск был посвящён 380-летию восстановления российской государственности (1613-1993),¹⁰ вопросам взаимоотношений государства и общества. Особое внимание уделялось личной роли монархов — представителей династии Романовых — в историческом развитии России, а также их судьбам. В номере опубликовались новые документы по истории народной политической культуры, и статья известного английского географа Х.Дж. Маккиндера, излагающая концепцию геополитического положения России (Heartland theory).

Вестник в первые годы его существования выходил ежегодно. Нынешняя структура журнала еще не была характерной для того времени, в таком формате он выходил до 1997 г. Второй выпуск (1995) был посвящен различным аспектам истории культуры: производственной культуре и быту, политико-правовой

¹⁰ Уральский исторический вестник №1. Екатеринбург: УрО РАН, Институт истории и археологии, 1994. ISBN 5-7691-0480-5, ISBN 5-85865-035-X

культуре, просвещению и грамотности.¹¹ В следующем выпуске обсуждались проблемы регионализма, регионального развития и политики, взаимодействия центральных и местных властей, истории институтов управления и общественного самоуправления.¹² Были введены в научный оборот новые документы по истории местного, государственного и вотчинного управления на Урале.¹³

В следующем (№4) выпуске обсуждались проблемы культурных и хозяйственных связей населения Урала и сопредельных территорий. Авторы стремились воссоздать быт и мировосприятие древних уральцев. Выпуск также знакомил с опытом работы археологов-исследователей.¹⁴ В 1998-м и 99-м году журнал вообще не издавался, а в 2000 году появилось 2 номера в одном издании Академкниги, далее он издавался ежегодно до 2005 г.

На втором этапе существования Института истории УрО РАН (2000–2012) на первый план интереса вышли теоретические проблемы, поскольку с отказом от марксизма-ленинизма историческая наука пребывала в теоретико-методологическом вакууме. Именно этим был обусловлен отход от основополагающих проблем, стремление избегать обобщений и практически ориентированных выводов, что — по мнению В. В. Алексеева — привело к падению авторитета исторической науки, которую не спасла и так называемая «архивная революция». Особенно актуальной проблемой оказалась неспособность предложить объективную трактовку российской истории XX в. Академик Алексеев указывает, что Уральская академическая школа историков в этой

11 В статьях Н.А. Миненко, А.М. Сафроновой, И.В. Побережникова, Т.А.Тарабановой, Д.В. Гаврилова, А.В. Бакунина проанализированы различные аспекты культуры российской провинции (преимущественно Урала); этнокультурные взаимодействия, факторы культурного развития, политико-правовая культура, социальные надежды и чаяния традиционных сообществ, развитие просвещения и уровень образования населения, роль и место интеллигенции в политической системе. В статьях А.С. Мыльникова и В.В.Алексеева на основе новых документов пересматриваются старые версии гибели двух российских императоров Петра III и Николая II. В номере помещены также публикации источников по истории, культуре. *Уральский исторический вестник*, №2. (1995)

12 *Уральский исторический вестник* №3.(1996) В. В. Алексеев, Е. Т. Артемов «Регионализм в России: Истоки и перспективы», Н. А. Миненко «Организация управления и самоуправления приписанными крестьянами Урала и западной Сибири (XVIII - Первая Половина XIX в)».

13 см.*Уральский исторический вестник*, №3. (1996) В.А Шкерин «Государственное управление Уральским горнозаводским регионом В XVIII -Первой Половине XIX в.»

14 *Уральский исторический вестник*, №4. (1997)

ситуации нашла выход в том, чтобы «объяснить отечественную историю с позиции цивилизационного своеобразия российских модернизаций, перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному, соотнесения новаций и традиций. На повестку дня вышли факторный анализ и математическое моделирование социальных трансформаций, компаративный подход, предполагающий сопоставление изучаемых процессов в региональном, общероссийском и мировом контекстах, концепция фронтальной модернизации.»¹⁵ Сотрудниками Института был издан ряд фундаментальных исследований и исторических энциклопедий, которые активно цитируются в российских и зарубежных публикациях.

Уральская академическая школа историков в эти годы нашла свой голос: был разработан теоретико-методологический подход на основе синтеза модернизационной и цивилизационной парадигм, проводилось комплексное изучение модернизации в контексте цивилизационной динамики России XVIII–XX вв. Эта тематика отражается и в исследованиях Вестника начала 2000-х лет. Тематический выпуск № 5-6 (2000) был посвящён вопросу «Модернизация: факторы модели развития, последствия изменений». В этом номере первая статья от В. В. Алексеева и И. В. Побережникова «Школа модернизации: эволюция теоретических основ» рассматривает политические и теоретические предпосылки, повлиявшие на истоки модернизационной перспективы. Авторы уделяют особое внимание влиянию эволюционизма и функционализма на разработку парадигмы модернизации. Среди наиболее характерных черт развития исторической школы модернизации авторы выделяют следующие: 1) пересмотр роли и ранга традиционного социокультурного и институционального контекста модернизации в сторону придания ему большего значения по сравнению с предыдущими схемами; 2) переход от достаточно абстрактной теории к рассмотрению конкретных ситуаций; 3) повышенное внимание к конфликтам в ходе модернизации, а также к влиянию внешних или экзогенных факторов на весь процесс; 4) включение в теоретическую модель фактора исторической случайности; 5) акцент на цикличности модернизационного процесса. Среди выводов авторов показаны

15 В. В. Алексеев «Уральская академическая школа историков (К 25-летию основания)» *Уральский исторический вестник* №1(38) (2013): 4–15.

основные направления применения теории модернизации к изучению процесса перехода от традиционного общества к современному.¹⁶

В этом же выпуске была опубликована ещё одна статья В. В. Алексеева: «Модернизация и революция в России: синонимы или антиподы?» — в которой рассматривается взаимодействие модернизации и революции в России XX века. Автор приходит к выводу, что большую часть века оба процесса развивались параллельно и были синонимами, но, к сожалению, историческая наука не признавала их таковыми. Почти столетняя российская революция, не решившая окончательно задачи модернизационного перехода, по мнению автора грозит продолжением и в 21 веке.¹⁷

Номер вышедший в 2001 г. был посвящён методологическим и теоретическим вопросам, как например «Основополагающая тенденция Российской истории XX в.» (В. В. Алексеев), «Социальное изменение в теоретических проекциях» (И. В. Побережников), «Метод демографических циклов» (С. А. Нефедов), «Объяснение российской истории с помощью теории модернизации: pro et contra» (В. В. Алексеев) «Научная революция и модернизация Российского общества» (Е. Т. Артёмов) «Проблемы исторической типологии семьи» (С. В. Голикова) и ещё 9 статей.

Вышедший в 2002 г. №8 был посвящён в основном этнологическим, этнографическим вопросам, и археологии: «Бьярмия: неоконченная сага о Крайней Земле» (А. В. Головнёв), «Войны и миграции северных хантов» (по материалам фольклора) (Е. В. Перевалова) ««Живые» камни (к вопросу о семантике священных мест)» (В. Ф. Кернер), «Почему на птицеведных изображениях появились личины» (В. Д. Викторова), «Медвежья тема в наскальном искусстве Урала» (В. Н. Широков), «Деревянная посуда из торфяниковых памятников Среднего Урала» (С. Н. Погорелов), «Археологическое исследование Шувакишского железодельного завода начала XVIII века» (Е. А. Курлаев), «Кожевенное производство на Ямале (археология и этнография)» (Н. А. Алексащенко).

16 В. В. Алексеев, И. В. Побережников «Школа модернизации: эволюция теоретических основ» *Уральский исторический вестник* № 5–6. (2000): 8–49.

17 «Модернизация и революция в России: синонимы или антиподы?» *Уральский исторический вестник* № 5–6. (2000).

Следующий выпуск был посвящён вопросам регионального развития экономики: обсуждались технико-технологические, социально-демографические, индустриально-управленческие факторы. В центре внимания стояла экономическая история Уральского региона, в частности развитие горнометаллургической промышленности края. В 2004 г. Вестник снова не издавался, однако в 2005 г. вышел двойной выпуск (№10-11), в котором обсуждались проблемы взаимоотношения власти и общества в России. Вопросы рассматривались в теоретико-методологическом, историографическом аспекте, анализировались взаимодействия государства с отдельными социальными слоями, механизмы институционализации взаимоотношений общества с властью, влияние политики на процессы социального развития. В этом же году вышел ещё один выпуск Вестника, (№12) посвящённый истории Ямала. В статьях рассматривается широкий тематический спектр проблем истории региона — в методологическом, историографическом и источниковедческом подходе. Этой же тематике был посвящён и следующий выпуск (№13) 2006 г. но в другом аспекте: историческом, краеведческом, археологическом и этнографическом.

Обновленный Уральский исторический вестник появился с первым выпуском в 2007 году. Институт истории и археологии представил обновленный журнал 8 июня и с тех пор он выходил ежеквартально. Каждый выпуск продолжает строиться вокруг главной концептуальной темы.

Тематический выбор журнала не ограничивается методологическими и теоретическими вопросами. По мере технического прогресса источники становятся все более разнообразными и доступными, поэтому можно заметить, что с 2010-х годов цифровизация науки открыла ранее неизвестные перспективы. Это допускает не только трансфер знания и координацию работы различных зарубежных и отечественных исследовательских групп, но возможность более легкого доступа к историческим источникам, позволяет создавать базы данных в интернете, на основе которых можно изучать процессы и выявлять долгосрочные тенденции. В качестве примера, иллюстрирующего данное утверждение, можно привести статью Е. В. Алексеевой, в которой представлен сетевой информационный ресурс, посвященный взаимосвязям и взаимовлиянию России и Запада в IX – начале XX в, показаны возможные направления его использования. На примере массива диссертаций, защищенных по проблематике «Россия и Запад»

в 2005-2011 гг., выявлены тематические, страновые и хронологические особенности и приоритеты новейших исследований.¹⁸

Аналогичным показательным примером является одна из статей №3 2012 г. о гендерных исследованиях в рубрике «Инструментарий историка в цифровую эпоху». В статье представлена история становления нового научного направления – женских и гендерных исследований в российских науках о прошлом – сквозь призму создания единого информационно-поискового ресурса – базы данных «Женская и гендерная история России, 1800-2010 гг.»¹⁹

Хотя благодаря цифровым технологиям в руках историков оказались новые инструменты, это не сделало менее важными полевые исследования археологов и этнологов. Автор нового концептуального подхода к исследованию культуры как четырехмерной системы, развивающейся в природном и социальном пространстве, А. В. Головнёв, в качестве главного редактора определял тематику Вестника в период 2013-2017 гг. В номерах вышедших в то время на первый план исследований вышли вопросы этнологии, этнографии. Уральская ЭтноЭкспедиция, развернувшая с 2011 г. систематические исследования народов и культур Урала, весь летний полевой сезон 2012 г. работала по программе «Этнокультурное наследие и идентичность». Уральская этноэкспедиция проводила полевые этнографические исследования в различных районах Урала – от Арктики до Великой степи. Основные тематические ракурсы исследований были: Урал как этноперекресток, соотношение традиций и новаций, древние и современные пути и коммуникации, вариации и ситуативность идентичности, культура этнодиалога, этнофото и этнокино.²⁰ Исследователь-полевик с 30-летним стажем экспедиционных работ на Ямале, Таймыре, Гыдане, Северном Урале, Европейском Севере России, Чукотке, в Югре, Якутии, Скандинавии, на Аляске и в других областях Арктики и Субарктики среди ненцев, селькупов, энцев, хантов, манси, коми-зырян, чукчей, эвенков, якутов, сибирских татар, русских поморов,

18 Е. В. Алексеева «Возможности использования сетевого ресурса «Россия и Запад: взаимосвязи и взаимовлияние (IX - начало XX в.)» *Уральский исторический вестник* №3(36). (2012): 103–108.

19 Н. Л. Пушкарёва, А. В. Малашкин «Сводная база данных “Женская и гендерная история России, 1800-2010 гг.” - Свидетельство формирования научного направления» *Уральский исторический вестник* №3(36) (2012): 96–102.

20 А. В. Головнёв «Уральские этнодиалоги» *Уральский исторический вестник* №2(39). (2013): 4–15.

староверов, сибирских старожилов самый плодовитый автор журнала, с его именем связано 28 статей только в Вестнике.²¹

2017 год обещал стать чрезвычайно насыщенным для исторической науки: общественный дискурс был посвящен революциям 1917 года; в этом году в России вышли в свет более 80.000 статей, публикаций, монографий, сборников конференций, касающихся этой темы.²² И всё же первый выпуск 2017-ого года был построен вокруг тематики «Отцы и дети: поколенческая история» — ни в одной статье не упоминалась тема революций.

Следующий выпуск был посвящён теме «Кочевники XXI века» то есть в основном этнографическим исследованиям, среди них статья «Археология Сибири: поиски, проблемы, открытия»²³ — автор статьи академик В. И. Молодин, археолог, первооткрыватель «новосибирской Трои». Российские и германские научные организации осуществили большое количество совместных проектов, в ходе которых были сделаны важные открытия в области археологии: исследования осуществлялись мультидисциплинарно, с привлечением большого количества специалистов естественных наук, что качественно повысило уровень археологических исследований.²⁴

Несложно было предсказать, что к 100-летию революций 1917 года — изменившим облик российского общества навсегда — этой теме должен быть посвящён отдельный тематический выпуск журнала. В статье В. М. Кружинова и З. Н. Соковой «Альтернативные формы политической власти осенью 1917 г.: региональный аспект» — на материалах Урала рассматривается малоисследованная проблема — история органов многопартийной социалистической власти. Выбор источников не ограничивался архивными документами, авторы использовали в том числе материалы региональной периодической печати 1917 г.²⁵ Статья В. В. Устюговой «Массовая развлекательная культура накануне «восстания масс» (Пермь начала XX в.)»²⁶ Рассматривает вопросы

21 http://www.ras.ru/win/db/show_per.asp?P=id-53885.ln-ru.dl-pr-inf.uk-11
(Дата обращения: 03 ноября 2020.)

22 https://www.elibrary.ru/query_results.asp (Дата обращения: 06 ноября 2020.)

23 В. И. Молодин «Археология Сибири: поиски, проблемы, открытия» *Уральский исторический вестник* №3(56). (2017): 145–152.

24 В. И. Молодин «Совместные Российско-германские исследования в Сибири» *Уральский исторический вестник* №3(48). (2015): 70–77.

25 В. М. Кружинов и З. Н. Сокова «Альтернативные формы политической власти осенью 1917 г.: региональный аспект; Уральский исторический вестник» №3(56) (2017).

26 В. В. Устюгова «Массовая развлекательная культура накануне «восстания масс» (Пермь начала XX в.) *Уральский исторический вестник* №3(56) (2017)

появления массовой культуры, и изменением общества с переходом от традиционного к модерному. Автор приходит к выводу, что появляется множество анонимных индивидов, социальных атомов, лишенных связей между собой.

Четвёртый выпуск 2017 года был посвящён теме «Россия XX-XXI вв.: социо-демографические процессы». В первой части этого выпуска обсуждались вопросы модернизации России начиная с имперской эпохи до постсоветской, а вторая часть была посвящена таким социо-демографическим вопросам, как «Численность населения России в годы Второй Мировой Войны (1939-1945)», «Сталинский геноцид(?): этнические депортации населения СССР 1930-40 гг. в оценках современной зарубежной историографии»²⁷ и ещё несколько статей; посвящённых демографическим показателям советской эпохи.

Номер 2018 г. (№1) посвящён вопросам археологии, среди авторов исследований несколько иностранных представителей вспомогательных исторических наук: Гулламет Эудалд,²⁸ Тербергер Томас,²⁹ Хойсснер Карл-Уве,³⁰ Райнхольд Сабина.³¹ В 2014 г. коллективом археологов и специалистов естественных наук из России и Германии было проведено комплексное исследование так называемого Шигирского идола, результаты исследований опубликованы, в том числе, в Вестнике.³² Исследователи пришли к выводу, что предметы из этих регионов показывают: духовный мир и искусство охотников-собираателей начала голоцена были гораздо богаче и сложнее, чем считалось ранее. В следующем номере в центре внимания стояли «Большие вызовы в истории России», такие, как: как «Энергетический вызов имперской России» (В. В. Алексеев), «Евразийский вызов в формировании российской цивилизации» (К. И. Зубков), представлен

27 Н. А. Михалев; «Сталинский геноцид» (?): Этнические депортации населения СССР 1930–1940-х гг. в оценках современной зарубежной историографии» *Уральский исторический вестник* №24(57), (2017)

28 Место работы: Андорра-ла-Велья, Андорра. Должность: реставратор, специалист по консервации и реставрации наскальных изображений и настенной росписи;

29 Департамент по охране культурного наследия федеральной земли Нижняя Саксония (Ганновер, Германия)

30 Германский археологический институт (Берлин, Германия); «Большой Шигирский идол в контексте раннего мезолита Зауралья»

31 Евразийский отдел, Германский археологический институт (Берлин, Германия)

32 С. Н. Савченко, М. Г. Жилин, Т. Томас, Х. Карл-Уве; «Большой Шигирский идол в контексте раннего мезолита Зауралья» *Уральский исторический вестник* №1(58) (2018) doi: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-8-19

своеобразный подход к вопросу модернизации в статье В. В. Керова: противопоставлены способы модернизации Петра I и представителей общества староверов («Православная модернизация vs механическая европеизация: ответ старообрядцев на вызовы истории»)³³. Третий тематический номер посвящён теме «Мобильность и динамика в антропологии и этнологии», а следующий – предмету «Социальные мобилизации в Российской истории».

В 2019 г. первый номер авторы посвятили археологической тематике (Археология образа жизни), а четвёртый исторической памяти (культурно-историческая память в текстах и практиках). Третий выпуск был построен вокруг вопросов границы (Граница и трансграничные взаимодействия в истории) а для завершающего номера 2019 г. тематика, объединяющая весь номер, не указывалась, в то же время публикации собраны в разные рубрики, как Северная Евразия: Археологическое измерение, музей и этничность, этноисследование: значение автора.

Подводя итоги исследования, сравним цели, определенные самой редакцией, с фактами, характерными для журнала, отметив, что в основном они отражают успешность редакционной политики.

1. Цель: «популяризация передовых научных достижений научно-исследовательских организаций гуманитарного профиля Уральского отделения РАН и их вклада в российскую и мировую науку».³⁴ Достижение: в рейтинге Science Index Уральский исторический вестник десятый год подряд стоит на почётных местах от 1 до 10, в 2019 г. на 2-ом. Благодаря открытому доступу в интернете журнал доступен не только подписчикам (тираж 500 экземпляров³⁵), но и заинтересованной общественности (рис. №2).
2. Цель: «содействие интеграционным процессам в научной сфере на междисциплинарном уровне исследований и организация форумов, конференций, семинаров и круглых столов по вопросам координации работы ученых гуманитарного профиля». Исходя из представленных номеров Вестника, можно констатировать, что за счет интеграции различных гуманитарных и естественных наук

33 *Уральский исторический вестник* №2(59) (2018); doi: 10.30759/1728-9718-2018-2(59)-22-29

34 <http://uralhist.uran.ru/about/400/> (Дата обращения: 03 ноября 2020.)

35 По положению 2006 г.

- профиль журнала выходит за рамки исторической тематики, и успешно интегрирует разные ветви науки.
3. Цель: «содействие проведению научно-исследовательских работ, сбору, изучению, анализу различных научных материалов по гуманитарным наукам». Эта цель также была успешно достигнута за счет публикаций представителей различных общественных наук, работ представителей вспомогательных исторических наук, статей этнологов, этнографов, философских и литературных работ.
 4. Цель: «содействие формированию корпоративной культуры научного сообщества». К определению результата этого момента стоит обратить внимание на то, что с самого первого издания журнала все вышедшие номера являются коллективным трудом представителей не только отечественных, но и зарубежных исторических школ, и других организаций. (см. рис. №3)
 5. Цель: «содействие воспитанию молодежи в духе уважения к отечественной культуре, российской науке и образованию». Результативность этой цели проверить удалось бы только в долгосрочной перспективе, в свете данных опроса общественного мнения.
 6. Цель: «Содействие привлечению в науку талантливой молодежи, осуществлению подготовки и переподготовки научных кадров». Пока можно определить, что возраст авторов журнала умеренно растёт год от года.³⁶ (см. рис. №4)

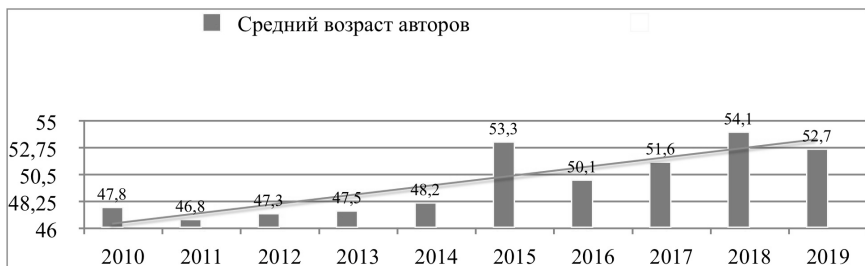

Рис. №4
Средний возраст авторов

36 https://www.elibrary.ru/title_profile.asp?id=9631 (Дата обращения: 03 ноября 2020.)

В целом, научное сообщество и заинтересованная публика ежеквартально получает качественное, многогранное содержание, журнал международного уровня в привлекательном формате. Издание последовательно знакомит читателей с результатами исследований не только местного значения, но и с вопросами, соответствующими международным тенденциям исторической науки, а также классическими образцами научных исследований зарубежных авторов. В значительной степени расширяет коммуникативное пространство и ресурсность издания наличие сайта журнала, который позволяет осуществлять тематический поиск среди статей. Англоязычная версия сайта и перевод аннотации каждой статьи позволяет журналу стать частью международного экспертного пространства и продолжить важную и нужную работу по популяризации российской исторической науки.

SCHREK KATALIN

**EGY ÉV A SZLÁV TÖRTÉNETI TANULMÁNYOK JEGYÉBEN
– A CANADIAN–AMERICAN SLAVIC STUDIES 2019-ES
ÉVFOLYAMÁNAK BEMUTATÁSA**

**AN OVERVIEW OF A YEAR IN THE FIELD OF SLAVIC HISTORICAL
STUDIES – AN INTRODUCTION TO THE 2019 ISSUES OF
CANADIAN–AMERICAN SLAVIC STUDIES**

Canadian–American Slavic Studies (hereinafter CASS) published four impressive and interesting volumes in 2019 related to Russian and Soviet historical research. Two of them, entitled *New Approaches to the Opposition to Stalin*, focused on the current results of international cooperation between the members of the Association for Slavic, East European and Eurasian Studies (ASEES) and the British Study Group on the Russian Revolution. The outcomes of this joint venture were first presented at a symposium at the University of Texas in 2016 were eventually published in the CASS volume no. 1–2 in 2019. These volumes contained altogether eight articles with different kinds of historical approaches to the interpretation and explanation of the 1920s–1950s Soviet Era. The second volume (no. 3), *Contact, Conflict, and Crisis in Eastern Christianity*, dealt with questions concerning the relationship faced by the Russian State and the Orthodox Church from sixteenth century to modern times and the challenges of Russian and American Orthodox communities throughout the centuries. This volume enjoyed institutional support from the Association for the Study of Eastern Christian History and Culture (ASEC). And finally, the fourth volume (no. 4) is a miscellaneous one, which represents different types of research fields. The present article endeavours to highlight the main contemporary trends in modern research on Russia and the Soviet Union, and to draw up a qualitative and quantitative analysis of the said volumes.

Keywords: Canadian–American Slavic Studies, Stalin Opposition, Orthodox Church, New Historical Perspectives, International Corporations

Katalin Schrek – Ph.D., Senior Lecturer, Institute of History, Department of World History, University of Debrecen (Hungary, Debrecen, 4032 Egyetem tér 1.).

E-mail: schrek.katalin@arts.unideb.hu

DOI: 10.38210/RUSTUDH.2020.2.10

A *Canadian–American Slavic Studies* 1969 óta – jelenleg a Brill kiadásában – megjelenő folyóirat, amelynek alapvető célja, hogy tudományos fórumot és egyben megjelenést biztosítson elsősorban a szláv tanulmányokkal foglalkozó kutatóknak. Ugyanakkor a nevével fémjelzett tematikus kereteken túlmutatva alapvetően a Kelet-Európával (nem csak szláv kontextusban) kapcsolatos új kutatási eredmények publikálására is lehetőséget ad. Tudományágak tekintetében széles körű reprezentációval bír, a megjelentetett munkák között történet- és irodalomtudományi, kultúra- és művelődéstörténeti, politológiai és szociológiai irányú megközelítések, elemzések sorakoznak fel angol, német, orosz és francia nyelven. Nemzetközi szerkesztőbizottságában nagy arányban vannak a kutatói szféra angolszász képviselői¹, ezen belül is elsősorban az amerikai intézmények jelenléte dominál. Emellett azonban a folyóirat nemzetközi jellegét és a kutatótársadalomba való integráltságát mutatja a fontosabb európai műhelyek (angol, német, francia, orosz és magyar!) kutatóinak bevonása a folyóirat szerkesztésébe.²

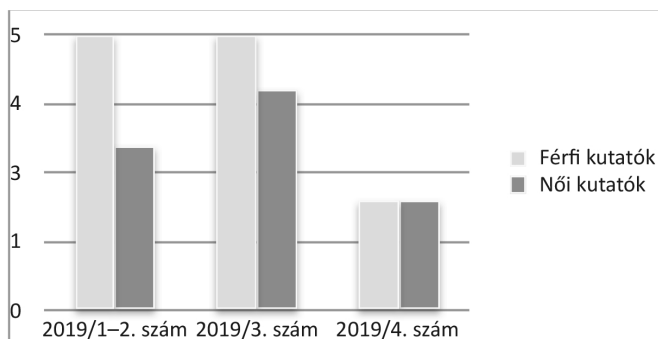
A folyóirat vizsgálat tárgyává tett számai 2019-ben láttak napvilágot, összesen három kötetben. A kiadványokban érvényesített szerkesztési elvek és nézőpontok eltérőek voltak, amelyeket elsősorban a megjelent tanulmányok jellege határozott meg. Az első három szám (2019/1–2. és 2019/3.) egy-egy koherens egészet alkotó tematikus, míg a harmadik (2019/4.) egy tematikai megkööttségektől mentes, vegyes kötet. Mindkettőnek megvan a maga előnye. Az első két szám konkrét történeti problémák részterületeinek mélyelemzéseit nyújtja, s a részletektől haladunk a nagy egész átfogóbb megértése felé, míg utóbbi adott korok adott kutatási területeibe nyújt rövid betekintést. A *Canadian–American Slavic Studies* 2019. évi számainak bemutatásakor a kvantitatív elemzés és a tartalmi ismertetés szempontjait ötvözzük. Úgy véljük, a folyóirat munkásságának összetett bemutatásához mindkettőre szükség van, mivel a modern – elsősorban statisztikai szemléletű – megközelítés lehetőséget ad a folyóirat kutatói tudományos közegben való helyének, szerepének, beágyazottságának feltárására és a folyóirat alaposabb megismerésére. Emellett a tartalmi bemutatás révén

1 Néhány példa a teljesség igénye nélkül: University College London, University of Texas, UCLA, University of Illinois. URL: <https://brill.com/view/journals/css/css-overview.xml?contents=About> (Hozzáférés: 2020. október 30.)

2 Eötvös Loránd Tudományegyetem, Orosz Tudományos Akadémia, University College London, Westminster College, Ludwig-Maximilians-Universität, Université de Paris-Sorbonne, Université Notre Dame.

segítséget és kiindulási pontot biztosíthatunk a hazai olvasóközönségnek az új kutatási trendek felvázolásával.

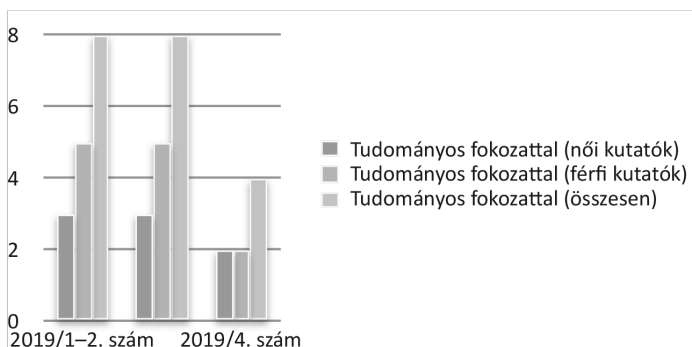
A *Canadian–American Slavic Studies* 2019. évi kiadványainak szerzőire vonatkozó adatokat áttekintve az első szempontunk a férfi és a női kutatók egymáshoz viszonyított és folyóiratszámokra lebontott arányának meghatározása volt. Eltérő jellegű aránytalanságot tapasztalhatunk az első (2019/1–2.) kötetben ahol a publikációk 37,5%-a köthető női szerzőkhöz, továbbá a 2019/3. számban, ahol szintén a férfi kutatók javára dől el a mérleg nyelve 55,5%-kal. A 2019/4. szám ugyanakkor a nemek arányát tekintve egészen kiegyensúlyozott, mivel itt a női és férfi kutatók száma fele-fele arányban oszlott meg.

1. ábra

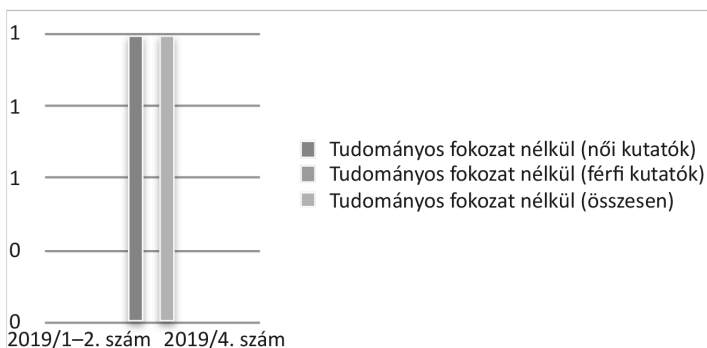
A férfi és női kutatók aránya a folyóiratban publikáló szerzők számát tekintve (folyóiratszám/fő)

Hasonlóképpen érdemes arra is kitérnünk, hogy a tavalyi évben publikáló szerzők közül hányan rendelkeztek tudományos fokozattal, és volt-e olyan szerző, aki nem rendelkezett PhD- vagy kandidátusi minősítéssel. E tekintetben a *Canadian–American Slavic Studies* egyetlen egy kivételt leszámítva teljesen egységes képet mutatott. A 2019/1–2. és a 2019/4. szám szerzői (nemtől függetlenül) mindannyian rendelkeztek tudományos fokozattal, míg a 2019/3. szám egy szerzőjének tudományos értekezése már folyamatban volt.

2. ábra

Tudományos fokozattal rendelkezők

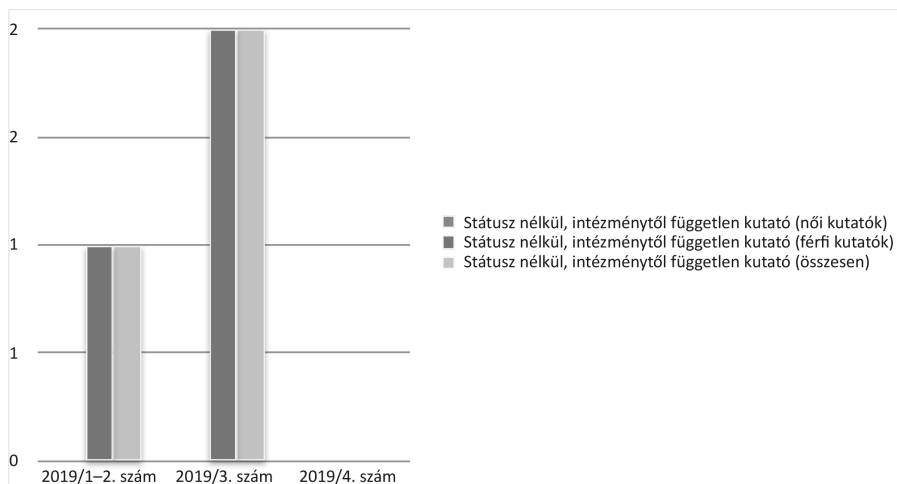

3. ábra

Tudományos fokozattal nem rendelkezők

Szintén közös jellemző jegy az intézményi kötődés. Minimálisra tehető azon szerzők száma, akik a megjelenés idején semmilyen felsőoktatási- vagy kutatói intézményhez sem kapcsolódtak közvetlenül. Persze, ez a magállapítás kizárólag a munkaugyi státuszt tükrözi vissza, és nem ad képet az ettől függetlenül akár intézményesült kereteken belül is meglévő aktív szakmai kapcsolatokról. A szerzők affiliációjának vizsgálata során egy erős, 85%-os átlag jött ki, vagyis a publikáló gárda jelentős része egy-egy felsőoktatási vagy kutatói intézményben folytatta munkáját, és mindössze három olyan szerző került be a kötetekbe, aki függetlenül, intézményi háttér nélkül végezte az adott periódusban kutatásait (4. számú ábra). Érdekes kiegészítő

információ lehet, hogy a 2019/1–2. és 3. számnak az intézményi kötődés szempontjából releváns szerzői kivétel nélkül mind felsőoktatási intézményekben voltak foglalkoztatva, addig a 2019/4. számban ugyanez az arány már 50–50%-ban oszlott meg a felsőoktatási intézmények és más kutató-intézmények³ között (5. számú ábra). Ha pedig mindehhez hozzávesszük a regionális szempontot, vagyis az intézményi kötődés országokra történő szétbontását, akkor két nagy terület válik dominánssá, az Egyesült Államok (és kis részben Nagy-Britannia), valamint Oroszország. A *Canadian-American Slavic Studies* szerzői a 2019-es évben (a független szerzőket nem számolva) kizárólag ezen országok oktatási-kutatási műhelyeiből kerültek ki (6. számú ábra).⁴

4. ábra

Intézményi státusz nélkül szerzők

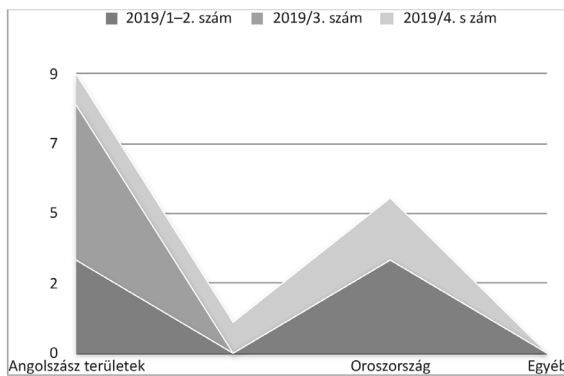
3 Elsősorban az Orosz Tudományos Akadémia hálózata.

4 A négy független szerző is az Egyesült Államokhoz köthető.

5. ábra

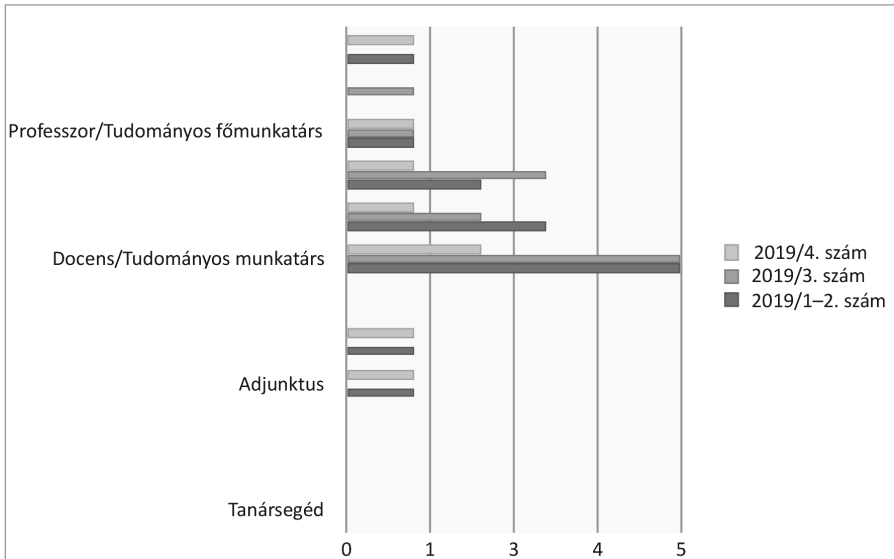
Intézményhez való kötődés típusa és arányai

6. ábra

Intézményi kötődés regionális megoszlásában

A szerzők intézményen belüli státusza változatos képet mutat. A felsőoktatási intézményi és kutatóintézményi pozíciók alapján a docensek/tudományos munkatársak aránya a legszámottevőbb, ők a 2019. év mindhárom megjelenő számában jelentős többségben voltak, míg az adjunktusok és a professorok/tudományos főmunkatársak számaránya lényegében azonosan visszafogottnak tekinthető (az összlétszám és nem pedig az adott folyóiratszámokon belüli arányok relációjában). Ami feltűnő lehet, az a tanársegédek csoportjának teljes hiánya, de ha figyelembe vesszük a folyóirat nemzetközi rangját, valamint a tudományos fokozatnak a lényegében kötelező alapfeltételként való meglétét, akkor ez a jelenség teljesen természetes, és igazodik a nemzetközi szaktudományos folyóiratok trendjéhez.

7. ábra

Szerzők aránya intézményi státusz alapján

Tudományometriai adatok alapján a *Canadian–American Slavic Studies* általunk vizsgált tárgyévre vonatkozó számairól egyelőre nem rendelkezünk részletes adatokkal, ami az eltelt idő rövidségével indokolható. Néhány statisztikai adat azonban már rendelkezésre áll. A Scimago Journal and Country Rank besorolása alapján a folyóirat 2019-ben a kulturális tanulmányok és a történettudomány témakörében egyaránt Q3-as besorolást kapott, az összesített SJR-indikátora, amely a más folyóiratok általi hivatkozások számát és a citáció forrásának elismertségét veszi alapul, jelenleg 0,118, amely az elmúlt évek összevetésében (2010–2019 közötti átlagérték 0,107) átlagot meghaladónak mondható.⁵

Ahogy a bevezetőben korábban említettük, a *Canadian–American Slavic Studies* a 2019-es évben három kötettel jelentkezett a tudományos közösség számára. Az első kötet a 2019/1–2. szám *A sztálini ellenzék új megközelítései* címet viseli, amely egy 2016-ban a Texasi Egyetemen megtartott nemzetközi konferencia előadásainak válogatott anyagát publikálta. Az Alekszisz Pogorelszkin vendégszerkesztésében összeállított és előszavával ellátott kiadvány nem csupán a sztálini éra történeti problémáit új

5 URL: <https://www.scimagojr.com/journalsearch.php?q=6000173131&tip=sid&clean=0>
(Hozzáférés: 2020. november 29.)

nézőpontba helyező, friss kutatási eredményeket kívánta összegezni, hanem egy formálódóban lévő nemzetközi kutatói együttműködés körvonalait és távlati terveit is felvázolta, amely a pittsburgi egyetemi központtal működő Egyesület a Szláv, Kelet-Európai és Eurázsiai Tanulmányokért (Association for Slavic, East European and Eurasian Studies – ASEES) nevű szervezet és az Orosz Forradalom(történeti) Brit Kutatócsoport (British Study Group on Russian Revolution – BSGRR) közös kooperációjából bontakozott ki. A fő célkitűzés az volt, hogy az 1920-as évek szovjet történelmének vitás kérdéseit és ezen belül is a sztálini ellenzék vizsgálatát új perspektívába tudják helyezni.

Barbara C. Allen értekezése a munkás ellenzék helyzetével és politikai szerepvállalásával foglalkozott. Az egyik fontos kérdésfelvetése az volt, hogyan működhetek együtt a különböző társadalmi osztályok 1917 októberét követően. Különösen nehéz megítélni és utólagosan vizsgálni az úgynevezett szakértő embereknek a helyét és szerepét ebben az új politikai rendszerben. Ők azok, akik szaktudásukat és képzettségüket még a cári időszak intézmény rendszereiben szerezték, de olyan tudással rendelkeztek, amely a forradalmi időszakot követően is értékes volt. Alkalmazásuk még Lenin idején lehetséges volt, Sztálin időszakában ezek a személyek azonban teljes mértékben marginalizálódtak. A tanulmány azt is vizsgálja, hogyan viszonyult a szakértőkhöz a munkásellenzék.⁶

Viktor Viktorovics Bahtyin a voronyezsi Cionista Szervezet működését vette górcső alá a rendelkezésre álló levéltári források tanulmányozásával. Az elemzés külön érdekessége, hogy a cionista személyek ellen az 1920-as évek végén és az 1930-as évek elején folytatott vizsgálatok nyomozati anyagait tekintette át, az egyedülálló forrásbázis pedig lehetővé tette, hogy ne csupán a lefolytatott perek társadalmi-politikai hátterére világítson rá a szerző, hanem rekonstruálja a bírósági eljárások folyamatát, ami jog- és igazgatástörténeti szempontból is érdekes lehet a kutatók számára.⁷ A regionalizmus és klientizmus problematikáját vetette fel Calyton Black, amely fogalmakat a Zinovjev-féle leningrádi ellenzék működési mechanizmusának kontextusában vizsgálta. Black számos történetírói munkára reflektálva úgy vélte, hogy magát a szovjet rendszert egy sajátos történelemfelfogásban kell értelmezni, amely újra és újra felszínre hoz bizonyos sémákat. Ilyennek

6 BARBARA C. ALLEN, "The Workers' Opposition and the Specialists", *Canadian-American Slavic Studies* 53, no. 1–2 (2019): 5–23. DOI: 10.1163/22102396-05301002

7 ВИКТОР ВИКТОРОВИЧ БАХТИН, «Сионистские Организации в Воронеже По материалам архивно – следственных дел ОГПУ конца 1920-х начала 1930-х годов», *Canadian-American Slavic Studies* 53, no. 1–2 (2019): 24–49. DOI: 10.1163/22102396-05301003

tartja például a klientúrarendszert, amely korokat átívelően a hatalomgyakorlás egyik fontos alapja. Ugyanakkor például Zinovjev pozíciója nem magyarázható egyszerűen az őt támogató emberek hűségével, magatartása pedig inkább volt a helyi társadalmi feszültségekre való regionális megnyilvánulás, mintsem a központi kormányzat ellen irányuló támadás.⁸

Az áprilisi tézisek interpretációját gondolta újra Lars T. Lih, aki az *újrakel-fegyverezés* helyett a bolsevik politika *felfegyverzett* jellegének narratíváját bontja ki, miközben érvelésének fő alaptétele, hogy valójában nincs szakítás és nagy váltás az 1917 tavasza előtti és utáni bolsevizmus között, hanem éppen ellenkezőleg, kontinuitás tapasztalható. Lih vitatja, hogy az áprilisi tézisek cezúrát jelentettek volna a párt radikális irányba való eltolódásában, mert az egy szerves fejlődési folyamat következménye volt.⁹ Lars T. Lih-hez hasonlóan izgalmas és merész elemzést olvashatunk Alekszisz Pogorelszkin tollából, aki Lenin végrendeletével kapcsolatos új történeti nézőpontot konstruált, amelyben nem csupán a dokumentum keletkezésének körülményeibe és a körülötte kialakult eltérő történetírói véleményekbe nyújt betekintést, hanem abba is, hogyan hatott a testamentum az általa megnevezett személyekre. Így az elemzés eltér az elmúlt évtizedek alapvetően Sztálin-központú megközelítéseitől.¹⁰

A belső ellenzék 1925–1929 közötti tevékenységével foglalkozott Irina Takala, aki elsődleges forrásbázisként az Egyesített Állami Politikai Igazgatóság (OGPU) anyagait használta fel.¹¹ Szintén a belső vitákra fókuszáltak Alekszandr Reznik¹² és Charters Wynn írásai. Előbbi a trockista ellenzék, utóbbi a NEP mellett kiálló Mihail Tomszkij tevékenységét dolgozta fel. Wynn tanulmányában egy kevésbé kutatott területet érint, a Politbüro és a szakszervezetek vezetőjének az új gazdaságpolitika megtartása érdekében folytatott küzdelemét, ellehetetlenítésének folyamatát mutatta be,

8 CLAYTON BLACK, "Regionalism or Clientelism? Explaining the Zinoviev-Leningrad Opposition of 1925", *Canadian-American Slavic Studies* 53, no. 1–2 (2019): 50–71. DOI: 10.1163/22102396-05301004

9 LARS T. LIH, "A Fully Armed Historiography", *Canadian-American Slavic Studies* 53, no. 1–2 (2019): 72–89. DOI: 10.1163/22102396-05301005

10 ALEXIS POGORELSKIN, "'Under Seven Seals': New Perspectives on Lenin Testament", *Canadian-American Slavic Studies* 53, no. 1–2 (2019): 90–106. DOI: 10.1163/22102396-05301006

11 IRINA TAKALA, "'Love Live Comrade Trotsky!': The Discourse on the Intra-Party Opposition in the Documents of the OGPU", *Canadian-American Slavic Studies* 53, no. 1–2 (2019): 121–148. DOI: 10.1163/22102396-05301008

12 ALEXANDER REZNIK, "'Revising the Trotskyist' Opposition of the Bolshevik Party in 1923–1924", *Canadian-American Slavic Studies* 53, no. 1–2 (2019): 107–120. DOI: 10.1163/22102396-05301007

amelyet Sztálin a Komszomol szervezetén keresztül indított el, és amely a 8. Szakszervezeti Kongresszus ülésén érte el csúcspontját Lazar Kaganovics és társainak a vezetőségbe való beemelésével.¹³

A vizsgálat alá vont harmadik (2019/3.) szám teljesen más témakört ölel fel, és a *Kapcsolódás, konfliktus és krízis a keleti kereszténységben* címmel jelent meg. A publikált tanulmányok három nagyobb kronológiai egységre bonthatók: kora újkor, 19. század és 20. század. Az időrendi sorban haladó tanulmányok – az első kötethez hasonlóan – egy 2015-ben megrendezett nemzetközi konferencia előadásanyagait fogták össze, és a keleti kereszténység kutatásában rejlő lehetőségekre, új alternatívákra kívántak rámutatni. Ahogyan J. Eugene Clay bevezetőjében fogalmazott, ez a kutatási terület „*relatív mellőzött*”, ezért különösen fontos munkát végez a Társaság a Keleti Keresztény Történelem- és Kultúratudományokért (Association for the Study of Eastern Christian History and Culture – ASEC) nevű szervezet, amely összetartja az adott területek kutatóit.

Bár a kora újkor egyetlen egy tanulmánnyal némiképp alulreprezentált, Charles Halperin értekezése rendkívül izgalmas témát feszeget. Az ortodox kolostorok komoly vitákba bocsátkoztak laikusokkal, olykor pedig más kolostorokkal saját privilégiumaik megőrzése érdekében az 1530–1580-as években. A vitás ügyekkel kapcsolatban fennmaradt források alapján Halperin különböző szempontok szerint vizsgálta az ügyeket, az egyik ilyen a regionális elhelyezkedés vagy éppen az elfajuló vita (vagy éppen erőszak) mértéke.¹⁴ Már a 19. század vallásügyi kérdéseire tereli a figyelmet Barbara Skinner munkája, amely az Orosz Birodalomba integrált belorusz területek nagyszámú görögkatolikusának helyzetét helyezi a középpontba. Az orosz kormányzat és a pravoszláv egyház közös igénye volt a „*keleti*” katolikusok helyzetének rendezése. Az elsődleges cél az orosz államegyház kereteibe történő beolvasztás volt, amelyet adott időszakokban más-más módszerrel kívántak végrehajtani. Ezeket az alternatívákat és az 1839-re végrehajtott áttérés folyamatát mutatta be a szerző.¹⁵

13 CHARTERS WYNN, “NEP’s Last Stand: Mikhail Tomsy and the Eighth Trade Union Congress”, *Canadian–American Slavic Studies* 53, no. 1–2 (2019): 149–175. DOI: 10.1163/22102396-05301009

14 CHARLES J. HALPERIN, “Neighbours are Not Always Friendly: Conflicts between Muscovite Monasteries and Their Neighbours during the Reign of Ivan IV”, *Canadian–American Slavic Studies* 53, no. 3 (2019): 219–245. DOI: 10.1163/22102396-05303002

15 BARBARA SKINNER, “Orthodox Missions to the ‘Ancient Orthodox’ Lands in Belarus and the 1839 Uniate Conversion”, *Canadian–American Slavic Studies* 53, no. 3 (2019): 246–262. DOI: 10.1163/22102396-05303003

A cár-pápaság mítoszának feltárására vállalkozott Heather Bailey, aki a francia katolikusok és az orosz egyháziak elvi vitájának egy érdekes szegmensét mutatta be. Az elemzett nézetekben az ortodox egyház az autokrata orosz állam és az uralkodó elnyomása alatt áll, ami már-már egyfajta keleti „pápiizmus” meglétét jelzi a francia katolikus bírálók számára. A retorikailag is nagyon impresszív érvelés pedig fontos szempont volt az 1850-es évek végén, amikor Franciaország szorosabbra kívánta fűzni kapcsolatait a Pápai Állammal.¹⁶

Egy vállalkozás történetének vallástörténeti irányultságára helyezte a hangsúlyt Lucien Frary, aki az Orosz Gőzhajózási Társaság széleskörű tevékenységét vizsgálta. Az 1850-es évek végén alapított cég nem csupán a fekete-tengeri kereskedelem és a térségben történő kapcsolattartás, valamint a postai-szállítmányozási funkciói révén vált meghatározóvá, hanem az 1860–1880-as évektől az orosz hívek (és ezen belül is elsősorban a parasztság) Szentföldre történő zarándoklatában is fontos szerepet játszott, hozzájárulva ezzel az ortodoxok és a helyi keresztény közösségek kapcsolatainak építéséhez.¹⁷

Carol Dockham írásában az ortodox egyház bolsevik hatalomátvételt követő történetének viszontagságait mutatta be az 1925 előtti és utáni időszakban, aminek egyik megnyilvánulási formája a liturgikus szokások átalakításának kikényszerítése volt Tyihon pátriárka halálát követően.¹⁸ Egy rendkívül spirituális kapcsolat személyes levelezésen keresztüli rekonstruálására vállalkozott Christopher D. L. Johnson, aki lényegében egy ortodox hitre való áttérés a történetét tárja elénk, G. E. H. Palmers és Nikon atya eszmecseréje tükrében.

Végül a kötet két amerikai vonatkozású tanulmánnyal zárul.¹⁹ Dellas Oliver Herbel az észak-amerikai ortodox közösségek helyzetét és az adott korszakokhoz kötődő problémáit, törekvéseit mutatta be a 19. század második felétől egészen napjainkig. Hangsúlyozta, hogy Alaszka Egyesült Államok

16 HEATHER BAILEY, “Roman Catholic Polemicists, Russian Orthodox Publicists, and the Tsar-Pope Myth in France, 1862–1842”, *Canadian–American Slavic Studies* 53, no. 3 (2019): 263–285. DOI: 10.1163/22102396-05303004

17 LUCIEN FRARY, “Pilgrims and Profits: The Russian Company of Steam Navigation and Trade, 1856–1914”, *Canadian–American Slavic Studies* 53, no. 3 (2019): 286–305. DOI: 10.1163/22102396-05303005

18 CAROL DOCHKAM, “Liturgical Commemorations, Political Dissent and Religious Schism in the Russian Orthodox Church during the 1920s and 1930s”, *Canadian–American Slavic Studies* 53, no. 1–2 (2019): 306–322. DOI: 10.1163/22102396-05303006

19 CHRISTOPHER D. L. JOHNSON, “Epistolary Pilgrimage and Eldership in G. E. H. Palmer’s Correspondence with Fr. Nikon Strandtman”, *Canadian–American Slavic Studies* 53, no. 3 (2019): 323–341. DOI: 10.1163/22102396-05303007

által történő megvásárlását követően a korábban kialakult helyi ortodox közösségek tagjai ragaszkodtak hitük megtartásához, a hitük melletti erős kiállás pedig alapjaiban volt jellemző az amerikai ortodox egyházra a 20. század során is, amely mind más-más szinten és fórumokon küzdött fennmaradásáért és megerősödésért.²⁰ Ezzel szemben Amy A. Slagle tanulmánya nem elsősorban történeti jellegű, hanem inkább a vallás és a kulturális antropológia ötvözete, amelyben közvetlen interjúk és személyes források alapján elemezte a mississippi-i ortodoxok ikonok iránti tiszteletét és hagyományait.²¹

A *Canadian–American Slavic Studies* 2019-es évfolyamának utolsó száma nem illeszkedik a korábbi kiadványok szerkesztési mintájába, egy önálló, rövidebb kötetről van szó, amely négy tematikusan és kronologikusan egymástól teljesen független írást tartalmaz, ezért nem is tudunk fő irányvonalat meghatározni annak összetételében. Maguk a tanulmányok sem időrendben követik egymást, a logikai rend megőrzése érdekében azonban mi ennek megfelelően vesszük számba őket.

Szergej Bogatyrev munkája a 12–15. századi krónikákat vette alapforrásként a korabeli fejedelemlisták tanulmányozása során. Az 1100–1400-as években közlött uralkodói listák két eltérő típusaként a részletes, genealógiai leírást is tartalmazó, valamint az egyszerűbb uralkodói listákat vetette össze és elemezte nyelvi, valamint történeti szempontok alapján.²² Kora újkori témát dolgozott fel Olga E. Koseleva, aki a bojár дума intézményének, valamint a bojár ellenállás jelenségének a marxista történeti interpretációját tette vizsgálat tárgyává, és egy átfogó historiográfiai elemzést adott a kérdésben.²³ Szintén kora újkori kiindulási ponttal, de évszázadokat átívelően kapunk képet az észak-kaukázusi orosz–muszlim kapcsolatokról, amelyeket Sean Pollock új források bevonásával igyekezett árnyalni. Regionális jellegű forrásfeldolgozásának eredményeképpen a szerző át szeretné

20 DELLAS OLIVER HERBEL, "The Americanization of Orthodox Christians' Promotion of Religious Freedom", *Canadian–American Slavic Studies* 53, no. 3 (2019): 342–363. DOI: 10.1163/22102396-05303008

21 AMY A. SLAGLE, "Icons in the Lived Experience of American Orthodox Christians: A Case Study", *Canadian–American Slavic Studies* 53, no. 3 (2019): 364–384. DOI: 10.1163/22102396-05303009

22 SERGEI BOGATYREV, "Memory and Politics in the Chronicle Lists of Princes, 12th–15th Centuries", *Canadian–American Slavic Studies* 53, no. 4 (2019): 449–488. DOI: 10.1163/22102396-05304004

23 ОЛГА Е. КОШЕЛЕВА, "Советские историки-марксисты о Боярской Думе и боярстве в Московском государстве", *Canadian–American Slavic Studies* 53, no. 4 (2019): 414–434. DOI: 10.1163/22102396-05304007

formálni azt a hagyományos képet, miszerint kevés párbeszéd lett volna az orosz állam képviselői és a helyi népek között. Illetve felhívja a figyelmet arra, hogy a diplomáciatörténeti kutatások a régió 17–20. századi történetét illetően még igencsak hiányosak, és általában nem követik az ilyen típusú történetírói megközelítéseket.²⁴ Végül pedig Jelena Maraszinova eszméletörténeti tanulmányát kell megemlítenünk, amely II. Katalinnak az uralkodói hatalom átörökítésével kapcsolatos szemléletét és elmélgését vizsgálta Feofan Prokopovics *Az uralkodó akaratának joga* és az 1689-es *Bill of Rights* kontextusában.²⁵

Összességében úgy véljük, hogy a *Canadian–American Slavic Studies* 2019. évi számai a szláv történeti kutatások rendkívül színes palettáját vonultatják fel, amelyek értékes szempontokat, új eredményeket nyújtanak a hazai és nemzetközi ruszisztika kutatói számára. A publikáló szerzők innovatív és olykor interdiszciplináris megközelítései pedig betekintést adnak a modern történetírói trendek alakulásába. A folyóirat 2019. évi számai ugyan nem egységes koncepció köré szerveződtek – erre talán az utóbbi évek gyakori szerkesztőváltásai hatással lehettek –, pozitívumnak tekinthető, hogy a kiadási-szerkesztési nehézségek ellenére a *Canadian–American Slavic Studies* meg tudta őrizni színvonalát, és továbbra is a történettudomány egyik rangos, nemzetközi periodikája maradt.

24 SEAN POLLOCK, "Who Spoke for Russian Muslims? Turki Letters and Russian Empire in the North Caucasus between the 17th and 20th Centuries", *Canadian–American Slavic Studies* 53, no. 4 (2019): 387–413. DOI: 10.1163/22102396-05304008

25 ЕЛЕНА МАРАСИНОВА, «Проблема наследования престола в веке: "Declaration of Rights" и "Правда воли монаршей" в бумагах Екатерины», *Canadian–American Slavic Studies* 53, no. 4 (2019): 435–448. DOI: 10.1163/22102396-05304005

VENDÉGROVAT
ГОСТЕВАЯ СТРАНИЦА
GUEST PAGE

EKATERINA PROTASSOVA, MARIA YELENEVSKAYA,
JOHANNA VIRKKULA

OLD AND NEW HOMES OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN EUROPE

In a world in which transnational networking has become the norm, and communication choices are made in real time, and often under pressure, ease of interaction wins. Based on the critical study of documents, interviews, participant observations, and linguistic landscape analysis, this study discusses the situation with the Russian language in some Slavic countries (e.g., Slovenia, Bulgaria, Montenegro) and Greece. Loyalty to their country of origin, or just affinity with its culture increases solidarity of the people speaking the same language independently of whether they have a good command or use it with difficulty. Multidirectional tendencies in education can either lower or raise the level of teaching and language use. A multitude of new language-contact situations have emerged, thus giving rise to the centrifugal tendencies in the development of Russian.

Key words: Russian language, pluricentric language, Russian-speaking diaspora, Yugoslavia, Serbia, Slovenia, Montenegro, Bulgaria, Czech Republic, Slovakia, Greece

Ekaterina Protassova – Ph.D. in Philology, Dr.hab. in Pedagogy, Docent, Adjunct Professor, Department of Languages, University of Helsinki, Finland.

E-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

Maria Yelenevskaya – Ph.D. in Philology, Coordinator of the Graduate English Program, Academic Head of the CALL Laboratory, Technion-Israel Institute of Technology, Haifa, Israel.

E-mail: ymaria@technion.ac.il

Johanna Virkkula – Ph.D. in Philology, Lecturer, Department of Languages, University of Helsinki, Finland.

E-mail: johanna.virkkula@helsinki.fi

DOI: 10.38210/RUSTUDH.2020.2.g.1

I. INTRODUCTION

Historians, sociologists and writers of fiction have devoted many a book to social and economic upheavals and human dramas accompanying the collapse of empires. What remains on the periphery of scholars' purview is changes in the languages that these events trigger and which may themselves cause political and social conflicts. The disintegration of the Soviet Union, sometimes referred to as the "last empire"¹ was no exception in this respect. Most of the newly-formed states rejected the dominance of the Russian language in the public domain which had been the cornerstone of the Soviet language policy since the 1930s. These changes were documented in legal acts. In each of the 15 internationally-recognized states and six self-proclaimed separatist polities formed on the territory of the former Soviet Union (FSU), a clause about language is included in the constitution. In all the recognized states, except Belarus, Kazakhstan and Kyrgyzstan, Russian lost the status of an official language.² Moreover, in some countries, e.g., in Estonia, Turkmenistan, and Kazakhstan, various amendments to the language laws were made later to further elevate the prestige of the titular language and reinforce its role in the political, economic and social life of the country³. In Ukraine and Moldova, legislators are currently working on new initiatives determining functions of the titular and minority languages. No wonder that young states put so much emphasis on determining the status and functions of the languages spoken by the population. Language legislation is a core component of a nation's political development, reflecting the aspirations of the elites. At the same time, a new political reality is shaped by the enforcement of language legislation⁴. Whether Russian is dubbed as a minority language,

1 See e.g., FRANCINE HIRSCH, *Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union* (New York: Cornell University Press, 2005); JOHN L.H. KEEP, *A History of the Soviet Union, 1945–1991: Last of the Empires* (New York: Oxford University Press, 1995).

2 The newly-formed states have preserved the term "state language" which was used in the Soviet legal acts; cf. Д.А. КАТУНИН, «Государственный и официальный язык в конституциях стран бывшего СССР», *Вестник Томского государственного университета. Филологические науки*, no 4 (2009): 20–9..

3 Т.В. КУДОЯРОВА, «Русский язык в современной образовательной среде Туркменистана», *Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*, №. 3 (2010): 70–4; assembly.kz/en/news/meeting-round-table-introducing-changes-and-amendments-law-republic-kazakhstan-assembly-people (Accessed: June 4, 2020).

4 PRIIT JÄRVE, "Two Waves of Language Laws in the Baltic States: Changes of Rationale?", *Journal of Baltic Studies*, no. 7 (2002): 78.

a language of international communication, or not mentioned at all in the language laws of the new states,⁵ clearly, its functions have been curtailed, its prestige has dropped and motivation to learn it has decreased, at least in some sections of the population. The change proved to be dramatic for the Russian-speaking populations since in the majority, they were monolingual. Building their life anew, Russian speakers had to face the dilemma of becoming proficient in the titular languages or leaving their native places and joining millions of post-Soviet migrants. Today, almost thirty years after the disintegration of the Soviet Union we witness a paradoxical situation: the total number of proficient speakers of Russian has dropped and is estimated to be around 265 million,⁶ but the geography of Russian-language use has greatly expanded, with Russian-speaking enclaves found on all continents.

II. RUSSIAN AND ITS VARIATIONS IN THE METROPOLIS

Although for a long time Russian was perceived as a monocentric language par excellence, and use of the standard literary language was essential for securing a good place on the social ladder, it is hardly conceivable that the language spoken in huge territories would be completely unified. Indeed, Russian linguists have been documenting dialects and sub-dialects of the Russian empire since the mid-18th century. In the Soviet period dialectologists continued fieldwork and analysis of the data, including experiments in the repertoire of dialectological methods.⁷ In the 1940s and 1950s, atlases of Russian dialects were prepared.⁸ At the same time, Russian as it was spoken in the Soviet Republics was not researched. Yet its local varieties began to develop already in the times of the Russian Empire and this process intensified in the Soviet period. Learning Russian

5 Д. А. КАТУНИН, «Государственный и официальный язык в конституциях стран бывшего СССР».

6 А.Л. АРЕФЬЕВ, *Русский язык на рубеже XX–XXI веков* (Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012).

7 В.В. ИВАНОВ, «Диалектология», в *Лингвистический энциклопедический словарь*, ред. В.Н. Ярцева (Москва: Советская энциклопедия, 1990) tapemark.narod.ru/les/133b.html (Дата обращения: 4 июня 2020 г.).

8 Р.И. АВАНЕСОВ, *Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы* (Москва: Академия наук СССР, 1957); Р.И. АВАНЕСОВ, С.В. БРОМЛЕЙ, *Диалектологический атлас русского языка. Центр европейской части СССР* (Москва: Наука, 1986).

at school was compulsory, but not everyone managed to master high-level literacy in Russian, learn its standard grammar, or distinguish between its functional styles. National varieties were influenced by indigenous languages of the republics and differed from the dominant standard variety on many counts. The border regions of Russia and her neighbors were also interesting zones of deviations from standard Russian. As a result of wars and political conflicts, there would be an exchange of population or forced migration triggered by economic deprivations. As a result, in some border zones one can encounter Russian-speaking villages using archaic forms and/or code-mixing Russian with the local idiom.

While Soviet linguists were aware of the importance of studying dialects, the overall attitude to them and to the national varieties as they existed in the Soviet republics was quite skeptical and even patronizing in Soviet society. Thanks to the fast pace of urbanization and the growing prestige of literacy and education, use of dialects decreased dramatically and was limited to the elderly in rural areas. Dialects came to be associated with an archaic culture and socio-economic backwardness. Dialectisms became part of the jokelore, deriding the uneducated and non-sophisticated. Equally, specific features of Russian pronunciation and grammar deviations from standard Russian that are typical of Russian L2 speakers residing in the Soviet republics and the autonomous republics of the Russian Federation were an indispensable part of Soviet ethnic jokes.⁹ Notably, the pronunciation of Soviet leaders, many of whom had traces of southern dialects in their speech, was mockingly imitated by the intelligentsia as a sign of the partocrats' poor education.

At the beginning of the post-Soviet period, when the Russian language underwent fast changes the fashion reversed. Shedding the confines of what is "normative", journalists, bloggers and rank-and-file internet users started discussing differences between the local and the standard in the speech of their environment, arguing about etymology, compiling glossaries and tests on the knowledge of regionalisms and "crowd-creating" comic lists explaining differences between the words used in the capital and other parts of the country. A case in point is differences between some lexemes one hears in St. Petersburg and Moscow that often come up in Internet discussions and are successfully used by commercial companies

9 Е.Я. ШМЕЛЕВА, А.Д. ШМЕЛЕВ, *Русский анекдот. Текст и речевой жанр* (Москва: Языки славянской культуры, 2003).

as advertising gimmicks.¹⁰ Another example is a glossary of 150 words collected by the journalists of the central newspaper *Komsomol'skaja Pravda* on the basis of materials published by its regional branches. In the introduction to the article the author writes: "Planning a trip in Russia, study this short phrasebook. Fine details of translating "from Russian to Russian" in some areas of our Fatherland might puzzle you greatly".¹¹ The Russian internet abounds in posts and subsequent discussions about regiolects.¹² Reflections about speech habits and increased language awareness are typical of folk linguists. Although many participants have little linguistic knowledge which could help them distinguish between regiolects, sociolects and ideolects, they are sensitive to speech varieties, reflecting on local culture that was not obliterated by the overwhelming standardization of the Soviet period. These observations resonate with Romaine's idea that it is more appropriate to think of a standard language as an idea rather than a reality, as a set of abstract forms to which actual usage may adhere to various degrees.¹³ Some posts, however, show that the prestige of "correct", i.e., normative speech of Moscow and St. Petersburg, is still strong in society.¹⁴

10 MARIA YELENEVSKAYA, "Moscow and St. Petersburg Compete: Negotiating City Identity on Ru.Net", in *Shaping Virtual Lives: Online Identities, Representations, and Conducts*, eds. VIOLETTA KRAWCZYK-WASILEWSKA, THEO MEDER, ANDY ROSS (Lodz: University of Lodz Press, 2012), 105–30.

11 А. Лябина, «150 региональных словечек, которые введут в ступор москвичей», *Комсомольская правда*, 14 марта 2018, kp.ru/daily/26342.7/3222103 (Дата обращения: 4 июня 2020 г.).

12 Following Michal'chenko we will further distinguish between regiolects – "speech of middle-size and small towns, considerably affected by local subdialects and showing traces of common parlance" and ethnolects – speech "resulting from differentiation of the language functioning in the contact zone and acquiring specific features under the influence of bilinguals' languages due to language interference" (В.Ю. Михальченко (ред.), *Словарь социолингвистических терминов* (Москва: Институт языкознания РАН, 2006): 180, 250). However, we tend to believe that the term "code-mixing" would be more fitting than "language interference" in the situation of contact languages.

13 SUSANNE ROMAINE, "Standard Languages, Standardization and Standard Language Cultures", in *Handbook of Language and Communication Diversity and Change*, eds. MARLIS HELLIGER, ANNE PAUWELS (Berlin: Mouton de Gruyter, 2007), 685.

14 "Where do they speak most correct Russian?", lingvoforum.net/index.php?topic=2296.0, "Whatcha say is unclear? Should one get rid of the Ural sub-dialect?", chel.aif.ru/culture/1205071; others reveal people's pride in the distinctiveness of local sub-dialects and regionalisms: "Our Siberian words", gorod.tomsk.ru/index-1357758165.php, "Umat, *kuksa derebas*: What language do they speak in the Far East?", dv.land/tests/sleng, "Amusing dialects of Russian", fishki.net/1421624-zabavnye-dialekty-russkogo-jazyka.html (Accessed: June 4, 2020).

On the whole, the attitude to regiolects on the part of contemporary Russian linguists is positive and they are studied as part of the linguistic landscape, but the versions of the Russian language spoken in the diaspora are often treated as contaminations. Equally, the idea that “the Great and Mighty Russian language” has legitimate varieties in other countries is emotionally rejected by many educated Russians. As Muhr aptly remarks, language communities opposing their status of pluricentricity share a centralist and elitist notion of standard forms, and it takes at least two generations to adapt to the idea that several norms may coexist.¹⁵ Proponents of the theory that Russian is a monocentric language view borrowings from contact languages solely as a sign of language attrition, and then complex processes of linguistic and cultural hybridity are mistaken for a loss of Russian identity. In fact, continuing to be disdainful of diasporic versions of the Russian language ignores the fact that languages are dynamic entities, constantly malleable, constantly segmentable and segmented. They are marked by their internal potential for multiplication and differential developments generated by their users and uses and functionalized in context. Even the language of the communities of “Old Believers”, known for their isolated way of life and great efforts to maintain Russian for nearly two centuries, is influenced by the languages of the host countries.¹⁶

3. THE RUSSIAN WORLD: UNITED OR FRAGMENTED BY THE LANGUAGE?

The role of the language is cornerstone in the ideology of the “Russian World”. A follow-up of the ideas expressed in the early 19th century, its theoreticians—experts in the diasporas—conceived of it as a multi-ethnic

15 RUDOLF MUHR, “The State of the Art of Research on Pluricentric Languages: Where We Were and Where We Are Now”, in *Pluricentric Languages and Non-dominant Varieties Worldwide. Vol. 1: Pluricentric Languages across Continents – Features and Usage*, eds. RUDOLF MUHR, KELEN E. FONYUY, ZEINAB IBRAHIM, COREY MILLER (Wien: Lang, 2016), 19.

16 И.П. Кюльмоя, «О влиянии эстонского языка на говоры Западного Причудья», в *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии*, ред. И.П. Кюльмоя (Tartu: University of Tartu, 2004), 155–9; О.Г. Ровнова, «“Полиглоты поневоле”: языковая ситуация в старообрядческих общинах Южной Америки», в *Staroodrzędowcy za granicą*, ed. M. GŁUSZKOWSKI, S. GRZYBOWSKI (Toruń: Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu M. Kopernika, 2010), 137–57.

supra-national phenomenon based on shared language, culture and memories. They posit that this imagined community does not only include those who live in and outside the nation, émigrés of different waves and their descendants, but also all those who have affinities with Russia and its culture¹⁷. Institutions promoting maintenance of the Russian language outside the nation are sponsored by the government. These are the Foundation “Russian World”, set up in 2007, and the Federal Agency of CIS Affairs, Compatriots Abroad and International Humanitarian Cooperation, *Rossostrudnichestvo*, founded in 2008. The attitude to these organizations in the diasporas has been ambivalent since their foundation, and suspicions became stronger after the annexation of the Crimea in 2014.¹⁸ Some analysts admit that the Russian-Ukrainian conflict also accounts for a drop in trust in the Russian media on the part of diasporans.¹⁹ One reason may be that the concept of the “Russian world” broadens the goals of consolidating ties with the diaspora by linking it to the transcendent mission of the Russian people to defend and disseminate concrete values, challenging the democratic values of the West.²⁰ Another one is that “soft power” may easily transform into “hard” power.²¹ Support of and imposition of the standard version of the language, as it is maintained in Russia, is viewed by Russia’s present-day elite as a geopolitical necessity²². The imposition of the standard goes hand in hand with purism. Many leading Russian linguists are concerned about massive borrowings from English and about slang and “low style” penetrating the media discourse and movies—those very sources that have powerful influence on the speech habits of lay people. Thus, addressing members of the International Association of the Teachers of the Russian Language and Literature, its late president, Lyudmila Verbitskaya, quoted the Russian writer Alexei

17 П.Г. Щедровицкий, «Русский мир и транснациональное русское», *Гуманитарные технологии*. 28.08.2006. gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2508 (Дата обращения: 4 июня 2020 г.); В.А. Тишков, *Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества* (Москва: Academia, 2008).

18 MARIA YELENEVSKAYA, EKATERINA PROTASSOVA, “Global Russian: Between Decline and Revitalization”, *Russian Journal of Communication*, no. 2 (2015): 139–149.

19 В.А. АЧКАСОВА, А.С. СМОЛЯРОВА, «Массмедиа и консолидация “Русского мира”», *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, no. 1 (2015): 127–32.

20 ANDIS KUDORS, “Russian World” – Russia’s Soft Power Approach to Compatriots Policy”, *Russian Analytical Digest*, no. 81 (2010): 2–4.

21 TOMASZ KAMUSELLA, “Russian: A Monocentric or Pluricentric Language?”, *Colloquia Humanistica*, 7 (2018): 153–196.

22 А. Н. Рудяков, *Георусистика: первое приближение* (Симферополь: Антиква, 2010).

Tolstoy: “Treating the language carelessly is equal to sloppy, imprecise and incorrect thinking”. And she added, “It should be prestigious for the entire Russian World to speak Russian correctly”.²³ Linguistic purism is known to be a potent tool in the politics of inclusion and exclusion.²⁴ But then for a country which wants to promote its values in the diaspora, this can act as a boomerang: in diasporic communities, young people in particular have strong ties with the host cultures. As heritage speakers they are unlikely to be willing to maintain the language of their parents’ mother country if it does not incorporate realities of their own life.

4. RUSSIAN IN THE DIASPORA: SOME COMMON FEATURES

Relying on the criteria that make it possible to classify languages as pluricentric,²⁵ we will see that Russian demonstrates different types of pluricentricity. On the one hand, its status of pluricentricity is denied by the institutions and speakers of the dominant variety; on the other hand, it functions as an official language in Belarus, Kazakhstan and Kyrgyzstan, where the local variety is used in administration. Russian textbooks written after the disintegration of the USSR in these countries take into account realities of national life. This serves as the first step in codification of deviations from the standard Russian of Russia. Then there are Ukraine and Moldova, where the status of the Russian language keeps changing as part of the political struggle, currently weakening ties with Russia, and as a result creating favorable conditions for further mixing with the titular languages of these states. There are countries in the Caucasus, where the number of proficient speakers has dropped dramatically, but where Russian is still taught at schools as L1 and L2. Russian media and the linguistic landscape of these countries give many examples of deviations from standard Russian. The needs of the economy, scientific exchange and, recently, security issues, have made it necessary to have professionals proficient in Russian. However, since the influence of Russian educational

23 Л.А. ВЕРБИЦКАЯ, «Русский язык в России и за ее пределами», *Мир русского слова*, no. 3 (2014): 1–15.

24 (Romaine, 2007: 700)

25 Put forward in RUDOLF MUHR, “Linguistic Dominance and Non-dominance in Pluricentric Languages: A Typology”, in *Non-Dominant Varieties of Pluricentric Languages. Getting the Picture. In Memory of Michael Clyne*, ed. RUDOLF MUHR (Frankfurt am Main: Lang, 2012): 23–48, and elaborated later.

institutions on the teaching of Russian has considerably diminished, the role of standard Russian has also dropped. The format of this essay does not allow us to discuss the situation in the rest of the newly-formed countries. The sociolinguistic situation with Russian in the Baltic States has been analyzed in multiple studies.²⁶

MAPRYAL and the *Russian World Foundation* pursue policies which should boost Russian speakers' affinity with Russia and her culture irrespective of their ethnic belonging, place of origin and domicile. These institutions perceive attempts to preserve and solidify unified communicative space as a prerequisite of peaceful co-existence of different ethnicities, state construction and normal functioning of social institutions. They understand that to be effective, language policies should involve research.

The Federal Agency for the Commonwealth of Independent States' Affairs, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation (*Rossotrudnichestvo*), which has operated under the jurisdiction of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation since 2008, published a document called "Consolidation of the Russian Language" (rs.gov.ru/en/activities/9). This paper includes diverse statistics aimed to illustrate the role of Russian in culture and knowledge production. It claims that in terms of translation, Russian occupies fourth position among the languages from which texts are translated and seventh position among those into which various literatures are translated. What is becoming increasingly important is that it is second most often used language on the Internet. Russia and Belarus use it as the state language; in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan it is used for a variety of purposes and in different domains, making it the de facto official language. Many international organizations, such as the UN, the SCO, the WHO, UNESCO, the OSCE, and others use Russian as a working language.

Today, Russian Centers of Science and Culture function in 58 countries, organizing various activities, among them teaching Russian at different levels and for different purposes. Students learn to communicate in Russian in the public sphere, when dealing with administrative issues, conducting

26 The changes that have occurred in Central Asia have been covered in A. МУСТАЙОКИ, Е. ПРОТАСОВА (ред.), *Русскоязычный человек в иноязычном окружении* (Helsinki: University of Helsinki, 2004); ARTO MUSTAJOKI, EKATERINA PROTASSOVA, NIKOLAI VAKHTIN, eds., *Instrumentatium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian* (Helsinki: University of Helsinki, 2010); ARTO MUSTAJOKI, EKATERINA PROTASSOVA, MARIA YELENEVSKAYA, eds., *The Soft Power of the Russian Language: Pliricentricity, Politics and Policies* (London: Routledge, 2020).

business, doing banking and making investments. They are also taught Russian culture and literature, family traditions, and cuisine. They learn to speak about travelling, hobbies and various issues of private life. A new and fast expanding sphere of Russian-language instruction is heritage-language teaching to the children of expats and children from mixed marriages. About 15,000 students of various categories come to study in Russia annually (russia.study). *Rossotrudnichestvo* supplies Russian schools and instructors abroad with teaching materials and provides methodological guidance. The document cited earlier states that “support and promotion of the Russian language abroad is one of the most important instruments of expanding international cultural-humanitarian cooperation of Russia with other countries”.

Russia considers educational services as a way to earn money and influence her diaspora. The legal basis of the concept of the “Russian school abroad”, formulated in the document signed by Vladimir Putin on 11.04.2015, is the Constitution of the Russian Federation and several Federal laws: 24.05.1999 No. 99-FZ “On State Policy of the Russian Federation in Relation to Compatriots Abroad”, 29.12.2012 No. 273-F3 “On Education in the Russian Federation”. Also the decrees of the President of the Russian Federation of 11.08.1994 No. 1681 “On the Main Directions of State Policy of the Russian Federation in Relation to Compatriots Living abroad”, of 08.11.2011. No. 1478 “On the Coordinating Role of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation in Carrying out the Unified Foreign Policy of the Russian Federation” as well as that dated 07.05.2012 No. 605 “On Measures to Implement the Foreign Policy of the Russian Federation”, the Foreign Policy concept of the Russian Federation, the concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period until 2020, the generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation governing the activities of Federal bodies of state power in the sphere of international humanitarian ties, including in education. This concept complements and develops the main policy directions of the Russian Federation in the field of international cultural and humanitarian cooperation, approved by the President of the Russian Federation on December 18, 2010, and provides support to the so-called compatriots living abroad, including protection of their rights (among them, the right to study in Russian). This makes the governments of respective countries fear the soft power of the Russian language. Besides schools at the embassies which take money for studies and examinations, no Russian school managed to comply with the

regulations of any country when governed by the RF. Instead, numerous private Russian schools, courses and study groups proliferated in all the countries where Russian speakers reside. Russian businesses and Russian schools are in contact with each other. The export of the educational services also includes branches of Russian universities, Russian and Slavic universities in the countries of the Near Abroad, courses of language and culture organized by Rossotrudnichestvo and Pushkin Centers, periodical grants from the Russkiy Mir Foundation and free lectures and seminars for those who teach Russian abroad. Testing the level of language proficiency is charged for, as are logopedic consultancies. The Russian authorities often donate books and textbooks created in Russia, which is part of the promotion of the ideology among the young learners. The positive image of Russia should attract potential learners to study at the Russian universities, and each country has a quota to send their citizens to get higher education in Russia.²⁷

Finally, there are big immigrant enclaves in Canada, Finland, Germany, Greece, Israel, the U.S.A and in the countries of Eastern Europe. In Finland and Israel, Russian has become the third most spoken language and immigrant communities have created many cultural institutions supported by the state. Notably, Russian immigrants in these countries, as well as in Germany and Greece, are mainly those who belong to the category of

27 Е.Л. Кудрявцева, «Обзор русских образовательных центров в Германии», *Русский язык за рубежом*, no. 4 (2010): 110–115; Е.А. ХАМРАЕВА, «Детский модуль РКИ. Особенности организации русской школы за рубежом и методики преподавания русского языка», *Русский язык за рубежом*, no. 5 (2014): 44–54; О.В. АЛЕКСАНДРЕ, Н.И. НИКОЛЬСКАЯ, «Тестирование детей-билингвов в русском учебном центре “Матрешка” в Швейцарии: о том, как все начиналось», *Русский язык за рубежом*, no. 6 (2016): 26–32; А.Л. АРЕФЬЕВ, Н.М. ДМИТРИЕВ, «Русские школы за рубежом», в *Образование и наука в России: состояние и потенциал развития*, ред. М.К. Горшков, А.Л. Арефьев, Г.А. Ключарев, Ф.Э. Шереги (Москва: Центр социологических исследований Министерства образования и науки Российской Федерации, 2016): 373–380; И.В. Лафи, «О необходимости разработки единых рекомендаций для русских школ выходного дня на примере программы по истории и литературе», в *Инновации в отраслях народного хозяйства, как фактор решения социально-экономических проблем современности*, ред. Е.Е. Бодрова (Москва: Институт непрерывного образования, 2018): 170–177; О.В. Миронюк, «Особенности преподавания русского языка детям-билингвам в Центре Института русского языка им. А.С. Пушкина в Париже», *Русский язык за рубежом*, no. 2 (2018): 69–74; И.И. БАРАНОВА, «Международное сотрудничество в продвижении русского языка и русской культуры за рубежом», *Teaching Methodology in Higher Education*, no. 7 (2019): 8–16; М.Н. РУСЕЦКАЯ, А.В. ЛАГУТИНА, О.А. ВЕЛИЧЕНКОВА, «Возможности организации логопедического онлайн-консультирования русскоязычных семей за рубежом», *Русский язык за рубежом*, no. 1 (2020): 89–93.

“returning diaspora”. In Greece and Israel, a large percentage emigrated from Ukraine, and in Germany from Kazakhstan. The Russian spoken by these people when they migrated deviated from the standard Russian of Russia. Contacts with the titular languages of the host countries added new features to their speech. These differences are most noticeable in prosody and lexis. Russian spoken by immigrants includes a large number of borrowings which can be classified as follows:

- Vocabulary of administration and legalese. These words have entered ethnolects of Russian speakers residing in the new states on the territory of the FSU in which Russian does not have the status of an official language;
- Cultural borrowings (names of holidays, foods, rituals, clothes, crafts, etc.). In the Russian spoken in the FSU, some of these terms were absorbed much earlier since the language contact situation started as early as in the period of the Russian Empire;
- local toponyms;
- words expressing emotions;
- local slang.

Due to a highly developed system of affixes, newly borrowed words do not stay long as exoticisms: Russian ethnolects in the diaspora quickly “domesticate” them. Many acquire diminutive, endearing or pejorative suffixes and form derivatives. Experimental research has shown that changes in the diasporans’ lexicon are reflected on the cognitive level and emerge in verbal associations that differ from those in the metropolis.²⁸

Russian ethnolects also differ from standard Russian in their pragmalinguistic features. They absorb local forms of politeness, often appearing as calques, and forms of address. One of the most distinctive features is the wide-spread abandoning of the second person plural pronoun “Vy” used to address one person as a feature of politeness and social hierarchy.

28 MARIA YELENEVSKAYA, IRINA OVCHINNIKOVA, “The Transformation in Language and Culture of Russian-speaking Israelis as Reflected in Free Association sets”, *Вопросы психолингвистики*, no. 2 (2015): 226–41.

5. RUSSIAN IN SOUTHERN AND CENTRAL EUROPE

We will now take the reader to those places in Europe which are seldom discussed in the literature devoted to the functioning of the Russian language outside the nation. This section provides a comparative analysis of immigrant groups diverse in terms of settlement patterns, their length of residence, and degree of acculturation. We will look into their status in the host societies and attitudes to the language of their home countries. We will examine the cultural institutions they have created and the role they play in the economy of their countries.

Russian policy in Southern Europe used to be differentiated on the state level; some countries were treated as close allies, while others remained rather distant.²⁹ A variety of religious issues also played a role: historically, the Orthodox countries supported each other and displayed solidarity in days of trial. Today, after decades of turbulence, the Balkans and Greece have become an attractive tourist destination. Residents of Russia coming for a vacation there no longer opt for package tours but choose to travel independently, and the ability of the hosts to speak Russian is viewed as a boon. Many post-Soviet émigrés settled in the Balkans. They choose various methods of integration and make different decisions concerning native language maintenance in their families. Russia and Greece have had a long history of exchanging populations. Neither émigrés of the post-revolutionary, nor of the post-Soviet waves had to start from scratch but could benefit from the cultural institutions created by their predecessors. Despite significant differences between the 'White' and post-Soviet immigration waves, in terms of demographic features and motives for migration, their patterns of community building in Greece were quite similar.

Besides Russian citizens of various ethnic origins, the Balkans have become home for many Russian-speaking citizens of Kazakhstan and Ukraine. Settling down, the newcomers join Russian-speaking communities but also form their own. Like Russian émigrés, they open schools to facilitate language and culture maintenance in the second generation.

Exploring experiences of the Russian immigrants in Greece, we will demonstrate how Greece, a purely mono-national state accustomed to emigration but lacking experience in hosting immigrants, greeted the

29 Cf. DIMITAR BECHEV, *Rival Power: Russia in Southeast Europe* (New Haven: Yale University Press, 2017).

waves of Russian “late home-comers”. Despite the societal pressure to adapt and assimilate, Russian-speaking immigrants of different waves succeeded in preserving and transferring Russian language and traditions to new generations. Notably, Russophones did not remain on the periphery of Greek society but came to play a significant role in various domains, primarily in science and culture.

The Orthodox Slavs in Southern Europe, especially Serbs, but also Montenegrins, regard Russians as a brotherly nation with a long history of helping Serbs when in need. In the first half of 18th century, when there was a significant exodus of the Orthodox population from the Ottoman lands to Austro-Hungarian Vojvodina, an important cultural import was that of teachers from Russia, the most famous of whom were Maksim Suvorov and Emanuil Kozačinski.³⁰ Later the Serbian kingdom and Montenegrin rulers enjoyed the support of the Russian Empire; this support was mostly moral, but at times also political and economic.

Yugoslavia came into existence as the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes after World War I. An Orthodox country, using Cyrillic alongside with Roman alphabet, it welcomed the White Emigration. Alexander I of the Serbian Royal House of Karađorđević, favored Russians who had helped his country and tried to make a new home for them. He sponsored the establishment of Russian schools of the old type, especially praising their success in teaching mathematics. He allowed Russians to receive military education and he welcomed Russian cultural life—among other forms, theater events. Russian professors were permitted to teach at the universities; thus at the University of Ljubljana, six out of eighteen professors were of Russian origin. The first Russian *Matica* (association) was founded by A.D. Bilimovich in 1924 in Slovenia; afterwards, similar organizations appeared in Serbia and Croatia, aiming to help Russian culture thrive and reinforce Russian national identity away from the Fatherland. The émigrés brought up their children in the spirit of Russian educational traditions. They organized lectures, concerts and theatre performances. They published newspapers, books and journals, and put together a library that got all the new

30 WERNER LEHFELDT, “Herausbildung der Standardsprachen bei Serben und Kroaten. Die slavischen Sprachen”, in *Handbook of Linguistics and Communication Science*, Hrsg. KARL GUTSCHMIDT, SEBASTIAN KEMPGEN, TILMAN BERGER, PETER KOSTA, Halbband 2 (Berlin: De Gruyter Mouton, 2014): 1449.

publications released in the USSR. They took part in creating Yugoslav opera and ballet, and they contributed to the development of tertiary education and educational cinema. Serbs were disappointed to see that many were not enthusiastic about mastering Serbian which they perceived as broken Russian; others adopted the local way of life, preferred Serbian schools to those created by their compatriots and welcomed their children's evolving multilingualism. Every year Matica's members and friends went to visit the Russian chapel of St. Vladimir erected in the Slovene Alps during World War I by the Russian prisoners of war. In the 1930s, Russian youth founded the National Union of the New Generation (later NTS, *Narodno-trudovoj sojuz* [National Alliance of Russian Solidarists]), which was committed to fighting against communism. After World War II, many displaced people had to leave Europe with fake documents or changed their country of residence.³¹ One can find biographies of a considerable number of White Russian emigrants to Yugoslavia in Wikipedia and some of them have English versions.

While paying tribute to the role of the White Russian immigration in its culture and economy,³² **Serbia** has a controversial attitude to contemporary Russia. Honoring Russia is sometimes difficult to combine with aspirations to join the European Union. The Russian presence is more visible on the official than on the personal level. In the last decade, some Russians tried to establish businesses, buy property or study in Serbia (see *serbialife.ru*). At the same time, there were some waves of Serbian migration to Russia. The reasons to stay in Serbia are a pleasant climate, reasonably low prices, an ease of getting the residence permit, a language that is quite comprehensible, the same religion, and positive attitudes of the population towards Russianness. In the linguistic landscape, an observer notices some markers of Russian presence, such as a monument to General Wrangel in Sremski Karlovci, the White Army cemetery in Belgrade, and the Hotel

31 Г.Н. САФРОНОВА, *Культурно-просветительные организации российской эмиграции в Югославии в 1920–1930-е гг.*, канд. дис. (Москва: Московский педагогический государственный университет, 2005); В.А. ТЕСЕМНИКОВ, В.И. КОСТИК (ред.) *Русский Белград* (Москва: Издательство Московского университета, 2008); IRINA MAKAROVA TOMINEC, "Ruščina in slovenščina: jezikovna odstopanja v ruščini pod vplivom slovenščine kot jezika okolja", *Jezikoslovni zapiski*, no. 2 (2015): 159–89; О. МАТИЧ, *Записки русской американки. Семейные хроники и случайные встречи* (Москва: НЛО, 2017); Ю. МЕСАРИЧ (ред.), *Русский след в Словении* (Ljubljana: Zavod Vesela dRuščina, 2018).

32 See, e.g., MIODRAG SIBINOVICH, ed., *Ruska emigracija u srpskoj kulturi XX veka*, tt. I, II. (Beograd: University of Beograd, 1994); Б. ЧУРИЧ, *Из жизни русского Белграда* (Beograd: University of Beograd, 2015).

Moskva, a part of the Palace Rossiya built in 1908—all of them reminders of the common past. Among the new markers of Russian presence one can notice advertisements in Russian suggesting that tourists should buy furs and the Russian Railway company, which Serbians most probably perceive as an international company.

Slovenia has received most of its recent Russian-speaking immigrants in the 21st century because it has the most humane immigration legislation in the EU. Newcomers arrive predominantly from Ukraine and Russia. The reasons for immigration might be political and economic uncertainties in the country of birth, a lack of resources, poor working facilities, as well as a consequence of climate change and pollution. Émigrés are attracted by the European lifestyle secured by a constitutional state. They hope for quality education and bright future for their children and a dignified old age for themselves. They enjoy the unpolluted environment, the Alps and the sea, and reasonable housing prices. The road infrastructure is well developed, cars are inexpensive, and police are “normal”. Having left “the sixth largest part of the earth”, they like living in a small country. The brochure “*Dobro pozhalovat’ v Sloveniju!* [Welcome to Slovenia!]” and the website *dialog-slovenia.com* entice newcomers by mentioning the climate, security, the culinary and wine culture, medical services, free schooling, Slavic roots, civic conditions for entrepreneurship, the proximity of European attractions in adjacent Italy, Austria and Croatia, and the possibility of travelling to Great Britain and the U.S.A. They admit that while living in Slovenia is comfortable, it is not easy to find a well-paid job. Many owners of capital accumulated in Russia travel to spend it in Slovenia surrounded by compatriots. Russian speakers frequent the Centre for Russian Culture and Science (*ruskicenter.si*). The country offers favorable conditions for creating businesses, which entitles owners to obtain a residence permit. Russian businessmen consider small hotels to be reasonable investments, because Slovenia has developed into an attractive tourist destination.

Materials published for tourists in Russian are translations and are usually made by competent speakers of both languages, yet, they are not perfect. In the brochure in Russian “*Turisticheskij spravochnik*” [Tourist guide], posted at *visitljubljana.com/ru/posetiteley*, errors in Russian stem from interlingual homophones differing in meaning. Thus, *ogovorki* means “slips of the tongue” in Russian but “conditions” or “terms” in Slovenian, so the use of this word in the phrase intended to be “booking terms” puzzles the Russian reader. *Reguljarnyj osmotr* - Russian for “regular inspection” is

used instead of *ezhednevnye tury* ‘everyday tours’, *dejatel’nosti* ‘business, public or occupational activities’ for *razvlechenija*, *aktivnost’* ‘leisure activities, things to do’, etc.

Russian-speaking parents are invited to live and study in the country without the family having to discard their native language (*ruskasolasi*)—the law on education guarantees the right to maintain minority and immigrant languages. There is a full-day Russian school affiliated with the Russian Embassy. Complementary education for children and adolescents (aged 3–17) is conducted in the framework of the school “*Vesjolye rebjata* [Joyful Children]” in Ljubljana, Novo Mesto, Koper and Radovlica in ordinary school buildings, and the grades are included in the matriculation certificate. A school pupil receives three lessons per week (105 lessons per school year), while pre-primary school children receive only two lessons per week. The school offers a variety of subjects to study: Russian language and literature, communication, creative writing, logic, culture, music and civilization. All students are provided with free teaching materials from Russia; and all the teachers obtained their professional education in Russia. The Russian language Olympics contest, New Year celebrations, *Maslenica* (Pancake Week and the winter carnival), Pushkin’s birthday are traditional festive events. In the school journal “*Kljuchik*” [Little Key] published by the students once a year, we read that some children come from bilingual families and speak Russian with their mothers and grandmothers. Some speak Ukrainian at home, Russian at school and in their leisure time. One of the students writes that she was born in Russia and couldn’t “simply throw out the Russian language”, as half of her life, and all her childhood memories are connected to it. Her friends still live there, so, she intends to keep learning Russian for a long time and pledges never to forget it. Among the pupils there are adopted children continuing to learn their heritage language. Clearly, parents trust the school, and the school reciprocates in doing its best.

The international club of Slavic compatriots maintains a center for mutual help and support, “*Ruslo*”. Its mission is to facilitate logistics, help prepare various documents, and provide legal services. The name of the center is an interlingual pun, combining the Russian “river bed” with the Slovenian “canal, track”. It plays with the sound similarity of this word with “*russkii*”. The Russian school “*Stupen’ki*, “Steps” functions under the auspices of the centre. Visitors to the Orthodox church see announcements and greetings in Russian.

Professor Emerita in the Russian Language Department at Ljubljana University, Alexandra Derganc, gave us an interview on September 21, 2017. She was born in 1948 in Maribor. Her father was Russian from Kireevka in the Orel region; her mother was half German and half Slovene. Her grandfather joined the White Army and ended up in Constantinople (Istanbul), where he met English industrialists who invited him to work for them in Slovenia. His wife and children joined him some years later with the help of the Red Cross. A chemical engineer by profession, Alexandra's grandfather worked at the factory, and her grandmother gave French lessons, or as the interviewee put it in archaic Russian *davala chasy* literally 'gave hours' That was their life. Her grandmother learned the Slovene language rather well, but her grandfather *govoril vsju zhizn' kakuju-to smes'* 'all his life spoke some mixture'. At home grandparents spoke Russian, and her father went to a Russian school and later to a Russian high school in Beograd. Slovene was not his mother tongue, although both Slovene and German were spoken in his family. As a child, Alexandra could understand but couldn't speak Russian; she studied Russian and English at the university.

Ljubljana University was founded in 1919, and R. Nachtigall who had studied in Graz became the first professor of Slavic languages at the new university. After WWII, many people studied Russian, and it was taught at school, but in 1968 its popularity dropped, and since 1980 it has not been in the school curricula. The lowest number of students enrolled in Russian courses in 1979, the year when Soviet troops invaded Afghanistan. With Perestroika, interest started growing, and now about 100-150 students learn Russian. Some high schools offer Russian as a foreign language again, but most of the students are beginners. A new phenomenon in the system of education is a growing number of heritage speakers who need a different type of instruction from students who learn it as a foreign language. At the University of Koper, Russian is taught for practical use in a variety of contexts.

Montenegro has recently become a major destination of Russian emigration. Most newcomers have invested in summer houses. They have opened boarding schools and camps for Russian-speaking children. Some families have second homes elsewhere. Montenegro has earned a reputation as a haven for Russian dissidents, and Russians' interests go beyond peaceful dwelling near the sea.³³

33 DIMITAR BECHEV, *The 2016 Coup Attempt in Montenegro: Is Russia's Balkans Footprint Expanding?* (Sofia: Foreign Policy Research Institute, 2018).

Russian speakers in Montenegro maintain the website *rudiaspora.me*. The Adriatic College (*adriaticcollege.com*) is a polylingual school in Budva for children aged 3 to 17 with the curriculum compatible with European, Russian and Montenegrin standards. The most popular media resource is “*Ruskij vestnik – Chernogorija*” (*rusvestnik.me*)

Russian tourists form the second largest group of the country’s visitors. In 2017, only tourists from neighboring Serbia accounted for more arrivals, whereas Russian tourists had more overnight stays, topping the list with 26.7% of all overnight stays in Montenegro.³⁴ Compared to less than 5% of the tourist arrivals in Serbia, Croatia, Slovenia and Bosnia-Herzegovina, and slightly less than 10% of the tourist arrivals in Bulgaria, the appeal of Montenegro to tourists from Russia is self-evident.³⁵ In July 2018, travelling with (blonde) children in Kotor and its surroundings, we were addressed in Russian everywhere and heard Russian spoken by fellow tourists everywhere. Chatting with the owner of a chain of local hamburger restaurants we found that the number of Russian tourists was decreasing, and Turkish tourists might be the next big thing – but Montenegro, he felt, would not be attractive to Turkish tourists because of the prices.

In the linguistic landscape of Montenegro, texts in Cyrillic are primarily Russian. In addition to restaurant menus, advertisements from real estate and tourist agencies and different service businesses appear in Russian predominantly in the tourist zones. Some of these firms belong to Russian speakers from the FSU. Many older Montenegrins speak Russian as they learned it at school. In the speech of a tourist guide who uses Russian on an everyday basis, the accent is hardly audible: I and Y, soft and hard consonants are confused, and word stress is not always right: *vísjat* for *visját*, *rimljáne* for *rímljane*, *ózernyj* for *ozjórnyj*, *korólevstvo* for *korolévstvo*, *dochkámi* for *dóchkami*). Sometimes alternation of sounds was wrong (*postavljat* for *postavjat* ‘will deliver’) and sometimes case endings in nouns were mistaken (*cena sutki* for *cena za sutki* ‘day price’, *za etix sto evro* for *za eti sto evro* ‘for these 100 euro’, *po 19-m veke* for *do 19-go veka* ‘until the 19th century’, *govorit’ etim jazykom* for *govorit’ na etom jazyke* ‘speak this language’, *ego nasledoval* for *emu nasledoval* ‘inherited from him’), absence of reflexives (*proguljat’* instead of *proguljat’sja* ‘hike’, *nauchat* for *nauchatsja* ‘will learn’, *poselili* for *poselilis’* ‘settled down’, *torgovat’*

34 Monstat, *Survey on Arrivals and Overnight Stays of Tourists*, June 1, 2018, dzs.hr_bhas.ba_stat.si/StatWeb/en_nsi.bg_stat.gov.rs/en-US/oblasti/ugostiteljstvo-i-turizam/turizam.

35 National Statistical Institute, Sofia, and Statistical Office of the Republic of Serbia, Croatian Bureau of Statistics, Republic of Slovenia Statistical Office (Accessed: October 26, 2018).

for *torgovat'sja* 'bargain') and constructions like *uznaem, esli postroili for uznaem, postroili li* 'we'll know whether they have built'; *est' i takix ljudej for est' i takie ljudi* 'there are such people', Montenegrin lexis (*mapa for karta* 'map', *velilepnyj for velikolepnyj* 'beautiful').

Russians have lived in **Bulgaria** for more than 200 years. This period embraces church migration (Old Believers and post-revolutionary émigrés), political refugees in the late 19th century, and soldiers who remained after the country's liberation from the Ottoman Empire. White émigrés in the 1920s-1940s included General Wrangel's army of tens of thousands of militants. There were also Bulgarian returnees with their Russian families after WWII. Every big city has its own history of relationships with Russia and Russians. Bulgarian-Soviet friendship and diverse contacts led to numerous mixed marriages, and the Union of the Soviet Citizens in Bulgaria was founded.

In the first half of the 20th century, men dominated in the immigration influx, but in the second the number of women exceeded men. After the collapse of the Soviet Union, the gender composition of the immigration waves became balanced. Many Russian immigrants contributed to the development of Bulgarian science and technology. Russian schools operated here before and after WWII. Russian ballet, theater, painting, education, medicine, and journalism had a significant impact upon Bulgarian way of life. Russian cemeteries, archives, museums and legations are places where the memory of those people is preserved. Twenty thousand Bulgarians studied in Soviet tertiary educational institutions and about two thousand after 1992, and these numbers do not include alumni of the military schools.³⁶ These young professionals returned to Bulgaria, often together with their Russian-speaking family members.

The Russian-speaking diaspora today combines members or descendants of all the immigration waves. In the 1990s, new organizations came into existence. Some of them were and others still are involved in publishing periodicals: the Russian club *Raduga* [Rainbow] published the newsletter *Russkoe slovo* [Russian Word]"; the Union of the Descendants of the Russian Nobility in Bulgaria published "*Dvorjanskaja gazeta* [Nobility

36 Экспорт российских образовательных услуг. Статистический сборник. Вып. 7. (Москва: Центр социологических исследований, 2017): 24, 41, 287; Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации. Статистический сборник. Вып. 15 (Москва: Центр социологических исследований, 2018): 23.

Newspaper]; the Russian Orthodox church distributes *Luch* [Ray], and the old White émigrés issue *Belaja Volna* [White Wave]”. The latter also assist individuals filing restitution claims to the property confiscated by the former socialist regime. As in many other countries, in the 2000s the situation of the Russian press changed. All the media are interested in global and local history. Russian life today, especially its connections to Bulgaria, and the Russian-speaking migration attract the reader. Many Bulgarians experience nostalgia for the hearty friendship of the past. Today, different organizations of compatriots operate in the country, including associations of academics, patrons of chamber theater, and self-support groups of the disabled. The weekly *Rusia dnes* [Russia Today]” has sections targeting Russian-speakers in Bulgaria. Information it publishes concerns questions that may interest visitors, e.g., property laws, sightseeing and entertainment, legal advice, information about medical services, and others. Bilateral Bulgarian-Russian relations used to be in the focus of *Russkaja gazeta v Bolgarii* [Russian newspaper in Bulgaria]”.³⁷ Most of the paper editions closed during the crises of 2008 and 2014 but the online versions thrive.

The new amendment of the Law on Foreigners³⁸ stipulates that young volunteers coming to work in Bulgaria may receive a residence permit for one year. Researchers involved in projects at research organizations of the European Union may live in Bulgaria with their families; students and seasonal workers are also granted a special status.

A lot of Russians buy a second home in Bulgaria, and the peak of these acquisitions was less than ten years ago.³⁹ Among those who choose Bulgaria as their permanent domicile we find people of different age groups and different incomes. Seniors form a significant group; many of them own businesses in Bulgaria or in Russia and invest in the Bulgarian economy. One district of Pomorie is called “Little Moscow”, and a Russian school has opened there fairly recently. The Orthodox religion, historical ties, membership in the European Union, an amiable climate, reasonable prices, the possibility of maintaining Russian as a home language for children (see *rurech.bg*, *shkolaburgas.bg*), the proximity of the languages and cultures of the mother and host countries help newcomers to integrate. Mixed

37 С.А. Рожков (ред.), *Русское зарубежье в Болгарии: история и современность* (София: Русский Академический Союз в Болгарии, 2009).

38 This law passed 16.03.2018 lex.bg/bg/laws/ldoc/2134455296

39 Н. ИВАНОВА, «Русские и русский язык в Болгарии: языковая среда и двуязычное образование», в *Многоязычие и семья*, ред. А. НИКУНЛАССИ, Е. ПРОТАСОВА (Berlin: Retorika, 2018): 26–36.

marriages were common in the socialist times and this trend in family-making continues, which is exceptional for a country with one of the lowest level of mixed marriages in Europe. Most Bulgarians approve of Russian immigration. Festivals, concerts and exhibitions organized by the Russians are frequented by the hosts since many Bulgarians are still proficient in Russian. During the entire socialist period, from 1944, Russian was studied as a mandatory school subject. Today many universities still have Russian departments, and the linguistic journal *Bolgarskaja rusistika* [Bulgarian Russistics]” is published regularly (*bgrusistika.com*). Russians in Bulgaria help each other cope with legal, psychological and economic problems⁴⁰.

Those who have lived there for a while mention that their Russian is influenced by Bulgarian. It starts with talking about documents needed for domicile in Bulgaria. It is easier to adapt legalese to Russian morphology than translate it into Russian. Names of foods, in particular vegetables and fruit forming a substantial part of the local diet are also quickly integrated into speech. Names of shops are also borrowed: *sladkarnica* replaces *konditerskaja* [confectionary], *xlebarnica* is used for *bulochnaja* [bakery], and *mesarnica* for *mjasnoj magazin* [butchery]. An interesting phenomenon is the use of Bulgarian suffixes and stresses in common lexis: *prijatelka* for *prijatelnica* ‘female friend’.⁴¹ Some use Latin-based lexis in Russian in the same way as they use it in Bulgarian: *lokacija* for *mestopolozhenie* [location], *vakacija* for *kanikuly* [vacation], *restrikcija* for *ogranichenie* [restriction]. Notably, in Russian these words do not belong to the everyday vocabulary. In the Russian language of those who grew up bilingual the influence of the language of the host society is deeper.⁴²

Greece stands out among other immigrant-receiving countries due to its complex migratory relations with Russia. These relations have an intricate history, they are multifaceted and multilayered. Talking about mass migration, we can name as many as four waves only in the twentieth century: twice Greeks moved to Russia and twice Russians (or rather Russian speakers) migrated to Greece. It all began when after the fall of Constantinople—the capital of the Byzantine Empire—into the hands of

40 See, e.g., *bulgaria-dobrich.ru*)

41 Н. ИВАНОВА, «Русские и русский язык в Болгарии: языковая среда и двуязычное образование», в *Многоязычие и семья*, ред. А. НИКУНЛАССИ, Е. ПРОТАСОВА (Berlin: Retorika, 2018): 26–36.

42 А. БАРАНОВА, «Некоторые нарушения в родной речи русских, живущих в Болгарии, под влиянием болгарского языка», в *Русский +*, ред. Е. Протасова (Helsinki: SVKKY, 2000): 100–4.

the Ottomans in 1453 there was a mass flight of the Greeks. Some fled to Rome, heading for the West, others chose Muscovy. Then in 1770, after the suppression of the Orlov revolt on the islands of the Archipelago in the Aegean Sea, Greeks escaped to find refuge in Russia then ruled by Catherine II. Particularly large Russo-Greek migratory flows can be traced to the 20th century: first, Greeks fled to Russia and the Caucasus in the 1920s after the Turks attempted to physically exterminate the Greek population of Asia Minor and the Pontus. Almost simultaneously, mass emigration from the Russian Empire took place after the Revolution of 1917, and Greece was one of the destinations. The year of 1949 was marked by migration of Greek partisans to the countries of the Eastern bloc and the USSR (Uzbekistan) after the defeat of the Democratic Front during the Civil War, which followed WWII and the occupation of Greece by Nazi Germany. Finally, there was an exodus of Soviet citizens after the country's collapse. Among several returning diasporas, émigrés of the 1990s, there were Russian speakers of Pontian origin who had left their homes in the former Soviet republics for Greece.

In short, Russia and Greece have had a long history of exchanging populations. Neither the post-revolution, nor the post-Soviet migrants had to start community-building from scratch, although the differences between these two “emigration tsunamis” were striking. Despite significant differences between the “White” and post-Soviet immigration waves in terms of demographic features and motives for migration, their patterns of community building in Greece were quite similar. The first thing natives of the Russian Empire and, more than seventy years later, children of the Soviet empire did was to create interest groups and voluntary associations, launch schools and establish newspapers—all in an attempt not to get lost in an alien environment but to “retrieve” space where they would be able to create and cultivate their mini-homeland, just like their ancestors, the Greeks who once escaped to Russia, did and whose experience of emigration was well known to their descendants.⁴³

Greece is a purely mono-ethnic state, and Greeks, accustomed to migration but lacking the experience of hosting immigrants, greeted the waves of Russian “late home-comers”. Despite the societal pressure to adapt and assimilate, Russian-speaking immigrants of different waves strove and

43 Cf. KIRA KAURINKOSKI, “Migration from Ukraine to Greece since Perestroika: Ukrainians and ‘Returning’ Ethnic Greeks. Reflections on the Migration Process and on Collective Identities”, *Migrance*, no. 31 (2008): 71–85; KIRA KAURINKOSKI, *Le « retour » des Grecs de Russie. Identités, mémoires, trajectoires* (Athènes: École française d’Athènes, 2018).

succeeded in preserving and transmitting Russian language and traditions to new generations. At the same time, they did not remain on the periphery of Greek society but have played a significant role in various areas of the country's life, mainly in science and culture. Numerous NGOs, afternoon schools, newspapers, websites and businesses form the Russian-speaking infrastructure. Most of the newcomers reside in Athens and Thessaloniki. While adapting to the Greek way of life, people with different background in the countries of the FSU share a common past.

Despite a long cultural tradition and the development of a conventional system of transliterating Greek geographic names, immigrants who are poorly educated transliterate them again as if they were the first to hear of them (Rus. *Santorin, Evbeja, Samofrakija, Geba, Gesiod* are called *Sandorini/Santorini, Evija, Samotraki, Ivi, Isiod*). The Russian ethnolect in Greece reflects local realities: names of documents, everyday habits, architectural details, building materials (e.g., *merokamoto* 'day payment', *mesa/ekso* 'with/without accommodation', *isogie* 'basement', *trohospito* 'caravan', *asfalias* 'armored', *polikatikia* 'multistoried building', 'kinohrista', etc.). Even those who are not proficient in Greek use abundant Greek communicative tags (e.g., *ohi* 'no', *endaksi* 'Ok', *ela* 'let's', *ti kanis?* 'how are you?', *sig-a-sig-a* 'little-by-little', congratulations). The Russian of the second generation immigrants has absorbed Greek lexis and syntax more extensively than that of their parents.⁴⁴

Greeks usually have a positive attitude towards Russia, Russians and the Russian government.⁴⁵ This creates favorable conditions and motivation for both groups to learn the language and traditions of each other.

In the countries known today as the **Czech Republic** and **Slovakia**, the first 'White' wave of Russian emigration left a huge imprint on the culture between the two wars (cf. Prague Linguistic Circle). Returning White and Red Czechs (the writer Jaroslav Hašek among them) built bridges between the cultures too. The contribution of these people was forgotten after 1945. In socialist times, ties between Czechoslovakia and the USSR were both official and

44 Е. ЯНОВА, «Проблемы обучения русскому языку в греческой аудитории», в *Ошибки и многоязычие*, ред. А. НИКУНЛАССИ, Е. ПРОТАСОВА (Helsinki: University of Helsinki, 2014), 114–31; Е. КРИЧЕВСКАЯ, Е. ЯНОВА, «Крутые виражи двойной эмиграции», в *Многоязычие и образование*, ред. Ю. МЕНЬШИКОВА, Е. ПРОТАСОВА (Берлин: Риторика, 2019), 28–43.

45 MARGARET VICE, "Publics Worldwide Unfavorable Toward Putin, Russia", August 16, 2017, pewglobal.org/2017/08/16/publics-worldwide-unfavorable-toward-putin-russia (Accessed: June 4, 2020).

informal, especially among the intelligentsia. The Soviet invasion in 1968 destroyed many relationships, while others—between the dissidents and the radical communists—grew. After perestroika, especially in the 21st century, the new waves of migration are multi-ethnic and multicultural. One can find people from different corners of the FSU. Many are Ukrainians but they join the group of Russian-speakers. These newcomers are education-, start-up- and business-oriented.⁴⁶ The recent diplomatic wars between CR and RF demonstrate that among other advantages of being in Central Europe, this location is favorable for espionage. Nowadays, in both countries, Russian speakers form communities, have their clubs, schools, stores and websites, etc. Prague is one of the main tourist destinations of Russian speakers in Europe. In 2015, the Russian language received minority status in Slovakia.

Teaching Russian as a foreign language started after WWII and covered the whole country. Nowadays, tens of thousands are still learning it, and the quality of research remains high.⁴⁷ Chalupa⁴⁸ has reflected on the practical use of the Russian language in the past and today, and on the motivation of Czechs to learn it. He has also hypothesized about its future. Numerous comments published in response to his article reveal that the matter is of interest to the public. Eva Kollarova, a famous Slovak specialist in Russian, edits an influential journal “*Russkij jazyk v tsentre Evropy*” [Russian Language in the Centre of Europe] providing discussion space for teachers and students of Russian; more journals on Slavistics are published. Many errors in the Russian speech of Slovaks are caused by differences in government, gender, number, in meanings of cognates, paronymic contaminations, etc. These deviations from the metropolitan

46 L'UBICA HARBUĽOVÁ, *Ruská emigrácia a Slovensko: pôsobenie ruskej poškôbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919-1939* (Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2001); A.B. ЧУМАКОВ, *Россияне в Словакии. История и современность* (Bratislava: Stredna odboma skola polygraficka, 2008); Н.И. КОМАНДОРОВА, *Русская Прага* (Москва: Вече, 2009); О. АЛБОРОВ (ред.-сост.), *Россияне в Чехии: вчера и сегодня* (Praha: Ottovo nakladatelství, 2012); Е.Ю. ПРОТАСОВА, *Русская эмиграция в Чехословакии 1920-1930-х гг. в оценках современной российской историографии*, канд. дис. (Воронеж: ВГУ, 2012); PETR HLAVÁČEK, MYCHAJLO FESENKO, *Rusové v Praze: Ruští intelektuálové v meziválečném Československu* (Praha: Filozofická fakulta UK v Praze, 2017).

47 Я. ГРАНАТОВА, Е.Н. БАРЫШНИКОВА, «История, современная ситуация и перспективы преподавания русского языка в Чехии», *Вестник РУДН. Русский и иностранные языки и методика их преподавания*, no. 3 (2012): 121–4.

48 KRISTIÁN CHALUPA, “Od fanatické ruštinářky po solidní výuku na univerzitní půdě. Jak se daří ruštině v Česku?” *HP*. July 7, 2017. hlidacipes.org/od-fanaticke-rustinariky-roztrhanym-vysvedcenim-solidni-vyuku-univerzitni-pude-se-dari-rustine-cesku (Accessed: June 4, 2020).

standard are the sources for the emergence of a Russian ethnolect in Slovakia.⁴⁹

Among research projects dedicated to Slavic language contacts, a study carried out in Slovakia by Tsifrak⁵⁰ is of special interest. She discusses a new variant of the Russian language as used by Russian émigrés. Russian and Slovak are genetically related, so it is not so difficult for Russian speakers to understand Slovak, and as time goes on, the two languages merge into one system. Tsifrak notes that the dwellers of the post-Soviet space are accustomed to mixing cultures and languages, but habitual code-mixing may produce an unexpected effect, sometimes changing the sense of what was intended, and sometimes creating a comic effect. Thus, *ovocie* in Slovak is close to the Russian овощи [vegetables] but it denotes fruit while vegetables are *zelenina* – perceived by Russian speakers as ‘edible greenery’. Words and phrases frequently used at work, in shops, restaurants and other public places form a linguistic cocktail in the heads of bilinguals who do not acquire the language of the host country in the classroom but in the situation of uncontrolled language immersion. Such expressions are well remembered and form the basis of Russian macaronic expressions: *наступить на автобус* (*nastupit na autobus* in Slovak) instead of *сесть в автобус*, or *дам себе чай* (Slovak *dam si čaj*) instead of *выпью чая*. In their new language immigrants often find words attractive due to the emotional depth or succinctness, like *obdivovat* that simultaneously stands for wonder, appreciate and marvel. They are amused to discover words that have phonetic similarity with familiar Russian ones but have a different meaning. These pairs confirm Tsifrak’s observations: *rodina* is not ‘homeland’ like in Russian but ‘family’. *Pohoda*, with its stress on the 1st syllable, is only slightly different in form from the Russian *pogoda*, but it means ‘super, o.k.’, while in Russian it is ‘weather’. *Zakusky* is a sort of dessert but not an appetizer as in Russian. Such interlingual quasi-homophones are a source of amusement for language learners and form an essential part of émigré folklore. *Runet* still gives many links to these pairs⁵¹. Notably, as émigrés improve their proficiency in the language of the

49 Т.В. КОРЕНЬКОВА, А.Ю. КРАЕВ, А.В. КОРЕНЬКОВ, «Русский язык в Словакии», в *Russian Language in the Multilingual World*, ed. A. NIKUNLASSI, E. PROTASSOVA (Helsinki: University of Helsinki, 2019), 172–92.

50 Н. ЦИФРАК, «Языковой коктейль: как сохранить чистоту русской речи», *Ключ к жизни за рубежом*. 28.7.2017. key-journal.com/2017/07/28/jazykovo-j-koktejl-kak-sohranit-cistotu-rechi (Дата обращения: 4 июня 2020 г.).

51 See, e.g., virtualireland.ru/showthread.php?t=49753, creu.ru/smeshny-e-slova-i-frazy-15836, (retrieved June 4, 2020).

host country, these words stop being funny and lose associations with their Russian counterparts.

6. CONCLUSION

Research of Russian as a pluricentric language is still in its infancy. Russian in the nation has changed dramatically after the disintegration of the Soviet Union. Under the influence of language policies, favoring hegemony of titular languages and limiting the functions of Russian in the public sphere, ethnolects on the territory of the FSU also underwent changes, absorbing lexis that was not needed in the Soviet times. New ethnolects began to develop in the countries where big communities of ex-Soviets settled down. This is not always welcomed by the majority society. Attitudes towards learning Russian depend mostly on Russia's politics, economy, tourist flows and some other socio-economic factors. Demand for proficient Russian speakers is dynamic and may come up unexpectedly. One proof of this is that universities in the predominantly Russian-speaking cities of Narva (Estonia) and Daugavpils (Latvia) have recently got a new source of money-making: teaching Russian to American service people.

Due to mass emigration from the countries of the FSU, the last three decades have seen an emergence of big groups of heritage speakers of Russian. Some of these speakers can barely use the language and are limited to everyday family conversations, but others, attending bilingual kindergartens and complementary afternoon schools created by the immigrants of the last waves, are engaged in various educational activities which lead to the acquisition of academic literacy skills in Russian. Although in this respect they fail to be on a par with their peers in the metropolis, Russian schools greatly expand the linguistic repertoire of young diasporans and help them develop some metalinguistic knowledge of the Russian language. Together with educational institutions, cultural institutions, conventional and electronic media created by émigrés, the development of tourism and the transnational connections of Russian speakers facilitate Russian-language maintenance in the diaspora. Yet deviations of regiolects from the language of the metropolis are varied and are becoming stronger with the years. Documentation of new diasporic regiolects is only beginning and is an important task for linguists.

The driving force for learning and maintaining Russian for people living outside the nation is commodification of the language. While many first-generation immigrants have retained strong symbolic ties with the language and culture of the mother country, they are becoming much less significant for the second generation. This is equally true for Russian speakers in the FSU brought up in the post-Soviet decades.

The transnational ties of Russian speakers are another factor. They are multi-directional and multipurpose, ranging from business and professional connections, to friendships and family relationships. Thanks to these ties, many businesses flourish, and scientific and social projects are implemented. Abroad, many speakers of Slavic and Baltic languages flock together with Russian speakers, feeling closer to them than to the host society.

Orientation to the norm as it exists and is imposed by Russia has weakened. In the absence of codification deviations in the diaspora have increased. The norm in Russia has also eroded. Some liberation of the language has occurred; new linguistic developments sometimes originate in the diaspora and only later reach Russia. There is still little done to document local deviations from standard Russian. Material should be collected from oral interviews, participant observation and ethnographic diaries, as well as from analysis of the linguistic landscape and local conventional and electronic media in Russian.

A folyóirat az Eötvös Loránd Tudományegyetem Bölcsészettudományi Karának támogatásával jelenik meg

The journal is published with the support of the Eötvös Loránd University Faculty of Humanities

TAMÁS KRAUSZ

Lenin on Global History and
the Global Historiography on Lenin

GYULA SZVÁK

“Russian History should be written
by Russians. Why do Hungarians
intervene in this matter?”
(Etude in micro-historiography)

FERENC HAVAS

Stalin, the Scientist.
The Debate on Marrism

**IGOR O. TYUMENTSEV,
ALEXANDER L. KLEITMAN**

Hungarians in the Gulag
(on the Memoirs of the
Design-Engineer I. A. Makhanov)

TIBOR FRANK

The Blind Eyewitness.
U.S. Ambassador Joseph Edward
Davies in Moscow, 1936–1938

RÓBERT HERMANN

‘I beg leave to kiss your
Majesty’s hand!’
About a Gesture Which
Never Happened

CHARLES J. HALPERIN

An Agnostic Approach to
Ivan the Terrible

VIKTOR SZABÓ

Quantitative Analyses of the Last
Decade of Vestnik VolSU Series
4. History, Regional Studies and
International Relations (2010–2019)

ANDRÁS BENCZE

Quaestio Rossica – Process of
Becoming Adult of a Juvenile Journal

LÉNA IGARI

Ural Historical Journal

KATALIN SCHREK

A Year in the Slavic Historical Studies
– Introduction of the Volumes
of Canadian–American Slavic Studies
in 2019

**EKATERINA PROTASSOVA,
MARIA YELENEVSKAYA,
JOHANNA VIRKKULA**

Old and New Homes of the Russian
Language in Europe

